Сергей Черемнов

ЁРШИК С АНГИНОЙ

Рассказы

2017 год

Саду цвесть!..

Название предисловия к сборнику рассказов Сергея Черемнова пришло в голову, когда бродил майским утром по крошечному своему огородишку. С горечью замечал следы обрушившейся на Подмосковье природной аномалии: ежедневный «ливневый снег», то и дело перемежаемый густыми горошинами града.

Как они, бедные, это выдержали?.. И только что начавшие распускаться цветы. И первые ростки лучка, петрушки, любистока…Всего, что Виктор Петрович Астафьев воспел в своей великолепной «Оде русскому огороду».

Это к чему я?.. К «огороду» писательскому.

Старшее поколение литераторов, принадлежность к которому начинаешь не без удивления в себе обнаруживать, если не успело ко «времени перемен» окончательно созреть, то все-таки укрепилось корнями. Ну, как ты нас собьешь с толку?.. Возможен только печальный вариант «купли-продажи».

Пушкинский творческий путь оборвался в тридцать семь лет. Одинокая дорога Лермонтова – еще раньше. Но разве нас терзает незавершенность ими оставленного?

В силу разных грустных причин нынешние мастера слова взрослеют не то что неспешно, но – чрезвычайно медленно. Неожиданный взлет почти исключен: с остановками на передых, в тяжких раздумьях одолеваем ступеньку за ступенькой, и главная цель, скорее всего – дело всей жизни, долго остается мучительно недоступной.

Знаю это не понаслышке. Испытываю на собственной шкуре.

В полной мере, убежден, сказанное выше относится и к автору сборника, который вы держите в руках. Мы с ним земляки по Сибири, по Кузбассу. Жили в соседних пролетарских городах. Он –в угольном Прокопьевске. Я в стальном Новокузнецке. Если права пословица «что ни город, то норов», то в приложении к нашим местам она права трижды. Само собой, что это накладывает на жителей неизгладимый личностный отпечаток, влияние которого, не сомневаюсь, так заметно и в прозе Сергея Черемнова.

Герои его рассказов – люди самые разные, но луч света на них направляет автор, и нам хорошо видать, чего хочет неравнодушный

«осветитель». Чего в своих героях ищет. Отчего страдает. На что надеется.

Литературная судьба была к Сергею благосклонна: из сотрудников городской шахтерской газеты, чернорабочих лошадок, привела к работе в областных и центральных властных структурах. Жизненный его опыт полон, как налитая всклень чаша. Но многочисленные сюжеты, которые преподнесла ему жизнь, он продолжает преодолевать с терпением, достойным мемуариста, не желающего упустить ни единой подробности.

Плохо это или хорошо?

И хорошо, и плохо.

Но у каждого из нас свой путь, и с него не свернуть. Коли предназначено, то – куда денешься?

Остается верить, что младшему моему другу удастся дойти до зовущих вершин. До сада, который, испытав погодные перемены, начнет, наконец, щедро плодоносить. До того самого кормящего нас «русского огорода», который воспел тоже наш сибирский земляк: Виктор Астафьев.

Упоминая о саде еще в заглавии, подспудно имел в виду и предсказанное о наших краях Владимиром Маяковским. Но вот встретилось в одном из писем святителя Игнатия Брянчанинова, еще и духовного писателя: «Мне нравятся те твои сочинения, которые вижу в утешающей меня дали твоего будущего. Я угадываю твои будущие сочинения по настоящим…»

Выразишься ли точней? Тем более, что для веры в будущее, и действительно, есть все основания.

В настоящем.

Гарий Немченко,
писатель,
г. Москва

Часть первая

Армейские истории

Бимба

Они стояли напротив друг друга - рядовой Чимитов из первого отделения и сержант Смирняк, командир отделения заправщиков. Бимба Чимитов внимательно следил узкими, превратившимися от гнева в щелочки, глазами за малейшим движением противника. Налитые кровью глаза Михаила Смирняка не выражали ничего, кроме ненависти и желания жестоко расправиться со своим противником - врагом его безраздельного господства над солдатами технического дивизиона зенитно-ракетного полка противовоздушной обороны.

А эти самые солдаты молча окружили их плотным кольцом, внутри которого должна была решиться судьба многих из них: будут ли они служить нормально или беспредел в части будет продолжаться.

В это воскресенье в дивизионе только что закончился обед и противники сошлись на площадке рядом у стены дивизионной столовой, с давних времён украшенной пожарным щитом. Офицеров на службе не было: выходной они проводят в городе, дома со своими семьями. А единственного дежурного по дивизиону офицера поблизости не наблюдалось.

Стоял прохладный день конца короткого сибирского лета, когда изнуряющая жара вдруг сменяется уже почти осенней свежестью. Но внутри живого круга из человеческих тел температура, казалось, была выше нормы. И вдруг среди тревожной тишины кто-то громко произнёс:

- Чима, давай за всех!

Смирняк резко повернулся, пытаясь разглядеть в толпе обладателя голоса, тряхнул могучими плечами...

...Когда Бимбу Чимитова призвали в армию, признаться честно, служить он не особенно хотел. Но раз пришла повестка, отправился в военкомат без лишних вопросов. Медкомиссию прошёл легко: здоровьем Бог не обидел. Он был чемпионом района по бурятской борьбе. По многолетней, заведённой ещё с детства привычке, каждое утро совершал пробежку вокруг рабочего посёлка, где родился и жил с матерью и младшим братом в своём доме с огородом. Особых друзей у него не было ни среди ребят, ни среди девичьей части посёлка. Вечера он нередко проводил в местном клубе за нехитрыми

тренажёрами, гирями и самодельной штангой или в борцовской секции.

Мать не возражала против его увлечения, тем более что тренер по борьбе хвалил её сына, ставил в пример молодежи, бесцельно болтающейся целыми днями по улицам посёлка, попивая традиционный самогон и покуривая от безденежья самокрутки, набитые местным табаком-самосадом.

Бимба рос крупным рослым парнем, ходил вразвалочку, любил поесть, и не очень любил учиться в школе. Хотя учителя отмечали в нём некое природное упрямство, которое не позволяло ему скатываться в разряд отстающих учеников, получал по многим предметам нечто среднее между твёрдой тройкой и слабой четвёркой.

Зато дома он всегда помогал матери по хозяйству, жалея её, устающую на работе на местной деревообрабатывающей фабрике, с малолетства умел убраться в доме, приготовить ужин, проследить за братом, даже с иголкой и ниткой мог ловко управиться. После девяти классов, не раздумывая, он пошёл в местное профтехучилище. "Буду слесарить на вашей фабрике, - сказал при этом матери. - Денег будет больше. Накопим, может, в Москву съездим..."

Побывать в далёкой Москве было мечтой едва ли не каждого мальчишки бурятского посёлка в те семидесятые годы. Но, когда, спустя два года, Бимба получил специальность слесаря первого разряда и был принят на фабрику учеником в бригаду слесарей, поработать ему пришлось всего несколько недель. Начался весенний призыв.

Его и ещё несколько десятков таких же, как он, пацанов поезд увозил всё дальше от столицы Бурятии, города Улан-Удэ, на запад. Офицеры, сопровождающие призывные команды, хранили молчание и на вопрос пацанов: где станция назначения? - отвечали уклончиво: приедете, узнаете.

Бимба всё время сидел у окна и следил за мелькающими полями, перелесками, населёнными пунктами, удивлялся, как много вокруг пространства. Ведь дальше райцентра да находящегося километрах в сорока Улан-Удэ побывать ещё не пришлось.

Когда пошли вторые сутки поездки, у призывника Чимитова мелькнула шальная мысль: "Может, до Москвы довезут"...

Однако уже к вечеру второго дня путешествия велели выходить на перрон с вещами, строиться. Команда стриженых пацанов - человек тридцать - неумело построилась под короткие приказы сопровождающего их капитана, повернула налево и пошагала к стоявшему невдалеке автобусу.

Они приехали в большой многолюдный город, широко раскинувшийся на плоской ладони Барабинской степи, который считается столицей Западной Сибири, а дальше за ним начинаются уральские регионы. Пока ехали в автобусе, капитан начал раскрывать им военные тайны. Положенный месячный карантин и курс молодого бойца им предстояло пройти при штабном подразделении полка противовоздушной обороны, огневые дивизионы которого, вооружённые ракетными комплексами С-75, были расположены вокруг города, прикрывая его от нападения предполагаемого противника с воздуха.

- А противник-то кто? - не по уставу перебил капитана Бимба.

Тот поморщился, ответил нетерпеливому новобранцу:

- Узнаешь в своё время... Сейчас вас направят на помывку, получите форму, потом - ужин. И - в казарму - спать, - "свернул" беседу капитан.

Этот первый вечер Бимба запомнил, кажется, на всю оставшуюся жизнь. Через этот день прошла граница между старой – гражданской – и новой – военной – жизнями.

Их привели к бане, расположенной недалеко от двухэтажной казармы, к которой примыкал большой расчерченный асфальт плаца. Приказали ждать на банном дворе.

Вскоре появился невысокий полноваты прапорщик с зачесанными назад белёсыми волосами, обнажающими большие залысины на непомерно крупной голове, и неприятно бегающими глазами. За ним следовал солдат, который толкал перед собой большую четырёхколесную тележку на резиновом ходу. На тележке высились горы гимнастёрок, штанов, синих трусов и белых маек. Пилотки и кирзовые сапоги были сложены отдельно.

Прапорщик вынул из кармана своих брюк горсть красных звёздочек и алюминиевых перекрещенных пушечных дульцев - в

петлицы гимнастёрок - и высыпал их на один из углов тележки. Сюда же сложил стопкой новенькие чистые погоны.

- Слушать меня! - перекрикивая гул голосов, обратился он к приезжим. - Я - старшина штаба полка. Сейчас вы разденетесь, подберёте себе обмундирование, сапожки. Обратите внимание на портянки, носки в армии носить нельзя. Поэтому учитесь мотать портянки, чтобы сапог не жал и не болтался при ходьбе. Берегите ноги! Потом пойдете в баню, новую обмундировку возьмёте с собой. Оденете её после помывки. У кого длинные волосы, перед помывкой - к парикмахеру. Длина причёски разрешается не больше... - он осмотрел парней и ткнул в стриженную голову Бимбы, - как у него.

Все посмотрели на Чимитова, а тот с довольной улыбкой на круглом лице переводил взгляд с одного на другого и гладил свою лысую голову.

- А наши домашние вещи куда? - спросил кто-то старшину.

- А вон – чурбак, видите, - и только сейчас Бимба обратил внимание на большой чурбак с изрубленной от постоянного употребления поверхностью. В него был воткнут широкий топор на длинном топорище.

- Гражданскую одежду изрубить на кусочки. Потом мы её сожжём в котельной, - толпа недовольно загудела.

- Может, можно домой отослать? - спросил за всех Чимитов.

- Никаких домой - всё в топку! Лично проверю. Не хватало нам тут заразы всякой нахватать! - старшина немного помолчал, потом спросил:

- Вопросы есть? Если нет, приступайте... После бани - встреча на плацу через два часа.

Он поманил Бимбу пальцем, а когда тот подошёл, приказал:

- Быстро раздевайся, подбирай форму и берись за топор. Дрова рубить умеешь?

- С детства умею! - похвалился тот.

- Вот и будешь рубить всё подряд, ничего не пропускай, следи, чтобы ничего не припрятали.

Бимба Чимитов снял с себя старенький плащ, чёрный свитерок, потёртые брюки, рубашку, носки. Остался в одних трусах. Он с

удовольствием ловил на себе взгляды парней, которые с завистью поглядывали на его спортивную фигуру, бицепсы и квадратики мышц пресса на животе.

Форму ему удалось подобрать раза с третьего - все было тесновато. Наконец, он нашёл всё по себе. Впору пришлись и сапоги с пилоткой, к которой он ловко прицепил звёздочку. Он сложил всё аккуратной кучкой возле чурбака и взялся за топор. Ребята подкладывали ему на чурбак свою домашнюю одежду. А он только успевал махать топором. Парни расставались с ней по-разному: кто со смехом, а кто-то и с тяжёлыми вздохами. Ведь не все родные догадались обрядить призывников в старенькие штаны и куртки. Кое-кто был одет не хуже, чем для похода в театр.

При этом Бимба заметил, как старшина в сопровождении рядового подходил то к одному, то к другому хорошо одетому новобранцу, отводил его в сторону, о чём-то с ним шептался. Потом парнишка снимал с себя кожаную куртку или хороший пиджак, лакированные туфли и передавал старшине. Тот отдавал это сопровождающему солдату, доставал из кармана кошелёк, отсчитывал купюры и расплачивался за покупку.

"А мне-то что, - пожал плечами Бимба. - Значит, в армии тоже имеются спекулянты. Всё как на гражданке. Раз так - не пропадём!"

Через пару часов все они вышли из бани. Парни не узнавали друг друга. То тут, то там раздавался громкий хохот. В новых, не обмятых ещё гимнастёрках, чёрных кирзовых сапогах, пилотках на стриженых затылках, все, казалось, были похожи друг на друга, как воробьи в стае.

Они со смехом рассматривали друг друга, удивляясь, как это в одночасье армия сделала всех их, разных и несхожих, такими одинаковыми и универсальными.

- Вот так фокус! - изумлялся Бимба, разглядывая сослуживцев, удивляясь одинаково торчащим из под пилоток ушам, топорщившимся на плечах чёрным погонам с буквами "СА". - Что армия с нами творит!?

Длинный весенний майский вечер клонился к ночи, на землю опускались сумерки. Они не заметили, как быстрым шагом к ним подошёл молодой высокий краснощёкий лейтенант.

- Взвод, строиться! По росту! В линейку по одному! - зычно подал он команды.

Парни засуетились, примеряясь к росту друг друга. Бимба оказался третьим справа. А когда лейтенант приказал рассчитаться на первый-второй, он был почти в самой голове колонны, которая нестройным шагом направилась в столовую.

Столы в армии вмещали по десять человек. А металлический бак, стоявший на каждом столе, содержал десять полноценных порций перловой каши или, как именовал её лейтенант, "шрапнель", которая была сдобрена крупными кусками варёного свиного сала. Бимба видел, как некоторые новобранцы воротили носы от такой еды. Сам он, привыкший дома к простому питанию, с удовольствием "умял" свою порцию, да ещё и добавки сумел заполучить. Наелся, что называется, "от пуза". И эта сторона службы ему понравилась.

Наконец, лейтенант, фамилия которого оказалась самой русской, - Иванов, привёл их на ночлег в казарму. Их ждала спальня на втором этаже, два длинных ряда двухъярусных кроватей. Бимба расторопно выбрал себе место на "втором этаже", возле окна. В казарме их снова построили, провели перекличку. Лишь после этого прозвучала, наконец, команда "отбой". Первый день службы закончился неплохо, решил Бимба Чимитов, и мгновенно уснул...

Дни, посвященные изучению курса молодого бойца, пролетали незаметно один за другим. Подъем в полседьмого утра, утренняя зарядка с пробежкой вокруг плаца, - это Бимба любил с детства. Потом следовал сытный завтрак с обязательными двадцатью граммами сливочного масла на белом ломте хлеба.

Следом шло изучение уставов Вооруженных сил СССР. Бимба узнал, что в армии есть строевой устав, устав внутренней службы, дисциплинарной службы и, наконец, устав гарнизонной и караульной службы. Кажется, в школе и ПТУ учебников было меньше. От зубрёжки того, что положено и не положено делать солдату, у него сводило челюсти.

Хорошо, что после сидения в классе для новобранцев приходило время обеда. Армейская пища была как раз по Бимбиному желудку. На приём пищи отводилось не больше получаса. Схлебать за это время глубокую миску горяченного борща, проглотить кашу с салом и запить всё это кружкой чая в первые дни во взводе новобранцев не

удавалось никому. Лейтенант Иванов, казалось, даже радовался этому, подавая команду: "Приём пищи закончить! Встать, выходить строиться!" И они на ходу дохлебывали, обжигая рот, горячее варево, расталкивали по карманам куски хлеба, чтобы украдкой сжевать его в ожидании ужина.

Уже через пару дней Чимитов понял, что с этим надо что-то делать: молодой организм, отдающий много калорий, требовал восстановления энергии по полной. И он придумал, как можно нормально справиться с обедом. Он вспомнил, что в детстве его дедушка ел суп, накрошив в него кусочки хлеба: "Быстрее остынет", - говорил он. И Бимба попробовал применить это в солдатской столовой.

Вначале соседи по столу смотрели на его действия с усмешкой. Но зато он в пять минут справился с крутым кипятком борща, уже не торопясь проглотил кашу, запив её сладковатым компотом, и в ожидании команды к окончанию обеда стал с улыбкой наблюдать за теми, кто ещё лишь доедал первое. На завтра соседи по столу, не сговариваясь, приняли его обеденную тактику к действию. Вскоре к ним присоединились и другие столы новичков.

После обеда начинались строевые занятия. Лейтенант Иванов дотошно обучал их непростому, как оказалось, искусству шагистики. По его команде они шлёпали каблуками по плацу так, что болели стопы. А лейтенант всё был недоволен. "Солдат должен овладеть строевой подготовкой также хорошо, как умеет дышать. А вы - как коровы на льду!", - выговаривал им командир взвода.

Только недели через две мало-помалу у них начало получаться: выйти из строя, пройти строевым шагом, всем взводом по команде на ходу резко повернуть, не перепутав при этом, где право, где лево...

Отличился Бимба на загородном стрельбище, куда их вывезли на крытом брезентом грузовике. Перед этим каждому выдали по самозарядному карабину Симонова. Целый день они тренировались в заряжании и разряжании оружия, прицеливании, изучали мишень. Поездка разнообразила одинаковые дни в полку. Бимба занял в кузове место у заднего борта и с интересом рассматривал улицы незнакомого города: красивые купеческие дома - в центре, многоэтажки новостроек - на окраине...

Потом они шли друг за другом по лесной тропинке светлого берёзового леса на исходную позицию. Стреляли по пять человек за один раз из позиции лежа.

Бимба Чимитов улёгся на своё место. Получил из рук лейтенанта пять патронов: два - пристрелочных, три - зачётных. По команде: "Снарядить магазин двумя патронами", - вставил их в металлическую скобку магазина.

"Вставить магазин в карабин!" - приказал комвзвода. Бимба направил оружие на мишень, установленную в ста метрах, и вогнал в него магазин.

- Первый к стрельбе готов! - громко доложил он. Следом о готовности отрапортовали и все остальные.

- Огонь! - отдал команду лейтенант. Сразу же щелкнули два выстрела.

Бимба не торопился, устроился поудобнее, снял карабин с предохранителя, посмотрел на прицельную планку и установил её на отметку в сто метров. Резко дернул затвор, посылая патрон в патронник. Он вдруг почувствовал, как внутри него просыпается какое-то ранее незнакомое чувство охотника, от которого выровнялось дыхание и, кажется, кровь потекла чуть медленнее, а взгляд стал острее и зорче. Бимба хорошо видел мишень с изображенной на ней человеческой фигурой, не спеша прицелился, крепко прижав приклад к плечу, плавно потянул курок. На звук выстрела он даже не обратил внимания. Выстрелил еще, и был уверен, что пули попали, куда надо.

Убрав палец со спускового крючка, он поставил оружие на предохранитель, доложил:

- Первый стрельбу закончил, - и его доклад прозвучал последним в цепи стрелков.

- Разряжай, - приказал лейтенант Иванов. Солдаты выдернули пустые магазины, отвели и отпустили затворы, щелкнули незаряженным курком. Встали, предъявили оружие к осмотру.

Лейтенант, вооружившись карандашом, побежал к мишеням. На четыре глянул мельком, Бимбину долго разглядывал, приложился к ней карандашом. Потом вернулся на исходную позицию.

- Все - в молоко, - объявил он стрелкам. - А рядовой Чимитов выбил десятку и девятку. Ты где стрелять учился?

- Нигде, - улыбаясь, ответил Бимба. - Само как-то получилось...

Потом им выдали по три зачётных патрона. Чимитов снова выбил две девятки и десятку, отстрелялся лучше всех во взводе.

Впрочем, когда возвращались в часть, и Бимба вновь со своего места из-под брезента рассматривал оживлённые вечерние улицы, он вдруг неожиданно вспомнил, как когда-то, в далёком детстве, мама рассказывала ему историю их семьи: его прадед, дед и рано ушедший из жизни отец, - все были прирождёнными охотниками…

Вечером, в казарме, на вечерней поверке комвзвода приказал ему выйти из строя и объявил благодарность за отличную стрельбу. Парни с уважением смотрели на своего товарища, а после команды "разойдись", по очереди жали ему руку.

Через два дня произошло событие, которое ещё укрепило авторитет Чимитова во взводе новобранцев.

Дедовщину в полку пресекали жёстко. В случае, если "старослужащие" привязывались к "молодым", наказание следовало неотвратимо. Все подобные происшествия тщательно расследовали, наказывая виновных, как минимум, гауптвахтой. Поэтому первые несколько недель новички не сталкивались с грубостью "дедов". Но однажды трое солдат полка, отслуживших уже по полтора года и готовившихся к скорому "дембелю", напились после отбоя. И решили покуражиться. Они принялись по очереди будить новобранцев и выяснять с каждым отношения в комнате для умывания. Уже человека три из новеньких вернулись в свою спальню, размазывая слёзы и потирая рёбра, ушибленные крепкими кулаками, когда очередь дошла до Бимбы.

Он проснулся от резкого толчка в бок, услышал шёпот:

- Быстро встал и - за мной!

Чимитов спрыгнул на пол со своего второго яруса и босиком поплёлся за разбудившим в умывальник, спросонья ничего не понимая.

- Дверь за собой закрой! - приказал ему высокий - выше его на полголовы - светловолосый сержант в расстёгнутой до пупа гимнастёрке.

- Ну что, служба мёдом кажется? - спросил его, уже окончательно проснувшегося и начавшего соображать, что к чему,

другой, прислонившийся к подоконнику, поменьше ростом, но поплотнее в плечах, с лычками ефрейтора на погонах. - Ну-ка, встал на колени, киргиз узкоглазый - приказал он.

А тот, что привел Бимбу, тоже сержант, толкнул его в спину:

- Ты, что, не понял, молодой?!

- Парни, вы чего? - заулыбался примирительно Бимба им в ответ. - Во-первых, я из Бурятии. А во-вторых, ночь на дворе, ночью спать надо...

- Ах, ты, умный какой, из Бурятии... - на нетвёрдых ногах, вплотную подошёл к нему высокий, дыша в лицо перегаром. - Приказов не понимаешь? Сейчас мы тебя научим! - он замахнулся кулаком. Чимитов перехватил его руку, заломил её парню за спину и тычком отправил его на пол.

- Ты чё, молодой, оборзел?! - вскочил с места ефрейтор. - Дедов обижаешь! - он принял боксёрскую стойку и начал подступать к Бимбе слева, а второй сержант - справа. Бимба мгновенно оценил противников. И ударом левой ноги отправил в нокаут сержанта, который, описав в воздухе дугу, приземлился прямо на фарфоровую раковину умывальника. Та с грохотом разлетелась на куски. Бросившегося на него крепыша-ефрейтора он уложил на пол ударом локтя в солнечное сплетение.

Тут дверь умывальника с грохотом распахнулась, и в комнату влетел дежурный офицер, из-за его плеча выглядывал дневальный. Именно он и поднял тревогу, услышав шум на втором этаже.

Половину ночи Бимба провёл в офицерской, описывая в рапорте случившееся. Это же самое делали и пострадавшие новобранцы, которых подняли с постели. Пьяным служакам не повезло, для них история закончилась гауптвахтой. А авторитет Чимитова среди "молодых" вырос.

Но долго почивать на лаврах ему не пришлось. Через несколько дней новобранцы давали воинскую присягу. Дело было на плацу. Новобранцев и всех свободных от полковой службы выстроили перед командованием части. Бимба в парадной форме жалел о том, что его сейчас не видит мама.

А когда он произносил слова: "Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил,

принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином...", - голос его задрожал от волнения, но он справился с ним, и уверенно дочитал клятву воина.

Им объявили назначения в дивизионы или, как принято было говорить, на "точки". Бимба и ещё трое ребят из их команды попали в технический дивизион.

…Так он оказался вдали от города, за периметром большого - в несколько гектаров земли - прямоугольника, обнесённого колючей проволокой. Здесь предстояло почти два года служить и жить в одноэтажной деревянной казарме.

Чима, так коротко стали именовать его солдаты, уже знал, что предназначение техдивизиона - обслуживать огневые дивизионы полка. Эту задачу выполняли офицеры, сержанты и солдаты дивизиона. У техников в специальных ангарах хранились ракеты и части к ним - запасной полковой боекомплект. В любую минуту - по команде - им предстояло оснастить разобранные ракеты всем необходимым, заправить топливом, погрузить на специальные прицепы и доставить "огневикам" на пусковые установки.

Бимба был зачислен в первое отделение - в расчет контрольно-передвижной испытательной станции или коротко - КИПС. Главная задача кипсовиков заключалась в том, чтобы проводить регулярные - раз в три месяца - проверки бортовой аппаратуры ракет, которые стоят на боевом дежурстве на пусковых установках в огневых дивизионах. А в другое время отделение, как и все остальные, тянуло повседневную лямку солдатских будней.

Конечно, самыми трудными были первые дни и недели привыкания к новой обстановке. Казарма, по сравнению с полковой, казалась простоватой, обставленной с суровым минимализмом.

Жизнерадостный по характеру, Бимба не унывал от однообразия дивизионной жизни. Наряды в караул, дежурство по казарме и кухне, тренировки в расчёте кипсовиков, перемежались приёмами пищи. А кормили здесь даже лучше, чем в полку: Чима с удовольствием съедал доппаёк. Во всём этом он умел находить светлые стороны службы.

Однако так к солдатской жизни на "точке" умели относиться далеко не все. Многие солдаты испытывали депрессию от долгой жизни в замкнутом пространстве. Поэтому рядовые, особенно,

первогодки, сразу потянулись к нему, и он умел находить для каждого простые слова, настроить на оптимистическую волну. Им импонировала его добродушная улыбка и вообще весь его крепкий вид, казалось, придавал сослуживцам новых сил.

Хотя дивизионный старшина Василий Кожемяка, сам богатырского роста, вначале отнесся к новичку Бимбе Чимитову с недоверием. В один из вечеров, отведённых солдатам для так называемой самоподготовки, которую, обычно использовали для написания писем домой, он отвёл Чимитова за казарму и рокочущим басом строго спросил:

- Ты чего светишься весь, как новый пятак? Хочешь у нас свои порядки установить? - Чимитов растерянно покачал головой.

- Знаю я тебя, - продолжал старшина. - Наслышан о твоих подвигах в полку. Здесь я тебе драться не дам. У нас - никакой дедовщины! Или познакомишься вот с этим, - и он поднёс к лицу солдата кулак размером с пивную кружку.

- Да, я - ничего, - улыбнулся в ответ своей обезоруживающей улыбкой Бимба. - Они первыми начали, солдат били. Вот я и ввязался. А так, я и сам дедовщину ненавижу...

Летняя жизнь в дивизионе отличалась от зимней. Летом, несомненно, было лучше. Можно было - в короткие минуты отдыха - растянуться на траве и глядеть в бездонное голубое небо. Можно на специально отведённой площадке длинным летним вечером покурить с товарищем под воспоминания о доме. Можно просто ходить на свежем воздухе в одной гимнастёрке. Зарядка летом переносится легче, чем зимой. А кроссы, которые старшина устраивает каждое воскресное утро, летом не кажутся такими бессмысленными.

Говорят, летом легче и отвыкать от дома, втягиваясь в армейское существование. Одно плохо, летние дни пролетают быстрее, чем зимние...

Короткое сибирское лето начало входить в силу, когда в дивизионе объявился сержант Михаил Смирняк. Из учебной части его - по каким-то неизвестным причинам - досрочно направили в действующее военное формирование. Так он попал в технический дивизион, причём, на должность командира отделения заправщиков ракет.

Это был крупный широкоплечий парень, белокурый альбинос с крепкими мускулами, бесцветными бровями и ресницами, отчего его глаза были похожи на глаза подозрительного поросёнка. От его пронзительного немигающего взгляда многим в дивизионе делалось не по себе.

Первые несколько дней он провёл в абсолютном молчании, лишь односложно отвечая на вопросы командиров, а равных себе или ниже по званию вообще не удостаивал ответом.

Однажды он подошел к Чимитову и презрительно спросил:

- Ты что ли "держишь" тут всех?

- Как это, держу? - улыбнувшись, не понял Бимба.

- Не придуривайся! И на тебя сила найдётся... - бросил ему Смирняк и отошёл от растерявшегося солдата.

Вечером того же дня Бимба видел, как новый сержант подозвал в казарме одного из своих подчиненный, показал на свои сапоги и приказал до блеска их начистить к утренней проверке. А когда солдат попытался отказаться, двинул ему кулаком в живот так, что тот согнулся пополам, хватая ртом воздух. А Смирняк медленно разулся, передал ему свои сапоги, и солдатик, понурив голову, отправился в умывальную комнату, где был отведён угол для чистки обуви.

Чимитов тогда ничего никому не сказал, решил не вмешиваться в жизнь другого отделения. Инцидент видели и другие солдаты, однако и они промолчали по принципу: раз тронули не меня, значит, это не моё дело.

Атмосфера в дивизионе начала постепенно меняться и - не в лучшую сторону. Вначале все заметили, как сменилось настроение военнослужащих отделения заправщиков. Они погрустнели, глаза у ребят потухли, в них затаился страх. То у одного, то у другого солдата начали появляться синяки и шишки, причём, на таких участках тела, на которых эти следы можно было обнаружить только вечером, когда они раздеваются перед сном. А днём офицеры этого под одеждой не увидят.

Чимитов вечерами в казарме подходил то к одному, то к другому, спрашивал, что случилось. Ответ всегда был стандартным: ударился на тренировке. Парни отводили глаза, бросали испуганные взгляды на Смирняка. А тот свирепо посматривал на подчинённых, при этом

методично сжимая и разжимая кулак поднятой вверх правой руки. Однажды он надвинулся на Бимбу и, не глядя на него, спросил:

- Ты, Чима, чего лезешь не в своё дело? Чего моих сопляков допрашиваешь? Не лезь, а то...

- А то - что? - улыбаясь своей простодушной улыбкой, перебил его Бимба.

- А то глаза совсем перестанут раскрываться! - презрительно бросил он и, демонстративно оттолкнув Чимитова, направился тяжёлой походкой к своей кровати.

В глазах у Бимбы сверкнул и погас огонёк, он долго смотрел сержанту в спину...

Однажды во взводе заправщиков случилось ЧП. Там служили два брата-близнеца из Узбекистана - Хасан и Хусен. Они были так похожи, что их постоянно путали. И они частенько безобидно пользовались этим. Солдаты подшучивали над ними, вечно переспрашивали: "Ты - Хасан или Хусен?" А те, довольные вопросом, смеясь, называли себя.

Смирняку это надоело, и он положил конец этим шуткам самым бесчеловечным способом. Он вызвал Хусена и приказал немедленно сбегать на позицию, где установлены ёмкости для заправки ракет, и замерить уровень окислителя в баке.

Реактивный двигатель ракеты заправляется двумя компонентами: горючим и окислителем. Взаимодействуя между собой, они выделяют огромное количество тепловой энергии, которая движет ракету к цели. Роль окислителя выполняет высококонцентрированная азотная кислота - эта дымящаяся на воздухе жидкость бурого цвета. В ней растворяются многие металлы, а для человека она очень опасна: обжигает дыхательные пути, кожу, оставляя на ней долго незаживающие язвы. Поэтому работать с окислителем можно только в спецкостюме, перчатках и противогазе.

Смирняк же так "рявкнул" срочное приказание солдату, что тот помчался выполнять задание, в чём был - в гимнастёрке.

Он, запыхавшись, подбежал к баку, взлетел на мостки, с которых можно достать до горловины ёмкости, откинул крепления и открыл крышку. Заглянуть внутрь он не успел, так как над баком взметнулся клуб бурого тумана ядовитых кислотных испарений. Хусен отпрянул,

заверещал не своим голосом, вмиг оказался на земле, катаясь по траве от боли, зажимая правой рукой обожженную левую щеку и тряся обожжённой ладонью левой руки.

На крики сбежались солдаты, тренирующиеся на других позициях. Появились озабоченные офицеры. Но первым до пострадавшего добрался Смирняк: "Сам виноват, нарушил технику безопасности. Кто тебя просил лезть туда без костюма? Скажешь по-другому, убью! - хрюкающе-свистящим шёпотом сквозь зубы процедил он. И так приложился кулаком к солдатским рёбрам, что тот на мгновение вообще отключился.

Хусена отправили в госпиталь. Провели разбирательство, по которому вышло: сам виноват, грубо нарушил технику безопасности. Смирняку сделали замечание, приказав усилить тренировки личного состава отделения. И он, рад стараться, гонял подчинённых до обмороков, из которых выводил их тычками кулака или пинками под рёбра.

А вернувшийся недели через три из госпиталя Хусен был молчалив, затравленно озирался при каждом громком звуке, а при виде Смирняка едва не падал в обморок от страха. На своего брата-близнеца Хасана он теперь совсем был не похож: левую половину лица покрывали розовые струпья от сильного ожога. Остались глубокие шрамы и на левой ладони. Братья совсем разучились смеяться.

За короткое сибирское лето общее настроение в части изменилось. Неладное в дивизионе чувствовали и офицеры. Только солдаты напрочь отрицали все их подозрения, молчали и командиры отделений: кто был запуган, а кто не хотел связываться на свою голову, рассуждая: днём командиры в части, а на ночь же уезжают домой, в город. Большинство своих нечистых дел Смирняк творил именно ночью.

А Смирняк ходил по дивизиону гоголем. Он даже на офицеров стал посматривать свысока. Здоровяк старшина Василий Кожемяка пытался "вернуть" его с небес на землю, напомнив, что в армии надо жить по уставу. "Тебе надо - ты и живи!" - нагло парировал тот. И, не дожидаясь разрешения, покинул каптёрку старшины.

Солдаты стирали и утюжили его форму, ежевечерне чистили его сапоги, пришивали чистый подворотничок. Он при офицерах делал

вид, что ни при чём, что добровольцы делают это по собственному желанию, из уважения к сержанту. Однако в казарме всегда внимательно следил на тем, насколько тщательно подчиненные "обихаживают" его. И если ему казалось, что кто-то делает это недостаточно тщательно, следовало жестокое наказание. Нередко он вызывал провинившегося, по его мнению, военнослужащего после отбоя в умывальник и наказывал ударами пряжки ремня по мягкому месту. От него начало доставаться и солдатам других отделений.

Но наиболее нагло Смирняк начал вести себя в столовой. Там он запросто забирал у сидящих за одним с ним столом себе в тарелку любую понравившуюся пищу, оставляя солдат без масла, котлет, мяса, на голодном пайке. Те расстраивались буквально до слёз.

Уже не раз и не два к Бимбе Чимитову подходили сослуживцы и, испуганно озираясь, просили помощи. "Как служить дальше? Что с этим делать?" - спрашивали они его. А он, обычно улыбчивый с ними, всё реже улыбался в ответ, понимая, что добром всё это не кончится.

...Наконец, день "икс" наступил. В этот воскресный день обед в столовой шёл на редкость спокойно. Смирняк куда-то запропал. И солдатам, сидевшим за столом вместе с ним, в этот раз повезло поесть не только каши, им достался и воскресный доппаёк.

К концу трапезы они повеселели к даже начали шутить, что их сержанту сегодня не повезло: пропустил вкусный обед. Как вдруг из внутренних помещений кухни в обеденный зал выкатился толстоватый невысокий повар - ефрейтор Самвэл, он громко возмущался, размазывая по лицу кровь, сочившуюся из разбитого носа.

Это было так неожиданно, что несколько солдат вскочили со своих мест, кинулись к нему, спрашивая, что случилось? Самвэл, путая русские и армянские слова, начал сбивчиво рассказывать, что к нему на кухню пришел сержант Смирняк, потребовал дать ему на обед то, что повар готовит на завтра для офицеров. Когда тот отказался, Смирняк швырнул его на пол, оглушив ударом по голове, открыл дивизионный холодильник и начал есть всё подряд из офицерского пайка: колбасу, копчёное мясо, икру. Когда очнувшийся Самвэл пытался закрыть холодильник, он избил повара, разбил ему нос.

Столовая молча слушала откровения ефрейтора и не заметила, как в обеденном зале оказался Смирняк. Он незаметно подкрался к Самвэлу сзади и коротким резким ударом в поясницу заставил

замолчать. Самвэл скорчился от боли, согнувшись пополам. Столовая тихо зароптала.

- Ну-ка, заткнулись все! - Смирняк обвёл солдат своими маленькими свиными глазками. - Кто ещё хочет попробовать моего кулака? Может, ты, бурят, хочешь? Я давно к твоей роже присматриваюсь? Она мне не нравится!

- А я - к твоей! Она мне тоже не нравится! - вдруг в тон ему ответил сидевший за столом у окна Бимба.

- Что? Что ты сказал, рожа? - Смирняк бросился к Чимитову. Тот мгновенно вскочил, принял оборонительную стойку, крикнул:

- Не здесь! Давай - не здесь! Выйдем на улицу!

Смирняк остановился, опустил кулаки:

- Давай, выйдем... - и пошёл к выходу. Чимитов - за ним. Следом на улицу высыпали солдаты. Они кольцом окружили противников.

Смирняк вдруг молниеносно кинулся к Бимбе, схватил его за ремень и воротник гимнастёрки и бросил на землю. Чимитов грохнулся об асфальт и на миг потерял ориентацию. Но уже через мгновение пришел в себя, начал подниматься, отряхиваясь от пыли.

Он понимал, что Смирняк сильнее его, что так просто его не одолеть. Однако Бимба знал и то, что он должен сегодня раз и навсегда остановить этого наглого, перешедшего все пределы, сержанта-кабана, как втихаря окрестили его солдаты. "Надо спасать дивизион", - мелькнуло в голове.

...Они стояли напротив друг друга - рядовой Чимитов и сержант Смирняк. Бимба внимательно следил за малейшим движением противника. И вдруг кто-то громко произнёс:

- Чима, давай за всех!

Смирняк резко повернулся, пытаясь разглядеть в толпе обладателя голоса, шагнул к кольцу солдат, выхватив одного из них, замахнулся кулаком. Солдат от страха громко закричал не своим голосом. Чимитов будто очнулся от этого крика, начал оглядываться в поисках какого-нибудь подручного средства.

- Ломик дай! - негромко попросил он ближайшего к нему солдата.

- Что? - не понял тот.

- Дай ломик с пожарного щита!

Солдат оглянулся, поискал глазами висящий на стене небольшой лом, раскрашенный красной краской.

- Быстрее! - торопил Бимба, а сам продолжал внимательно следить за Смирняком, занятым расправой над сослуживцем. Он крепко сжал правой рукой протянутый ломик и начал неслышно подступать к Смирняку, стараясь быть вне поля его зрения. А тот, занятый выкручиванием руки посмевшего подать голос солдата, вдруг почувствовал неуловимое движение за спиной, отпустил орущего парня, однако повернуться к Бимбе не успел. Тот со всего маху ударил его ломом по правой щеке. На мгновение глаза сержанта выкатились из орбит, потом его взгляд помутнел, и он без чувств навзничь рухнул на землю.

Толпа загалдела. Чимитова обступили со всех сторон, радостно похлопывая по плечам, спине...

- Стойте, стойте! - крикнул он. - Быстро разойдись! Никто из вас ничего не видел!

Толпа махом рассосалась по территории, кто-то исчез в казарме. Самвэл закрылся на своей кухне.

Бимба осмотрел Смирняка, положил руку ему на грудь, уловив биение сердца. Нижняя челюсть сержанта с правой стороны увеличивалась прямо на глазах. "Кажется, живой..." - прошептал Бимба.

Он вытащил из нагрудного кармана чистый носовой платок, тщательно протёр инструмент и вернул его на своё место на пожарном щите. Потом осмотрелся - вокруг не было ни души. И покинул поле боя.

Смирняка возле столовой обнаружил дежурный офицер. Лейтенант шёл на обед, распространяя вокруг себя аромат паров технического спирта, и наткнулся на распластанное тело сержанта. Он поднял тревогу, вызвал дивизионного фельдшера, который с помощью напитанной нашатырём ватки вывел потерпевшего из глубокого нокаута. Смирняк долго тряс головой, приходя в себя, что-то неразборчиво мычал в ответ на вопросы дежурного, морщился, прикасаясь к раздувшейся щеке.

Лейтенант по телефону доложил о ситуации командованию дивизиона, получил "добро", чтобы направить Смирняка в полковой госпиталь. И вскоре дивизионная дежурка увезла сержанта в город.

Солдаты молча издалека наблюдали за всеми этими действиями. К дежурному офицеру никто не подошёл. А когда лейтенант попытался сам найти свидетелей случившегося и начал поочерёдно - то одному, то другому - задавать вопросы, ответы были одинаковыми: ничего не видели, ничего не знаем.

Вечером в казарме на удивление было тихо. Солдаты в "красном уголке" молча писали письма домой, чистили сапоги и приводили в порядок форму, подшивали свежие воротнички к гимнастёркам, курили в курилке. Всё - молча. Только многозначительно обменивались взглядами.

На следующий день, в понедельник, командир технического дивизиона, высокий нескладный полковник Заикин, как всегда с "помятым" после выходного красноватым лицом, приказал старшине Кожемяке построить на плацу личный состав.

- Солдаты! - обратился он к строю, - вы знаете, что у нас произошло ЧП. У сержанта Смирняка сложный перелом нижней челюсти. Пострадавший показывает, что сам споткнулся и упал, ударился об асфальт и потерял сознание... Лично я этому не верю! Тому, кто видел, что случилось с сержантом, приказываю выйти из строя!

Строй стоял, не шелохнувшись. Подождав немного, Заикин с офицерами ушёл в казарму, приказав старшине добиться от солдат правды. Василий Кожемяка почти два часа ходил взад-вперёд перед военнослужащими, внезапно останавливаясь то перед одним, то перед другим, тыкал в него пальцем:

- Рядовой, знаешь что-нибудь о происшествии?

- Никак нет, товарищ старшина! - следовал стандартный ответ. Ничего не добившись, Кожемяка, в конце концов, отправил личный состав на обед.

Прошло два дня. О случившемся со Смирняком в дивизионе старались не вспоминать. Будто сговорившись, солдаты наложили табу на эту тему.

В четверг в дивизион прибыл следователь военной прокуратуры. Он долго беседовал с лейтенантом, который дежурил в тот злополучный день. Лейтенант подробно рассказал, где нашёл лежащего без чувств сержанта, как привёл его в себя. Но о том, как всё случилось, ничего не мог показать. Не видел, и всё тут!

Три дня следователь допрашивал солдатско-сержантский состав дивизиона, вызывая по одному человеку в офицерскую комнату. В двух десятках протоколов допросов были одни и те же показания: ничего не видел, ничего не знаю. В субботу вечером следователь уехал в город.

В этот же день после ужина Бимбу вызвал к себе в каптёрку дивизионный старшина Кожемяка.

Он сидел за письменным столом.

- Садись, - разрешил он сержанту. А когда тот присел перед ним на уголок стула, старшина принялся долго и внимательно вглядываться в его лицо. Чимитов был спокоен, как обычно, улыбался в ответ Кожемяке, щуря свои раскосые глаза.

- Значит, говоришь, не знаешь, что случилось? - спросил, наконец, старшина.

- Вы о чём, товарищ старшина? - непонимающе переспросил Бимба.

- Я о Смирняке... - усмехнулся тот.

- А, - протянул Бимба. - Да нет, не знаю. Полковник сказал, что он упал по неосторожности. Осторожнее надо быть! - многозначительно произнёс солдат.

- А ведь я знаю, что это твоих рук дело, - заявил вдруг Кожемяка. - Знаю, знаю, - добавил в ответ на то, как Бимба отрицательно покачал головой. - Больше некому! Получить такой перелом при падении нельзя, - прав следователь. Вот только, как ты его, чем? Такого кулаком не прошибёшь!

- Не пойму, о чём вы? Он сильнее меня, однозначно, - Чимитов уставился в пол, помолчал, а потом добавил. - Хотя, поделом ему...

- Я тоже думаю, поделом, - басовито поддержал Кожемяка. - Не зря говорится: Бог шельму метит!

Они посидели молча, время от времени обмениваясь взглядами.

- Значит, так, - не выдержал, наконец, старшина. - Решено: дело не возбуждать, ведь это - несчастный случай. Тем более, и сам пострадавший так говорит. Однако на всякий случай его после госпиталя переведут в другой дивизион. Для верности. Ведь у него тройной перелом нижней челюсти. Не скоро сможет поесть нормально... Так что иди, расскажи ребятам, пусть расслабятся. И больше чтобы никакой дедовщины! - бухнул Кожемяка своим огромным кулаком по столу.

- Есть, никакой дедовщины! - подскочил Чимитов. - Разрешите идти?

- Иди, защитник угнетённых, - вставая, хлопнул его по спине старшина. - Да - не попадайся!

Бимба выскочил из каптёрки, почти бегом заскочил в курилку. Здесь стоял дым коромыслом: после ужина считалось святым делом выкурить беломорину или сигарету "Прима". Говорившие о чём-то солдаты умолкли на полуслове, уставившись на Чимитова.

- Смирняка после госпиталя переводят в другой дивизион! - выпалил он в ответ на немой вопрос сослуживцев. Они обмерли от такой сногсшибательной новости, выпустили из лёгких новые клубы дыма и дико заорали в едином порыве: "Ура! Чима! Ура!"

А Бимба пошёл в умывальник, умыл лицо, тщательно тёр мылом руки, будто смывая с них въевшуюся невидимую грязь. А потом отправился в спальню, надеясь сегодня лечь в постель пораньше...

Жареная картошка

Больше всего на свете во время срочной службы в армии хочется поесть жареной картошки. Почему-то она здесь запрещена, причём не уставами армейской службы, а какими-то установленными традициями, существующими в армейской иерархии: нельзя - и всё!

Как известно, то, что запрещено, кажется желаннее всего. Это курсант Виктор Чернов давно почувствовал на себе. Пока он проходил службу и постигал тонкости военной специальности в учебной части в Иркутске, кормёжка была - так себе. Картошку, конечно, давали на гарнир. Не чаще пары раз в месяц. При этом Виктор быстро узнал, как этот гарнир появляется.

Когда взвод, в котором он служил, в первый раз получил наряд на кухню, это прозвучало обнадёживающе. И он, и его сослуживцы синхронно подумали об одном и том же: может, удастся подхарчиться. Недавно вырванным из нормальной гражданской жизни, им не хватало армейских обедов из бесконечных капустных щей да разной каши: перловой, пшённой, овсяной, - добротно сдобренной большими кусками свиного вареного сала. Редко бывала любимая всеми толчёная картошка, и это само по себе было маленьким гастрономическим праздником.

Вот и подумали, что раз на кухню – значит рядом будет доступная еда. Разочарование ждало с первых же минут наряда. Их рассадили на кухонном дворе вокруг обычной большой чугунной ванны, наполненной водой. Стоял теплый весенний вечер конца мая. Вокруг высились кучи грязной нечищеной картошки. Кухонный рабочий кавказской внешности с лычками старшего сержанта поставил простую, на первый взгляд, задачу: на завтра, чтобы наварить щей и приготовить "толчёнки" на всю тысячу курсантов, служащих в учебке, надо начистить полную ванну картошки. Сделаете дело - отправитесь спать...

Во взводе числилось тридцать человек. Вроде бы, задача вполне посильная. Но тут же выяснилось, что больше половины молодых парней, на которых военная форма сидела ещё неловко, будто не по размеру, ни разу в жизни не чистили картошку. А из другой половины умеющих - треть делает это из рук вон плохо. Чистить же клубни необходимо было тщательно, выковыривая все глазки и обрезая любое темное пятнышко.

То, что задание было не шуткой, подтверждали действия кухонного сержанта. Он время от времени появлялся возле ванны, зачерпывал большим ковшом уже очищенный картофель, вываливал его на большой металлический лист и тщательно перебирал. Находил брак и заставлял солдат переделывать работу заново.

Виктор хорошо умел чистить картошку с детства: как-то незаметно научили этому родители, которые с малых лет приучали готовить пищу. Чернов с удивлением и смехом наблюдал за своими товарищами, которые, видно по всему, первый раз в жизни взяли в руки нож и картофельный клубень. Эти пробовали просто обрезать от картошки куски с кожурой - выходил маленький кубик чистой картошки, зато отходов была целая гора.

Словом, тот наряд дался взводу нелегко. Закончили наполнять ванну как раз минут за пять до команды "Подъём". Так что спать не пришлось - начался обычный армейский день, заполненный в учебке под самую завязку.

Той ночью Виктор и узнал "железное" армейское правило: в армии жарить картошку запрещено. Это втолковал им кухонный рабочий в ответ на их предложение пожарить её немного, чтобы унять урчание в солдатских желудках в течение всего позднего наряда. Так что, вопреки ожиданиям, подхарчиться на кухне в тот раз не пришлось. Как, впрочем, и в последующие подобные наряды, которые выпадали по два раза в месяц за полгода службы в учебке...

Всё это Виктор с юмором вспоминал, когда его, после учебки получившего воинское звание сержант, "распределили" в технический дивизион зенитно-ракетного полка, огневые дивизионы которого, оснащенные средневысотными ракетными комплексами С-75 класса земля-воздух, охраняли небо большого города, широко раскинувшегося среди бескрайней равнины Барабинских степей в Западной Сибири.

После многолюдной учебки в дивизионе было тихо и малолюдно. Из пяти десятков обитателей дивизиона половину составляли офицеры, которые проводили здесь только дневное время суток, а на ночь уезжали в город к своим семьям. Солдатская часть дивизиона была разделена на три отделения: водителей тягачей, заправщиков ракетных двигателей и отделения кипсовиков - специалистов контрольно-измерительной передвижной станции, с помощью которой

проверяли исправность бортовой аппаратуры ракет. В первый же день пребывания в дивизионе Виктора назначили командовать именно этим отделением.

Народу в части было немного, а ежедневных нарядов, наоборот, немало. Каждый день надо было нести дивизионный караул, а это - два поста по три смены часовых, плюс - начальник караула да замначкара. Каждый день кому-то выпадало дежурить и по казарме, а кому-то и по кухне. Хотя здесь надо было чистить картошки гораздо меньше: на сутки хватало три ведра очищенных клубней.

Так что, как любил приговаривать дивизионный старшина, огромный сибиряк Василий Кожемяка: "У нас солдат через день берёт на ремень!" Имея в виду, что одну ночь рядовые и сержанты спят в казарме, вторую - бодрствуют в караульном помещении или "на тумбочке", как именовали пост по охране казармы.

Но и в дивизионе было запрещено жарить картошку. Об этом сержанту Чернову заявили уже в первые дни новой службы, когда он осторожно поинтересовался в один из обедов: а нельзя ли жареной картошечки?

"Што ти! - ответил, разводя руками, дивизионный повар Самвэл армянского происхождения. - Какая жарыная карточка, да!? Нельзя, да, старшина за этим слидит строга, да!"

На этом вопрос вроде бы считался исчерпанным. Однако недаром говорят, что, если нельзя, но - очень хочется, то можно...

Это Виктору объяснил его новый подчиненный - рядовой Чимитов. Бимба Чимитов прибыл в дивизион прямо из Бурятии полгода назад. Крепкий, выше среднего роста, с фигурой борца, он пользовался авторитетом в дивизионе: не каждый старослужащий соглашался связываться с ним. У Чимитова, или по-армейски просто Чимы, было круглое лицо с хитрыми раскосыми щелочками-глазами, с которого не сходила благодушная улыбочка. Чима сразу принял уставное старшинство Чернова, долго удивлялся, как это "товарищ сержант", получив высшее образование, оказался в такой дыре, как этот технический дивизион?! Чуть выше среднего роста, худощавый светловолосый Виктор привлекал его своим внутренним спокойствием и философским добродушием.

- И ты, командир, действительно не смог "откосить" от армии? - развёл Чимитов руки.

- Не смог! Поэтому служить будем вместе... - похлопал по его широкому плечу Чернов.

- Сержанта слушать во всём! - авторитетно заявил Чимитов кипсовикам. И добавил:

- Иначе будете иметь дело со мной персонально, - и он весело засмеялся своим же словам. - А жареную картошку мы едим в карауле. Там она вкуснее получается.

- Как это? - удивился Виктор.

- Сам увидишь, - отмахнулся Чима.

... В караул Виктора направили не сразу. Вначале он побывал в наряде по кухне, потом получил наряд на суточное дежурство по казарме. После этого его, уже немного освоившегося и начинающего привыкать к специфической дивизионной жизни, направили в караул, составленный их солдат разных отделений. В первый раз - часовым на пост номер один, который располагался на высокой застекленной караульной вышке, стоявшей в одном из четырёх углов большого квадрата дивизионной территории.

Виктора немало удивило, что на вышке, помимо полевого телефона для связи с караулкой, находился старенький матрас и несколько старых шинелей были свалены в кучу в углу. "Неужели здесь можно заснуть?" - подумалось ему, слегка испуганному обступившей со всех сторон темнотой и тишиной.

Тогда, хмурой октябрьской ночью, Виктор до рези в глазах всматривался с вышки в осеннюю темноту: все казалось, что вдоль колючей проволоки, опутавшей дивизион по всему периметру и высвечиваемой яркими прожекторами, происходит какое-то движение. О сне не было и речи.

Потом, при дневном свете, он разобрался, что это колыхались на ветру возле "колючки" высокие высохшие кусты репейника. Часовой с поста номер два, прогуливавшийся по земле в другом углу дивизиона, помахал ему рукой. От этого приветливого жеста ночные страхи показались просто смешными.

Второй раз его назначили в караул помощником начальника караула. В его обязанности входило разводить "свежих" часовых на посты, чтобы сменить тех, кто отстоял свои положенные два часа. И, наконец, ему поручили быть начальником караула.

Вот тут-то и пришло время жареной картошки.

В этот раз в караул направили отделение кипсовиков в полном составе. По заведенному распорядку в восемь вечера они приняли караульное помещение у предыдущей смены: пересчитали топчаны, книги с текстами уставов караульной службы, ложки, кружки, металлические тарелки.

- А сковорода на месте? - спросил у уходящего начкара Чимитов.

- А где же ей быть?! Как обычно, под стрехой, - ответил тот. А потом повернулся к Виктору, - Кожемяка сегодня зверел. Проверил пост на вышке. Повыкидывал оттуда всё - матрас, шинели. Шумел на всю округу. Вам-то повезло: сегодня на дежурство по дивизиону заступает замкомдив Серёгин. Нормальный мужик! Не то что Кожемяка или лейтенант Литвинец... Не дай Бог! Вы, как картошки нажарите, Серёгина позовите, придёт обязательно, - дал Виктору бывалый совет закончивший наряд начкар.

Майора Серёгина в дивизионе любили как родного отца. Боевой офицер, он со своим огневым дивизионом прошёл все тяготы вьетнамо-американской десятилетней войны, закончившейся в середине 1970-х годов, которые наложили на него свой отпечаток. Он всегда был справедлив и бережно относился к подчинённым...

Виктор расписался в журнале приемки-передачи смен и приступил к караульной службе.

Заместитель начкара - вечно грустно вздыхающий фельдшер - украинец Семён Предыбайло - уже выставил на посты первую смену часовых.

В конце октября темнеет рано, и на дивизион опустились плотные сумерки.

Виктор решил хорошенько осмотреть караульное помещение или, как его именовали в народе, "караулку". Комната начальника караула, по-спартански скромная, окном выходила в караульный двор. У окна стоял сколоченный из досок стол, на котором расположились небольшой телефонный коммутатор - для связи с постами и казармой - и книжка Устава гарнизонной и караульной службы Вооружённых сил СССР. Рядом со столом, в углу, - видавший виды голый деревянный топчан с подголовником. Больше - ничего.

Виктор вышел в небольшой коридорчик с пирамидой для оружия. Сюда выходили три двери: одна - в комнату отдыхающей смены с двумя деревянными топчанами, вторая - в комнату бодрствующей смены, где был стол и пара табуретов, третья - в комнату приёма пищи, здесь стоял стол побольше, вокруг него - пяток табуретов, на стене висели полки с посудой.

Коридор был снабжён тамбуром с крепкими дверьми, ведущими в небольшой освещённый двор, обнесённый высоким - чуть не в три человеческих роста - плотным деревянным забором. Во дворе имелся стенд для заряжания оружия. Небольшая глухая калитка на улицу была оснащена надёжной задвижкой и оконцем-бойницей...

- Что, командир, знакомишься со своими владениями? Правильно, надо знать, где и что, - подошёл Чимитов. - Пойдём-ка, что-то покажу, - и он за рукав потянул Виктора в обеденную комнату.

Здесь он отодвинул деревянную обшивку стены возле окна, запустил в образовавшуюся щель руку и ловко вынул огромную чугунную сковороду, следом за ней - металлическую крышку.

- Вот на этом сегодня пожарим картошку! - он засмеялся довольным смехом, прикрыв глаза-щелочки. - Только готовить будем не сейчас, а ночью. Ночью, знаешь, как кушать хочется?!

- Знаю, - ответил Чернов, осматривая чугунное богатство. - Тут же не меньше полуведра зараз зажарить можно!

- А как ты думал: восемь голодных мужиков - это тебе не хухры-мухры! - Чимитов деловито задвинул сковородку под стол. - Ты, сержант, бодрствующую смену отправь на кухню. Там должны выдать ночной паёк: хлеб, чай, масло, кефиру могут дать. И с полведра чищеной картошки пусть возьмут. Они знают: всё должно быть готово. Давай, командуй, ты у нас начальник...

Виктор так и сделал - послал на кухню двух бойцов, коротко их проинструктировав.

- А жарить на чём?

- Так у нас плитка имеется, - Чимитов показал в угол, где на невысоком деревянном чурбаке угнездилась небольшая - на одну конфорку - электрическая плитка. - Плитка - зверь! - похвалил он электроприбор. - Её старшина хотел убрать, да народ встал стеной - надо же на чём-то чай греть. Не хлебать же его холодным. Ну, он и

оставил. Говорит, до первого ЧП... А мы - аккуратненько. Будем внимательно следить за процессом!

И в подтверждение своих слов он ударил рукой в свою широкую грудь, которая, казалось, загудела под крепким кулаком.

Вскоре посыльные вернулись с едой. Принесли несколько булок белого свежего хлеба, от которого по караулке распространился вкусный хлебный дух, масло принесли, картонные пирамидки с кефиром, шмат масла, большой алюминиевый чайник, полный ароматного горячего чая, кулек сахара, несколько головок репчатого лука. И полведра чищеных картофельных клубней. У Виктора прямо-таки глаза загорелись: неужели он сегодня поест своей любимой жареной картошки! Он готов был начать жарить прямо сейчас. Но, умудрённый опытом, Чимитов дал совет:

- Мы, командир, механизм уже отработали. Жарить надо в третью смену. Меньше мороки с дежурным по дивизиону. Он обычно караулку проверяет до полуночи. А потом - не заходит. Тут-то мы её спокойненько и приготовим. Никто не помешает!

И Виктор решил потерпеть, довериться бывалому солдату.

Одна караульная смена в теплую погоду длится два часа. Зимой, в мороз ниже двадцати градусов, а при ветре - и в менее сильный мороз - часовых сменяют через час, чтобы не застудились. Ночи в октябре, конечно, холодные, но не настолько. Когда первая смена подходила к концу, он предупредил Семёна, что сам разведёт вторую смену...

Он обзвонил посты, предупредил, что смена идёт, потом поднял двух отдыхающих солдат, вышел с ними во двор. Зарядили автоматы, повесили их на плечо и шагнули со двора в ночь - на территорию дивизиона.

Виктор всегда удивлялся, как темнота преображает окружающий мир. То, что днём кажется обычной вещью - деревом, кустом, постройкой, ночью фантастически преображалось. Хотя периметр дивизиона хорошо освещался, обострившемуся сознанию представлялось, что, где-то тут или там притаился неизвестный. И тогда Виктор притормаживал идущих за ним солдат, высвечивал подозрительное место фонарём и, только убедившись, что вокруг никого нет, шагал дальше.

Часовых сменили без приключений. Впервые в жизни, подходя к посту, Виктор командовал: "Смена, стой! Часовой Павлюков, на пост шагом - марш!"

Пока часовые - "новый" и "старый"- шагали навстречу друг другу, докладывали о приеме-передаче поста, Виктор внимательно осматривался вокруг. Тишина позднего вечера ничем и никем не нарушалась. Солдаты были уже в казарме, начинали готовиться к отбою...

Потом, когда возвращались в караулку, Чернов почувствовал гордость за то, что ему доверили большое дело, что вот сейчас, в эту самую минуту, он бережёт покой дивизиона. И, если надо, готов вступить в "разборку" с любым, кто пожелает этот покой нарушить.

Впрочем, он тут же укорил себя: "Наивный, если что, нас тут передавят, как курят. Успеть бы хоть выстрелить, подать сигнал..."

Чимитов с Предыбайло и еще одним свободным солдатиком уже попили чайку с белым хлебом.

- А картошка, как же? Отменяется? - спросил Чимитова сержант.

- Нет уж! У нас ночью, знаешь, какой аппетит - зверь! - успокоил его Чима.

Виктор и сам, после прогулки на свежем воздухе, почувствовал позывы голода, в желудке тихо заурчало. Он тоже попил чайку и уселся за устав.

Вскоре тренькнула трубка на коммутаторе: дежурный по казарме тихим голосом предупредил, что в сторону караулки выдвинулся проверяющий, встречайте, мол...

Виктор вскочил, оправил гимнастёрку, предупредил солдат. Те, кому положено было отдыхать перед сменой, легли на топчаны, остальные "принялись бодрствовать". Чернов выскочил во двор, к калитке - как раз вовремя: тут же раздался условный звонок. Виктор спросил пароль, услышал нужный ответ и отодвинул задвижку. Вошедшему майору Серёгину он коротко доложил, что в карауле никаких происшествий не произошло.

- Ладно, молодец! - похвалил его Серёгин. - Первый раз начкаром заступил?

- Так точно, товарищ майор, - отрапортовал Виктор.

- Давай, смотри в оба. Картошку жарить будешь? - неожиданно перевел разговор майор. Виктор смутился, пожал плечами.

- Знаю, будешь. Сам её люблю, заразу! Так что, не забудь позвать, - Серёгин повернулся и вышел со двора...

А сразу после полуночи на сковороде зашкворчала картошка. Над ней колдовал Олег Павлюков - рядовой солдат из Усолья-Сибирского. Он в отделении считался спецом по жареному картофелю, готовил её так, что она таяла во рту, хрустела поджаренными ломтиками. В самом конце, перед тем, как снять блюдо с плитки, он посыпал жарёху ловко нарезанными колечками репчатого лука.

- Ещё пять минут, и милости прошу за стол, - объявил он на всю караулку громким голосом.

- Погоди, Серёгина позову, - сказал Виктор, который тут же, возле плитки, как зачарованный, наблюдал за священнодействием Олега.

...Офицер откликнулся по уставу:

- Дежурный по техническому дивизиону майор Серёгин слушает!

- Товарищ майор, у нас всё готово, ждём вас, - позвал Виктор.

Серёгин появился в караулке минут через пять. За это время здесь успели, что называется, "накрыть на стол", украсив его середину большой чугунной сковородой, в которой дымилась картошечка, распространяя немыслимо вкусный аромат.

Порезали крупными кусками хлеб, разлили по кружкам тёплый чай - запивать горячую жарёху, чтобы второпях не обжечься. Разбудили отдыхающую смену, составили вокруг стола табуретки. Виктор принёс сюда и свою. А с одной стороны приставили к столу топчан, так что места хватило всем. Серёгин уже было первым взял ложку, как всех остановил Павлюков:

- Стойте! Давайте сразу отложим тем, кто на посту. А то не заметим, как всё съедим, - рассудительно предложил он. Все согласились, но при этом посмотрели на майора. Тот утвердительно кивнул, и Павлюков нагрёб из сковороды в две железные миски - с горкой, отставил в сторону.

- Ну, что, теперь-то можно? - шутливо переспросил майор Серёгин и, не дожидаясь ответа, зачерпнул ложкой вкусного жарева. Все последовали его примеру, застучали ложками по сковороде.

Виктор просто упивался любимой едой, ведь дома, на гражданке, бывало, жарил её, родную, через день, да каждый день. В небогатой родительской семье с раннего детства привык считать её деликатесом.

- Товарищ майор, - спросил он Серёгина в перерыве между двумя ложками, - а почему в армии нельзя картошку жарить?

- А хрен его знает, - ответил тот, жуя. - Традиция такая: нельзя - и всё! Чтобы служба мёдом не казалась... - и он снова уткнулся в сковороду.

Потом они ещё посидели вокруг стола, допивая чай из алюминиевых кружек, сыто икали и беспрестанно позевывали.

- Я, когда во Вьетнаме служил, тоже мечтал о нашей жареной картошке. А там давали всё больше рис да маниок - что-то среднее между картошкой и репой. Но, - не то! Наша картошечка лучше...

И майор, по обыкновению, ударился в воспоминания о вьетнамской жизни, об однополчанах, о том, как нашими ракетными комплексами С-75 сбивали американские "фантомы". Наверное, он мог бы рассказывать свои боевые истории всю ночь, но его перебил звук тренькающего телефона: звонил с поста Чимитов и нетерпеливо спрашивал: почему нет смены, наверное, всю картошку съели?!

Действительно, спохватился Виктор, пора менять часовых, и он отправил Предыбайло на посты со свежей сменой.

Серёгин начал прощаться, Виктор пошёл проводить командира. Прежде чем выйти за калитку, Серёгин притянул его к себе за рукав:

- Спасибо, сержант, за вкусный ужин. Но хочу тебя предупредить: когда я на дежурстве, смело жарь картошку, меня обязательно зови. Если кто другой из офицеров дежурит - действуй с оглядкой, а на ужин не зови. А вот если дежурит лейтенант Литвинец, жарить не моги. Тот придёт, всё выбросит на помойку, да ещё рапорт командиру дивизиона накатает. Такой служака!

Вскоре Виктор узнал, как подтвердились слова Серёгина.

В одну из караульных смен соседнего отделения ночью с проверкой нагрянул лейтенант Литвинец. Невысокого роста с широкими плечами "качка", он был похож на недоросшего до нужной кондиции богатыря. Прямо в караулке он перевернул горячую сковороду с готовым продуктом, вывалив всё на пол. И заставил бодрствующую смену убирать "это безобразие". Потом приказал принести сковороду в казарму, сдать старшине. "И чтобы больше - никогда!" На начкара караула Литвинец накатал рапорт, за что "облажавшемуся" сержанту перед строем личного состава дивизиона вкатили "наряд вне очереди".

Правда, старшина пожурил его уже более мягко: "Что же ты так неаккуратно, олух царя небесного!?"

Сковороду удалось отстоять всеми правдами и неправдами, надёжно запрятав её в караулке под обшивку обеденной комнаты. Все остальные отделения затаились на время: заступая на дежурство, пили по ночам чай, кефир, заедая его хлебом. Только, что это за еда для несущего ночную вахту голодного солдата? Хотелось жареной картошки!

Впрочем, через некоторое время всё встало на свои места. Инцидент начал забываться. Посланные из караулки за доппайком, солдаты снова начали приносить по полведра чищенных белых клубней. И снова дух жареной картошки витал над караульными помещениями. Так же, как на караульной вышке поста номер один, опять "завелись" старый матрас и поношенные шинели... Такова уж психология русского солдата: если нельзя, но очень хочется, то - можно! Как говорится, до следующего скандала.

А он не заставил себя долго ждать.

Караульная смена сержанта Чернова совпала с дежурством лейтенанта Литвинца. Виктор собрал в караулке малый совет с Чимитовым и Павлюковым: что делать: жарить или воздержаться? На дворе лютовал декабрь с его ветрами и морозами. Правда ниже двадцати градусов температура ещё не опускалась, но стоять на постах было нелегко.

Тут кефиром дело не исправишь, надо жарить, кипятился Чима. Более осторожный Павлюков предложил всё же перенести процесс на другое, более спокойное дежурство.

Последнее слово было за сержантом. Виктор выдержал паузу, обдумывая про себя все возможные последствия, помолчал и махнул рукой - будем жарить. Только применим хитрость: готовить будем не как всегда, в привычную третью смену, когда Литвинец обязательно нагрянет с проверкой, а часа на два позднее. На том и порешили.

Запаслись чищеной картошкой, сливочным маслом для её приготовления и терпением. И - не зря! Литвинец явился в караулку с проверкой сразу после полуночи. Звякнул условным звонком в калитку, ответил условным паролем встретившему его Виктору и, не дожидаясь от сержанта окончания положенного рапорта, нырнул в караулку. С подозрением осмотрел каждую комнату, заглянул в каждый угол. Несмотря на ночной морозец, он был в одной гимнастёрке, перепоясанной ремнями. Казалось, ему было жарко, он расстегнул воротничок, без конца поводил широкими плечами. Не найдя ничего недозволенного, с подозрительной улыбочкой взглянул на Виктора, ничего не сказал и ретировался. Сержант закрыл за ним калитку на задвижку...

Примерно через полчаса Чернов скомандовал приступить к приготовлению картофеля. К процессу присоединились все: и бодрствующая, и отдыхающая смены: мелко и быстро покрошили клубни соломкой.

Вскоре картошка вкусно зашкворчала на разогревшейся сковороде, а через полчаса всё было готово к позднему ужину. Позвали и Виктора. Он поднялся с табуретки в своей начкаровской, потянулся и случайно глянул через окно на освещённый двор и... у него волосы встали дыбом: через двор в караулку, озираясь, крался лейтенант Литвинец.

- Чима, атас! - крикнул он. - Прячьте всё, живо! Литвинец! - а сам бросился к выходу - навстречу лейтенанту. Он выскочил на крыльцо, захлопнув за собой дверь, вытянулся в струнку перед отпрянувшим Литвинцом и начал громко докладывать, что за время дежурства происшествий не произошло. А офицер, не слушал его, оттирал с крыльца, пытаясь войти в караульное помещение. После короткой возни Литвинец отодвинул Виктора в сторону, рывком открыл дверь и буквально ворвался в караулку. Все три выходящие в коридор двери были плотно закрыты. Литвинец ринулся в комнату приёма пищи, пинком распахнув дверь, которая открывалась вовнутрь. Здесь за обеденным столом сидели два бодрствующих часовых с

заместителем начальника караула и лениво жевали куски белого хлеба, запивая его чаем из кружек. На плитке тихонько пришепётывал большой караульный чайник.

- Где картошка? - Литвинец начал срываться на крик. - Где?! - он быстро обежал эту комнату, заглянул в комнату отдыха, где натурально похрапывала отдыхающая смена. Заглянул под топчаны, сбегал в комнату начкара. - Я же чувствую запах жареного!

- А, - откликнулся Чимитов, сильнее сощурив свои глаза-щелочки. - Вы про это? Мы и сами удивились, что пахнет, когда заступали в наряд. Видно, предыдущий караул картошечкой баловался. А мы - ни-ни...

Литвинец ещё походил кругами, заложив руки в карманы галифе, попинывая табуретки.

- Развели бардак! - он кивнул на кучу шинелей, валяющихся за дверью "едовой" комнаты. - Всё прибрать! И не провожай меня, - буркнул он Виктору, бегом выскочил из караулки, также бегом пересёк двор и выскочил в калитку...

Отдыхающая смена тут же поднялась с топчанов.

- Слушай, Чима, а как он к нам попал? - Виктор почесал затылок. - Ведь я за ним закрывал задвижку... Может, ты, Предыбайло, калитку не закрыл после смены?

- Да ты что, командир? Всегда закрываю, а сегодня забыл! Нет уж, закрывал я на задвижку, - обиженно ответил Семён Предыбайло.

Пойдем-ка во двор, посмотрим, - позвал всех Чимитов. Они вышли во двор, внимательно осматривая всё вокруг. Виктор закрыл калитку на задвижку и пошел вдоль забора, всматриваясь в землю, припорошенную тонким слоем свежевыпавшего снега.

- Вот! - радостно крикнул он. - Идите все сюда, только следы не затопчите. Чима, дай дополнительно аварийное освещение...

Возле забора явно просматривались отпечатки следов от офицерских сапог - пятками к забору - и тянулись к крыльцу.

- Он, засранец, через забор перелез! Это же нападение на караульное помещение! Мы ж его подстрелить могли! - Виктор переводил взгляд с одного на другого. Все согласно кивали головами.

- Командир, ты на него рапорт напиши, - предложил Чимитов.

- И напишу, - откликнулся Виктор. - А куда вы картошку спрятали?

- Так я её в шинели замотал и за дверь сунул, - засмеялся Чимитов, отчего его лицо, и без того круглое, стало ещё круглее. - Думаю, он дверь-то распахнёт, а заглядывать за неё толком не будет. Так и вышло. Пальцы вот только все обжог об сковородку, - и он протянул Виктору растопыренные ладони с покрасневшими подушечками обожженных пальцев. - Я ж подвиг совершил, командир! Мне дополнительная порция положена...

Эта картошка была самой вкусной из всех предыдущих "жарёх", хоть и остыла, конечно. Все ели с удовольствием, громко обсуждали происшествие, оставили картошки и пришедшей с постов смене. Только Виктор в этот раз ел без аппетита, был молчалив и задумчив.

- Что, сержант, рапорт обдумываешь? - спросил его сменившийся с поста Олег Павлюков.

- А знаешь, - будто очнулся Виктор. - Рапорт я подавать не буду. Я теперь знаю, как нашего Литвинца вылечить... - и он принялся яростно выскребать дно сковороды.

Прошло несколько недель. Литвинец вновь поймал в караулке любителей жареной картошки из соседнего отделения. Снова было разбирательство. Снова провинившемуся начкару перед строем объявили "наряд вне очереди". Старшина Кожемяка на этот раз реквизировал сковороду и передал её на кухню. Правда, она там долго не задержалась, вернулась на своё законное место - за деревянную обшивку в комнате приёма пищи.

... И вот, наконец, они опять "совпали": в караул заступило первое отделение под командованием сержанта Чернова, а дежурство по дивизиону на ближайшие сутки принял лейтенант Литвинец. Его, недавнего выпускника военного училища, и солдаты, и офицеры уже успели прозвать "неугомонным службистом". Он любил подкрадываться, устраивать засады, подкарауливать солдат за каким-либо не предусмотренным уставом занятием. Почти не было случая, чтобы он во время дежурства по дивизиону не написал очередной рапорт командованию на вскрытое им нарушение.

Виктор всё продумал до мелочей. Сам развёл на посты часовых первой смены. На обратном пути заглянул в казарму, чтобы пошептаться со стоящим "на тумбочке" дневальным:

- Слышишь, рядовой, если Литвинец из казармы выйдет, звякни в караулку по телефону.

- Так он запрещает, на "губу", говорит, отправлю, если начкара о проверке предупредишь, - испуганно оглядываясь на офицерскую комнату, где засел до поры до времени лейтенант, зашептал в ответ дневальный.

- А ты и не звони, ты только ручку телефона крутани, чтобы он в караулке звякнул. И я всё пойму. И другим по смене это передай. Прошу от имени всего дивизиона!

- Мне - что? Крутану, - согласился солдат. И Виктор бегом вернулся в караулку.

Сырую картошку, конечно, с кухни в караулку доставили. Но Виктор приказал пока схоронить её до поры. Вторую смену караула развёл по постам вечный заместитель начкара Семён Предыбайло.

Ночь тянулась своим чередом.

Вскоре подошло время третьей смены часовых. Они ушли в темноту во главе с Семёном. Виктор запер за ними калитку, зашёл на крыльцо и услышал, как тихо звякнул телефон. Он метнулся в караулку, схватил из пирамиды свой автомат, на ходу вставил рожок с патронами, снял с предохранителя, передёрнул затвор, досылая патрон в патронник. Погасил освещение во дворе и притаился недалеко от калитки, там, где когда-то обнаружил на снегу следы перелезшего через забор офицера.

Через пару минут на входе раздался условный звонок. Виктор, выдержав минуту, спросил пароль и услышал нетерпеливый ответ лейтенанта Литвинца. Он откинул задвижку, офицер, не слушая доклада начкара, промчался в караулку. Чернов - за ним. Тот начал придирчиво оглядывать одно помещение за другим, заглядывая в каждый угол, принюхиваясь. Виктор не отставал ни на шаг с подобострастным выражением на лице. Когда осмотр был закончен, он с серьёзным видом спросил лейтенанта:

- Ну, как? Замечания есть?

- Пока нет, - с досадой ответил тот. - Продолжайте нести службу!

- Есть! - серьёзно ответил сержант. - А вы сегодня больше не зайдёте? - вдруг спросил он лейтенанта и хитровато подмигнул ему.

- Видно будет, - уклончиво ответил дежурный по дивизиону и направился к выходу. - А почему двор не освещён? - уже выходя за калитку, спросил он.

- Что-то выключатель барахлит, - махнул рукой Виктор. - Утром электрика вызову.

Тут Литвинец столкнулся с возвращавшейся сменой часовых. Расчищенная от снега тропинка была слишком узкой, чтобы нормально разминуться. Лейтенант грубо столкнул Предыбайло с тропы в снег, остальные сами посторонились. Литвинец рысцой двинулся в казарму.

- Что это с ним? - обиженно спросил начкара Семён. Тот молча пожал плечами. - Может, картошечки пожарим? Он, поди, сразу назад не сунется.

- Нет, - твёрдо ответил сержант. - Чаю пока попейте. - Он включил во дворе свет и стал разряжать автомат на стенде вместе с часовыми, предварительно осторожно "выщелкнув" патрон из патронника.

- А ты зачем автомат заряжал, командир? - спросил его Олег Павлюков.

- За "надом", - буркнул в ответ Виктор.

...Примерно через час телефон в комнате начкара опять тихонько звякнул. Виктор подскочил с топчана, на котором чутко дремал, одёрнул гимнастёрку, надел шапку. Схватил автомат, в две секунды зарядив и изготовив его к стрельбе. Вихрем пронёсся по комнатам. "Отдыхающим - отдыхать! Бодрствующим - бодрствовать!" - коротко приказал солдатам. "Тебе сидеть и не двигаться", - ответил он на немой вопрос Предыбайло.

Мгновенно погасил во дворе свет и притаился у забора - там же, где и в прошлый раз. Вскоре он не услышал, а, скорее, каким-то особым чутьём почувствовал, что с той стороны забора кто-то есть. Виктор затаил дыхание и приложил к забору ухо: с той стороны кто-то натужно пыхтел и скрёбся о плотно подогнанные неструганные плахи высокого ограждения.

Чернов взял оружие наизготовку, направив стволом в ночное небо и стал вглядываться поверх забора. Через несколько мгновений он заметил, как над забором показалась едва различимая в ночи голова лейтенанта. Тот ловко подтянулся на сильных руках и оседлал ограждение, всматриваясь в темноту двора. Однако Виктора, прижавшегося к доскам, он явно не видел.

Лейтенант секунд пять тихо посидел наверху, потом перенёс тяжесть тела внутрь и приготовился спрыгнуть во двор. Он уже начал это движение, остановить которое уже было нельзя. И в это мгновение Виктор громко закричал:

- Нападение на караульное помещение! Стрелять буду! - эти его последние слова заглушила разорвавшая тишину ночи гулкая короткая автоматная очередь...

И тут произошло чудо! Долго потом Чернов прокручивал в памяти эти доли секунды и никак не мог ни понять, ни поверить в случившееся: прыгнувший уже было внутрь двора, Литвинец в ответ на крики и стрельбу взмахнул руками, как бы завис в воздухе, не коснувшись ногами земли, снова взлетел вверх, вмиг оказался на коньке забора и мгновенно исчез за ним.

Во дворе вспыхнул свет, часовые, толкаясь, вывалили из караулки, на ходу пытаясь втолкнуть рожки с патронами в автоматы.

- Что случилось, командир? Ты кричал? Кто стрелял? - тряс за плечи слегка растерявшегося Чернова Бимба Чимитов.

- Я стрелял! - наконец выговорил Виктор, стряхивая с себя руки Чимитова. - Было нападение на караул! Я стрелял! Оружие разрядить, все - в караулку. Бегом! Надо срочно доложить о происшествии.

Он по телефону связался с дневальным, рассказал о происшествии.

- Да, я слышал стрельбу, - тихо хмыкнул в трубку дневальный. - Потом прибежал Литвинец. Он в курсе.

- Так, соедини меня с ним для доклада! - потребовал сержант.

- Это я мигом, - снова хмыкнул дневальный. Вскоре в трубке послышался настороженный голос офицера:

- Товарищ лейтенант, - чётко выговаривая каждое слово, отчеканил Чернов, - на караульное помещение была совершена

попытка нападения... Или незаконного проникновения, - чуть запнувшись, добавил он. - Я вынужден применить оружие. Прошу вас прибыть на место происшествия, товарищ лейтенант!

- Какое нападение? Какое, к чёрту, проникновение? В кого ты там спросонья стрелял, сержант?! Что тебе там померещилось?

- Никак нет, не померещилось, товарищ лейтенант. Пишу рапорт командиру дивизиона...

- Погоди с рапортом, давай вначале сами разберёмся, - лейтенант бросил трубку.

Через несколько минут он был в караулке. Виктор и все остальные смотрели на него с удивлением: вдоль левой щеки лейтенанта тянулась кровяная царапина, а рукав гимнастёрки у левого локтя был разорван так, что из дыры выглядывала белая нательная рубаха. Но лейтенант, видимо, в горячке, не обратил на это внимание.

И только теперь, поняв, что его внимательно разглядывают несколько пар встревоженных солдатских глаз, он смутился, прикрывая дыру на локте.

- Что смотрите? Упал я в темноте нечаянно, - неуверенно шикнул он на подчинённых.

- А лицо, где оцарапали? - спросил Виктор.

Литвинец поднёс руку к щеке, размазывая кровь, потом удивлённо посмотрел на замаранные кровью пальцы.

- Так это, действительно, были вы? - не выдержав, нарушил субординацию Чимитов. - А если бы сержант "грохнул" вас?

- Ты что?! - закричал вдруг срывающимся на фальцет голосом Литвинец. - Не грохнул же... - и поняв, что проговорился, он мгновенно побагровел, затравленно оглядывая солдат. Потом позвал:

- Сержант, давай выйдем во двор...

Они вышли на крыльцо. В одной гимнастёрке Виктор теперь сразу ощутил ночной морозец. Литвинец прикрыл дверь караулки, правой рукой он зажимал разорванную ткань на левом локте.

- Чего ты хочешь? - с кривой улыбкой на лице спросил он сержанта.

Виктор глядел на него сверху вниз - на невысокого, широкоплечего. Он только сейчас как следует рассмотрел лейтенанта в искусственном освещении караульного двора: мелкие черты лица, маленький заострённый нос, белёсые брови, тонкие бесцветные губы и бесцветные глаза, плечи качка, - тот стоял в напряженной позе, будто готовился к прыжку.

- Свет-то починили? - оглянулся вокруг лейтенант.

- Да он и не ломался, - Виктор с вызовом посмотрел ему в глаза.

- Значит, ты готовился?..

- Да, поэтому буду писать рапорт. Всё, как было.

- Чего ты хочешь? Что я должен сделать, чтобы рапорта не было? Чтобы ничего не было, чтобы вы всё забыли?

- А куда стреляные патроны денем? Да и дневальный выстрелы слышал...

- С дневальным я разберусь. А патроны утром компенсирую. Сколько штук? - Литвинец вопрошающе смотрел на Виктора.

- Два, - ответил сержант.

- Ловко! - похвалил его Литвинец. - Выходит, по уставу действовал? Всё рассчитал?

- А как вас иначе возьмёшь? Ведь эти ваши выкрутасы могли и трагедией закончиться...

- Так чего ты хочешь, Чернов, чтобы забыть эту историю?

- Хочу, чтобы вы, во-первых, попросили о переводе в другой дивизион.

- А, во-вторых? - насторожился Литвинец.

- Во-вторых, - мы сейчас картошку будем жарить, - улыбнулся неожиданно пришедшей мысли Виктор. - А вы нам мешать не будете! Знаете, как ночью в карауле жрать хочется? Давайте-ка, я за вами калитку закрою, - и он указал лейтенанту на выход. - Про патроны не забудьте, да и про остальное...

- Слово офицера! - Литвинец повернулся на каблуках к выходу.

... Картошка в этот раз была - вкуснее не придумаешь. Павлюков, кажется, вложил в неё всю душу.

Виктор объяснил подчинённым ситуацию, "высокие" договорённости и линию поведения. Словом, наряд закончился без особых приключений.

Через две недели Литвинца перевели в один из огневых ракетных дивизионов полка, в который входил и их технический дивизион.

Историю со стрельбой на территории караульного помещения, кажется, удалось замять.

Только несколько дней подряд после перевода Литвинца к Виктору подходили сержанты и рядовые и крепко пожимали руку, ничего при этом не говоря, но всем видом показывая, что они что-то знают. А майор Серёгин при случае похлопал его по плёчу и сказал одно только слово:

- Поделом!

Кирбобо

Начальник караула сержант Виктор Чернов вставил штекер телефонной трубки в одно из гнезд коммутатора, соединяющего оба караульных поста с караульным помещением, несколько раз крутанул ручку.

- Часовой поста номер два рядовой Павлюков у телефона! - послышался бодрый ответ.

- Как там мороз? - спросил он часового.

- Ох, лютует, командир! Боюсь нос отморозить...

- Ничего, терпи, солдат. Менять часовых будем каждый час, - он отключился от второго поста и, переставив штекер в другое гнездо, позвонил на первый пост, расположенный на высокой караульной вышке. Ответом было молчание. Он снова и снова крутил ручку - телефон молчал.

- Предыбайло, - позвал он своего заместителя по караулу ефрейтора Семена Предыбайло в комнату начкара. Тот недавно вернулся с "развода" новой смены.

- Почему молчит первый пост? - озабоченно спросил Чернов.

- А хрен его знает, чего он молчит?! - ответил замначкара, потирая озябшие руки. - Может, спит, чертяка!

- Первый раз в жизни заступил на пост и уже - заснул? Ну, это - наглость! А ты его точно до поста проводил? Видел, как он на вышку залез?

- Так, - замялся Семён, - смену провел по всем правилам. Узбечонок к вышке потелепал, а мы в караулку побежали. Там же такой морозяка... У нас на Украине такого не бывает!

- Минут через десять ещё позвоню, если не ответит, придётся на пост сгонять, проверить: кабы не замёрз.

- Да ты что, командир! Он так оделся... - Семён вдруг прикусил язык и странно глянул на сержанта.

... Шла последняя декада декабря. Дни стояли холодные. А в этот вечер мороз резко усилился. Стрелка термометра приблизилась к отметке минус 30 градусов. По уставу гарнизонной и караульной службы при такой погоде полагалось перевести часовых с

двухчасовой смены на одночасовую. Решение об этом Виктор принял без колебаний. Единственное, что его смущало, в эту смену на пост должен был заступить новичок – узкобёдрый, среднего роста Тимур Юсупов.

Он прибыл на службу в дивизион с большим опозданием от призывного графика, уже в начале зимы. "Мая сильна балела", - объяснил он своё позднее прибытие на службу полковнику Заикину, командиру технического дивизиона, приданного полку ПВО. Его зачислили на довольствие в первое отделение, которое считалось в части "голубой кровью".

Личный состав отделения именовали кипсовиками - отделением по обслуживанию контрольно-измерительной передвижной станции или КИПС, предназначение которой в полку противовоздушной обороны заключалось в том, чтобы время от времени проверять бортовую аппаратуру ракет класса земля-воздух средневысотного комплекса С-75. Ракеты стояли на боевом дежурстве в огневых дивизионах, опоясавших кольцом большой сибирский город.

Но эту задачу кипсовики выполняли примерно раз в квартал, выезжая в командировки на проверки в соседние дивизионы. А в свободное от боевой задачи время первое отделение, наравне с другими отделениями дивизиона, тянуло обычную лямку солдатской службы: буквально через день заступало на сутки в караул по охране дивизионных объектов и личного состава. Так что служба медом не казалась. Из-за нехватки людей одни сутки спали в казарме, вторые - в караулке. Доходило до того, что у солдат день путался с ночью.

Поэтому в отделении пополнение приветствовали. Олег Павлюков, Бимба Чимитов, Семён Предыбайло и другие внимательно осматривали новичка.

- Откуда прибыл? - спросил его бурят Чимитов, большой, с фигурой борца и плоским лицом с раскосыми глазами, с которого не сходила хитроватая улыбка. Он попробовал кулаком пресс у новичка. - Слабоват, - заключил он. - Качать будем.

- Как зовут? - спросил Олег Павлюков, симпатичный кучерявый парень чуть выше среднего роста с внимательными серыми глазами на умном лице славянского типа.

- Ты, однако, из Киргизии? - поинтересовался украинец Семён Предыбайло, как всегда лениво щурясь и почёсывая затылок.

Новичок пугливо озирался и молчал.

- Немой, что ли? - сдвинул брови Чернов.

- Зачем, немая. Тимур Юсупов. Моя из Узбекстан, - торопливо выпалил новенький. - Моя служить будет харашо!

- Не сомневаюсь! - сказал Виктор. - Чимитов, покажи ему койку.

Так Тимур начал свою службу в дивизионе.

Правда, с первых же дней особого рвения у него не было видно.

Буквально на третьи сутки Виктор назначил его дежурным по отделению. Обязанности дежурного были самые простые: проследить за заправкой кроватей, выровнять постели, подровнять прикроватные тумбочки, влажной тряпкой вытереть пыль и пол под кроватями отделения. Дождаться проверки старшины - огромного прапорщика Кожемяки, который не гнушался каждый день проверять казарму на наличие пыли. Где только он не умудрялся её находить: на полу и даже на потолке... К новичкам он привязывался больше всех.

После приказа заступить на дежурство Тимур неожиданно встал в позу:

- Я поль мыть нет! У нас женщин моит! -.

- Какие женщины? В армии женщин нет. Моют солдаты. По очереди. Сегодня - твоя очередь, - начал втолковывать ему сержант. Но Юсупов мотал головой: "Нет, нет!"

Наконец, Виктору это надоело.

- Чимитов! - позвал он. - Объясни ему, что он сегодня дежурит по отделению. Меня он не понимает...

Чимитов взял новичка за локоть и, несмотря на сопротивление, легко завёл его в комнату для умывания. Плотно закрыл за собой дверь. Разговор у них продолжался минут пятнадцать. Потом они вышли в коридор. Тимур раскраснелся, испуганно оглядывался на Чимитова. А тот по обыкновению улыбался.

- Где тряпка брать? - торопливо спросил Юсупов у Виктора. Тот всё ему объяснил, и солдат молча пошёл выполнять наряд.

- Ты его стукнул? - нахмурился Чернов на Бимбу.

- Что ты, командир! Я ему словами всё объяснил. Он, оказывается, всё понимает, только прикидывается "сачком"... А ты же знаешь, я "сачков" не люблю, - и Чимитов от души рассмеялся.

Тимур добросовестно всё убрал, вытер пыль, помыл пол. Оказывается, он умел делать это не хуже других. Но тут в процесс вмешался старшина. Он появился в казарме к концу уборки. И, заложив руки за спину, навис над Юсуповым:

- Закончил? - добродушно спросил он солдата.

- Так точна, товарища камандира! - отрапортовал тот.

- А пыль везде протёр?

- Так точна, товарища камандира!

Кожемяка с невозмутимым видом вынул из нагрудного кармана аккуратно сложенный белоснежный платок и прошёлся им по металлическому уголку, расположенному под панцирной сеткой одной из кроватей:

- А это что? - ткнул он почерневший платок в лицо Юсупову. Тот лишь раздосадовано пожал плечами.

- А плафоны на лампочках протирал? - старшина явно издевался.

- Какая пляфон, лямпочка? - растерялся Тимур, округлив свои узкие глаза. Он с ужасом смотрел, как высоченный старшина, привстав на цыпочки, провёл чистым краем платка по внешней и внутренней стороне одного из висевших под потолком стеклянных светильников и снова предъявил загрязнившийся платок солдату.

Словом, уборка казармы затянулась в этот день надолго. Многоопытный старшина, в ответ на очередной доклад Юсупова об окончании уборки, всякий раз находил грязь или пыль в самых невероятных местах. Так продолжалось бы до обеда, если бы в казарму с улицы не ввалился замёрзший Чимитов. Он сразу же оценил обстановку, скинул шинель и начал помогать Тимуру. Старшина понял, что его урокам чистоты для новичков подошёл конец, и ретировался по другим неотложным делам.

С того случая повелось, что тонкости службы Тимуру лучше других стал объяснять рядовой Чимитов. Между ними даже установилось нечто вроде дружбы старшего по времени службы в

армии с младшим. Чуть что, Тимур бежал советоваться с Бимбой или просил у него разъяснений проблем солдатской жизни.

День за днём, неделя за неделей Юсупов всё глубже вникал в бытиё дивизиона, с его лица исчезли следы растерянности и досады, присущие большинству первогодков в первые недели. Он начал отвечать на шутки солдат своею, иногда малопонятной шуткой. Начал улыбаться, что в серых, порой тоскливых солдатских буднях многое значит.

Состоялся и первый в жизни наряд Юсупова по кухне. Картошку чистить он, конечно, не умел, но так ловко управлялся с наточенным до предельной остроты ножом, что буквально в считанные часы освоил это нехитрое дело. А армянский повар ефрейтор Самвэл даже "подхарчил" молодого тощего бойца лишним куском хлеба с маслом. Это Тимуру так понравилось, что он готов был ходить в наряд по кухне хоть каждый день.

Однако пришло время освоить более серьёзное занятие - наряд в караул. Ходить в караул зимой - это совсем не то, что тянуть караульную службу летом. Летом тепло, дышится на посту легко. И если ты не боишься собственной тени и ночных комаров да гнуса, то несколько летних ночных часов стояния на посту иногда могут даже доставить удовольствие. Ну, скажем, когда наслаждаешься первыми лучами восходящего солнца или, наоборот, мысленно посылаешь привет последнему лучу закатившегося за далёкий степной горизонт небесного светила. Летней ночью на посту можно, в конце концов, даже вздремнуть - назло всем армейским уставам. Было бы везенье...

Другое дело караульный наряд в зимнюю стужу! Да, старшина выдаёт солдатам валенки, тёплое бельё, шарфы и рукавицы, полушубки. Но всё это мало спасает того, кто вынужден охранять покой других людей, стоя на пронизывающем до костей ветерке, хорошо "сдобренном" ядрёным сибирским морозом.

Именно в такой день предстояло заступить в караул первому отделению, в котором первый раз в своей жизни должен был нести дежурство на посту теплокровный узбек Тимур Юсупов...

Сержант Чернов видел, как Тимур начал волноваться ещё во время инструктажа, его привычно пробубнил перед выстроившимся отделением дежурный офицер. Все слушали вполуха, переминались

от холода с ноги на ногу и желали только одного - поскорее попасть в караульное помещение.

Наконец, они там оказались. Тут на вешалке над раскалившейся чуть ли не до красна батареи парового отопления висели полушубки, на полу стояли безразмерные валенки. Часовые отдежурившего отделения по установленной традиции пожелали новой смене спокойного наряда и при этом "не отморозить кое-что"...

Чернов расставил людей так, чтобы Юсупов попал в третью смену, а пока - пообвыкся бы в караулке, послушал караульных баек.

Первую смену Виктор разводил" сам, чтобы лишний раз убедиться, каково придётся подчиненным преодолеть преподнесённый природой сюрприз. Он придирчиво смотрел, как готовятся к вахте часовые. Чимитов, попавший в эту смену на пост номер один или, по другому говоря, на вышку, накрутил на ноги по паре теплых портянок, прежде чем сунуть их в серые, хорошо растоптанные валенки. Надел полушубок, завязал на подбородке клапаны шапки-ушанки. Напарник Бимбы тоже оделся основательно. Чимитов похлопал его по спине:

- Нормально, не замерзнем!

Виктор краем глаза видел, как внимательно и настороженно присматривается к этим сборам рядовой Юсупов. Но ничего ему не сказал, рассудив: пусть волнуется, внимательнее будет нести службу. Потом часовые ходко шли за сержантом по хрустящему снегу, по его команде старались дышать носом, чтобы поберечь горло.

Первая смена прошла без приключений, простояв на постах один час. Нормально шла и вторая смена. Эту смену "разводил" уже заместитель начкара Семён Предыбайло. Он и доложил Чернову, что всё в норме, правда, мороз крепчает.

Виктор приказал Предыбайло особо проинструктировать третью смену, в которой на вышку готовился встать Тимур Юсупов.

- Не беспокойся, командир, - успокоил его Семён. - Все сделаю в лучшем виде. Ты приляг, ведь вся ночь ещё впереди.

Виктор лёг на жёсткий, ставший уже таким родным за время службы, топчан в комнате начкара. Он незаметно задремал и даже не слышал, как Семён "развёл" третью смену.

Чернов проснулся от того, что в караулку вернулся замначкара с отстоявшей сменой. Они ввалились с улицы в коридор караульного помещения, окутанные клубами тумана. Составили стылые автоматы в пирамиду, стали неторопливо раздеваться.

А сержант вставил штекер телефонной трубки в одно из гнезд коммутатора, соединяющего посты с караульным помещением, несколько раз крутанул ручку. Второй пост голосом Олега Павлюкова доложил, что всё в порядке. А первый пост молчал, не реагируя на звонки начкара.

Предыбайло уверял, что смена караула прошла по всем правилам. Однако у Чернова неприятно засосало под ложечкой от тревожного предчувствия. Минут через пять-шесть он снова покрутил ручку коммутатора, посылая сигнал на пост, - ответом снова было молчание:

- Быстро собирай отдыхающую смену! - приказал он Семёну. - Побежим проверять вышку. Чую неладное...

- Ну тебя, типун на язык! - перекрестился суеверный Семён. - Что ему сделается, ему мороз нипочём.

Он поднял спящих часовых, приказал готовиться для выхода. А сам продолжал рассказывать одевающемуся Виктору, как тщательно он инструктировал и собирал на пост рядового Юсупова:

- Знаешь, сколько он шинелей на себя натянул? Три штуки - одну свою и ещё две старенькие из комнаты отдыха. А сверху - полушубок. Сам не смог напялить, так мы ему помогали. Я ему все пуговицы застегнул. Шапку ему завязал, сверху два шарфа намотал. Одни глаза открытыми оставил. Так что, замёрзнуть он никак не может!

- Чего же он тогда молчит?

- А хрен его знает, - повторил Предыбайло. - Думаю, угнездился и спит себе...

- Ну, если спит, я ему покажу!

Они торопливо выскочили из караулки, во дворе зарядили автоматы и гуськом потрусили в сторону вышки. Виктор всё поторапливал подчинённых, подсвечивая дорогу мощным фонарём. Впрочем, стояла полная луна, видимость была хорошая. Сержант же включил фонарь, на всякий случай, думая, что часовой должен

заметить свет издалека. А то, мало ли что может ему может померещиться.

Вскоре они уже приближались к посту. Виктор, который был впереди, первым заметил какой-то тёмный бугор, торчащий из сугроба около вышки. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Он побежал, остальные за ним. Когда они поравнялись с вышкой, их взорам предстала ужасная картина: из большого сугроба торчала нижняя часть туловища в полушубке и ноги часового в огромных валенках. Всё остальное находилось под снегом.

Виктор в растерянности остановился...

Вдруг он заметил, что валенки чуть шевельнулись, а до слуха донеслось глухое непонятное бормотание.

- А ну, помогите, надо вытащить его из сугроба, - Чернов первым бросился на помощь часовому. Втроём они выволокли его из снега на расчищенную перед вышкой площадку, положили на землю лицом вверх. Впрочем, лица не было видно, всё было закутано серыми солдатскими шарфами. И вообще часовой являл собой странное существо почти квадратной формы с растопыренными в разные стороны руками, больше напоминающими какие-то неестественные обрубки. Он тихо говорил что-то непонятное на своём родном языке...

Виктор склонился над ним, высвободил лицо из путаницы шарфов. Нос и щёки рядового были бледными. Глаза Тимур зажмурил и продолжал бормотать что-то своё. Виктор встряхнул его, как смог, за плечи. Тот раскрыл глаза, обвёл взглядом склонившуюся над ним тёмную фигуру, явно не понимая, что происходит.

- Где автомат? - крикнул сержант.

- Тама... - тихо ответил Юсупов.

- Есть автомат! - откликнулся один из солдат, отряхивая от снега найденное оружие.

- Давай сюда, - Виктор быстро закинул оба автомата - свой и чужой - за спину.

- Рядовой, немедленно заступай на пост! - приказал он одному из сопровождающих. А со вторым они подхватили Юсупова под мышки и волоком потащили в сторону караулки.

Они запыхались от тяжести неподвижного тела, несколько раз останавливались, чтобы передохнуть. Наконец, дотащили пострадавшего до калитки, ведущей во двор караулки. Виктор позвонил условным сигналом. Через минуту открыл Семён. Увидев, как двое тащат одного, он не на шутку испугался, кинулся помогать, на помощь пришли и другие солдаты. Толкаясь, они занесли Тимура в комнату отдыха, положили на пол, принялись раздевать.

Вот тут-то Виктор и понял, какую ошибку совершил этот сын тёплого Узбекистана, собираясь первый раз в жизни на пост. С него, под всеобщие шутки и смех, с трудом сняли огромный - не по росту - полушубок. Содрали одну за другой три шинели, с ног стащили огромные валенки, в которых поместилось не по две, не по три, а по четыре тёплых портянки. На руках было надето по две пары рукавиц.

Тимур молча моргал глазами, вяло помогал раздеваться. Видно было, что он начал медленно отогреваться в жаркой караулке, приходя в себя после сильнейшего потрясения.

- Как он всё это на себя надел? - допытывался у Семёна Чернов.

- Так мы все ему помогали! Знаешь, как он боялся, что замёрзнет. Поэтому двое его поддерживали, а двое помогали надеть шинели. Мы ж хотели, как лучше! - развёл руками замначкара.

Они поставили Юсупова на ноги.

- Ноги чувствуешь? - допытывал его Виктор.

Тот кивал головой, переступая с ноги на ногу, похлопывая себя руками по бокам:

- Бутта иголки колит, - озабоченно ответил Тимур.

- Чувствительность есть, - удовлетворённо заметил Предыбайло, который, кстати, числился фельдшером дивизиона. - Сейчас ему надо руки-ноги растереть, лицо я ему мазью Вишневского из аптечки намажу. И чаю горячего ему налейте!

Семён приступил к своим медицинским обязанностям. Приказал Тимуру раздеться до трусов, уложил в комнате отдыха на топчан, растёр ступни ног, руки, заставил его почувствовать каждый палец. Лицо намазал мазью Вишневского.

Виктор в это время сменил часовых, на первом посту пришлось организовать двухсменное дежурство - докладывать дежурному офицеру о произошедшем , по понятным причинам, не хотелось.

Когда он вернулся в караулку, Тимур уже сидел в гимнастёрке с кружкой горячего чая в руках.

- Рассказывай! - приказал сержант. И тот сбивчиво, путая русские и узбекские слова, рассказал, как, боясь мороза, оделся так, что не мог толком пошевелить руками. Солдаты помогли ему зарядить оружие, повесили на плечо автомат. Пока шел по прямой - всё было ничего. А вот когда по крутой стылой лестнице кое-как добрался до середины пути на вышку, понял, что до верха ему в своём одеянии не добраться. Ведь предстояло ещё откинуть люк, забраться внутрь. Предыбайло с солдатами ушёл, помочь было некому. И тогда он решил спуститься на землю и ходить вокруг вышки. Когда попытался развернуться, сорвался со ступенек и кубарем слетел вниз, воткнулся головой в сугроб.

- Мая не магла двигать руки-ноги... - взволнованно говорил он. Ему повезло: внутри сугроб оказался полым, видимо, благодаря причудам разыгравшейся накануне метели. Сержант посчитал, что в общей сложности с начала ЧП и до того момента, когда они вызволили солдата из снежного плена, прошло не больше получаса.

- О чём думал-то, когда в сугробе лежал? - насмешливо спросил его сержант.

- Зима думал, марос думал, новый год думал. Умру, думал, новый год ни увижу, дед Марос ни увижу... - прихлёбывая из железной кружки, отвечал Тимур.

- Слушай, - осенило вдруг Виктора, - а как по-узбекски будет дед Мороз.

- Кирбобо, - не задумываясь ответил Тимур.

- Вот что, - засмеялся Виктор. - Теперь мы тебя будем звать не Юсупов, а Кирбобо - Тимур Кирбобо. А что, мне так больше нравится!

Все посмеялись выдумке Чернова.

Вскоре Семён Предыбайло провёл очередную смену. Мороз не сдавался. А под утро ещё усилился. В эту ночь отдыхающие смены почти не спали, все наперебой расспрашивали Тимура о

случившемся, о его ночных страхах. И, обращаясь к нему, называли уже не иначе, как Кирбобо. Так и пошло...

... Медленно занималась морозная заря. Тимур совсем отогрелся в караулке. Он так до утра и просидел за чаем и разговорами со свободными от смены.

- Ну что, - подошёл к нему Чернов, - на пост пойдешь?

- Мая пайдёт, камандира! - он приложил руку к сердцу.

- Тогда, собирайся! - приказал Виктор. - Только ничего лишнего не надевать! Сам прослежу!

Тимур накрутил в валенки, как все, по двое портянок, надел шинель, сверху - полушубок, на руки - по паре рукавиц. К посту шли уже по светлу.

- Руки будут мёрзнуть - хлопай ими посильнее друг об друга, - на ходу наставлял его начкар. - Сними рукавицу, подыши в неё. Ноги замёрзнут, не стой на месте - пляши. Дыши носом, а не ртом, чтобы не простыть. Не так страшен мороз, как его малюют!

Они дождались, пока Юсупов заберётся на вышку, откинет люк и скроется внутри. Потом рысцой понеслись менять часового на посту номер два.

... Минут через тридцать Виктор вновь крутанул ручку на коммутаторе.

- Мая на тилифона! - раздался в трубке бодрый голос Тимура.

- Как служба, Кирбобо? - спросил сержант

- Харош! - ответила трубка...

Отпуск

- Ты после отбоя спать не ложись, - прошептал рядовой Бимба Чимитов своему товарищу - рядовому Олегу Павлюкову.

Оба стояли в шеренге технического дивизиона на вечерней поверке. Эти построения - вот уже почти месяц - каждый день, утром и вечером, проходили на поляне возле насыпи железнодорожной ветки, где замерли пять пассажирских вагонов.

Были тёплые вечерние сумерки. На западе холмистого, бескрайнего горизонта степи, там, где тёмно-синее небо сходилось с землёй, ещё алели последние лучи отгоревшего солнечного мартовского дня. На небесном куполе зажигались многочисленные непривычно яркие звёзды. В это время года здесь, в южной казахской степи днём доходило уже до плюс двадцати. Но военным полка ПВО, которые прибыли сюда на учения из большого сибирского города, было не до красот. Их будни под завязку заполнялись рутинной, но необходимой работой, по результатам которой оценивалась истинная боеготовность полка.

Посередине утоптанной ровной поляны, где выстроился дивизион, был вкопан высокий деревянный столб, на котором висел огромный прожектор, соединённый проводами с одним из вагонов. Мощная лампа успешно соперничала с сумерками, высвечивая лица стоящих по стойке смирно солдат и причудливо удлиняя их тени.

- Почему? - не поворачивая головы, спросил Олег Чимитова.

- Есть идея на вечер, - сквозь зубы шептал Бимба. - Погода-то стоит какая - весна! Душа праздника просит... Потом отоспимся.

- А сержанту будем говорить?

- Нет, Чернову - ни слова. Сразу запретит. У него же на уме только одно, отпуск получить. Мы - сами, потихоньку...

На них зашикали. И они замолчали. А дивизионный старшина - здоровенный Василий Кожемяка зычным голосом вёл перекличку личного состава. Когда очередь дошла до их отделения кипсовиков (или - по-военному - расчета контрольно-испытательной передвижной станции, предназначенной для проверки бортовой аппаратуры ракет полка противовоздушной обороны), каждый из солдат отделения, услышав свою фамилию, коротко отвечал: "Здесь!".

Весь личный состав был на месте.

- А куда вы, нахрен, с подводной лодки денетесь!? - традиционной самодовольной фразой закончил поверку старшина. - Дивизион! - выкрикнул он, сделал паузу и снова громко рявкнул. - Отбой!

- Всё, парни, - добавил следом за ним командир отделения кипсовиков Виктор Чернов. - Пять минут на туалет, на перекур и - по купе, спать. Что-то устал я, как собака, с этими учениями. Да и жизнь вагонная надоела! Скорее бы вернуться в часть, а там - отпуск. Сам комдив обещал... - кивнул он рядовому Александру Вегеле, которого все называли Шуриком Бугелем - по названию одного из важных элементов ракеты, предназначенных для её погрузки подъемным краном.

Коренастый, рыжеволосый, сероглазый, из поволжских немцев, Шурик любил во всём порядок и аккуратность. Впрочем, уже за первый год службы в армии гражданские привычки любого человека как-то притупляются, вытесняясь армейским бытом, нередко перемешанным с правилом: не торопись выполнять приказ командира или наряд на работу - его могут отменить. Вот и у Вегеле, стал замечать сержант, начали проявляться лень и нерасторопность, желание лишний раз поворчать или обсудить распоряжение начальства.

Дивизион ночевал в плацкартном вагоне - втором от хвоста состава. В первом вагоне располагался штаб их зенитно-ракетного полка, приехавшего в эту забытую Богом казахскую степь на боевые стрельбы по реальным воздушным мишеням. В этом первом вагоне расположились все офицеры полка и дивизионов. В других вагонах жили солдаты полковых подразделений.

Время, отведённое командованием соединения их полку на боевые стрельбы, подходило к концу. Полк уже успешно справился с боевой задачей: во время тактических стрельб с первого попадания были сбиты все запущенные над полигоном ракеты-мишени. Командование объявило полку высший балл. И теперь в дневное время шла погрузка техники и оборудования на платформы железнодорожного состава - на это отводилось пара дней. А потом их ждала обратная дорога домой - в Западную Сибирь, к месту постоянной дислокации. Туда, где полк ПВО нёс боевое дежурство по охране воздушного пространства миллионного города.

Для этого его огневые дивизионы "опоясывали" город условным кругом, нацелив в небо своё грозное ракетное оружие. А технический дивизион регулярно обслуживал эту сложную технику, гарантируя её стопроцентную безотказность в реальном бою.

В 1980-м году, году московской Олимпиады, это оружие считалось самым современным в мире. И у реального воздушного противника нашей страны не было никаких шансов. Чтобы поддерживать боеспособность таких полков, чтобы их командиры и солдаты умели и знали, как вести себя в реальной боевой обстановке, раз в год весь личный состав вместе с полковой техникой вывозили на боевые стрельбы. Учения проходили на специальном полигоне СССР - на юге Казахстана.

О предстоящих в эту весну стрельбах Виктор Чернов узнал раньше всех - от дивизионного "секретчика" Немчинова. Как и Виктор, тот носил сержантские погоны и формально числился в составе отделения кипсовиков под началом Виктора. Но на этом все формальности и заканчивались.

Вадим Немчинов был освобождён от всяких нарядов и других видов работ: целыми днями просиживал в своей секретной комнате со спецоборудованием. И все документы, которые приходили из штаба полка, вначале попадали в его руки, а уж потом - к командиру дивизиона полковнику Заикину. Этот высокий, нескладный, полноватый, с вечно мятым лицом и таким же кителем, офицер, от которого частенько исходил дух вчерашнего перегара, получая от Немчинова очередной документ, всегда задавал ему один и тот же вопрос: "Сержант, а вы в журнале о неразглашении тайны расписались?"

Как-то в феврале Немчинов пришёл в столовую на обед вместе со всеми. Обычно он ел в офицерском зале. Конечно, сидел он там не с командирами, а за отдельным столиком в углу. Но кругленький, как колобок, невысокий ефрейтор из Еревана - повар Самвэл подавал ему то же, что и офицерам. Поэтому Вадиму надо было "соответствовать": его сапоги всегда были начищены до блеска, отутюженная гимнастёрка буквально светилась чистотой. Он даже носил небольшие усики и чёлку, на что старшина закрывал глаза, предпочитая не связываться с любимчиком дивизионного командира.

Немчинов сделал знак Чимитову освободить место за столом рядом с Черновым. Принял из рук разливающего "черпалы" миску с борщом и принялся с аппетитом его уплетать. Чернов, да и все остальные даже ложки положили от удивления и уставились на это действо, как на нечто небывалое: "голубая" кровь Немчинова принимала обычную солдатскую еду!?

А тот поел, положил ложку, сказал с наигранным удивлением: "У вас тоже вкусно, спасибо". И кивнул Виктору: выйдем, разговор есть. И уже на улице, один на один, тихим голосом сообщил, что через пару недель полк выезжает на боевые стрельбы. Но даже не это было главным в его информации. В приказе командиру дивизиона полковнику Заикину рекомендовалось предоставить список солдатско-сержантского состава - кандидатов на поощрение, в том числе - на предоставление очередного краткосрочного отпуска домой в случае успешного выполнения боевой задачи на учениях.

- Заикин тебя первым на отпуск записал, - Вадим посмотрел Виктору прямо в глаза. - Ты понял? - спросил он с завистью в голосе. - А меня не записал... - он вздохнул и пошёл в сторону казармы.

- Спасибо! - негромко шепнул ему в спину Виктор. Но тот только отмахнулся, не оглянувшись.

А у Чернова от этой информации аж зачесалось всё внутри, сердце кольнуло, когда он лишь на миг представил себе, что может побывать дома, где ждут его жена и маленький сын, по которым он соскучился больше всего на свете, и которым писал - при любой возможности - обстоятельные письма. Он достал из нагрудного кармана гимнастёрки фотографию с примятыми, потёртыми углами и посмотрел на родные лица. Потом убрал её назад и приказал себе выкинуть эти мысли из головы - так легче было тянуть армейскую, почти бесконечной, лямку.

В эту зиму стояли крепкие морозы. Когда их полк в глухом тупике железнодорожной станции в первые дни марта начал погрузку техники на открытые железнодорожные платформы, столбики термометров по утрам показывали ниже минус двадцати. Поэтому солдатам и сержантам в "довесок" к бушлатам выдали полушубки и валенки, чтобы не обморозились за долгие часы работы на открытом воздухе.

Погрузка шла утром, днём и вечером, с небольшими перерывами на приём пищи и ночной отдых. Утреннюю и вечернюю темноту

разгоняли прожекторами, подключенными к тарахтевшей на всю округу дизель-электростанции.

Платформы были сцеплены между собой в единый длинный состав. С крайней платформы на рельсы спустили широкие железные "сходни", сваренные из широкого металлического швеллера.

Погрузка едва не началась с ЧП. Когда первый седельный тягач «зил-131» начал медленный подъём по сходням на высокую платформу, нервы у молодого солдата-водителя не выдержали и, доехав до середины пути, колёса автомобиля забуксовали, и грузовик едва не сорвался с этой крутой горки на рельсы. Солдаты кинулись от машины врассыпную.

Положение спас ефрейтор Боря-бурят, пожалуй, самый опытный водитель дивизиона. Недаром ему доверяли ежедневную езду - вёрст за сорок - из дивизиона, размещенного в Барабинской степи, - в штаб полка в центре города, на грузовом трёхосном «зиле-157», или "трумане", как прозвали эту машину в армии, с будкой вместо кузова. Его авто ласково именовали "хозяйкой". А Боря, большой, толстый, неповоротливый, на первый взгляд, солдат-второгодок с глазами-щелками на смуглом лице, так виртуозно водил по городским улицам свой огромный грузовик, у которого при тяжелейшем рулевом управлении отсутствовала система гидроусиления, как в дивизионе не мог больше никто.

Он вскочил на подножку едва не вставшей торчком машины, её передние колеса готовы были вырваться из искусственной колеи швеллера.

- Первую передачу воткни! - крикнул он шофёру. Потом рванул дверь кабины, вышвырнул оттуда горе-водителя на железнодорожную насыпь, ловко перехватив у него руль.

Машина чуть сдала назад, потом выровнялась и медленно заползла на платформу. Доехав до её края, грузовик осторожно перекатился на следующую. И так - до конца состава. Там машина замерла. Боря вылез и заявил: "Я сам все тягачи загоню, не лезьте в это дело, щеглы!"

Автомобили крепили на платформах толстой металлической проволокой, прикручивая ею оси машин к специальным проушинам платформ. Работа на погрузке нашлась всем отделениям

техдивизиона - и кипсовикам, и отделению заправщиков ракет и, конечно же, солдатам взвода подвоза.

Сложнее пришлось с прицепами, на которые автокраном грузили и крепили ракеты. Их тщательно маскировали: с помощью конструкций из металлических труб и брезента делали эти вагоны с прицепами похожими на обычные крытые грузовые вагоны.

Из-за безветренной погоды над станцией стоял морозный туман, перемешанный с парами выхлопных газов от солярки и бензина. Звуки моторов и электродизеля перекрывали зычные команды офицеров, руководивших погрузкой своей матчасти. Больше других суетились и бегали вдоль наполняющегося техникой состава дивизионные старшины. Много работы было и у старшины техдивизиона Василия Кожемяки, возвышающегося над остальными на целую голову.

Грузили всё необходимое для автономной жизни полка: полевые кухни, упакованные большие шатры и палатки, большие термосы для пищи и много чего ещё.

С особой ревностью Чернов следил за погрузкой "зилка", на котором размещалась контрольно-испытательная передвижная станция - КИПС, от чьей работы завила едва ли не половина успеха полка на учениях. Олег Павлюков, сидевший за рулём КИПСа, справился с задачей на отлично. Виктор пожал ему руку, а потом они вместе закрыли на замок дверь станционного кунга, забитого стойками с электронной аппаратурой, "запечатали" её стальной проволокой.

К ним подошли офицеры-кипсовики - начальник их отделения стройный капитан Чукарин, его заместитель - безликий старший лейтенант с маской вечного равнодушия на лице, фамилию которого Виктор никак не мог запомнить, немолодой, но подвижный прапорщик Самойленко. Они пожали подчинённым руки. "Молодцы! - похвалил их капитан. - Но, ты, Чернов, следи, чтобы в пути всё было нормально". "Не беспокойтесь, товарищ капитан,- ответил польщённый Виктор. - Всё будет нормально".

К концу вторых суток военный состав полностью "упаковали" в дорогу. Пока маневровый тепловоз переталкивал его на другую ветку, полк - подивизионно - построили вдоль насыпи, провели перекличку. С короткой речью к личному составу в перемазанных мазутом и соляркой бушлатах обратился командир полка полковник Ивановский -

сам в светлой офицерской шинели, каракулевой папахе, надвинутой на глаза и с седыми густыми усами на усталом немолодом лице.

"Мы должны с честью выполнить поставленную перед полком боевую задачу! - сказал он. - Наиболее отличившиеся сержанты и рядовые будут поощрены десятидневным отпуском. И не только..."

Потом все направились на другой конец станции, где к грузовым платформам и крытым вагонам уже прицепили пять пассажирских: четыре - плацкартных и один - купейный для офицерского состава. "Штабной", - назвал его Кожемяка. Техническому дивизиону выпало ехать в предпоследнем от хвоста состава вагоне.

- Ну что, парни, радуйтесь! Поедем, как белые люди! - басил старшина, прохаживаясь по вагону. - Располагайтесь поудобнее, ехать далеко...

- А кормить будут?

- Помыться-то здесь можно?

- Спать на чём будем, простыней что-то не видно?

- Куда повезут?

Вопросы неслись со всех сторон. Но старшину смутить было нелегко:

- Куда повезут, говорить пока не велено, - отвечал он. - Насчёт кормежки не переживайте: сейчас сухой паёк начну выдавать. Мыться придётся в вагонном туалете, по очереди, тут других вариантов нету. Спать будем на матрасах, без простыней. Вы, небось, в дивизионе на караульной вышке без простыней спите. Сколько раз уже я оттуда матрас выкидывал...

Эта караульная вышка, действительно, была притчей во языцех. Наглухо закрытая стеклянными рамами от ветров и непогоды, она была знаменита тем, что все поколения дивизионных часовых пользовались здесь матрасом, чтобы коротать время несения караульной службы. Кожемяка регулярно инспектировал этот объект. Начальник попавшегося на нарушении караула и часовые поста получали наряды вне очереди. Старшина уносил матрас на вещевой склад. Но через два-три дня очередной матрас снова оказывался на вышке.

- На больших остановках полевую кухню наладим, обещаю горячее питание, - объявлял между тем старшина. - Так что потерпеть

придётся. Надо стойко переносить трудности и лишения армейской службы! Подтверди, Чернов?

- Подтверждаю, - усмехнулся Виктор. - Только я бы тоже пожевал чего-нибудь.

- Потерпи, - сказал и ему Кожемяка. - Кстати, есть и хорошая новость: нашему дивизиону повезло - мы не будем нести караул по охране состава в ходе поездки. "Ура" нашему комдиву Заикину! А то ведь на улице зима, мороз! Представляешь, каково сейчас часовому на открытой площадке?! А на ходу, когда поедем, вообще караулу "караул"! - скаламбурил старшина.

Между тем, раздался длинный гудок электровоза, вагон дернулся и медленно отправился в путь.

Виктор расположился со своими подчинёнными в пассажирском отделении примерно посередине вагона. Сам он устроился на верхней полке. Под ним расположился Шура Вегеле, напротив, на верхней же полке - русоволосый и голубоглазый красавчик Олег Павлюков, под Олегом - рядовой Чимитов, крепкого телосложения, с широкими округлыми плечами борца-чемпиона, помнил Чернов, своего родного бурятского района.

На верхнюю боковую лег солдат Тимур Юсупов, с его средним ростом спальное место было ему в самый раз. К Тимуру давно пристала кличка Кирбобо - по-узбекски Дед Мороз. Это случилось после того, как на самом первом своём дежурстве на посту в морозную ночь он едва насмерть не замёрз. Надев на себя несколько шинелей и полушубок, он сверзнулся с лестницы караульной вышки, и застрял в сугробе. Если бы не начальник караула сержант Чернов, который пришёл проверить новичка на посту, быть беде.

Ну, а нижнюю боковую занял ещё один военнослужащий их отделения - медлительный и хитроватый ефрейтор Семён Предыбайло с Украины. Вообще-то Семён числился дивизионным фельдшером, но никакого медицинского образования не имел. Зато всегда держал при себе чемоданчик с бинтами, йодом и аспирином, да банкой мази Вишневского, которой он и лечил все болезни, повторяя больным одну и ту же фразу: "У меня так было - пройдёт". И многим, действительно, помогало.

За долгую ночь в пути все кое-как помылись, пожевали консервов, покурили в тамбуре, наговорились. И, наконец, заснули, сморённые усталостью...

Утром Виктор проснулся от тишины. Все вокруг спали, а их поезд стоял на каком-то небольшом разъезде. В окно Чернов высмотрел станционный домишко, за деревьями, растущими вдоль дороги, виднелось бескрайнее белое поле вперемежку с берёзовыми колками.

Вставало солнце. И по тому, с какой стороны его яркие золотистые лучи врывались в вагонные окна, сержант понял, что их везут на юго-запад. Он спустился с полки на пол, сунул голые ноги в сапоги. А когда, умытый, вернулся из туалета, все уже проснулись..

- Командир, я до тамбура дошёл, хотел на улицу выглянуть, так двери закрыты на замок, - поворчал Чимитов. - Не знаешь, долго стоять будем?

- Откуда? Мне никто не докладывает, - хмыкнул в ответ Виктор. - А что, долго стоим?

- Я ночью часа в четыре вставал, так уже стояли, - вмешался Олег Павлюков, свесившись с верхней полки.

- А что, мы куда-то торопимся? - услышали они низкий голос Кожемяки. - Объявляю всем подъём! - проходя по вагону, трубил он. - Приводите себя в порядок, скоро будет горячий завтрак, кашу принесут.

Вагон зашевелился, заполнился поднявшимися с полок солдатскими телами. Многие зевали, потягивались, разминая затёкшие руки и ноги. "Похоже, выспался народ, - думал Виктор, глядя на подчинённых. - А то за эти дни устали все..."

Перловая каша, разопревшая в котле полевой кухни, сдобренная прозрачными кусочками разварившегося свиного сала, была необычайно вкусной. Все наелись, что называется, "от пуза", повара добавки не жалели, с лихвой перекрыв вчерашний ужин всухомятку.

А потом, делать-то в вагоне всё равно было нечего, все снова улеглись по полкам - спать. После казарменного распорядка, это было непривычно, но Виктор, как и большинство солдат, крепко уснул и проспал почти до обеда.

Состав стоял на месте.

В обед снова давали кашу, на этот раз - гречку. Повар, видно по всему, старался вовсю, а, может быть, еда из походной кухни, действительно, отличалась особым вкусом? Поели, пошлялись по вагонам. На улицу выходить было строго запрещено. Пришлось снова лечь "на боковую".

Состав продолжал стоять, как вкопанный. Солнце уже клонилось к закату.

"Долго же мы так ехать будем!?", - лёжа на полке, размышлял сержант.

Когда по вагону пробегал Кожемяка, Виктор ухватил его за рукав:

- Когда же поедем, товарищ старшина? Целый день стоим!

Старшина резко притормозил, свернул к их полкам, осмотрелся и, не церемонясь, отодвинул к стенке Шуру Вегеле, присел на его лежанку.

- Надоело стоять, говорите? - он почесал свой коротко стриженный затылок. - Ну, вы же люди военные, а мозгами пораскинуть не хотите? - он по очереди осуждающе посмотрел на каждого из них. - Ладно, приоткрою вам страшную тайну. Только, чтобы никому, ни-ни.

Он поманил их рукой, предлагая ближе сдвинуть головы.

- У нас состав какой? - спросил он сидящего напротив Чимитова.

- Ну-у, - растерявшись, начал тот. - Военный, наверное.

- Именно, военный. Соображаешь! - похвалил его Кожемяка. - Едет наш полк на секретное задание с секретным вооружением. А враг-то не дремлет, следит за передвижением военных частей. Днём ему это сделать легче, чем ночью. Поэтому, ехать мы будем только ночами. Особенно через крупные населённые пункты, города. Приготовьтесь к этому. А на день нас в тупики станут загонять. Вот такая военная тайна. Ешьте, спите, отдыхайте. Пока комполка не придумал какие-нибудь занятия. Вот, кстати, надо дежурство в вагоне установить, пол протирать, пыль. Умывальники чистить, опять же, - он похлопал Чернова по его свисающей с верхней полки руке. - Вот, давай, сержант, организуй для начала дежурство по своему купе. А я сейчас назначу дежурных по вагону, - Кожемяка встал, подмигнул Виктору и пошел в сторону штабного вагона.

Поезд двинулся в путь в десятом часу вечера. Электровоз дал осторожный короткий гудок, и они поехали дальше.

Во втором часу ночи проехали Петропавловск. Виктору после дневного отдыха не спалось, и он увидел проплывающую в окне вывеску вокзала. "Это же Казахстан!" - вспомнил он. Под утро проехали Кокчетав. Состав шёл с небольшой скоростью, часто останавливался. А утром их опять загнали на какой-то запасной путь. Лишь тогда Чернов забылся коротким, но крепким сном.

...Солдаты отлежали уже все бока. Да и каша на третий день поездки уже не казалась такой вкусной, как в первый раз. Позади был пятиэтажный город Целиноград, окруженный сплошными бескрайними полями. По расчётам Чернова, которыми он поделился с подчинёнными, следующей ночью должны проехать Караганду.

Делать было нечего. Писать письма - абсолютно бессмысленно, так как их просто некуда деть: на улицу не выпускали ни днём, ни ночью.

Откуда-то Чимитов достал замусоленную колоду карт.

- Сыграем, командир? - позвал он Чернова. - Ты во что умеешь?

- В преферанс, в кинга, в "тысячу", в "сто одно", в "шестьдесят шесть", - начал вспоминать Виктор студенческие времена.

- Ты - даёшь! - засмеялся Бимба. - А я только в подкидного дурака умею.

- Я - тоже в дурака! - подскочил Вегеле.

- И я, - подал голос Павлюков.

Словом, сели сначала вчетвером. Потом продолжили вшестером - присоединились Семён и Кирбобо. После этого играли трое на трое. Затем, решили разбиться на три пары и играли двое на двое: на "вылет". Проигравшая пара отдыхала, дожидаясь, пока проиграет следующая.

Определилась и самая сильная пара, это были Чернов с Павлюковым: сказывались годы тренировок во время учёбы Виктора в университете, а Олега - в техникуме.

...Карты помогли скоротать целых пару дней. Но и они надоели. Солдаты валялись на полках, вставая лишь в туалет и на обед. Позади оказались большая шахтёрская Караганда, небольшой горняцкий городок Абай, станции Воронцовка, Агадырь. Стало значительно теплее.

Однажды днём, когда состав простаивал в одном из железнодорожных тупиков, на Павлюкова что-то "накатило", и он привязался к Семёну: о чём тот мечтает. Кипсовики лежали по своим полкам в послеобеденной полудрёме, разговаривать особо не хотелось. Но Олег прицепился к Предыбайло, как клещ:

- Нет, ну ты скажи, о чём мечтаешь больше всего на свете?

Семён поначалу отнекивался. А потом, поняв, что, если не ответит, поспать ему не дадут, потянулся, задумался и молвил:

- Горячих галушек бы поел со сметаной, - закатив глаза к потолку, громко прошептал он.

- Тю, - передразнил его Павлюков. - Галушки - это несерьёзно!

- Чего! - привстал на локте Семён. - Что ты понимаешь?! Когда жрать больше нема, галушки - это объедение!

- А я хочу много денег, - подал со своей полки голос Чимитов. - У нас с мамкой сроду денег не было. И только я зарабатывать начал, меня в армию забрали... А ты сам-то чего бы сейчас хотел? - отфутболил он вопрос Павлюкову.

- Сейчас бы девушку, - мечтательно заулыбался Олег.

- Ишь, размечтался! - вмешался Шурик Вегеле. - Что ты с ней здесь делать будешь?

- Да уж, найду - что, - продолжал улыбаться Олег. - Сам-то о чём мечтаешь?

- Не скажу, - буркнул Бугель и отвернулся к стенке.

- А моя дамой хочит, - неожиданно сказал Кирбобо, который ещё полминуты назад негромко похрапывал. - Дома сяс типло, карашо...

- Я тоже больше всего домой хочу, - поддержал солдата сержант Чернов. Он шумно вздохнул. - Дома меня жена ждёт, сыну второй год пошёл, а он отца не помнит. Знаете, мужики, - заговорил он о заветной мысли. - Если полк хорошо отстреляется, меня в отпуск отправят.

- Откуда известно? - недоверчиво спросил Чимитов.

- Знаю, - Виктор прикрыл глаза и приглушил голос. - Вадим-секретчик сказал. Он списки кандидатов видел. Я, вроде бы, первым там стою.

- А я там есть? - Чимитов принял вертикальное положение на своей полке.

- Вот чего не знаю... - развёл руками Чернов. Потом помолчал, думая о своём. - Знаете, мужики, о чём хочу вас попросить? Давайте на этих учениях хорошо себя покажем. Ну что нам стоит?! Мы же можем пожить по уставу, без ЧП. Правда, мужики, домой хочу, не могу, - и он, как Вегеле, отвернулся к стенке.

…От станции Моинты состав повернул на юго-западную ветку. На улице стояла плюсовая температура. Куда ни глянь, всюду расстилалась бесконечная бурая степь. "А, может быть, и пустыня, - думал Виктор. - По крайней мере, на земле не видно никакой живности". Правда, высоко в небе плавно кружили, расправив широкие крылья, хищные птицы.

Днём по безоблачному небу медленно двигался большой яркий солнечный диск. А по ночам Виктор долго не мог заснуть, смотрел в окно, пытаясь на ходу прочесть высвечиваемые тусклыми огнями вывески с названиями проплывающих мимо станций и разъездов.

"Скоро увидим Балхаш, - сказал ему к концу недели пути старшина, как всегда, по делам быстро проскакивая по вагону. - Не пропусти. Картина грандиозная! Сейчас уже будем ехать и днём".

...Огромная гладь озера открылась внезапно с левой стороны по ходу движения состава. Стоял солнечный день, и от яркого мерцания льда, покрывающего водоём до самого горизонта, рябило в глазах. Все буквально прилипли к окну, любуясь картинами природы, будто нарисованными гигантской кистью волшебного художника. Сзади подошел Кожемяка, облокотился на солдатские спины.

- Что, впечатляет? - спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. - Сколько езжу на эти стрельбы, любуюсь красотой! И ведь, что рассказывают: половина озера - на восток - соленое, на запад - вода пресная. Вот устроила природа!

Состав медленно тащился вдоль берега по одноколейному пути, забирая вправо и удаляясь от озера. И к вечеру, на закате солнца, поезд, издав пронзительный длинный гудок, остановился.

- Станция Сары-Шаган - шире шагай! Из вагона выходи, стройся! Построение без бушлатов, в гимнастёрках, это вам юг, а не Сибирь, здесь уже весна! - зычно командовал и комментировал Кожемяка. - Будем устраиваться на житьё-бытьё.

Все сбегали с высокой насыпи, где замерли вагоны, вниз на ровную утрамбованную площадку. Под ногами, обратил внимание Виктор, - песок, твёрдая глина, пласты камня вперемежку со щебнем. Вдаль тянулись уходящие за горизонт многочисленные холмы, подсвеченные розовыми лучами заката. "Тепло", - отметил про себя Чернов. - Вот уж, действительно, на юг приехали..."

Над всем эти властвовало высокое тёмно-голубое - ни облачка - вечернее небо, на макушке которого зажигались, мерцая, незнакомые звёзды. Виктор поискал на привычном месте яркие точки знакомых созвездий Большой и Малой Медведиц. Но вместо них увидел другую бриллиантовую россыпь. Выделил взглядом тройку тех звёзд, что выделялись ярче остальных, но таких названий для них, как Арктур, Спика и Сатурн, он просто не знал.

От созерцания незнакомого неба отвлекла команда на построение полка. Тут только Чернов заметил, что посредине площадки был вкопан столб, на котором висел прожектор. Рядом уже "разводили" полевую кухню, её лёгкий дымок носился по площадке, приятно щекотал своим запахом солдатские носы.

Полк построили подивизионно - всего около двухсот человек - в гимнастёрках, но без головных уборов: шапки старшины надевать не велели. А пилотки солдаты и сержанты не успели достать из вещмешков. На головах офицеров красовались летние фуражки. Командир полка полковник Ивановский вышел перед строем тоже по-летнему - в кителе и фуражке. Все обратили внимание, что лицо его было слегка "примято" с одного края, будто он долго неудобно лежал на жёсткой подушке лицом вниз. Он приветствовал подчинённых, как показалось Виктору, каким-то неуверенным голосом, поздравил их с успешным прибытием на полигон. Потом приказал старшинам дивизионов провести перекличку личного состава, накормить всех и объявить пораньше отбой, чтобы с утра начать работу на полигоне.

Пока шла перекличка, состав разъединили - пассажирские вагоны остались стоять на высокой насыпи, в них полку предстояло жить во время учений. Грузовые вагоны, сказал Кожемяка, погнали к полигону, километрах в трёх отсюда. Разгрузка техники будет завтра с утра. "В пассажирских вагонах полк будет ночевать, здесь же, у вагонов, принимать завтрак и ужин. А дневать будем на полигоне", - сказал он и оглянулся на командира технического дивизиона полковника Заикина. Тот согласно кивнул.

Комдив коротко сообщил своему дивизиону, что на учения полку отводится полторы недели: основную часть времени займёт подготовка ракет. И тут многое будет зависеть от качественной работы отделения кипсовиков. Два дня займут стрельбы. Ещё два потом - на погрузку техники для возвращения. Ну, и путь домой снова займёт неделю.

- Перекличку будем проводить каждое утро и вечер. Так что не зевайте! - добавил уже старшина. - С утра установим здесь шатёр - в нём будет столовая. Умывальники поставим, воду водовозка привезёт. Мы здесь ещё и баню устроим, поэтому не вешайте носа!

Тем временем, начало быстро темнеть. На столбе вспыхнуло яркое пятно прожектора, залившего мощным искусственным светом всю площадку. Кожемяка приказал разойтись, взять в вагоне ложки с мисками, кружки, получить пищу. После ужина - посетить туалет - деревянное сооружение виднелось в дальнем углу площадки. И - отбой.

Как ни странно, а уснуть в этот вечер Виктору удалось сразу. Может быть потому, что вагон, наконец-то, не качало на рельсах, не было мерного стука на стыках железной дороги. Ему снился дом, маленький сынишка почему-то не хотел идти к нему, резво убегая от его рук и отворачивая лицо, которое Виктор, как ни старался, не мог рассмотреть. Под конец сын вообще исчез из его поля зрения. И Чернов проснулся от того, что кто-то тряс его за ногу.

Он с трудом разлепил глаза, оторвал голову от подушки. В окна били яркие лучи солнца. Он увидел, что рядом с его полкой стоят старшина и сержанты - командиры других отделений. Старшина сделал ему знак рукой - подниматься и следовать за ними. Виктор осторожно спрыгнул с верхней полки, в несколько секунд оделся, сунул ноги в сапоги, глянул в окно. Вновь увидел, как до горизонта тянулись пустынные плоские холмы, которые в эти утренние минуты переливались какими-то незнакомыми яркими красками. В окне, выходящем на другую сторону насыпи, виднелась расположенная чуть в стороне цепочка из четырёх-пяти домиков станционного посёлка. Дальше за домами шёл ещё один одноколейный железнодорожный путь.

Виктор поспешил вслед за сослуживцами на улицу, где солнце уже прогрело воздух, а лёгкий ветерок приносил незнакомые запахи.

Повара возились у двух полевых кухонь: вторую, видимо, подогнали ночью. Возле столба с прожектором высился тюк из ткани - это ждал своего часа огромный шатёр. Возле него кучей были навалены длинные узкие столы и лавки. Чуть в стороне стояла цистерна с водой, к ней была прислонена деревянная конструкция с прикрепленными к ней металлическими умывальниками.

- А вы как думали? - ответил на немые вопросы сержантов Кожемяка. - Вы спите, значит, все спят? Нет, люди о вас всю ночь заботились! - И он начал ставить командирам отделений задачи по обустройству жизни и быта дивизиона. Взводу подвоза предстояло установить шатёр и превратить его в постоянную столовую. Плюс - чистка картошки на обед. Отделение заправщиков должно дооборудовать умывальную площадку. "А кипсовикам - самое ответственное задание, - кивнул старшина Чернову. - Вечером заступаете на сутки в караул по охране полигона. Проверяющих там - тьма, - сурово добавил он. - Если твои бойцы "обделаются" - не сносить тебе головы..."

- Да всё будет нормально, я своих знаю! - тут же среагировал Чернов.

- Сплюнь! - пробасил Кожемяка. - А тебе, доложу по секрету, тем более стоит выслужится, - сказал он, оттянув Виктора за рукав в сторону от остальных. - Отпуск тебе корячится, - и он добродушно похлопал сержанта по плечу.

Все задачи по обустройству площадки надо было выполнить до завтрака. И уже через несколько минут вокруг поднялась невообразимая суета. А ещё через час дивизион, умытый в новой умывальне, с начищенными зубами, сапогами и бляхами на ремнях стоял по стойке смирно напротив откинутого полога высокого шатра-столовой - на утренней поверке. Солдаты щурились от яркого солнца и давились слюной в предвкушении каши.

Виктор первым справился с едой. "Сидите",- буркнул он, ведь в армии негласно действовало правило: сержант поел - приём пищи закончен. И выскочил из шатра на улицу. Ему хотелось хотя бы бегло осмотреть окрестности - когда ещё выпадет свободная минутка?! Быстро поднялся на насыпь и, приложив козырьком ладонь к глазам, вгляделся в даль холмов. Чем-то они привлекли его внимание ещё в те минуты, как только разбудил старшина. Холмы отливали незнакомыми яркими красками.

- Что, любуешься? - он вздрогнул от вопроса незаметно подошедшего сзади Кожемяки. - Это тюльпаны в степи цветут, - со знанием дела пояснил он.

Солнце уже высоко встало над землей. И после слов Кожемяки Виталий пригляделся и понял, что степь покрыта красными разводами от многочисленных цветов, усеявших плоские вершины и склоны.

- Я такой красоты нигде не видел! - восхищённо ахнул Чернов.

- И не увидишь... - снисходительно заверил его Кожемяка. - Только рот не разевай, а то дивизион уедет на полигон без тебя. - Старшина кивнул в сторону шатра. Туда уже подогнали несколько крытых брезентом грузовиков, которые быстро заполняли солдаты. И Виктор со всех ног кинулся на посадку.

На полигон ехали, заметил Чернов, по хорошему шоссе, что в безлюдной степи казалось немного странным. На всём пути им не встретилось ни одной машины. Зато попались два КПП, они располагались прямо среди поля. Дорогу возле них перегораживали мощные шлагбаумы. Вооруженные автоматами постовые с суровыми лицами уверенными жестами останавливали машины, внимательно просматривали документы у водителей, заглядывали в кузов и только после этого поднимали шлагбаум, разрешая ехать дальше. "Надо же, какие строгости!", - долго обсуждали потом солдаты.

Территория полигона чем-то напоминала Виктору огневые дивизионы их полка, в которых ему не раз приходилось бывать во время регламентных работ, когда его расчёт КИПС тщательно проверял аппаратуру стоящих на боевом дежурстве ракет. На полигоне так же виднелись окопы с ракетными пусковыми установками.

Единственное, что резало опытный глаз сержанта - народу здесь толклось гораздо больше, чем нужно в обычном дивизионе. Кроме того, местных военнослужащих можно было сразу отличить от приезжих по необычному обмундированию и головным уборам: в такие облачали солдат ближе к жарким южным границам страны.

По всему огромному периметру полигон был обнесён колючей проволокой, по углам торчали высокие караульные вышки с часовыми. Более серьёзная охрана находилась и на КПП, где их грузовики тщательно досматривали. В одном из дальних углов полигона, где пролегали железнодорожные пути, стояли их грузовые вагоны и платформы в ожидании разгрузки.

...Виктор с Бимбой Чимитовым быстро освоили огромные кусачки, ими они в четыре руки с усилием перекусывали толстую проволоку, удерживающую автомобили на платформах.

Во время спуска машин на землю опять отличился водитель дежурки Боря-бурят: одну за другой "перегнал" все полковые машины с платформ на землю. Ударную разгрузку прервали только раз, объявив перерыв на обед.

Степное солнце в этот час находилось в зените, пригревая не по-весеннему так, что кое-кто из солдат поснимал с себя гимнастёрки. Лёгкий ветерок доносил из степи непривычные запахи, они перебивали вонь солярки и мазута. Так пахли тюльпаны, сказал Виктору кто-то из местных. И Чернов чувствовал, как эти новые запахи будоражат кровь, вызывая у сибиряка тоску и волнение. Виктор понимал, что эта весна влияет и на его сослуживцев: они резво носились по полигону, разговоры вели на более громких, чем требовалось, тонах и без конца отпускали к месту и не к месту сальные шуточки, не сговариваясь, отвечали на них дружным хохотом.

В низком деревянном здании, больше напоминающем навес, так как оно имело всего три стены, четвёртую заменял брезент, их накормили так, как Виктор не едал ни разу за всё время службы. Причём, доппаёк в виде консервов и небольших головок сыра местного производства они просто растолкали по карманам "про запас" - в желудки он просто уже не влезал.

Всю привезённую с собой технику полк расставил на специальной площадке. Прицепы с укрытыми брезентом ракетами подцепили к тягачам и выстроили в ряд. С одной стороны от ракет расположились машины-заправщики. С другой - занял своё почётное место "зилок" КИПС. Чернов с Павлюковым и прапорщиком Самойленко отперли замок на входной двери станции, деловито осмотрели её внутренности и остались довольны: она хорошо перенесла далёкое путешествие.

Дело шло к вечеру. Всех приехавших на полигон увезли на ужин и ночёвку к вагонам. А отделение кипсовиков осталось на полигоне, чтобы заступить в караул. Численность караула на полигоне была больше, чем в родном дивизионе: здесь было четыре поста, вместо привычных им двух. Поэтому людей из отделения Чернова явно не хватало.

Дежурный офицер - молодой бойкий старлейт - объяснил, что команда караула будет сборной: из кипсовиков и местных солдат. Начальником караула и его замом назначили сержантов с полигона. А Виктору с его подчинёнными предстояло нести службу на постах. "Ничего, - успокоил себя Чернов. - Не сразу же я стал начкаром, ходил в караул и обычным часовым. Вспомню молодость..."

Он попросился на первый пост в первую смену, во вторую и третью смены на свой пост позвал Чимитова и Павлюкова. Для поста номер два сформировали команду из Шуры Вегеле, Кирбобо и Семёна Предыбайло. Стоять предстояло на вышках.

Дежурный сообщил им пароль, которым должны отвечать часовым при смене караула или проверяющие при посещении постов. Это было слово "Сибирь", видимо, в честь их приезда.

Виктор подозвал своих:

- Мужики, прошу нести дежурство как следует. На посту - не спать! Места здесь чужие, люди - тоже. Так что, будьте настороже, не подведите дивизион.

Им выдали шинели - ночи в степи ещё были прохладными.

Незнакомый, суровый с виду начкар-сержант в шесть вечера развёл первую смену на посты. Виктор по крутой лестнице взобрался на высокую вышку, осмотрелся. Площадка на вышке была открытой. Сверху весь полигон была как на ладони. Он внимательно осмотрел ряды техники, окопы с пусковыми установками, запоминая на всякий случай их расположение. Вдалеке виднелась одноэтажная казарма с тёмными глазницами окон. Возле неё и у стоящей рядом столовой копошились фигурки военных.

Солнечный диск на западе приближался к горизонту, освещая бескрайнюю степь ровными, не слепящими, как днём, лучами. Поэтому было светло, и электричества пока не зажигали.

Но прошло тридцать минут, и солнце скрылось за холмами, щедро позолотив напоследок широкое полотно степи. И в ту же секунду на полигоне вспыхнули многочисленные прожектора, не позволив сумеркам сразу вступить в свои законные права. Сразу же засветились и окна казармы. А вот низкие звёзды южного небосвода, наоборот, потускнели, будто отодвинувшись ввысь от этой искусственной яркости.

Пока Виктор любовался этими новыми, неизвестными ему, быстро меняющимися красками ушедшего дня, его смена подошла к концу. Она прошла без всяких приключений. Движение внутри периметра полигона постепенно замирало.

Чернова сменил на посту Чимитов. Чимитова - Павлюков…

ЧП произошло, когда Виктор второй раз встал на пост. На соседней вышке в это время стоял Кирбобо. Казалось, каждый уголок огромного полигона был ярко освещён прожекторами. Правда, площадки караульных вышек располагались чуть выше этого потока света. И часовые были скрыты от посторонних глаз ночными сумерками. Примерно во втором часу ночи над тишиной спящей воинской части раздался громкий щелчок одиночного автоматного выстрела.

"На втором посту", - сразу же определил Виктор. - Это у Кирбобо что-то случилось!" Он всматривался в вышку номер два, увидел, как в казарме в двух-трёх окнах загорелся свет. Возле той вышки было какое-то движение. У Виктора от волнения даже ладони вспотели, но не мог же он оставить свой пост. Он попытался дозвониться до караульного помещения по телефону, но никто ему не ответил. Оставалось лишь гадать о произошедшем и ждать смены.

Вскоре пришла смена. Её привел заместитель начальника караула, незнакомый Виктору сержант. Часовые тёрли заспанные глаза и громко зевали. Чернов на ходу спросил у своего сменщика Чимитова, что случилось? Услышал в ответ короткое: "Да всё нормально, командир. Это Кирбобо бдительность проявил".

В караулке уже заканчивали разбор ЧП. Здесь был дежурный по части – тот самый молодой старший лейтенант, возбуждённый и взъерошенный от того, что случилось. Раскрасневшийся от волнения Кирбобо, путая и коверкая слова, наверное, уже не в первый раз объяснял свои действия, без конца повторяя:

- Мая же по уставу ситыриляля! Мая парасиль: пароль? А она гавариль "Сивер", - кивал он на офицера. По испуганным глазам старлея Чернов понял, кто виноват в произошедшем.

В конце концов, он выяснил, что лейтенант во время ночного обхода решил проверить пост, где стоял Кирбобо. Когда он приблизился к вышке, часовой криком: "Стой, кто идёт?", - остановил его, потребовал назвать пароль. А на старлея будто затмение нашло, он и сам не мог объяснить, почему, вместо слова "Сибирь", он ответил "Север".

Причём, повторил это дважды и не остановился, продолжал подходить к посту. Как признался сам, Кирбобо, он хоть и струхнул, визуально не узнав дежурного, но, в отличие от проверяющего, действовал четко по уставу. Он подал команду: "Стой, стрелять буду!" Тот опять не среагировал, как заведённый повторяя слово "Север". И Кирбобо выстрелил в воздух. Старший лейтенант от страха едва не наложил в штаны, упал на землю и лежал под прицелом Кирбобо до прибытия начкара с бодрствующей сменой.

О случившемся уже доложили полигонному начальству. Окончательный разбор будет завтра, сказал Чернову начкар, проводив горе-лейтенанта до ворот караулки. При этом он дружелюбно улыбался, похлопал Виктора по плечу:

- Не переживай, твой солдат всё сделал грамотно, молодец! Этих лейтенантов ещё учить да учить службе надо. Они после училища борзеют, думают, что солдатского Бога за бороду держат…

Он долгим изучающим взглядом посмотрел на Чернова:

- Зайди-ка в начкаровскую, - кивнул Виктору и прошёл вперёд. А когда тот следом заглянул в комнату, неожиданно предложил:

- Давай по глотку спиртяшки? За знакомство, - и не дожидаясь ответа, громко позвал своего зама:

- Сидоров, загляни! Где там у тебя эта фляжка? Дай! И сало не забудь...

Когда вечером следующего дня они возвращались после караула к своим вагонам, Виктор успокаивал Кирбобо. "Твои действия признали правильными", - говорил он солдату. "А как сказит капитана? Друг, ругать будут?!" - волновался тот.

На станции их, действительно, встретил Чукарин. Чернов поймал себя на мысли, что видит начальника отделения впервые со дня погрузки в эшелон. С тех пор капитан сильно изменился. Его лицо, отметил сержант, выглядело одутловатым и было примято с одного края, точь в точь как у командира полка Ивановского, когда тот поприветствовал личный состав дивизиона с прибытием на полигон.

- Сержант, постройте отделение, - тихим вялым голосом скомандовал капитан.

Когда бойцы выровнялись в линеечку, Чернов строевым шагом подошел к Чукарину, бросил правую руку к козырьку, отрапортовал:

- Товарищ капитан первое отделение по вашему приказанию построено. Командир отделения сержант Чернов, - Виктор сделал шаг в сторону и встал рядом с капитаном лицом к солдатам.

- Рядовой Юсупов, - позвал капитан.

- Я, - упавшим голосом отозвался Кирбобо.

- Выйти из строя.

- Есть, - рядовой два раза шагнул вперёд, крутнулся на месте, встал перед строем, опустил голову, покусывая губы.

- Объявляю благодарность за чёткое несение караульной службы...

- Слюзу Саветска Саюза! - звонко отозвался Кирбобо, улыбаясь во весь рот.

- Разойдитесь, отдыхайте, - устало махнул рукой Чукарин и тяжело пошагал в сторону вагонов.

"Странно,- подумал Виктор, глядя после ужина на группу офицеров, которые вышли из своего вагона на улицу - покурить, подышать степным воздухом. Все они выглядели усталыми, хмурыми, помятыми с опухшими лицами, отчего глаза у некоторых превратились в щелочки, как у бурята Чимитова. - Уж не подхватили ли какой-нибудь вирус наши отцы-командиры?"

Впрочем, причина этой болезни вскоре была им чётко диагностирована. Это произошло в тот момент, когда он увидел, как к офицерам подошёл старшина Кожемяка. Приподняв правую руку, в которой у него была зажата небольшая металлическая канистра, он, встряхнув её, кивком призвал проследовать в вагон. Лица многих, заметил Чернов, моментально просветлели, и военные один за другим стали быстро подниматься в тамбур...

Следующие дни у расчёта кипсовиков были заполнены работой на полигоне - они начали проверки ракет перед пусками. Как разъяснил команде всезнающий прапорщик Самойленко, полку предстояло два дня подряд атаковать по две ракеты-мишени.

По боевому распорядку действий зенитно-ракетного полка ПВО, для ликвидации одной воздушной цели противника полагалось последовательно запускать три ракеты, чтобы вероятность уничтожения противника была полной. "А если цель будет сразу уничтожена первой ракетой?" - допытывался Шура Вегеле. "Ничего

страшного, - обстоятельно излагал прапорщик. - Вторая ракета "сработает" по наиболее крупным обломкам цели. Ну, а третья автоматически уйдёт на самоликвидацию. Так что, от нас никто не скроется!" - с удовлетворением почесал затылок Самойленко.

За разговорами он внимательно следил за доставкой ракет на проверку кипсовикам. Для этого задействовали автокран "Урал". Из длинного ряда тягачей с прицепами к автокрану подъезжала очередная машина. Прицеп освобождали от брезентовой оболочки, под которой скрывалась серебристая ракета. С помощью кипсовиков её осторожно перегружали на специальную тележку и катили к контрольно-испытательной станции. Здесь к её узлам и блокам подключали от станции разные кабели, и проверка начиналась.

Офицеры расчета КИПС, сидя в кунге, с помощью приборов станции проверяли каждый свой узел ракеты: систему наведения с приёмо-передающими антеннами, гироскопы и рулевую часть, батарею питания, блок автопилота... Своё место в кабине с аппаратурой занимал и сержант Чернов, в его обязанности входила проверка исправности радиовзрывателя ракеты.

Капитан Чукарин, посвежевший и повеселевший за эти дни, требовал делать всё очень тщательно, ведь сбой в работе любого узла летающего изделия мог привести к срыву боевого задания полка. Работы шли до темноты, до тех пор, заметил Чернов, пока свет прожекторов на полигоне окончательно не перебивал долгое малиновое зарево заката.

После троекратной проверки аппаратуры, ракеты поступали в ведение заправщиков, потом их развозили по окопам, поднимали на пусковые установки.

Во время одного из коротких перерывов этих напряженных дней Чукарин положил на крохотный металлический столик возле электронной стойки Виктора книгу в синей твёрдой обложке с надписью "Техническое описание и инструкция по эксплуатации оборудования контрольно-испытательной станции (КИПС)...".

- Найди свой раздел по радиовзрывателю и внимательно всё изучи, - приказал он.

- Зачем? – совсем не по уставу спросил Чернов.

- Не сегодня-завтра придёт проверяющий, будет ревизовать нашу теоретическую подготовку, - пояснил Чукарин.

Виктору сразу же вспомнились занятия в военных классах учебной части, с которой начались его первые недели и месяцы армейской службы. Дотошные преподаватели-офицеры пытались втолковать ему - филологу - тонкости и особенности физики летающих тел, электротехнические характеристики ракетных узлов и прочую информацию, которую Виктор считал плохо доступной для своего мозга. Он чисто механически запомнил необходимые действия для проверки радиовзрывателя ракеты: какие показания должны выдавать амперметры и вольтметры и что предпринимать в случае отклонения от этих показателей. Но понять, а, тем более, объяснить происходящие в ракете процессы мог, разве что, "на пальцах".

Всё это он попытался объяснить начальнику отделения, подчёркивая, что отделению просто не повезло с сержантом-филологом.

- Ладно, не гони пургу, - поморщившись, оборвал его откровения капитан. - Ты – учи, как есть, а там видно будет...

Два вечера, лёжа на полке вагона, при тусклом освещении купе Виктор добросовестно пытался вникнуть в мудрёные абзацы, графики и схемы учебника, но умнее себя не почувствовал. Он даже пренебрёг в эти дни прогулкой по тёплой вечерней степи, запахами которой не мог надышаться.

Проверяющий пришёл вечером на третий день. Чернов сразу понял, кто этот незнакомый капитан в новенькой шинели, внезапно возникший в дверном проёме кунга.

- Разрешите... - не то спросил, не то представился он Чукарину. - Я к вашему сержанту. Надо его проверить на знание теории.

Чукарин кивнул, тяжело вздохнул, приказал подчинённым: "Выйдем, товарищи". И офицеры расчета КИПС вышли на воздух.

Незнакомец тем временем обратился к Виктору:

- Представитесь, сержант.

- Командир отделения сержант Чернов, - подскочил с места Виктор.

- Садитесь, сержант. Давайте побеседуем, - капитан шагнул к стойке Чернова. - Расскажите-ка, чем вы тут занимаетесь?

У Виктора внутри всё похолодело, как перед госэкзаменом в университете.

- Проверяю работу радиовзрывателя ракеты, товарищ капитан, - невесело ответил он.

- Ну-ну, - подбодрил его проверяющий. - И что вы для этого делаете?

Чернов, запинаясь и краснея, принялся объяснять свои действия, называя при этом, какие показания должны выдавать ему приборы.

Капитан терпеливо слушал, а потом спросил:

- А почему амперметр должен показать именно ноль четыре ампера?

Виктор окончательно смутился, замолчал, пытаясь сообразить, что ответить.

- Ну-ну, - снова подбодрил проверяющий.

- А чёрт его знает! - неожиданно для самого себя выпалил Чернов.

- Как, как? - растерянно переспросил капитан. - Кто знает?

- Чёрт его знает! - с какой-то обречённостью, но уже веселее повторил Виктор.

Капитан недоверчиво посмотрел на Чернова и вдруг громко захохотал:

- Давно не слышал таких ответов! Умора! Вы что заканчивали, сержант?

- Филолог он, а, вернее, филолух! - раздался бодрый голос Чукарина. Виктор и не заметил, как он оказался внутри станции.

- Не повезло нам: вместо физика выделили нам в кипсовики лирика, - развёл он руками. - А куда нам деваться было?! Выбора нет. Вот и обучили работе. Так-то, он парень толковый, - при этих словах Виктор с благодарностью глянул на своего начальника и заметил, что тот глазами дает ему понять: вали, мол, отсюда. Виктор осторожно обошёл проверяющего и шмыгнул к выходу. Услышал, как Чукарин громко позвал: "Самойленко, зайди!"

Оттолкнув Чернова, Самойленко вскочил на ведущие в кунг ступеньки. В руках у него был хорошо знакомый Виктору большой кожаный портфель.

Виктор вышел на воздух, огляделся, присел на лежавшую возле КИПСа огромную отслужившую свой век резиновую покрышку от

колеса автомобиля. Его подчинённых уже увезли на ночёвку. Через раскрытую дверь станции доносились громкие голоса. Очевидно, там спорили, но прислушиваться к сути разговора Чернов не стал. "Вот и плакал мой отпуск!" - от этой мысли здесь, под чужим звёздным небом, его забирала такая тоска, что хотелось выть, и слёзы просились наружу. И лишь усилием воли он удерживал их...

Прошло не менее полутора часов, полигон совсем затих, прежде чем из кунга вышел проверяющий капитан. Он медленно спустился по ступенькам на землю. Нетвёрдым шагом направился к вытянувшемуся в струнку Чернову. "Учите матчасть, сержант!" - дохнул на него перегаром и поплёлся в сторону казармы.

Следом показался прапорщик Самойленко.

- Ну, как? - с надеждой обратился к нему Виктор.

- Нормально, - ткнул его кулаком в плечо прапорщик. - Четвёрку поставил. А это, считай, проходной балл. Благодари Чукарина.

- Не надо меня благодарить, - неожиданно низким голосом откликнулся тот из кабины. - Домой вернёмся, засажу всех за учебники!

- Ага, - тихо проворчал сержант. - А в наряды кто ходить будет?

...В день стрельб расчёты огневых дивизионов увезли на полигон сразу после завтрака. А технический дивизион остался слоняться на площадке возле вагонов. Как объявил оставшимся старшина Кожемяка, воздушный бой будет виден, как на ладони. День был тёплым и ясным, на высоком синем небе - ни облачка.

Солдаты нет-нет, да и вглядывались в небесную голубизну. Однако первым увидел начало воздушной атаки условного противника глазастый старшина.

- Вон ракеты-мишени пошли! Километров двадцать отсюда будет, - громко объявил он, приставив к глазам ладонь.

Виктор, проследил за его взглядом, увидел, как высоко в западной части неба навстречу солнцу двигались две почти невидимые точки-самолётики, за которыми тянулся короткий белый инверсионный след. Судя по всему, расстояние между ними было приличное. Все замерли, следя за их неслышным медленным движением.

- А там и наши изделия! - опять сообщил старшина, показывая рукой пониже мишеней. Три крохотные иголочки, за которыми также струились яркие белые линии, казалось, неспешно, одна за другой, двигались снизу и наперерез первой из мишеней.

Вот первая иголочка вплотную приблизилась к самолётику, мгновенно возник небольшой белый клубок, в который ткнулась вторая иголка, чуть увеличив диаметр клубка. Третья - устремилась вверх и лопнула клубочком поменьше.

Со второй мишенью всё повторилось точь в точь, что и с первой. Высоко в небе от короткого боя остались лишь клочки перепутанных инверсионных следов.

- Да, молодцы огневики! Мы ведь даже глазом моргнуть не успели, - подвёл итог старшина. - Чернов, - окликнул он Виктора, - организуй своих, пусть посуду после завтрака помоют. А мы с тобой пойдём, место для бани выберем. У нас традиция: после стрельб - баня. Надо же следы пороха смыть...

Баню определили на послезавтра. Потому что, на завтра полку предстояли новые стрельбы, на этот раз - по низко летящим целям. "Эти стрельбы мы уже не увидим, - объяснил Кожемяка. - Слишком низко будут двигаться мишени - прямо по над землёй, как крылатые ракеты. Думаю, и с ними наши ребята справятся... - он испуганно зажал свой рот рукой и быстро постучал по деревянному столбу с прожектором: не сглазить бы.

Однако с низколетящими целями полк справился так же на "отлично". Об этом сообщил личному составу полка полковник Ивановский на вечерней поверке в день завершения боевых стрельб. Он выглядел свежо, молодо и глаза его светились радостью, а седые усы стояли торчком. Он объявил, что командующий учениями поставил сибирякам "пятёрку", объявил благодарность всем офицерам, старшинам, сержантам и солдатам. В ответ на это дивизионы нестройно, но от души гаркнули троекратное "Ура!"

Настроение у всех было приподнятое, свою ложку мёда в это внёс и Кожемяка, объявив на завтра банный день. Он по бумажке зачитал расписание помывки дивизионов. Техническому дивизиону предстояло мыться сразу после обеда. Старшина даже пообещал выдать своему дивизиону чистое нижнее бельё и свежие полотенца, которые запасливый Кожемяка прихватил с собой в поездку.

Банный день был хлопотным. Баню организовали в большой низкой палатке, которую установили прямо на земле, недалеко от кухонного шатра. Подтянули туда водовозку.

В станционном посёлке Кожемяка выпросил вёдра, несколько тазов, печку-буржуйку, дрова. Печь установили в палатке, раскочегарили до красна. В палатке было жарко, а вот мыться предстояло холодной водой, греть её было не на чем.

Из полевой бани доносился громкий хохот и визг. Солдаты намыливали головы, руки, ноги, животы, тёрли друг другу спины, а потом окатывались ледяной водой, добытой из степной подземной скважины. Мыться надо было быстро, так как другие дивизионы стояли в очередь, торопили: не расслабляйтесь там!

После бани Виктор растёрся вафельным полотенцем, надел на разогретое чистое тело гимнастёрку и брюки, на ноги навертел свежие портянки, натянул сапоги. Он почувствовал, что устал за эти дни учений, мышцы рук, ног и спины болели от напряжения прошедших дней, наполненных работой и событиями. Назавтра предстояла погрузка техники в эшелон, но думать сегодня об этом как-то не хотелось.

Однако расслабиться Виктору не дал вездесущий Кожемяка.

- Чернов, - громко позвал он его из тамбура вагона, - поди-ка сюда!

Виктор сразу почувствовал подвох, нехотя начал подниматься вверх по насыпи.

- Новости для тебя есть, - сообщил старшина. - Дивизион сегодня отдыхает, а завтра - все на погрузку техники. А у тебя другая задача: заступишь сегодня вечером на сутки в караул - наш комдив получил приказ от начальства - направить от нас в этот наряд трёх человек. Решили взять тебя, ещё двоих выбери сам из своего отделения. И готовьтесь, через пару часов выезд.

Чернов решил взять с собой в караул Кирбобо и Семёна Предыбайло. Чимитова, Павлюкова и Вегеле назначил на завтрашнюю погрузку эшелона.

- С КИПСом поосторожнее, - напутствовал сержант подчинённых. - Станция, сами знаете, вещь тонкая. Так что, не дай Бог...

- Не беспокойся, командир, - ответил за всех Чимитов, по привычке дружелюбно улыбаясь во весь рот. - Всё будет нормально. Служите

спокойно! Ты, Кирбобо, больше не стреляй зря, - пошутил он над маленьким Тимуром. Тот мгновенно вспыхнул румянцем, но не нашёлся, что ответить, только махнул рукой.

В этот раз караул проходил спокойно. Снова в наряде была сборная команда из солдат и сержантов полигона и сибирского полка. Все уже знали о случае с Кирбобо, уважительно пожимали ему руку: как же, самого дежурного офицера заставил по земле ползать!

Виктор опять попросился на первый пост. Стоя на вышке на следующий - после караульной ночи - день, он видел, как в железнодорожном тупике копошатся люди, "загоняя" на железнодорожные платформы автомобили, которые издалека казались игрушками. Чернов не знал, завидовать грузчикам или, наоборот, вспоминая суматоху погрузки перед отъездом на учения, считать, что ему повезло с караулом?

Эшелон заполнялся техникой буквально на глазах. "Зилы" с прицепами занимали свои места в конце состава. Прицепы уже не маскировали так тщательно, ведь ракет на них теперь не было.

Погрузку приостановили раньше, чем у Чернова закончился наряд. Грузчиков увезли на станцию, на ночёвку. Караульщиков же после наряда доставили сюда гораздо позже - только к вечернему построению полка. Они даже на ужин не успели.

- ...Ты после отбоя спать не ложись, - прошептал рядовой Бимба Чимитов на перекличке своему товарищу - рядовому Олегу Павлюкову.

Солнечный мартовский день сменили сумерки, на небе уже горели многочисленные звёзды. Мощный прожектор, высвечивал лица стоящих в шеренге солдат.

Чернов строго глянул не шептунов, глазами приказал: "Замолчите". Старшина Кожемяка завершил перекличку личного состава. Прозвучала команда "отбой!" Сержант дал своему отделению ещё пять минут на туалет и на перекур и - по купе, спать.

- Что-то устал я, как собака, с этими учениями, - негромко посетовал он.

Солдаты один за другим вскакивали в тамбур и исчезали в вагонном чреве. А Чернов вместе с караульщиками вначале отправился в шатёр-столовую, где им оставили ужин. Съев по полторы порции каши

с мясом, сержант, Кирбобо и Предыбайло, не торопясь и позёвывая, добрались до своего купе. Виктор окинул взглядом мирно спящих товарищей, разделся, влез на свою полку, улегся поудобнее и мгновенно уснул - сказалась бессонная ночь в карауле.

Поэтому он не видел, как вскоре подняли головы от подушек Чимитов и Павлюков, как они осторожно встали. Оказывается, спать они легли, не раздеваясь. Осторожно ступая по жёсткому полу вагона, вышли в тамбур, потом - на улицу. За ними увязался и Вегеле. Они пролезли под составом и оказались на другой стороне насыпи, в тени вагона.

- Спустимся вниз, найдём местечко, посидим маленько, - Чимитов извлёк из-за пазухи фляжку, обтянутую тканью, куски раскрошившегося хлеба. - Тут вам и выпить, и закусить, - негромко прошептал он.

- А если застукают, Чима! - трусоватый Вегеле испуганно посмотрел на Бимбу.

- Да не бойся ты, Бугель, мы - потихоньку. Сколько уже пашем без перерыва, а душа праздника просит, - он широко улыбнулся, смачно потягиваясь в темноте. - Хотя, если боишься, чего попёрся за нами? Иди в вагон, спи...

- Да я просто так, на всякий случай, - Вегеле пожал плечами.

Присели на невысокой каменистой кочке. Чимитов открыл фляжку, взболтнув её содержимое, сделал большой глоток, задержал дыхание. Потом долго нюхал хлебную корку.

- Добрый спирт, - наконец выдавил он. - Это я у ребят на полигоне выменял на деньги. Ха-ха, - хохотнул он собственной шутке. И передал фляжку Олегу Павлюкову. - Попробуй, Олежек, - ласково сопроводил он словами свой жест.

Павлюков в точности повторил действия Чимитова. Только чуть дольше нюхал хлеб и даже откусил немного, зажевал спиртное.

- Бугель, держи! - фляжка перешла в цепкие руки Шуры Вегеле. В них она и завершила свой первый круг.

Потом был второй, третий. Солдаты выкурили по сигарете.

- Может, спать, Чима?! - вопросительно посмотрел на Чимитова Вегеле.

- Ты что! Мы только начали... Посмотри, какая ночь... Весна... Душа ласки просит... Давай ещё! - Чимитов уже не шептал, говорил в голос. Фляжку снова пустили по кругу. Закурили привычную "приму".

Им казалось, что с каждым глотком технического спирта в головах становится светлее. Спать совсем не хотелось. После пятого или шестого глотка Чимитов хитрым взглядом посмотрел на товарищей.

- А что, мужики, у меня есть идея... - Олег сидел, задумчиво подперев голову, а Шура щурил глаза на свет, идущий из тамбура вагона, и ему казалось, что этот желтоватый свет странно расплывается в темноте.

- Ну? - не поворачивая головы, буркнул Павлюков. - Выкладывай, Чима, активный ты наш...

- А что?! - встрепенулся тот. - Сидим, здесь, как мокрые курицы.

- Так что предла-га-ешь? - с расстановкой переспросил Вегеле.

- Предлагаю махнуть в степь, подышать свежим воздухом, - засмеялся Чимитов, похлопав товарищей по спинам.

- Как это?! - в один голос спросили они.

- "Зилок" возле кухни ночует, знаете? - начал тот излагать свой план. - Ключи - в замке зажигания, я проверял. Тихо заведём, прокатимся. Никто и не узнает. Зато, будет, что вспомнить!

- Услышат, застукают. Кожемяка нам вломит, - пьяненько поёжился Вегеле.

- Боишься, иди, спи! - отрезал Чимитов. Он встал. - Дневальный в штабном вагоне нас не заметит. А больше - некому. Ты как, Олег, поедешь?

- А - поеду! - встрепенулся Павлюков, вскочил на ноги. - Айда! - он одной рукой прихватил фляжку, другую положил на плечо Чимитову, и они полезли на насыпь.

- Погодите, я с вами, - Вегеле карабкался за ними.

Машина с кузовом, крытым брезентом, стояла в тени высокого кухонного шатра. Двигатель мгновенно завёлся, стоило только севшему за руль Чимитову тронуть ключ зажигания, заурчал в темноте. В середине кабины устроился Павлюков, Вегеле сел у окна справа.

Чимитов аккуратно включил первую скорость, не зажигая фар, тронулся с места. Они медленно пересекли большой яркий круг света прожектора и скрылись в темноте.

А выехав на дорогу, ведущую в сторону полигона, поняли, что ночную степь и так хорошо высвечивает большой, почти полный диск луны. В его серебристом свете можно было свободно двигаться по ровному асфальту, не включая фар.

- И-и-ха! - заорал в открытое окно Бимба Чимитов. – Хорошо-то как, мужики! - он вдруг резко затормозил. - У меня есть план!

- Давай, излагай! - криком на крик ответил Олег Павлюков.

- Предлагаю поехать в город, к девчонкам! - Бимба хитро прищурил свои раскосые глаза.

- Я - за! - крикнул Олег и, глотнув из фляжки, занюхал рукавом.

- Вы что?! Какой город? Какие девчонки? Степь кругом! - пытался вернуть их на землю Шура Вегеле.

- Мужики, недаром я с солдатами на полигоне общался. Офицеры-то местные, где живут?

- Правда, где? - переспросил Павлюков.

- Здесь, километрах в десяти, есть город Приозёрск. Там и живут военные. Говорят, там есть всё - клуб, кино, танцы. Дай-ка, - он взял у Олега фляжку, глотнул из неё, поморщился, полез в карман за сигаретой. - Ехать туда - как на полигон. А потом - повернуть на развилке. Доберёмся до места, посмотрим и - быстро назад...

- Какие танцы? Ночь на дворе... - сказал Вегеле.

- Бугель, что ты понимаешь? Весна на дворе, теплынь. Кто в такое время спит?! - гнул своё Чимитов.

- А посты КПП как проедем? - Вегеле всё ещё пытался быть голосом разума.

- Не боись! Всё продумано, - весело ответил Бимба. - У них там освещение горит, их издалека видно. Мы по степи объедем. Никаких проблем!

- Хватит болтать! Трогай, Чима! - нетерпеливо скомандовал Павлюков.

И они поехали...

...Утро следующего дня было солнечным, как и все другие дни удачно завершившихся учений. Чернов соскочил с полки на пол, быстро оделся. Рядом толкались Семён с Кирбобо. Вегеле не вставал, как-то странно поглядывал на Виктора со своей полки.

- Чего ждёшь? - спросил его Виктор. - Хочешь на утреннюю поверку опоздать? Бери пример с Чимитова и Павлюкова - уже встали, на улицу вышли. - Он сдёрнул с Вегеле одеяло. - Ты что, одетый спал? - удивился сержант, оглядывая перемазанную форму рядового. - Что-то ты такой грязный?..- начал он.

- Да я - сейчас, быстро, почищу, - перебил тот сержанта, вскакивая на ноги.

Когда строились на площадке возле насыпи на перекличку, Виктор всё искал глазами Чимитова и Павлюкова, вытягивая шею, высматривал их у туалета, возле умывальника...

- Равняйсь, смирно! - скомандовал старшина и начал зачитывать фамилии личного состава дивизиона. Когда он дошёл до фамилии Павлюков, ответа не последовало.

- Он, что у тебя, Чернов, спит или в туалете на "очке" завис? Поторопите его! - и старшина начал читать список дальше. На фамилию Чимитов тоже никто не откликнулся.

- А этот где? - в голосе старшины зазвучали грозные ноты. - У тебя, Чернов, люди подняться не могут? Мне их самому поднять?! Рядовой Вегеле? - скомандовал он. - Живо доставить их сюда!

- Есть! - ответил Шурик и неспеша пошагал к вагону. - Бегом! - крикнул старшина, и Шурик резвей начал карабкаться на насыпь.

А старшина закончил перекличку, приказал всем разойтись, а сам подозвал Чернова:

- Пили вчера? - подступил он к сержанту.

- Никак нет, - не отводя глаз от буравящего взгляда старшины, ответил тот. - Все спать легли. Сам видел, устали: погрузка, караул. Лично я спал, как убитый.

Из вагона показался Вегеле. Отрицательно покачал головой.

- Иди сюда, - позвал его Кожемяка. И пока тот медленно спускался с насыпи, к старшине подскочил дежурный по столовой:

- Товарищ старшина, "зилок" исчез.

- Как исчез? - он сгрёб в охапку Чернова и Вегеле. - Говорите, что случилось?

- Да, не знаю я, ей Богу! - вывернулся Чернов из цепких объятий Кожемяки. А Вегеле сразу весь обмяк, отводил взгляд в сторону.

- Шура, что? Говори! - приказал Виктор.

- Взяли их ночью, возле Приозёрска, - сказал тот упавшим голосом. - Патруль на КПП. К девчонкам ехали...

- Какие, к чёрту, девчонки! - заорал на него Виктор. - Степь кругом на сотни вёрст, полигон, охрана! - он тряс безвольное тело солдата.

- Так Чима сказал: девчонки ещё не спят...

И он принялся торопливо рассказывать про ночные приключения.

... Два КПП они "проскочили" удачно. Глазастый Чимитов, издалека завидев огни контрольно-пропускного пункта, сворачивал в степь, незаметно объезжая патруль. Потом снова выруливал на шоссе, и они в голос орали "Ура!", радуясь приближению встречи с девчонками, отмечали свои маленькие "победы" глотками из фляжки.

Фары по-прежнему не включали, ориентируясь по лунному свету. Но, когда на развилке свернули не направо - на полигон, а налево, где, как уверял Бимба, расположен вожделенный Приозёрск, не заметили в темноте шлагбаума очередного КПП. От неожиданности Чимитов резко затормозил, двигатель заглох. И сразу же перед машиной вспыхнул яркий глаз прожектора, из темноты возникли фигуры постовых. Один из них вскочил на подножку автомобиля, и, когда Чимитов попытался запустить мотор, ловко выдернул из замка ключ зажигания.

- Стой! Руки вверх! Выходи по одному! - скомандовал сержант с автоматом, в шинели с малиновыми погонами внутренней службы.

- Чима, бежим! - крикнул Павлюков и начал выталкивать Вегеле из кабины. Шурик вывалился в распахнувшуюся дверь на асфальт и заполз в темноту, под машину. В то же мгновение автомобиль окружили солдаты. Они схватили вяло сопротивляющегося Павлюкова. С Чимитовым возились дольше: Шурик из своего незамеченного укрытия видел, как Чима раз за разом стряхивал с себя наваливающихся на него солдат, пытался убежать в степь. Однако, отягощенные спиртом, его ноги заплетались, а нападавших

было немало. Наконец, его окончательно "вырубили" ударом приклада. Потом попинали сапогами и потащили в будку охраны.

- Ты-то как вывернулся? - спросил Кожемяка.

- Пока они отвлеклись на наших, я с дороги сиганул в степь, на землю упал и полз по-пластунски, потом - на четвереньках, не помню, сколько... Потом пошёл на восток.

На шоссе Вегеле предусмотрительно не выходил. Часа через два услышал перестук вагонов - где-то рядом проходила железная дорога. Когда он вышел к ней, увидел приближающийся товарный поезд. Тот медленно тащился в нужную сторону. Собравшись с силами, Шурик вскарабкался на пустую платформу и ехал на ней по ночной степи, то засыпая, то просыпаясь от внезапных толчков. Когда рассвело, поезд остановился, и солдат увидел недалеко знакомую насыпь с пассажирскими вагонами. Он добежал до своего вагона. Отряхнул, как мог, форму. До подъёма было ещё часа полтора. Он потихоньку добрался до своего места, не раздеваясь, улёгся и уснул. Где теперь пацаны, он не знает. Только думает, что они в какой-нибудь кутузке в этом мифическом Приозёрске.

- Ну и суки же вы! - подвёл итог его рассказу Кожемяка. - Какие девчонки?! Это - секретный, закрытый военный город. Его даже на карте нет, - он сплюнул на землю, растёр плевок сапогом. - Понимаете, что вы всему полку учения испортили?! В общем, так: идите на завтрак. Потом из вагона ни на шаг. А я пойду на доклад к командиру.

Еда не лезла в горло. После случившегося Виктора охватила апатия, было все равно, что решит командование. Его отпуск, он это сразу понял, накрылся бесповоротно. Об это не хотелось даже и думать.

Он лежал на своей полке и смотрел в потолок. Шура Вегеле где-то на улице приводил в порядок свою форму. В вагоне стояла тишина: всех увезли на полигон - завершать погрузку. Была поставлена задача - завтра с утра полк отправляется к месту своей постоянной дислокации.

- Чернов, Вегеле - к командиру полка! - раздался голос дневального.

В штабном вагоне их ждали старшина Кожемяка, капитан Чукарин, комдив полковник Заикин. Лицо сидевшего за столиком компполка Ивановского снова выглядело слегка помятым. Поглядев на вошедших, он поморщился как от зубной боли.

- Мне уже всё доложили, - негромко произнёс он. - Как же ты так, Чернов? Ведь ты же опытный сержант, вон, все подтверждают, - он кивнул на стоявших офицеров.

- Я был после караула, уснул крепко... - начал было Виктор.

- Молчать! - вдруг рявкнул мигом побагровевший Ивановский, - Развёл в отделении бардак! А я тебя на поощрение намечал... Ошибся! Весь полк подвёл... И ты, Чукарин, за дисциплиной не следишь! Всех накажу! - он ударил кулаком по столу. - Идите вон! А ты Кожемяка, езжай, забирай их как-то с гауптвахты! С "зилком" что-то надо решить...

- Есть, товарищ комполка! - пробасил в ответ старшина.

Как сообщил Виктору на ходу Кожемяка, парни всё же попали прошлой ночью в Приозёрск: под арестом их доставили в местную комендатуру. Поместили на гауптвахту. Машина стоит на площадке у комендатуры. Об этом по рации сообщили из Приозёрского гарнизона в Сары-Шаган.

- И как же вы теперь? - почесал за ухом Виктор.

- Ну, как? - повеселел Кожемяка, - Надеюсь, спирта у меня хватит!

...Любителей ночных приключений привезли из Приозёрска на станцию сразу после обеда. Они неторопливо вылезли из кузова грузовика, въехавшего на площадку к шатру-столовой, за ним на прицепе тащился "зилок", на котором был совершён ночной поход. Оказывается, двигатель машины, попавшей под арест вместе с незадачливыми путешественниками, в Приозёрске основательно разобрали на запчасти ушлые хозяева местной комендатуры. "Со снабжением у нас проблемы, - развёл перед Кожемякой руками приозерский комендант. Сразу же после дегустации спирта он убрал в свой огромный сейф подаренную ему большую канистру с благодатной жидкостью. - Тут ничем помочь не могу. Так сказать, военный трофей".

Чимитова и Павлюкова по его команде выпустили из-за решётки, вывели на крыльцо комендатуры, где их с нетерпением поджидал Кожемяка. У Чимитова были подбиты оба глаза, отчего казалось, что через щёлочки, образовавшиеся на распухшем лице вместо глаз, ему ничего не видно. У Павлюкова же был закрыт один глаз, зато вторым он виновато смотрел на старшину.

- Привет путешественникам! - поприветствовал их старшина. - Зайдём-ка за угол на минутку. - Они испуганно поплелись за ним, понимая, что это не сулит им ничего хорошего. Так и вышло. За углом Кожемяка отвесил обоим сначала по паре затрещин, а потом по очереди так ткнул кулаком в солнечное сплетение, что несколько секунд они жадно ловили воздух раскрытыми ртами.

- Это вам персональный привет от меня, - сказал Кожемяка.

...На станции их окружили солдаты, которые уже вернулись с погрузки эшелона, начали задавать вопросы, послышались сальные шуточки. Подошёл и Чернов. "Командир, - сказал ему Чимитов. - Прости, если сможешь. Парни ни при чём, это всё я организовал". "Прости", - виновато поглядывая одним глазом, присоединился к нему и Павлюков.

- Эх, вы, идиоты! Девчонок в степи потеряли...- махнул рукой Чернов.

- Так, весна же! - болезненной гримасой улыбнулся Бимба. И засмеялся, с трудом разлепляя разбитые, запёкшиеся губы. Следом за ним громко захохотали все остальные: "Девочек в пустыне искали!" "Ага, им мираж привиделся после спиртяжки!"

- Отставить смех! - оборвал веселье Кожемяка. - Чимитов, Павлюков - обедать - и за работу! Объявляю вам наряд вне очереди: будете копать яму под новый туалет для следующего полка. И чтобы закончили к утру, - старшина поискал глазами рядового Вегеле. - И ты - с ними. Лопаты, ломы и кирки я вам выдам. Чернову - сидеть в вагоне. Выходить разрешаю только по нужде, для принятия пищи и на общее построение.

Виктор снова лежал на полке, тупо разглядывая потолок. Он старался ни о чём не думать. Правда, это получалось плохо. Мысли снова и снова возвращали его к сорвавшемуся отпуску, отодвинувшейся на несколько месяцев, вернее, до осенней демобилизации, встречи с родными... Он сдавленно вздыхал, убирая кулаком набегавшую слёзу.

Выглядывая в окно, Виктор видел, как Чимитов, Павлюков и Вегеле орудовали лопатами, ломом и киркой. Старшина очертил им края ямы, глубина которой должна быть до двух с половиной метров. "И не сантиметром меньше! - приказал Кожемяка. - Копайте хоть всю ночь, но наряд - выполнить!"

Почва здесь состояла из смеси песка с глиной, переложенной тонкими каменными пластами, которые провинившимся солдатам приходилось пробивать киркой и ломиком - инструменты старшина занял всё в том же станционном посёлке. После пары часов работы копателям удалось углубиться лишь сантиметров на сорок-пятьдесят.

После ужина объявили общее построение. Полковник Ивановский поздравил личный состав с успешным окончанием учений под разноголосое "Ура!" солдат и сержантов. Потом приказал выйти из строя сержанту Чернову, рядовым Чимитову, Павлюкову и Вегеле.

- В первом отделении нашего технического дивизиона вчера ночью было допущено ЧП, - объявил он сорвавшимся на хрипоту голосом. - При попустительстве сержанта Чернова, рядовые Чимитов, Павлюков и Вегеле организовали пьянку, совершили самовольный уход из части. За допущенное ЧП командующий учениями снизил нашему полку оценку на один балл: с"пятёрки" до "четвёрки", - Ивановский набрал в лёгкие побольше воздуха и громко продолжил. - За допущенные нарушения объявляю: по прибытии на место постоянной дислокации полка сержанту Чернову - три наряда вне очереди!

- Есть три наряда вне очереди, - упавшим голосом отреагировал Виктор.

- Рядовым Чимитову, Павлюкову, Вегеле - по десять суток гауптвахты.

Те тоже ответили по уставу на принятое командиром решение.

- А будь моя воля - загнал бы всех в зону! Вояки недоделанные! - ругнулся он и добавил такой трёхэтажный мат, что все подчинённые втянули головы в плечи. - Чернов, встать в строй. А вы - копать всю ночь! - побагровев, выкрикнул он. Солдаты бегом кинулись исполнять приказание.

А полковник, взяв из рук своего заместителя листы с текстом приказа о поощрении отличившихся на учениях, принялся с расстановкой зачитывать документ. Виктор слышал, как звучали фамилии офицеров, рядовых и сержантов из дивизионов. Кому-то выпадало присвоение очередного звания, кому - отпуск домой, кому - благодарность с занесением... Награждённые выходили из строя, радостными голосами кричали в ответ: "Служу Советскому Союзу!"

Вдруг Виктор услышал: "Рядовой первого отделения технического дивизиона Юсупов".

- Я, - звонко ответил Кирбобо, сделал два шага вперёд, повернулся к строю.

- За проявленную бдительность во время несения караульной службы вам объявляется благодарность с присвоением очередного звания ефрейтор. Кроме того, ефрейтор Юсупов награждается десятидневным отпуском домой! - объявил Ивановский.

Кирбобо аж подскочил на месте от радости:

- Слюзю Саветка Союза! - он в два прыжка вернулся в строй.

- Поздравляю! - громко прошептал ему Виктор. - Вот он тебе и отпуск! - И первым пожал вспотевшую от радости узкую ладонь солдата...

Гудвассер

- Сержант, - услышал Виктор Чернов в наушниках голос рядового Олега Павлюкова, - а ведь у меня сегодня день рождения. Как ты к этому?

- Понял тебя, - отозвался Виктор, - до вечера забудь. А там - будет видно.

Они - специалисты расчёта контрольно-испытательной передвижной станции из техдивизиона - уже третий день проводили регламентные работы в одном их "огневых" дивизионов ракетного полка ПВО.

Прикомандированные к чужой казарме, сегодня они опять по команде "подъём" встали вместе с личным составом "огневиков". Вместе с ними позавтракали, отметив, как добротно кормят солдат в этой части. И, не обращая внимания на общее построение, направились на специальную площадку недалеко от огневой позиции, где стояла станция КИПС на базе автомобиля "зил-157" с кунгом-фургоном, под самую завязку набитом разными приборами и электронными стойками для проверки бортовой аппаратуры ракет комплекса противовоздушной обороны С-75.

До прибытия офицерской части расчёта они должны были успеть подготовить к проверке очередное изделие. Сержант Чернов руководил рядовыми номерами кипсовиков, сидя внутри кунга.

Только что к КИПСу на специальной тележке подкатили ракету, и солдаты принялись кабелями соединять её узлы с приборами станции. Ракета несколько месяцев простояла на боевом дежурстве на одной из десятков пусковых установок, незримым кольцом опоясавших крупный город, который свободно раскинул свои улицы и кварталы на берегах большой реки на юге Западной Сибири.

Кипсовики выезжали на проверки ракет из своего технического дивизиона примерно раз в три месяца. И хорошо знали, что летние, как сейчас, командировки куда лучше зимних.

Нынешнее лето, прозванное в народе "летом московской олимпиады", было в самом разгаре, дни стояли длинные, жаркие. И, даже с учётом злых степных комаров, это было куда лучше, чем зимние сибирские морозы.

Проверки длились с утра и часов до шести вечера. Потом офицерская половина расчёта КИПС уезжала в город - по своим квартирам и семьям.

Вечерами, не входящие в подчинение начальству "огневого" дивизиона, предоставленные сами себе, кипсовики после ужина подолгу засиживались в фургоне станции, вели беседы о службе, о доме, о родных и знакомых. Нередко здесь же и ночевали: не очень-то любили спать в чужой казарме.

Начинал вечерние разговоры обычно Олег Павлюков, рядовой, которого призвали из города Усолье-Сибирское. Если он месяц не стригся под ноль, его русые волосы начинали забавно кучерявиться. Симпатичный, стройный, он, до призыва в армию, своим зазывным взглядом красивых серых глаз, похоже, успел разбить не одно девичье сердце.

Подхватывал тему, как правило, солдат из Бурятии Бимба Чимитов. Он с готовностью откликался на любую проблему, щуря от удовольствия раскосые глаза.

Третий номер расчета - узбек Тимур Кирбобо, обычно сидел молча и лишь изредка вставлял слово-два. Вообще-то у этого невысокого худого паренька фамилия была Юсупов. Но про неё забыли после одной истории, которая случилась с ним в его первом в жизни карауле морозной зимней ночью, когда он едва не замёрз на посту, а, отогревшись в караулке, признался, что дед Мороз по-узбекски звучит, как Кирбобо. С тех пор эта кличка заменила ему фамилию.

Руководил солдатской половиной расчёта сержант Виктор Чернов. Он был старше подчинённых на несколько лет. Попал в технический дивизион после службы в учебной части, где получил военную специальность и звание сержанта. До армии он успел окончить университет, жениться и родить сына, поработать в редакции городской газеты. Однако для военкомата это не стало причиной, чтобы освободить его от выполнения священной обязанности - срочной службы в Вооружённых силах СССР. Так и попал он в войска противовоздушной обороны, где судьба свела с этими парнями, которые уважительно относились к его возрасту и диплому.

Поэтому его нередко приглашали быть рефери в бесконечных разговорах и спорах, к его мнению прислушивались. Виктор попусту не лез в пересуды подчинённых, а если встревал, то старался не терять при этом умного вида...

- Командир, офицеры на подходе, - сообщил глазастый Чимитов.

- Понял, - ответил Чернов. - Доложите готовность...

- Первый - готов! - откликнулся Павлюков.

- Второй - готов! - сказал Чимитов.

- Третя тожа готова... - звонко крикнул Кирбобо.

Виктор поморщился от оглушившего пронзительного голоса Тимура и вышел из кунга для доклада капитану.

Начальником расчёта КИПС был капитан Чукарин. Военный инженер, он знал и любил свою работу. А что касается проблем солдатской жизни, доверял их решение сержанту Чернову. Всего в тесном, забитом стойками с аппаратурой, кунге КИПСа было предусмотрено несколько рабочих мест. Одно - для Чукарина. Ещё одно предназначались его заместителю - старшему лейтенанту.

Кроме того, в расчете КИПС был прапорщик Самойленко. Самый старший из всех, грузноватый и медлительный на вид, он был обременен немалой семьёй, потому всегда приезжал на работу с большим пустым портфелем, который в течение дня наполнялся, судя по всему, продуктами из дивизионной столовой. Впрочем, Самойленко никогда не обижал своих солдат, всегда прикрывая их, в случае чего.

Во время командировок в "огневые" дивизионы офицеры-кипсовики проверяли у ракет систему наведения с приёмо-передающими антеннами, гироскопы, рулевую часть, батарею питания, блок автопилота. Но одно металлическое вращающееся сиденье внутри станции занимал сержант Чернов, в обязанности которого входила проверка работы радиовзрывателя ракеты. Рядовые члены расчёта снаружи по командам подключали или отключали кабели, связывающие станцию с ракетными блоками. Общение кунга с внешним миром во время работы шло через проводную телефонную связь, поэтому все красовались в наушниках и ларингофонах.

День был жарким. А внутри станции температура поднималась ещё и за счёт работы аппаратуры – небольшой вентилятор и раскрытые настежь двери и форточки кунга от жары не спасали.

Офицеры то и дело вытирали лица и шеи платочками, а Чернов использовал для этой цели пилотку.

Через каждый час-полтора капитан Чукарин объявлял перерыв. Они перекуривали в специально отведённом для этого месте: солдаты - отдельно, офицеры - своим кружком. Потом снова принимались за дело.

Ошибиться в боеспособности ракет было нельзя: проверяющие ставили именные печати на блоках и свои подписи в специальном журнале, - тем самым гарантировали поражение любого противника, который рискнёт напасть на город с воздуха.

После обеда работа пошла медленнее. Чукарин требовал тщательных действий от каждого члена расчёта. А ближе к пяти часам вечера он предупредил всех:

- Сегодня заканчиваем в семнадцать ноль-ноль. Надо пораньше вернуться в город.

Олег Павлюков подмигнул Чимитову: осталось немного. А ещё минут через десять капитан объявил законченной проверку очередного изделия, приказал вернуть ракету на пусковую установку и "свернуть" станцию на ночь. После этого офицеры уехали.

А рядовые вместе с сержантом быстро завершили дела, здесь же закурили, как говорят, в кулак, с тревогой поглядывая в сторону боевых позиций: как бы оттуда не заметили нарушения техники безопасности.

- Ну что, Олег, поздравляем тебя с днём рождения! - пожал Павлюкову руку Виктор. - Подарков у нас нет, сам знаешь. Что предлагаешь, как будем отмечать?

- Давай, командир, мы с Чимитовым сгоняем с деревню, в сельпо, - предложил Олег. - Возьмём "сладенького", закуски. Мне мать денег прислала. А вы пока сходите на ужин. Мы вернёмся и посидим в кунге или вот тут - на воздухе, рядом со станцией.

Сержант на секунду задумался нал предложением, потом сообщил своё решение:

- В деревню сгонять надо. А то технический спирт уже в горло не лезет: вонюч да крепок. День рождения - все-таки праздник, надо себя побаловать. Только в деревню с тобой пойду я. Знаю вас с Чимитовым: в прошлый раз вернулись из деревни под утро!

- Ну что ты, командир, - заулыбался Бимба. - Когда это было?

- Разговор окончен! - подвёл итог Чернов. - Вы - на обед. Чимитов - старший. Ждёте нас в кунге. Пошли, Олег.

Они покинули "огневой" дивизион не через КПП, а через дырку в опоясывающей периметр дивизиона колючей проволоке - рядом с караульной вышкой. Свесившийся с вышки часовой махнул им рукой.

- Передай в караулке, что скоро вернёмся, - сказал ему Чернов. - Не подстрелите...

Сразу за периметром начиналось распаханное поле, которое тянулось с полкилометра. Парни решили не бить сапоги по сухим комьям земли, а обойти пахоту по меже, которая шла невдалеке и заросла высокой травой.

Вскоре они вышли на пустынную полевую дорогу, утопающую в пыли, хорошо прогретой за день горячими солнечными лучами. Чтобы не пылить, они свернули на обочину и пошли по траве. Где-то в вышине звенел жаворонок. Легкий ветерок шелестел листвой придорожных берёз.

- Эх, люблю я лето! - раскинув руки, крутнулся на месте Виктор. - Что хочешь, отдам за тёплые летние деньки...

- А я, почему-то, летом по зиме скучаю, зимой - по лету, - откликнулся Павлюков. Ему нравился их командир расчёта - он же командир первого отделения дивизиона сержант Чернов: за его внешней серьёзностью скрывался простой, лирический характер человека, который не кичился старшинством или своим дипломом, держался с подчинёнными на равных.

Незаметно они подошли к деревенской околице. Дорогу на улицу преграждал самодельный шлагбаум из осиновых хлыстов, к нему с обеих сторон примыкал плетень. Шлагбаум был опущен и привязан к невысокому столбику.

- Это для коров, - со знанием дела сказал Олег, развязывая хитрый узел. - Чтобы не забредали, куда не надо. Я в своём доме живу, на городской окраине, можно сказать, - в деревне. Родители корову держат. Хоть и умная скотина, а за ней глаз да глаз нужен.

И как бы в подтверждение его слов сзади раздалось протяжное мычание: к ним приближалось деревенское стадо. Звонкими хлопками бича его подгонял молодой пастух верхом на гнедой лошади. Одет он

был в замызганный пиджак с брюками, заправленными в невысокие сапоги, кепка на голове была лихо заломлена набекрень. Он подъехал к шлагбауму, спрыгнул на землю.

- Ну-ка, отойди, - оттолкнул он Олега. - Чего возишься, не видишь, стадо разбредается. - Он ловко развязал верёвку, поднял шлагбаум, вскочил на коня и начал направлять животных в узкий проход на деревенскую улицу. Коровы важно вышагивая, покачивая полным выменем, проходили под шлагбаумом, направляясь по своим дворам. Пастух въехал последним, кивнул военным на ходу:

- Зайдёте, верёвку завяжите. - Он хотел пришпорить коня, но Виктор взял его за стремя:

- Погоди, скажи, где у вас тут магазин и до скольки он работает?

- Да я знаю, где это... - начал было Олег, но Чернов махнул ему: помолчи.

- Сельпо-то? Это прямо по улице. Верка в семь закрывает, - пастух посмотрел на старенькие часы, которые свободно болтались на его левой руке на видавшем виды ремешке. - Время ещё есть, - и поехал вперёд, не оглядываясь.

Парни быстро пошли по улице, приглядываясь к деревенским домам. Надо сказать, жили здесь небогато: дома были небольшими, сложенными из почерневших брёвен, окна в большинстве своём украшали выцветшие занавески. Палисадники, огороженные покосившимися от времени заборами, выглядели заброшенно, топорщились зарослями крапивы, репейника и борщевика. Над некоторыми трубами на крышах вились дымки.

Магазин, а, вернее, магазинчик расположился на небольшой площади посреди селения. Покосившаяся вывеска "Сельпо" выдавала его с головой. Парни поднялись на небольшое поскрипывающее крыльцо, толкнули приоткрытую дверь. Перед прилавком, заваленным большими буханками хлеба, распространяющими аромат свежей выпечки, был небольшой пятачок, на который они и ступили.

- Как вкусно пахнет! - не удержался Олег. - У вас открыто? - обратился он к высокой молодой продавщице в сером застиранном халате, одетом поверх цветастого платья.

- Открыто, - хмуро ответила та. - Хлеба сегодня поздно напекли в нашей пекарне. На ночь не оставишь: сейчас бабы придут его

разбирать. Как с коровами управятся, так и придут. Поэтому, не закрываю, хотя своих дел тоже по горло! - она тряхнула белокурой давно не стриженной гривой волос. - А вы что брать будете?

- Спиртное есть? - осматривая полупустые полки, поинтересовался Олег.

- Есть "Солнцедар", - заговорщеским тоном ответила продавщица.

- А что-то не видно его на прилавке, - Олег ещё раз оглядел полки.

- Да председатель ругается, когда я его местным продаю.

- Что так? - вставил слово Виктор.

- Так, пьют его мужики, обычно, неделю. Потом столько же болеют. А в колхозе работы стоят... Но вы - не местные, вам продам, - деловито ответила она. - Сколько будете брать?

- Смотря, в какой таре? Покажи... - Олег вытянул шею, пытаясь заглянуть под прилавок, куда "нырнула" продавщица Катя.

Она распрямилась, являя на свет большую, как из-под "шампанского", слегка запылённую бутылку с красной жидкостью и жёлтой этикеткой. Продавщица протёрла её полой халата и поставила на прилавок - пред очи покупателей.

- Дай-ка, - сержант опередил Олега, протянувшего было руку к бутылке. Взял её, встряхнул, прочитал этикетку: "Крепость 20 градусов, сахар 7 процентов".

- Надо же, в такой глуши и такой продукт! - изрёк он с видом знатока, каковым считал себя после пяти лет студенческой жизни в "общаге". - Сколько возьмём?

- Три штуки, - не моргнув глазом, ответил Павлюков.

- Не многовато будет? Бутылка-то 800 граммов! - сержант испытывающе посмотрел на него.

- На четверых?! - усмехнулся тот презрительно.

- Ладно, - не споря, согласился Виктор. - А чем дадите закусить?

- Хлеб вот свежий возьмите. Килька есть в томате. Шпик венгерский, правда, лежит давно, но что ему, поди, сделается?!

- Давайте, давайте, - подхватил Олег. - Кильки - две. А овощей, огурчика?

- А этим не торгуем... Да вы в любой дом постучите, продадут вам огурчиков.

Катя сложила все их покупки в коробку из-под вина. Олег расплатился, взял коробку, и они вышли на улицу. Увидели, что к магазину потянулись хозяйки, наряженные в большинстве в пёстрые халаты. Из калитки крайнего дома тоже вышла немолодая женщина. Её-то они и остановили. Договорились быстро. На полтора рубля она вынесла им из дома большой газетный кулёк с огурцами, увесистый пучок мытого зелёного лука, пару крупных чесноковин, укропчика и ещё переложила из отвисших карманов цветного халата в их коробку несколько мясистых розовых помидорин.

- Знаешь, командир! А давай пойдём на другой конец деревни. Когда мы в прошлый раз с Чимой сюда приходили, там был штабель досок. Так хорошо мы там посидели...

Они быстро прошли до конца улицы. За последним домом росла берёзовая рощица, а на её краю лежали ровной горкой широкие неструганные доски. Парни взобрались на самый верх штабеля, присели на прогретое солнцем дерево.

Олег выпустил, наконец, коробку из рук. Быстро развернул кулёк, расправил газету и стал выкладывать на неё покупки. Перво-наперво, достал бутылку вина, вынул из кармана перочинный нож и срезал капроновую пробку. Потом порезал помидорку, шпик, разложил зелёные перья лука, кустики укропа, почистил несколько зубчиков чеснока, распечатал банку кильки. Крупными ломтями напластал хлебных кусков с твёрдой хрустящей корочкой.

- Стакана-то нет, - посетовал Чернов. - Придётся из горла принимать...

- Зачем из горла, - деловито откликнулся Павлюков. - Есть хороший проверенный способ. - Он выбрал самый крупный огурец, разрезал его пополам и быстро освободил половинки от сердцевины. Получилось некое подобие ёмкостей.

- Держи, командир, - протянул он один огуречный стакан Виктору. Налил ему и себе пахучей багровой жидкости:

- Ну что, командир, скажи про меня тост.

Виктор расправил плечи, поднял символический сосуд на уровень подбородка:

- За тебя, Олег! - сказал торжественно. - Хочу, чтобы после армии ты стал настоящим человеком, работу нашёл по душе, семью завёл, детей родил. Чтобы всё это сбылось! С праздником тебя, с днём рождения! - они чокнулись и медленно выпили. Виктор принялся закусывать всем подряд, но Павлюков остановил его:

- Давай сразу по второй! А то я что-то не понял...

Выпили по второй под короткое: "Будем здоровы!". Тут уж и Виктору захотелось закурить. Достали пачку "примы" и смачно задымили сигаретками.

Бутылка быстро подошла к концу. Виктор почувствовал, как сладкое пахучее вино ударило в голову, но виду не подавал. Кивал и поддакивал безостановочно говорившему Павлюкову. И если Чернов раскраснелся от выпитого, то лицо Олега, наоборот, побледнело, только глаза лихорадочно светились.

Его словно прорвало. Он рассказывал о доме, о родителях, которым немало досаждал своим поведением в старших классах. Сразу после школы хотел жениться на однокласснице - они даже подали заявление в загс. Но потом всё расстроилось из-за того, что он встретил красавицу Светку, она и провожала его в армию, обещала ждать. Ждёт и дождётся, - Олег в этом не сомневался...

Потом стали говорить о службе и о сослуживцах. Виктор начал давать откровенные характеристики солдатам своего отделения, не думая о том, что может этим обидеть Павлюкова. Тот слушал мнение сержанта о недостатках и слабостях своих товарищей, опустив глаза в землю. А потом вдруг неожиданно перебил:

- А ты, командир, часом не "стучишь" на нас, кому следует?

Виктор поперхнулся на полуслове:

- С чего ты взял?

- Знаем, - ответил Олег, - что записываешь что-то себе в блокнотик. Не про наши ли грешки для доклада капитану? Чима даже предлагал твой блокнот ночью выкрасть и почитать, что ты там пишешь...

- Дурачьё вы, - пробормотал Виктор, доставая из нагрудного кармана небольшой блокнот. - Я туда стихи записываю, которые на ум приходят. Я же филфак заканчивал, со школы стихами балуюсь. - Он полистал страницы. - Вот, например, послушай:

Человек – чудак,

Понимает? Нет.

Замечает? Да.

А боится? Бед.

Отчего ж тогда

Тихо смотрит вслед?

Понимает? Да.

Замечает? Нет.

- Не понял, - помолчав, ответил Олег. - Переведи...

- Если бы я сам понимал, - Виктор почесал затылок. Они посидели, молча дымя сигаретами. И Олег снова налил вино в огуречные стаканы.

Виктор не заметил, как в ход пошла вторая бутылка "Солнцедара". Он скорее желудком почувствовал эту, вторую. Желудок жгло и содержимое начинало проситься наружу. Он понял, что, если сейчас не встанет и не пойдет - всё равно куда, то всё может плохо кончиться.

- Собираемся и уходим, - вяло приказал он Олегу. Тот держался молодцом.

- Понял, командир! - Олег начал лихорадочно складывать в коробку остатки пищи. Недопитую бутылку заткнул срезанной пробкой. Виктор сполз со штабеля и, покачиваясь, двинулся в сторону рощи. Вскоре Олег догнал его, одной рукой прижимая коробку к груди. Они пошли рядом. Закатное солнце уже почти коснулось земли и грело вечерними лучами солдатские затылки.

- А знаешь, Виктор, - перешёл на фамильярный тон Павлюков, - здесь недалеко есть пионерский лагерь. Давай туда сходим, хоть на вожатых посмотрим...

Виктор неопределённо махнул рукой. Павлюков понял это, как знак согласия и, взяв сержанта свободной рукой за локоть, потянул за

собой. Через несколько минут, продравшись сквозь заросли крапивы, они оказались у плотного - в человеческий рост - забора, из-за которого доносились детские голоса. Олег, встав на цыпочки, заглянул внутрь.

- Посмотри, Виктор, - позвал он.

Тот подошёл поближе, ухватился руками за верхний край забора и тоже заглянул за него. Ему открылся вид длинной, уходящей вглубь аллеи, слева и справа от которой стояли одноэтажные деревянные корпуса с застеклёнными верандами. По аллее сновали стайки мальчишек и девчонок. Недалеко от забора из земли торчал высокий деревянный гриб с широкой шляпой-крышей.

- Пойдём, - потянул Олег, - я тут ход знаю.

И они двинулись вдоль забора. Через несколько метров Павлюков раздвинул доски и, просовывая вперёд себя коробку, осторожно протиснулся через открывшийся лаз. Виктор, по-прежнему плохо соображая от выпитого, полез за ним. Они оказались на территории пионерского лагеря, освещенного лучами заходящего солнца.

- Давай, за мной, - скомандовал Олег. И они пошли в сторону грибка, крыша которого была раскрашена в цвета мухомора. А деревянную ногу-столб опоясывало решетчатое сиденье. Парни присели на него, достали сигареты.

- А у нас не курят! - тут же раздалось над ухом Виктора. Он поднял глаза: прямо перед ним стоял мальчик лет девяти-десяти в жёлтой футболке и красных шортах. - Вы - солдаты? - удивлённо спросил он.

- Солдаты, солдаты, - как китайские болванчики в ответ закивали те.

- Солдаты! Солдаты! - заверещал тонким голосом пацан и понёсся вдоль по аллее.

Не успели парни глазом моргнуть, как оказались в кольце галдящих детей, за их спинами замаячила фигура девушки в голубом платье без рукавов, с красным галстуком на груди.

- Дети, тише, тише! - громко попросила она. - Вы зачем к нам пришли? - строго обратилась она к Виктору. - Вам нельзя находиться на территории лагеря. Уходите!

- Ну что вы, девушка, - ответил за Виктора Олег. Он широко улыбался. - Мы пришли к вам в гости, а вы так нелюбезно...

Виктор прислушался к их разговору и до него стала доходить вся нелепость их положения: действительно, зачем они здесь? Надо уходить.

- Пойдём, - потянул он Олега, - чего мы сюда припёрлись? Только детей пугаем!

- Погоди, командир. Давай поговорим с девушкой, - не унимался Олег.

Но, внезапно протрезвевший, Виктор ухватил его за ремень и потащил к дыре в заборе. Галдящая детская толпа двинулась вслед за ними. Олег, кажется, тоже всё понял и, не сопротивляясь, следовал за сержантом, не выпуская из рук коробку. Они быстро покинули территорию и, оказавшись за забором, закурили.

На землю начали спускаться сумерки. В кронах берёз возились, переговариваясь, невидимые птахи. Вдруг они услышали тихие звуки музыки - где-то в стороне от лагеря играл аккордеон.

- Слышишь музыку, командир? - спросил Олег. - Тут недалеко ещё одна деревня, немецкая. Наверное, танцы у них? Давай, пойдём! Представляешь, в день рождения попаду на танцы?!

- Пойдём, - согласился Виктор. Ему тоже захотелось хоть на несколько минут оказаться на танцплощадке, в кругу танцующих пар, как это бывало на "гражданке", которая сейчас казалась бесконечно далёкой.

Они двинули напрямик через рощу, держа курс на незнакомую мелодию вальса.

...К деревне подошли уже в темноте. Здесь не было никаких шлагбаумов. Улица была хорошо освещена частыми фонарями, которые висели на столбах и стенах аккуратно белеющих домов. Перед каждым домом был разбит широкий палисадник с цветами, огороженный невысоким красивым заборчиком.

Парни шагали прямо на звуки музыки. Вскоре они увидели возле одного из домов, яркие окна которого были открыты настежь, в очерченном светом круге танцующие молодые пары. Аккордеонист сидел в середине этого круга и, склонив голову к инструменту,

выводил красивую медленную мелодию. Чуть в стороне стояла кучка зрителей. Одета молодёжь была по-городскому.

Виктор заметил среди танцующих особенную пару - девушку в белом платье и её партнёра в чёрном пиджаке. "А ведь тут свадьба!" - сообразил он.

- Свадьба тут, - тихо процедил он в ухо Олегу. - Может уйдём подобру-поздорову...

Но было уже поздно. Их заметили. Музыка стихла, все танцоры повернулись к ним. Виктор с Олегом не на шутку струхнули. И уже готовы были дать дёру, как вдруг увидели, что от зрителей в их сторону двинулся крупный высокий мужчина в тёмной рубашке в клетку с закатанными по локоть рукавами. Он широко улыбался непрошенным гостям, поманил их рукой. Но они не сдвинулись с места. Тогда он подошёл сам, положил свои большие руки им на плечи.

- Здравствуйте, солдаты. Заходите к нам на свадьбу, - дружелюбно пригласил он парней. Виктор уловил в его голосе чуть заметный акцент. - Я - отец жениха. Арнольд, Марта, приглашайте гостей в дом!

Молодые подошли к Виктору с Олегом, с интересом разглядывая их:

- Проходите, мы вам рады, - сказала девушка и пошла впереди своего мужа. Парни - за ними. Отец замыкал это шествие.

- Вещи можно оставить у забора, у нас не тронут, - обратился он к Олегу, который не выпускал из рук коробку.

В большой комнате стояли ряды столов с остатками еды на тарелках. Молодые сели на свои места, отец устроился рядом с сыном. Чернова с Павлюковым посадили напротив. Шустрая невысокая женщина быстро расчистила перед гостями стол, поставила чистые тарелки, положила вилки с ножами, пододвинула солёные огурчики, квашенную капусту, блюдо с большими кусками варёного мяса и картошкой.

Глядя на всё это, Виктор почувствовал, как голоден. Он уже готов был немедленно приступить к трапезе, как вдруг отец жениха спросил:

- Гудвассер будете?

- Чего, чего? - переспросили в один голос гости.

- Гудвассер, - с улыбкой повторил этот большой грузный человек. - Ну, по-русски, хорошую воду - са-мо-гон, - по слогам объяснил он.

- Конечно, будем, - ответил за двоих Павлюков, потому что Чернов уже набил рот едой и только кивал в знак согласия.

Перед ними появились симпатичные стограммовые стаканчики. Отец извлёк из-под стола стеклянную четверть, наполовину заполненную мутноватой жидкостью. Ловко налил парням напитка по самые плечики стаканов, не расплескав при этом ни капли. Они, не сговариваясь, привстали и, синхронно вымолвив: "За молодых!", опрокинули содержимое стаканов внутрь. Самогон был хорош: сдобренный каким-то травяным вкусом, в меру крепок и душист, организм принимал его на удивление славно, в отличие от русского аналога или того же "Солнцедара"

Олег с Виктором набросились на незамысловатые, но вкусные закуски. Молодые, между тем, снова ушли на улицу. Там опять раздались звуки аккордеона.

- А что, ребята, где служите? - спросил отец жующих солдат.

Виктор вдруг внутренне напрягся: немец зачем-то выведывает... Он толкнул Олега ногой под столом - молчи. А сам положил вилку на стол, вытер губы рукавом гимнастёрки и, отведя глаза в сторону, ответил:

- Да так, в одной части. Рассказывать не велено...

- Раз нельзя, значит, не надо, - согласился хозяин. - А давайте ещё по одной?

- Только по половинке, - предупредил Виктор. А Олег, осуждающе взглянул на него и признался:

- А мне можно полную, у меня сегодня день рождения.

Хозяин налил гостям из бутыли с учётом их пожеланий. Налил и себе. Поднял стакан, сказал: "С днём рождения!" и, не дожидаясь парней, медленно выцедил напиток. Гости последовали его примеру, закусили. Виктор увидел, как Олег вдруг "клюнул" носом в тарелку, засыпая за столом. Он толкнул товарища локтем, взгляд того

приобрёл осмысленность. "Уходим", - прошептал Чернов и встал. За ним медленно поднялся Павлюков.

- Не спешите, поешьте, - хозяин обвёл рукой стол.

- Всё, спасибо, нам пора, - твёрдо ответил Виктор, подхватил под локоть Олега, и они вышли на улицу.

Олега пошатывало, однако он не забыл подхватить стоящую возле забора коробку. Музыка лилась, не смолкая, и пары медленно кружили в сумерках...

Виктор с Олегом побрели в сторону рощи. Они изрядно поблудили между деревьями, прежде чем вышли на околицу русской деревни. Здесь на улице лежала тьма, лишь в некоторых домах светились оконца. Невидимые днём деревенские собаки, почуяв незнакомцев, подняли такой лай, что парни не рискнули входить в селение и взяли правее, обходя его по окраинам огородов.

Олег плёлся чуть сзади, раскачиваясь из стороны в сторону. Чтобы не дать ему упасть, Виктор взял его одной рукой за ремень и потащил за собой. А тот буквально дремал на ходу, не выпуская из рук коробки. Через полчаса они вывернули на знакомую дорогу, по которой пришли сюда, и пошагали по мягкой тёплой пыли. В спину им светила полная луна, помогая ориентироваться в ночи.

Вскоре вдалеке показались огни дивизиона. Им ещё предстояло пересечь полкилометра распаханного поля. Виктор потянул Олега на пахоту, их движение резко замедлилось: ноги то и дело запинались о комья земли.

На Виктора внезапно навалилась усталость от событий длинного летнего дня и выпитого спиртного. Глаза стали сами собой закрываться и требовалось усилие, чтобы сохранять ясность мысли. Олег же, напротив, подремав на ходу, встрепенулся, пришёл в себя.

Они как бы поменялись местами: теперь Олег шёл впереди, одной рукой держа коробку, другой тащил за ремень Виктора.

Когда подошли к дыре в колючей проволоке, часовой с вышки громко спросил сонным голосом:

- Стой, кто идёт?

- Кипсовики, кипсовики! - закричали они вразнобой. И, поднырнув под "колючку" оказались, наконец, на территории части.

... Чимитов и Кирбобо мирно спали в кунге КИПСа. Дверь была открыта. Чернышов с Павлюковым разбудили их, включили внутри станции верхний свет. Те подскочили, протирая глаза, захлопотали, собирая скромный солдатский стол.

- А мы уж подумали, что ты, Олег, зажал свой день рождения, - улыбаясь, ворковал Чимитов, нарезая на куске фанеры остатки шпика. - А хлеб-то какой принесли! - радовался он. - И огурчики, помидорчики - мировой закусон!

Разлили вино по эмалированным кружкам. Виктор, немного протрезвевший к тому времени, налил себе совсем чуть-чуть.

- Ну, что, именинник, будь! - пожелал он, и они сомкнули кружки. Закусили и начали разминать сигареты - все, кроме Кирбобо, который категорически был против курения. Виктор украдкой взглянул на часы, встроенные в одну из приборных стоек станции: далеко за полночь.

- Так, парни, надо бы закругляться, - сказал сержант. - Завтра - рабочий день. Ох, чувствую, будет он нелёгким... Поэтому, пойду-ка я спать в казарму.

- Командир, можно, мы ещё немного посидим. Гарантирую полный порядок, - Чимитов умоляюще смотрел на Чернова**,** прижимая руки к сердцу.

- Полчаса, не больше, - кивнул Виктор. - Всё уберёте - и спать. Чима - за старшего. Именинника не обижать! - он похлопал Павлюкова по плечу.

Стараясь не шуметь, Чернов подошёл к казарме. Тёмные окна спального помещения были раскрыты настежь - ночи стояли тёплые. Он оглянулся по сторонам: на освещённой луной и электричеством дорожке, идущей вдоль казарменной стены, никого не было видно. Сержант сел на подоконник, перекинул ноги внутрь помещения и осторожно ступил на пол.

Он снял сапоги и на цыпочках - мимо спящих солдат - прокрался к выделенной ему в углу кровати. Здесь, как мог быстро, разделся, сложил форму на табурет у кровати, неслышно разобрал постель и улёгся.

Однако сразу уснуть не удалось. Как только голова коснулась подушки, потолок закружился, желудок, кажется, начал приближаться к горлу. Виктор резко открыл глаза: движение потолка медленно

остановилось, желудок тоже вернулся на место. И так он проделывал до тех пор, пока не провалился в глубокий, без сновидений, обморок-сон...

Остаток короткой летней ночи пролетел быстро. Утром Виктор долго не мог открыть глаза. Голова кружилась, подташнивало, во рту было сухо как в пустыне. Он кое-как поднялся. Кровати вокруг были пустыми, но незаправленными. Это означало, что военнослужащие находились на утренней зарядке, после которой полагалось умываться и чистить зубы.

Чернов в трусах поплёлся в умывальник, открыл кран и долго жадно пил тепловатую воду. Потом вернулся в казарму, оделся и вышел на воздух.

Было хмурое утро, дул ветер, по небу быстро плыли низкие серые облака. Виктор остановился, глубоко вдыхая прохладу, сменившую вчерашнюю жару. Он чувствовал, как постепенно приходит в нормальное состояние, но на завтрак решил не ходить: при одной мысли о еде желудок болезненно сжимался.

Виктор торопливо пошёл на площадку, где стояла их станция. Он издалека увидел, что возле КИПСа копошатся взъерошенные, с опухшими глазами Чимитов и Кирбобо, Павлюкова не было видно.

- А где Олег? - спросил он у Чимитова.

- Лежит ещё, - кивнул тот на кунг. Чернов по ступенькам поднялся в фургон, здесь на полу на старом матрасе лежал на спине с закрытыми глазами Павлюков.

- Я не сплю, командир, - негромко произнёс он. - Просто сил нету подняться. А хорошо мы вчера погуляли...

- Чем лучше вечером - тем хуже утром, - согласился Чернов. - Но, всё-таки поднимайся. Надо станцию готовить к работе.

Олег приоткрыл глаза, повернулся на бок, потом - на живот, встал на четвереньки и, наконец, поднялся. Медленно скатал матрас, засунул его в дальний угол - под стойки с аппаратурой.

Виктор мельком оглядел станцию: следов вчерашнего праздника вроде бы не было видно, Чимитов прибрался, как и обещал.

- Сходите на завтрак, - предложил подчинённым Чернов.

Олег, поморщившись, отказался. А Бимба с Тимуром отправились в столовую. В это время у КИПСа и появился прапорщик Самойленко. Он был в неизменном чуть примятом кителе, в правой руке держал свой большой кожаный портфель.

- Салют кипсовикам, - ухмыльнулся он, оглядывая намётанным глазом Чернова с Павлюковым. - Вид у вас - того... Вижу, отметили день рождения по полной! И за периметр ходили - сапоги все в земле.

- Ох, служивые, попадётесь вы однажды капитану, снимет он с вас шкуру, - ворчал прапорщик, копаясь в портфеле. Он извлёк из него баночку с ваксой и сапожную щётку. - Нате, приведите обувь в порядок. Да не дышите на меня, а то закусывать нечем!

Минут через пятнадцать из столовой вернулись Чимитов и Кирбобо. Бимба был доволен завтраком, как всегда, улыбчив, умыт и свеж, как будто и не было вчерашних посиделок. И Кирбобо на его фоне выглядел выспавшимся и вполне готовым к рабочему дню.

Впрочем, Чернов с Павлюковым, начистив сапоги и выкурив по сигаретке, тоже уже пришли в себя.

До начала рабочего дня оставалось ещё не менее получаса, и все они вместе с прапорщиком присели на траву.

- Что пили-то, сержант? - спросил Чернова Самойленко.

- Гудвассер, - вспомнил тот немецкий напиток.

- Не понял, что? - переспросил прапорщик.

- Гудвассер - это немецкая самогонка, - уточнил Виктор. - Очень даже ничего!

- А ну-ка, подай кружку, - обернулся прапорщик к Бимбе. - Я ваше здоровье своим русским напитком поправлю, - и он опять нырнул в свой портфель, порылся в нём и вынул фляжку, встряхнул её, и она призывно булькнула.

Чимитов подал ему кружку. Прапорщик понюхал её, сморщился, потом заглянул внутрь - на дне виднелись засохшие бурые разводы "Солнцедара".

- А вот посуду после употребления надо мыть, - назидательно сказал он и отвесил Бимбе подзатыльник. - А говоришь - гудвассер! - он сердито взглянул на Чернова, который сразу отвел глаза.

Чимитов подскочил с места, быстро прополоскал кружку водой из канистры, которая хранилась в закоулках КИПСа. Вернул её прапорщику. Тот нацедил в кружку из фляжки золотистой жидкости, протянул Чернову:

- Поправьтесь. Только по глотку! Моя яблочная наливочка - что надо! Не какой-то гудвассер...

Виктор глотнул из кружки вкусного душистого напитка, который легко пролился через пищевод в желудок. И точно, сразу же почувствовал себя легче, в голове окончательно прояснилось. Он пустил кружку по кругу.

- Ну что, за дело! - скомандовал Самойленко. И кипсовики бодро начали разворачивать станцию, настраивая её на продолжение проверок боеготовности ракет "огневого" дивизиона противовоздушной обороны.

Костик

Виктор с усмешечкой смотрел солдатика - на это недоразумение, стоящее перед ним. Тот был ниже среднего роста, щуплый, форма, явно не по размеру, сидела на нём неловко, наперекосяк, ремень был не подтянут. Сапоги доходили парню почти до колен, а пилотка была глубоко натянута на голову, отчего оттопыренные уши казались ещё больше. И большие, испуганные карие глаза украшали это детское лицо с пухлыми по девичьи губами и ямочками на улыбчивых щеках.

- Представьтесь, рядовой, - Виктор ловко кинул руку к виску.

- Костик, - смущенно отреагировал солдатик и покраснел.

- А если по уставу!? - сдвинул брови к переносице Виктор. - Как положено!

Солдатик, на удивление ловко щелкнул каблуками, подтянулся, взял под козырёк и звонким голосом отрапортовал:

- Рядовой Рудин! Прибыл из учебной части в дивизион для прохождения дальнейшей службы, в ваше первое отделение.

На этом его запал, по всей видимости, закончился, и он снова смущенно отвел взгляд.

Их разговор проходил в длинном узком коридоре одноэтажной деревянной дивизионной казармы, со стороны больше похожей на барак, недалеко от "тумбочки", возле которой в совершенно расслабленной позе стоял дневальный со штык-ножом на боку.

...Дежурный по подразделению сержант Виктор Чернов перехватил новичка с вещмешком на плечах, который бочком, скромно протиснулся с улицы, из темноты осенней ночи, через входную дверь казармы и робко топтался возле входа в офицерскую комнату, осматриваясь и жмурясь от яркого света дневных ламп.

Из офицерской выглянул дежурный лейтенант Литвинец:

- В чём дело, сержант?

- Да вот - рядовой Рудин, - прибыл к нам для прохождения службы.

Лейтенант, сам, кстати, роста тоже невысокого, но - косая сажень в плечах, окинул солдата придирчивым взглядом, вздохнул:

- Что-то измельчал нынче боец... Документы покажи! - он долго изучал документы, вчитывался в сопроводительный лист. Наконец, заключил:

- Прошел подготовку в учебной части для работы с бортовой аппаратурой ракет земля-воздух. Этот боец поступит в ваше отделение кипсовиков. Принимай пополнение, сержант. У тебя койка свободная есть?

- Имеется, - кивнул Виктор. - Пойдём, покажу. Только, тихо, не топать. Народ спит. А подъем, как обычно, в шесть тридцать.

Они прошли в спальное помещение казармы. Здесь царил полумрак, в четыре ряда стояли кровати. Раздавалось мерное сопение на все лады, всхлипы и тихое сонное бормотание. Кто-то резко и коротко всхрапывал. Запахи ночной казармы трудно с чем-нибудь перепутать. Здесь висел давно устоявшийся дух сапожной ваксы вперемешку с запахами нескольких десятков мужских тел, потевших в течение долгого дня солдатской службы.

Виктор осторожно провёл новичка к свободной кровати - она была самой ближней к входу в спальню.

- Вот твой стул, тумбочка. Форму сложи аккуратно. Надеюсь, в учебке этому обучили? Постель разбирай и ложись, - громким шепотом распорядился он. - Ты, кстати, как до дивизиона добрался? Не мог до утра в городе, в полку переночевать?

- На попутке я, - в унисон ему шепотом ответил солдат. - Очень хотелось побыстрее добраться до места.

- Ладно, ложись, Костик, утром расскажешь.

Солдатик, на удивление, быстро разделся, сложил брюки, гимнастерку свернул воротничком наружу. Подравнял сапоги по линейке с остальными соседними, стоящими в ряд. Расстелил постель - внизу простыня, сверху немудрёное солдатское одеяло. Подоткнул его в ногах, чуть взбил видавшую виды подушку, нырнул под одеяло, свернулся калачиком и моментально заснул.

Виктор покачал головой, взирая на нового подчиненного, и вышел в казарменный коридор, осторожно прикрыв за собой дверь. Его дежурству было еще далеко до окончания...

Технический дивизион зенитно-ракетного полка противовоздушной обороны, снабженный средневысотными

ракетными комплексами С-75, располагался в бесконечной, ровной как лист бумаги степи, километрах в пяти от оживленной автострады, что вела из европейской части страны - по территории необъятной Западной Сибири - на Дальний Восток. Впрочем, шоссе было оживлённым настолько, насколько оживленным был поток автомобилей в те завершающие свой неспешный ход семидесятые годы прошлого столетия. Когда, казалось, что вся наша жизнь текла спокойно и размеренно.

А большой, почти миллионный, сибирский город, который охранялся этим полком, вообще отстоял от дивизиона километров на тридцать. Там, в городе, располагался штаб полка, а от него тянулись незримые нити боевого управления десятком огневых дивизионов. В каждом из них на боевом дежурстве застыли на пусковых установках ракеты, готовые по первому сигналу рвануть в небо и разорвать на куски любую воздушную цель, посягающую на мирную городскую жизнь. Город жил заботами и делами своих многочисленных граждан, которые даже и не подозревали о той задаче, что стояла перед личным составом полка на случай "империалистической опасности".

Технический дивизион со стороны напоминал небольшой поселок. Кроме казармы, здесь расположились склады с полковым запасом ракет, уложенных в стеллажи, и запасными частями к ним, гаражные боксы с рядами тягачей - внушительных грузовиков "зил-131" и прицепами для перевозки ракет в боевые дивизионы, площадки для сборки, снаряжения и приведения изделий в боевую готовность, соединенные между собой асфальтовыми проездами, комплекс заправки ракет, котельная, которая обогревала всё это хозяйство.

Кроме того, дивизион вмещал в себя примерно полсотни военнослужащих, причем, половину из них составляли офицеры, жившие с семьями в городе. Они ежедневно рано утром приезжали сюда на службу. У офицеров бывали по воскресеньям и выходные, когда они отдыхали от дивизионной жизни. Иное дело - солдаты: тем отсюда никуда было деться ни в будни, ни в праздники.

Все три дивизионных отделения: кипсовики, заправщики ракет и отделение водителей грузовых тягачей для подвоза ракет, - все дивизионные солдаты, ефрейторы и сержанты проводили на территории дивизиона всё время почти безвылазно - два года дней и ночей, полагавшихся в то время по закону о воинской службе.

Правда, таким, как Виктор Чернов, призванным в армию после окончания вуза, время службы сокращали до полутора лет. Зато в самом конце их ожидали двухмесячные "офицерские сборы", после которых присваивалось лейтенантское звание. Но, как любил приговаривать дивизионный старшина с богатырской внешностью и былинным именем Василий Кожемяка: "Хрен редьки не слаще".

Обнесённый по периметру забором из колючей проволоки и "увенчанный" в одном их дальних углов вышкой с часовым, дивизион в иные минуты напоминал совершенно другое учреждение, Но, далеко не всегда: жизнь и военная учеба здесь била ключом, порой, через край. Были здесь и свои нехитрые развлечения.

Из дивизиона в штаб полка ежедневно ездил грузовой трёхосный "зил-157" - "труман", как прозвали эту машину в армии, с будкой вместо кузова. Машину называли "хозяйкой". За рулём бессменно был ефрейтор Боря-бурят - большой толстый солдат-второгодок со щелками-глазами на круглом без единого волоска лице, заглянуть в которые было невозможно. Виктор всегда удивлялся, как Боря вообще что-нибудь видит. Но так виртуозно водить по городским улицам огромный грузовик в дивизионе не мог больше никто.

Поэтому ему и доверяли ежедневную езду в город за продуктами, за почтой и разной другой надобностью, без чего личный состав дивизиона не мог обойтись. Например, он легко мог купить в городе чего-нибудь сладкого, если любитель этого сладкого сумел хорошо попросить его об этом, присовокупив энную сумму денег, присланную родными из дома.

Но особенно любил Боря быть письмоносцем: он забирал у солдат письма родным, и не было случая, чтобы они не доходили адресатам. А больше всего он обожал привозить и вручать парням письма из дома. При этом разворачивалось целое представление. Тут без танцев или какого-нибудь необыкновенного кукареканья обходилось редко. Боря требовал от личного состава неукоснительно соблюдать эту традицию. И отвертеться удавалось разве что старослужащим, да командирам отделений.

...В тот день Боря привёз только одно письмо. Личный состав как раз выходил из столовой, отобедав солдатского борща и каши. Было начало октября, и солдаты, уже одетые в бушлаты и шапки, поёживались на пронизывающем степном ветерке и мелко моросящем

косом дождичке. Все сгрудились у Бориной машины в надежде на весточку из дома.

- Одно, - объявил Боря, заглушив свой грузовик возле так называемого "едового" здания, объединённой с кухней, и вылез из кабины на подножку машины. Он поднял конверт высоко над головой:

- Костик, Рудин, тебе - пляши! - начавшие было расходиться разочарованные зрители, притормозили в ожидании бесплатного представления. Все уставились на Костика, подбадривая его усмешками и разными короткими репликами, типа: "Давай, Костик, цыганочку с выходом!". Но, Костик повёл себя неожиданно для всех. Он, как обычно, сильно покраснел, резко развернулся и пошагал в сторону казармы.

- Эй, Рудин, а ну, стой! Кругом! Ко мне - шагом марш! - свирепо рявкнул Борис. На что Костик лишь отмахнулся, не оборачиваясь и не останавливаясь.

- Рудин! Не вернешься сейчас - после отбоя подойдёшь со своим ремнём! - угрожающе крикнул Боря. Солдаты захохотали. А Костик замедлил шаг, потом остановился. Угроза явно подействовала - многие сослуживцы уже не раз испытали на себе реальность Бориных слов.

Костик медленно приблизился к машине:

- Давай письмо, а плясать не буду! - в ответ Борис лишь молча поднял конверт над головой.

- Не будешь отдавать - и не надо! - "ощетинился" внезапно Костик. - Проживу и без письма... Знаю я, от кого оно и что в нём написано. Поэтому, можешь оставить его себе!

Борины глаза-щелки расширились от удивления:

- Мне-то оно зачем - оно тебе, - озадаченно произнёс он.

И тут вмешался сержант Чернов:

- Слышь, Борис, отдай ты парню письмо. Видишь, он - принципиальный, оставил нас без представления...

- Да я что... Пусть забирает, - неожиданно легко согласился Боря. И шикнул на раздавшийся шепоток: "Везёт же человеку..."

- Как его накажешь? Посмотри на него - в чём душа держится! Ещё зашибёшь ненароком, отвечай потом... А вы у меня плясать и

кукарекать будете, как миленькие! - повысил он голос, чтобы скрыть досаду.

Костик ловко заскочил на подножку машины, выдернул из Бориных рук конверт, не глядя, сунул его за ремень и отправился в казарму, в "красный уголок". Благо, после обеда старшина Кожемяка, разрешил получасовой перекур.

...Прошло уже несколько недель, как Костик впервые переступил порог казармы. К удивлению Виктора Чернова, он за это время понемногу сумел вписаться в непростую дивизионную иерархию. Стойко перетерпел шуточки и подколы первых дней. Сержант боялся, что сослуживцы "заклюют" солдатика, как это уже нередко бывало с новобранцами. В дивизионе за долгие годы сложилась своеобразная иерархия, которую в открытую дедовщиной не называли, однако, это была именно она, только в смягченном дивизионными традициями виде. Особенно, это было заметно по вечерам. Конечно, в дневное время суток всем здесь руководили дивизионный командир полковник Заикин и его заместитель майор Серёгин.

Они - эти командиры - даже близко не были похожи друг на друга: первый - высокий, нескладный, полноватый, с вечно мятым лицом и мятым же кителем, от него нередко исходил дух вчерашнего перегара; второй - среднего роста, сухощавый и подтянутый, в отутюженной форме. "Майор у нас боевой!" - говорили про него солдаты с уважением. И, правда, он практически "от звонка до звонка" прошёл вьетнамо-американскую десятилетнюю войну, завершившуюся только к середине 1970-х. Как военный специалист, обучал вьетнамцев сбивать вражеские самолёты советскими ракетами, о чём иногда в часы отдыха с интересом рассказывал подчинённым.

Но в одном командиры сходились: не терпели дедовщины и неуставных отношений, не закрывали на всё это глаза...

Однако день в дивизионе принадлежал порядку и уставу, а вечерами и ночью бывало всякое. За эти вечерние "развлечения" и переживал Виктор. Нет-нет, да "накатывало" на кого-нибудь из "старичков" - заставлял "молодого" солдата почистить сапоги или латунную бляху ремня, подшить подворотничок... Правда, рукоприкладства не было, обходились психологическими наездами.

...В первое же утро новой службы, через мгновение после зычной команды: "Дивизион, подъём!" - Костик, вскочил с постели наравне с другими. Виктор с удовлетворением отметил, что он быстро, хотя и несколько суетливо, оделся в свою не по размеру форму. Одним из первых встал в заспанный строй солдат, вытянувшийся вдоль казарменного коридора. При этом Виктор указал ему место замыкающего первого отделения - в соответствии с ростом.

Солдаты с интересом и улыбками оглядывались на новичка, перебрасывались на его счёт шутливыми репликами. Костик же был серьёзен и на "подколы" не реагировал. Старшина Кожемяка прошёлся вдоль строя вперёд-назад, остановился напротив Костика.

- Рядовой, выйти из строя! - скомандовал своим низким рокочущим голосом.

Костик шагнул вперёд, развернулся лицом к строю, хотел отдать честь, потянул было вверх правую руку, да, видимо, вспомнил, что к "пустой" голове руку не прикладывают, прижал её к бедру, опустил покрасневшее от смущения лицо.

- Что надо сказать, рядовой? - добродушно, как нашкодившего ребёнка, спросил его старшина.

- Рядовой Рудин по вашему приказанию прибыл... - тихо сказал Костик

- Не слышу! - повысил голос Кожемяка и сжал свои огромные кулаки, напоминающие по размеру пивные кружки. Костик вдруг звонко выкрикнул:

- Рядовой Рудин прибыл по вашему приказанию! - казарма прыснула смехом.

- Разговоры! - пресек веселье старшина. - Доложи, откуда и зачем прибыл?

- Разрешите! - шагнул вперёд Чернов и, не дожидаясь разрешения, доложил:

- Рудин прибыл вчера, после отбоя, направлен к нам из учебной части, по специальности - кипсовик. Поэтому служить будет в первом отделении. Прошу, товарищ старшина, помогите подобрать форму по размеру...

- Ладно, Чернов, принимай пополнение. На довольствие мы его зачислим. А вот таких малых размеров у меня нет. Пусть сам - ручками - подгонит одежду по фигуре. И чем скорее, тем лучше! - последнее прозвучало уже как приказ.

После утренних процедур - перед выходом на завтрак - Чернов накоротке собрал своё отделение. Оно, хоть и маленькое, было интернациональным: тугодумый на вид украинец Семён Предыбайло - дивизионный фельдшер, узкобёдрый узбек Тимур Кирбобо, бурят Бимба Чимитов с фигурой тяжелоатлета, русский Олег Павлюков, спокойный и всё понимающий, - они с интересом оглядывали Костика с всех сторон.

- Чем тебя кормили? - спросил, наконец, Чимитов, круглое широкое лицо которого никогда не покидала хитроватая улыбка.

- Сейчас не об этом, - отмахнулся от него сержант. - Мужики, - чуть торжественно обратился он к ним. - Костик поступил в наше отделение. Мы берём над ним шефство и защиту. Считаем его "сыном" нашего отделения. Если мы этого не сделаем, заклюют парня. Нам это надо?!

Они молчали, "переваривая" его необычную просьбу. Первым нарушил молчание сам "именинник":

- Чего меня защищать?! - насупился он. - Что, я - маленький что ли? В учебке не пропал и здесь не пропаду! - запальчивой скороговоркой выпалил он, вызвав всеобщее веселье.

- Ну, ты - богатырь... - начал было Чимитов.

- Хватит! - вновь оборвал всех Чернов. - Просьбу, думаю, все поняли... А тебе, Бимба, особое задание: ты лучше всех умеешь форму подгонять. Прошу, сделай Костику, как надо.

Бимба зарделся от похвалы, похлопал Костика по плечу:

- Подходи во время свободного часа, начнём. За пару дней управимся...

Костик призывался в армию из Новосибирска. Виктор узнал это из письма, которое ему показал майор Серёгин. Письмо было написано на имя командира дивизиона. Так и стояло на конверте - в строчке "Кому" аккуратным ровным почерком было написано: "Командиру технического дивизиона". А в том месте, где было указано

"От кого", значилось от участницы Великой Отечественной войны Клавдии Ивановны Рудиной.

Это была его бабушка. Она коротко излагала биографию Костика. Живёт с бабушкой, родителей нет, погибли в автоаварии, когда ребёнку не было и трёх. Воспитала его бабушка. "Мальчик он хороший, честный, упрямый только, - писала она. - Школу закончил с золотой медалью... Учился в политехническом, но ушел с третьего курса - из-за девочки... В армию его брать не хотели по причине малого веса и роста, но он сам настоял..." Клавдия Ивановна просила командира не жалеть Костика, но, по возможности, не посылать в самые трудные места. Хотя он ни от каких трудностей не откажется ни за что на свете, была уверена бабушка. И еще она просила Костику про это письмо не говорить, а то он обидится на неё на всю жизнь.

- Понял? - спросил Чернова майор. - Береги сироту, если сможешь, конечно... - Он покачал головой и скрылся за дверью офицерской комнаты.

Чернов вечером того же дня подошёл к Костику.

- Рудин, ты из Новосибирска призывался? - спросил его, как бы между прочим.

- Из Новосибирска, а что? Какое это имеет значение? - Костик с улыбкой доверчиво смотрел на сержанта.

- Да нет, ничего. А откосить от армии не пытался? - Виктор отводил взгляд от наивных карих глаз подчиненного. Тот нахмурился, будто почувствовал что-то:

- А зачем? Каждый мужчина должен послужить родине... Разве не так?

- Так! - отрезал Виктор и отошёл по своим делам.

...Костик служил в дивизионе уже несколько недель. Форма теперь хорошо сидела на нём, подчеркивая стройную маленькую фигуру. Чимитов постарался на совесть. Остальные бойцы давно привыкли к Костику, он стал в дивизионе своим. Поначалу кое-кто пытался над ним подшучивать, отдавая несуразные команды или подкладывая в постель какую-нибудь живность. Костик стоически переносил эти шутки, не обижался, подкупая шутников то своей наивной, почти детской улыбкой, то неожиданной твёрдостью отпора. А личный состав первого отделения, да и сам сержант бдительно

следили, чтобы по отношению к нему солдаты других отделений не распускали руки, особенно по вечерам.

Костик посвежел на вид, явно прибавил в весе, благо, кормили в дивизионе хорошо, не то, что в учебке. Здесь военнослужащим полагался доппаёк, его делили поровну, по-братски, и съедали безо всяких условий.

Осень плавно переходила в зиму, которая обещала быть по-сибирски снежной и морозной. Отделения дивизиона тянули каждый свою солдатскую лямку. Водители возились с матчастью, заправщики проводили бесконечные тренировки, обучаясь за считанные секунды наполнять баки ракет горючим и ядовитейшим окислителем, состоящим из азотной кислоты.

Тренировки заправщиков походили на посещение дивизиона существами внеземной цивилизации: одетые с ног до головы в прорезиненные спецкостюмы, со специальными противогазами на лицах, они напоминали космонавтов дальних странствий. Но вряд ли им кто завидовал, когда они потом в мокрых от соленого пота гимнастёрках, сидели в "красном уголке" и строчили письма домой.

И только кипсовики считались в дивизионе белой костью, этакой солдатской интеллигенцией. Главной боевой задачей отделения контрольно-испытательной передвижной станции, была проверка работы бортовой аппаратуры ракет, которые несли дежурство в огневых дивизионах.

Это происходило во время командировок, когда расчёт КИПС выезжал в огневые дивизионы. Кипсовики по очереди объезжали все ракетные дивизионы, где военные непрерывно несли боевое дежурство, охраняя небо города. Кипсовики снимали их с пусковых установок, проверяли работу "начинки", что называется, по полной. Потом снова устанавливали на пусковую. Затем, шла проверка запасных ракет огневых дивизионов. При необходимости, заменяли вышедшие из строя детали на запчасти. И переезжали на следующую точку.

Работа в одном дивизионе занимала дня четыре-пять. На весь цикл проверок уходил примерно месяц. И Виктор, и его подчиненные любили эти поездки, когда в конце рабочего дня офицеры отбывали до утра в город на свои постоянные квартиры, а прикомандированный

к проверяемому дивизиону рядовой состав расчета КИПС был на весь вечер предоставлен сам себе.

Хотя в огневых дивизионах был жёсткий распорядок, все действия военнослужащих были расписаны даже не по часам - по минутам, этот распорядок прикомандированных кипсовиков не касался. В такие вечерние часы сержант Чернов позволял своим расслабиться, даже при случае совершить вылазку в ближайший сельский населённый пункт. "Только не баловать там и вернуться к отбою", - напоминал он подчиненным. И, надо сказать, они не подводили.

Но эти командировки происходили не чаще, чем раз в квартал. А в остальное время старшина Кожемяка делал всё, чтобы кипсовики не скучали без работы.

Зимой они вели борьбу со снегом, расчищая дорожки, небольшой плац, площадки для сборки и обслуживания ракет. Летом шёл бесконечный ремонт дивизионных зданий: крыш, фундаментов, котельной. Были еще весна и осень, на которые тоже распространялась фантазия старшины.

Впрочем, Виктор его не осуждал. Он понимал и давал понять своим солдатам, что никто посторонний сюда не придёт, чтобы поддерживать дивизион в постоянной готовности и живучести. Поэтому, наряды на работы первое отделение выслушивало на ежедневном утреннем разводе молча и стоически приступало к их выполнению. Особого рвения, конечно, не проявляли, но делали всё с нормальным качеством, переделывать за ними не приходилось.

Виктор заметил, что Костик первым принимался за выполнение очередного наряда. "Ты - как Ленин на субботнике, - с усмешкой говорил он Костику в таких случаях, - всегда берёшься за толстый конец бревна". Но солдатик только улыбался в ответ, да пуще поднатуживался. "Смотри, не надорвись", - по-отечески напутствовал Чернов.

Его отношение к Костику больше напоминало отношение к младшему брату. И не последнюю роль в этом сыграло бабушкино письмо. Хотя разница в их возрасте была всего-то лишь в два года: Чернов попал на срочную службу не сразу после окончания университета. Первые полгода тоже прослужил в учебной части, пока не распределили сюда - "на точку". В общей сложности ему

предстояло "отдавать долг Родине" в течение восемнадцати месяцев. А это значило, что впереди ещё были армейская зима, весна, лето и часть осени...

Впрочем, бывали свои тренировки и у кипсовиков. Начальником первого отделения был капитан Чукарин, у которого имелся заместитель - старший лейтенант, недавний выпускник военного училища. Был в расчете КИПС еще и прапорщик Самойленко. Это - что касается командного состава расчёта контрольно-испытательной станции. Входили в этот расчёт и сержант Чернов, и его подчинённые – так сказать, сержантско-рядовая составляющая. Куда в армии без неё?!

Сама станция представляла из себя кузов-фургон или по военному - кунг на базе автомобиля "зил-157". Внутри фургон был доверху набит аппаратурой и прикрученными к полу круглыми металлическими стульчиками. Один из них занимал Чернов, в обязанности которого входила проверка работы радиовзрывателя ракеты. Старшие же проверяли - каждый свой узел сложного оружия.

Рядовые расчета в ходе проверок работали на улице. В их обязанности входило приготовить станцию - достать и развернуть спрятанные в специальных отсеках под фургоном кабели, соединенные с аппаратурой станции, подкатить на тележке ракету к станции, подключить кабели к скрытым в корпусе ракеты разъемам, предварительно протерев эти разъемы чистой ветошью, смоченной техническим спиртом - для лучшего контакта.

При этом все члены команды имели переговорные устройства - наушники с ларингофонами, через которые отдавались команды, шли доклады об их выполнении. Иногда в эфире подчиненные капитана Чукарина перешептывались о чём-нибудь своём, но капитан резко обрывал эти разговоры, Виктору Чернову эти тренировки были не в тягость. Во временные нормативы кипсовики укладывались. До автоматизма было отработано каждое действие, в памяти надёжно хранились необходимые показания, которые должны были дать приборы при полной исправности летающего оружия. И каждый знал, что надо делать в случае, если эти показания не сойдутся с теми, которые нужны, - неисправный узел подлежал замене и отправке на завод-изготовитель.

Ответственность на кипсовиках лежала большая. От них зависело - взлетит ли ракета с пусковой установки, уничтожит ли противника в воздухе. Поэтому, за качество своих проверок они отвечали, что называется, головой, расписываясь в специальном журнале. Как любил шутить прапорщик Самойленко: "Если что, нас достанут и посадят".

Сержант уговорил Чукарина привлекать на тренировки и Костика - вместо "сына солнечного Узбекистана" Тимура. Кирбобо уж больно нерасторопен, иногда приказы ему приходилось повторять по нескольку раз.

А Костик втянулся в работу быстро, хорошо усвоил своё место и свои действия в расчёте. Правда, при этом был несколько суетлив, не с первого раза попадал кабелем в нужный разъём. Но это, по мнению Виктора, дело наживное. Вот съездит раз в командировку в огневой дивизион, примет участие в настоящей проверке, и всё пройдет...

Капитан Чукарин появлялся в дивизионе не каждый день. Работал в городе, в полку, как он объяснял Виктору. Однако, когда в начале рабочего дня он вдруг появлялся на территории дивизиона, обязательно требовал построения первого отделения на плацу и доклада по всей форме. Виктор командовал: "Становись! Равняйсь! Смирно! Равнение на середину!" Чеканя шаг, подходил к Чукарину и, приложив правую ладонь к пилотке, громко докладывал: "Товарищ капитан, за время вашего отсутствия в первом отделении никаких происшествий не произошло!"

Чукарин, довольный соблюдением субординации, расплывался в широкой улыбке, отвечал:

- Вольно! Разойдись! - и протягивал Виктору руку. Потом они еще немного обсуждали дела и проблемы, если таковые имелись в отделении. Но, сказать честно, решать эти проблемы капитан не любил. Поэтому Виктор, по большей части, занимался ими сам.

Заместитель Чукарина - старший лейтенант вообще держался особняком. В дела отделения не вникал, на солдат внимания не обращал, вел с другими офицерами бесконечные малопонятные солдатам разговоры на технические темы.

Он придерживался здорового образа жизни, поэтому не разделял любви капитана к техническому спирту, который для нужд

кипсовиков раз в месяц у старшины Кожемяки получал прапорщик Самойленко.

Немолодой, обременённый большой семьёй, Самойленко жил в городе, в частном доме. И спирт, предназначенный для протирки разъёмов бортовой аппаратуры ракет, нередко выручал его, как "жидкая валюта", при решении бытовых семейных проблем.

Да, кроме того, после окончания рабочего дня, перед возвращением в город, капитан и прапорщик любили "принять" по "соточке" спирта "на нос". Приглашали поучаствовать в этом священнодействии и старлея, но те регулярно отказывался.

Поначалу Виктор удивлялся, как можно принимать внутрь эту зелёную, вонючую, крепчайшую жидкость без ущерба для организма? Удивлялся до тех пор, пока однажды сам не попробовал с сержантами других отделений - на дне рождения одного из них, устроенном после отбоя в углу спальни Зажав нос и задержав дыхание, Виктор впервые с отвращением выпил эту жидкость. Но, через некоторое время ему стало так тепло и хорошо, а отношение к надоевшему окружающему быту наполнилось таким абсолютным "пофигизмом", что он при случае уже никогда не отказывался от этого удовольствия.

Впрочем, спирта хватало и на протирку разъёмов: старшина Кожемяка умудрялся много доставать его для нужд дивизиона.

Правда, эту традицию едва не разрушил Костик. Откуда-то он узнал, что, предназначенный для дела, спирт используется, как улучшающий настроение личного состава напиток. Он пришёл однажды вечером к Чернову в "красный уголок" и с серьезным видом сообщил, что собирается написать докладную об этом безобразии на имя командира полка.

- Погоди, - остудил его порыв Виктор. - Ты сам-то не пробовал, что ли, этот священный напиток?

- Я не пью! - гордо вскинув подбородок, заявил Костик.

- Ну и дурак, Рудин, - беззлобно отреагировал Чернов. - Чимитов, Бимба?! - позвал он. И когда тот заглянул в "красный уголок", поманил его пальцем:

- У тебя во фляжке имеется?

Круглое лицо Бимбы растянулось в довольной - раскосых глаз не видно - улыбке:

- Сейчас сделаем, сержант...

- И закусить чего-нибудь сообрази, и проследи, чтобы сюда никто не совался.

Виктор повернулся к Костику:

- Сейчас будем исправлять ошибки молодости...

Тот испуганно смотрел на командира, молча сидел за столом, заваленном подшивками газет "Правда" и "Красная звезда". Минут через пять явился Чимитов, вынул из-под полы алюминиевую фляжку, из карманов сверток с порезанным салом, хлеб. Разложил всё это на столе, забаррикадировал дверь ножкой стула.

- Сначала - сам, - приказал ему Виктор. Бимба хмыкнул, взял фляжку, отвинтил крышку, взболтнул напиток, и, запрокинув голову, сделал большой глоток. Задержал дыхание, потом задышал часто и принялся закусывать хлебом с салом.

Виктор принял у него ёмкость, пристально посмотрел на горлышко, сделал хороший глоток, тоже задержал дыхание и занюхал рукавом гимнастёрки. Отломил кусок хлеба, начал жевать.

- Убойная, - сказал он и взглянул на Костика. Тот глядел на сослуживцев во все глаза:

- Не, я не буду, - торопливо сообщил он сержанту.

- Ответ неверный, - покачал головой Чернов. - Если кто в компании не пьёт, тот стукач...

- Я не стукач! Но пить не буду! - упрямо заявил солдат.

- А не будешь, я бабушке всё расскажу, - ехидно ляпнул Виктор. И тут же пожалел о сказанном.

- Какой бабушке? - подозрительно спросил Костик. - Какой бабушке? Откуда ты знаешь про бабушку? - он насупился, отвернулся в угол.

- Да я просто так. Действительно, при чём здесь бабушка?! Ты бабушку знаешь? - повернулся Виктор к Чимитову.

- Свою - знаю, других - нет, - ответил Чимитов, с удовлетворением поглаживая себя по довольно-таки заметному животу.

- Вот видишь, не знаем мы никакую бабушку, - примирительно сказал сержант. - А попробовать напиток надо. Расслабишься. Сам же потом спасибо скажешь. Нет в этом ничего плохого, все так делают...

Костик ещё немного подумал, даже по затылку было видно, что в его голове идёт мыслительный процесс.

- Ладно, - повернулся он. - Давай посуду! - Он буквально выхватил булькнувшую фляжку из рук Виктора, понюхал горлышко, смешно по-детски сморщился...

- Ты дыхание задержи, потом глотни, сколько можешь, и сразу не дыши. Потом занюхай хлебом и закусывай, - наставлял его опытный Чимитов.

Костик всё сделал "по инструкции". И, на удивление, легко справился с заданием, с удовольствием принялся уплетать белый хлеб с кусочком сала.

- Ну, что - репетэ? Повторим, то есть? - Чимитов развел руками. - По одной - ни то, ни сё…

- Ты - как? - Виктор хлопнул жующего Костика по узкому плечу. - Зажгло?

Тот торопливо закивал, на его улыбчивых щеках раскраснелись ямочки.

Они глотнули ещё по разу. Закусили. Глаза у всех блестели, у Костика - блестели как-то по-новому. Видно было, что его так и распирает сказать что-то. Виктор молчал, выдерживал паузу и Чимитову незаметно показал кулак: молчи!

Наконец, Костик заговорил:

- Я ведь, и вправду, первый раз в жизни выпил. До этого - никогда! Мне ведь бабушка запретила... Ты, когда про бабушку сказал, я подумал, что... - он на мгновение осёкся и так внимательно посмотрел Виктору в глаза, что тот отвёл взгляд от этих, вдруг ставших цепкими, глаз подчиненного.

И тут Костика как прорвало: он начал говорить без остановки. Рассказывал о своём житье-бытье на гражданке, о том, что жил вместе с бабушкой, которая заменила ему родителей, о том, как она его любит и готова выполнить любой его каприз. Вот он и сбежал от

неё в армию, хотя можно было и не служить по причине слабого здоровья. Но, он упёрся, и врачи не возражали...

Костик возбужденно выкладывал всё это безо всякого стеснения, будто боялся, что остановят.

- А давайте по третьей! - вдруг предложил он со своей обезоруживающей улыбкой.

Парни не возражали. Только сержант спросил на всякий случай:

- А тебе много не будет?

- Нет-нет, - тряхнул головой Костик. Он первым взял фляжку, сделал добрый глоток и... поперхнулся, закашлялся. Виктор с Чимитовым принялись легонько хлопать ладонями по его худой спине. Кашлял солдат громко, отчаянно, со всхлипом, из глаз градом катились слёзы. Кашлял долго и надрывно, потом кашель сменился иканием. В коридоре подали команду "Отбой!"

- Д-дайте водички! – заикаясь, взмолился Костик.

- Принеси, - сказал Чимитову Виктор. Тот вскоре вернулся с кружкой воды. Прежде, чем дать её Костику, напомнил сержанту:

- Не надо бы воды-то, ведь это же спирт!

- Пусть попьёт и спать укладывается, - махнул рукой Чернов.

Однако всё оказалось не так просто.

Костик, захлёбываясь и стуча зубами о металлические края кружки, махом осушил её, отдышался и тихонько захихикал. Чернов смотрел на него во все глаза. А тот раскраснелся до малинового цвета и принялся хохотать чуть ли не вовсё горло.

- Прекрати! - одёрнул его Виктор, однако Костик не мог остановиться. Было видно, что смех ему и самому не доставляет удовольствия, а ничего не мог с собой поделать: "Ха-ха-ха!" - корчился он от смеха.

Чем бы это закончилось - неизвестно. Веселье прервал Чимитов - он с маху ткнул Костика в бок кулаком. Тот задохнулся от недостатка воздуха в лёгких, только беззвучно открывал рот. Наконец, отдышался, и с обидой заскулил заплетающимся языком: "Зачем так? За что?!"

Было видно, что Костик сильно пьян.

- Надо его уложить, и - без приключений! - приказал Чернов. Они подхватили Костика под руки, тот как-то сразу увял, обвис в сильных руках. Парни довели его по кровати, раздели и уложили.

Казарма уже практически спала. Чернов и Чимитов разошлись по своим кроватям, сняли форму, только лечь не успели, потому что Костик громко заикал и его вырвало прямо на пол - он успел свесить голову с кровати.

- Твою же мать! - выругался Чернов. - Будем тихо убирать...

Чимитов принес из каптёрки ведро с тряпкой, налил воды, принялся за уборку. Щурясь и отводя в сторону свой широкий нос, он вытер пол до блеска. Но не успел вынести ведро, как всё повторилось вновь. Проснулся Олег Павлюков:

- Что тут у вас? - спросил, зевая.

- Не мельтеши, помоги лучше Чимитову, - сказал Виктор. Павлюков тоже подключился к делу...

Тут в спальню заглянул и дежурный офицер, сразу сообразил, что к чему:

- То-то я думаю, чем это так пахнет?! Теперь вижу, - удовлетворённо заключил он. - Чернов, всё уберёте. А утром - жду докладную на имя командира дивизиона.

Утро для Костика было тяжёлым. После подъема он последним приплёлся в строй, выглядел помятым и бледным. Всё понимающий старшина Кожемяка выставил его перед строем и начал воспитывать:

- Рядовой Рудин, ты разве не знаешь, что пить вредно? А уж если невмоготу, прими в меру...

Костик стоял перед заспанными солдатами, низко опустив голову, морщась и обречённо вздыхая.

- Ну, скажи нам что-нибудь! - не унимался Кожемяка.

Костик глубоко вздохнул и тихо произнёс:

- Я больше не буду...

- Не слышим! - рявкнул старшина.

- Я больше не буду! - громко заявил Костик. - Первый раз в жизни пил, гадость это, плохо это! Больше никогда не буду! - повторил он

увереннее и, подняв голову, обвёл взглядом строй. А солдаты понимающе улыбались "залетевшему" сослуживцу.

- Отставить улыбки! - грозно приказал старшина. - Рядовой Рудин, за допущенное нарушение - два наряда вне очереди! Сержант Чернов, за нарушение в отделении - два наряда вне очереди!

- Есть, два наряда вне очереди! - в один голос ответили Чернов и Рудин. И Виктор внутренне удивился этой неожиданной синхронности. "Окончательно спелся с подчиненными, - подумал он, - не военный я человек, таким, однако, и помру..."

На этом "разбор полётов" был завершён. Чернов ожидал вызова "на ковёр" к командиру дивизиона, но его не последовало. Капитан Чукарин, по прибытии в дивизион, отвёл Виктора в сторону от стоявшего по стойке смирно первого отделения и сделал короткое внушение:

- Ты, сержант, эти пьянки с подчинёнными заканчивай! Мне некогда тут с вами разбираться! Здесь армия, а не детский сад. Вот это всем объясни, в том числе, Рудину. И вообще, не умеет пить - нечего этим заниматься. А если вам по вечерам делать нечего, проводи политинформацию. Словом, чтобы я о нарушениях больше не слышал. Понял?

- Так точно! - облегченно отчеканил Виктор. - Разрешите идти? У нас наряд на уборку снега.

- Шагай, - разрешил капитан. - Эту неделю занимайтесь снегом, а на следующей - едем в командировку, на регламентные работы. - Он растопырил пальцы левой руки и начал загибать их по одному:

- Станцию подготовьте, доппаёк получите. Павлюков пусть двигатель у машины проверит, чтобы не как в прошлый раз - не глохла по дороге. Скаты посмотрите, в кунге наведите порядок. Развели там матрасы, подушки - как в общаге... Обогреватели в кунге должны работать исправно - зима на дворе. Рудин тоже пусть собирается - будем отучать солдата от алкоголизма...

- Да он впервые... - начал было Виктор.

- Знаю, - оборвал его начальник. - Даже знаю, чья это идея. Тебе два наряда вкатили - мало, я бы все пять дал, да что толку, если вы и так через день в наряды ходите. Ладно, иди...

В отношении нарядов вне очереди Чукарин был прав: в дивизионе было всего три отделения, а текущих нарядов было "больше, чем людей", как любил приговаривать старшина. Каждый день одно из отделений по графику заступало на сутки в караул для охраны территории дивизиона, а солдаты других отделений получали текущие наряды - на кухню: чистку картошки, мытьё посуды и уборку столовой после приёма пищи; на дежурство по казарме. Так что, как шутили солдаты, "у нас через день - на ремень". Поэтому отработать наряды вне очереди не было почти никакой возможности.

...Отделение расчищало заснеженный плац с особым усердием. Дополнительные силы придало сообщение о скорой командировке. Особенно усердствовал Костик. Он махал лопатой почти безостановочно. Там, где Чимитов взмахивал один раз, Костик делал по три взмаха, при этом, мурлыкал что-то радостное себе под нос, смахивая со лба пот.

Они выехали в огневой дивизион в среду, после обеда. Среда - хороший день, сказал Чукарин. Задача на первый день была поставлена конкретная: прибыть на место без приключений, разместить станцию на ночёвку, разместиться самим. На утро следующего дня - установить станцию рядом с огневой позицией, развернуть кабели, прогреть оборудование и ждать прибытия офицерского состава команды кипсовиков.

Регламентных проверки ракет шли по будним дням. В выходные - надлежало просто жить в чужом дивизионе, драить КИПС или писать письма домой.

За старшего в команде сегодня был прапорщик Самойленко. Они с Виктором ехали в кабине рядом с водителем, его роль виртуозно исполнял Олег Павлюков. Видно было, что он соскучился по баранке, которую крутил, хотя и с трудом, зато - с удовольствием. В фургоне же находились Чимитов и Костик. Виктор время от времени через переговорное устройство спрашивал, как у них дела? Отвечал неизменно Костик, бодро докладывал, что всё в порядке. "Чимитов спит, - был уверен Виктор. - Да и ладно".

Бимба Чимитов, действительно, спал на расстеленном посреди фургона видавшем виды матрасе. При всём желании капитана Чукарина избавить фургон от данного изделия, сделать это было

невозможно: как ещё солдату набираться сил после тяжких трудов армейской службы?

В потаённых уголках фургона у кипсовиков были припрятаны и несколько старых шинелей - для той же надобности, что и матрас. Здесь же, в самом потайном месте, хранилась и та самая заветная фляжка. Имелся на борту станции неизменный запас соленого сала, которое солдатам слали в посылках из дома родные и которое здорово выручало служивых во все времена.

И сейчас Костик лениво жевал кусочек сала с хлебом, пытаясь разглядеть в узенькое окно фургона окружающий пейзаж. Скажем прямо, обзор был минимальным. Сначала за окном мелькали заснеженные поля с редкими берёзовыми колками, потом показались частные домики пригорода. Из труб на крышах вились ровные прямые столбики сероватого дыма. Потом показались многоэтажки, и автомобиль стал часто тормозить на перекрёстках, стоять на светофорах. Вскоре снова замелькали маленькие домики, а за ними - потянулись бескрайние белые зимние поля.

У Костика создалось впечатление, что одну и ту же киноплёнку прокручивают в обратном направлении. Прошло часа два, прежде чем грузовик съехал на тряскую грунтовку. Наконец, машина резко затормозила и остановилась.

- Выходим, - раздался в переговорном устройстве голос Чернова. Костик наклонился над крепко спящим Чимитовым и потряс его за плечо. Тот мгновенно проснулся, протёр свои узкие глаза и вскочил на ноги.

- Приехали? - спросил он и, не дожидаясь ответа, ловко свернул матрас и заботливо спрятал его за аппаратурой. Они открыли дверь фургона и выбрались на улицу. Их "зил" стоял возле опущенного шлагбаума, рядом с КПП - на въезде на территорию ракетного дивизиона. Здесь им предстояло провести несколько дней. И, кстати, на время регламентных работ огневой дивизион снимали с боевого дежурства. Поэтому время проверок было чётко ограничено.

Их пропустили на боевую позицию. Кипсовики уже бывали здесь и видом пусковых установок, снаряженных серебристыми ракетами, их было не удивить. Только Костику всё было в новинку. Он насчитал шесть пусковых в специальных окопах. По тренировкам, где отрабатывались задачи, максимально приближенные к реальности, он

помнил, что где-то здесь хранился еще и двойной запас готовых к пуску изделий.

Костик заметил, что солдаты здесь отличались от тех, которые служили в техдивизионе. Они почему-то были неряшливо одеты, гимнастёрки - мятые, брюки - в грязных пятнах мазута. Заросшие щетиной лица были хмурыми, неулыбчивыми. Хотя, некоторые старые знакомые подходили, улыбались, здоровались с Черновым, Павлюковым, Чимитовым, с интересом оглядывали Костика. "Где такого малого нашли?" - пошутил один из местных, и все как по команде громко заржали. Но Виктор быстро пресёк это настроение:

- Нормальный он парень, Костиком зовут. В армию не брали - сам напросился...

И смех прекратился, кто-то присвистнул, прозвучало: "Молодец, мог бы дома отсидеться!" Стали подходить, пожимать руку и Костику.

Они разместили свой КИПС на специальной площадке. Чернов и прапорщик в присутствии остальных кипсовиков проверили готовность к завтрашнему дню. Потом Самойленко сказал: "Я откланиваюсь. Завтра не проспите, Чернов". И уехал на дивизионной попутке в город.

Короткий зимний день сменился тёмными сумерками, которые "разрывали" прожектора, высвечивающие куски дивизионной территории, одноэтажную казарму в отдалении. Кипсовики стояли возле своей машины, все, кроме Костика, перекуривали, пряча в кулаки огоньки сигарет: курить здесь было запрещено.

"Атас!" - негромко произнёс зоркий Чимитов. И сигареты мгновенно исчезли. К ним подошёл местный дежурный и рассказал, что их зачислили на здешнее довольствие, отвели в казарме спальные места, что через час их ждут на ужин в столовой.

- А что, Бимба, есть у нас что-нибудь во фляжке? - спросил Олег. - Что-то я замёрз с этими командировками, - и он начал постукивать сапогом об сапог, разогревая озябшие ноги.

- Давай, командир, в кунге посидим до ужина, неохота в чужую казарму идти, - предложил Павлюков.

И они забрались в фургон, зажгли желтоватую лампочку внутреннего освещения. Олег завёл двигатель, включил обогрев, и в пять минут стало так тепло, что все сняли бушлаты, оставшись в гимнастёрках. Чимитов извлёк из тайничка небольшой обрезок

фанеры, хлеб, сало, известную фляжку, гранёный стакан. Ловко на фанерке покромсал перочинным ножом сало.

- Я не буду! - заявил Костик.

- А вот это - неправильно! - наставительно произнёс Павлюков. - В прошлый раз ты перепил, свою меру не зная. Теперь мы знаем: твоя мера - один глоток. И ты его употребишь, иначе не заснёшь на новом месте, по себе знаю. А ты нам завтра нужен свежий и работоспособный. Так что - будешь!

Костик хмыкнул в ответ, пожал плечами, видимо, не нашёлся, как отреагировать. И вообще, после того случая он до сих пор чувствовал себя виноватым и ему хотелось доказать остальным, что, конфуз, произошедший после первого в жизни употребления спиртного, - это случайность. Что он такой же мужик, как и все, что он может...

- Держи свой глоток, - протянул ему стакан Чимитов. Костик, недолго думая, опрокинул содержимое внутрь и занюхал рукавом, точь в точь как сержант. Все смотрели на него с одобрением...

После ужина, который здесь оказался даже более сытным, чем в родной столовой, они до отбоя бесцельно вместе бродили по чужой казарме, отмечая, что порядка тут меньше, чем у них дома. Видели, как личный состав "чистит пёрышки" - бреется, стрижется, стирает форму. "Хорошо, что вы приехали, а то мы тут совсем заросли,.." - сказал Виктору знакомый сержант.

- Как это? - переспросил у Чернова Костик. И тот начал объяснять тонкости жизни огневого ракетного дивизиона, который находится на боевом дежурстве.

Здесь весь распорядок подчинен одному: выполнению боевой задачи любым способом. "Знаешь такой остров Гуам в западной части Тихого океана? - Костик неопределенно пожал плечами. - Там американская база межконтинентальных ракет. Наши генералы как-то разузнали, что они нацелены на наш город. Если Штаты их запустят, они долетят сюда за двадцать минут, сечёшь? - солдат внимал каждому слову своего командира. - За это время наши парни должны успеть выпустить по ним все ракеты с пусковых, постараться перезарядиться снова и дать ещё один залп..."

- А что потом? - нервно спросил Костик.

- Потом, может уже ничего и никого не быть, ядерная война - дело быстрое. Поэтому, парням не то что побриться, на горшок бывает некогда лишний раз сходить. Спят - одетые. Раза по три за ночь им боевую тревогу объявляют. А это - вскакивай, беги на позицию, имитируй ракетный залп. И чего ты в огневой дивизион не попросился? Сейчас была бы тебе полная романтика!

- Да уж... - растерянно почесал затылок Костик. - У нас прямо рай по сравнению с ними.

... Утром, когда прибыли капитан Чукарин с офицерами, КИПС был уже в полной готовности. Кунг прогрет, кабели развёрнуты, одну из ракет автокраном сняли с пусковой и на специальной тележке подкатили к станции. Солдаты приготовили спирт и ветошь для протирки разъемов.

Офицеры, прапорщик Самойленко и сержант Чернов заняли каждый своё место у стоек с оборудованием внутри фургона. Защелкали тумблеры, загудела, включаясь, аппаратура станции, засветились, перемигиваясь, лампочки и приборы. Весь расчёт надел наушники и ларингофоны. "Тишина в эфире, - подал голос Чукарин. - Слушать меня!"

Он деловито отдавал команды подчинённым, удовлетворённо выслушивал их рапорты: "Первый номер - готов... "Второй - готов..."

Проверка ракеты шла своим чередом, точно, по нужным параметрам "проходили" сигналы, подаваемые со станции в её бортовую "начинку". Изделие прошло ревизию на "отлично", о чём сделали соответствующую запись в журнале. Прошла проверку и вторая ракета...

ЧП случилось, когда к КИПСу подключали изделие номер три. Костик, в обязанности которого входило подсоединение внушительных размеров кабеля к одному из бортовых разъёмов, что-то замешкался: кабель был явно тяжеловат для него. "Что вы там возитесь?!" - рыкнул из кунга капитан. "Чимитов, помоги Костику!" - тихо прошептал в ларингофон Чернов. Этот шёпот услышал и Олег Павлюков. Но сам Павлюков помочь не мог, так как находился по другую сторону ракеты, а Бимба с Рудиным работали рядом. Чимитов подхватил вместе с Костиком толстый кабель, помогая ему попасть вилкой - или как привыкли говорить солдаты - "папой" в розетку - "маму". Силы буряту

было не занимать, разъемы что-то не соединялись, и он поднажал... И тут же Костик заорал в голос: "Ой-ё-ё-ёй!"

Чимитов от неожиданности отскочил в сторону, уронив кабель на землю, из фургона выскочил испуганный капитан, за ним Виктор и остальные. Все сгрудились вокруг орущего Костика, а он тряс поднятой над головой левой рукой, указательный палец на которой распухал прямо на глазах.

Чукарин ухватил его руку за запястье, приблизил к себе:

- Перелом! - сказал он каким-то обречённым голосом. - Б...ь! Чимитов, какого хрена ты полез помогать со своим бычьим здоровьем! - старший лейтенант брезгливо поморщился от этих его слов.

- Я его не трогал! - растерянно оправдывался Чимитов.

- Думаешь, я не слышу, как вы шепчетесь?! Самойленко, неси аптечку! Вызовите фельдшера из дивизиона!

- Чимитов не виноват! - сказал вдруг Костик. - Это я сам...

- Молчи, - шикнул на него Виктор. А Самойленко достал шприц с обезболивающим, стянул с левой руки Костика бушлат, закатал гимнастёрку, смазал место на раненом пальце смоченной в спирте ваткой и ловко сделал укол.

- Ещё бы ты пару таблеток анальгина принял, да запить нечем, - посетовал прапорщик.

- Как нечем? - хмуро пошутил Чукарин, - а спирт...

Из казармы прибежал местный фельдшер, долго с умным видом осматривал покалеченную руку, потом заключил: "Перелом. Но шину я накладывать не умею, надо вести в полк - в госпиталь..."

- Кто бы в вас, коновалах, сомневался, - парировал Чукарин. - Самойленко, ищи транспорт - везите мальца в госпиталь. И свяжись с нашим дивизионом, пусть срочно привозят сюда Кирбобо на замену, - и, махнув рукой, мол, день пропал зря, капитан пошагал в сторону казармы. Впереди него рысил прапорщик, следом потянулся старлей.

- Первая командировка и сразу - госпиталь, - почесал лоб Виктор. - Да, далеко пойдешь, а до бабушки, может, и не дойдешь... Пошли и мы в казарму, будем ждать машину.

Кипсовики вернулись в родной дивизион примерно к середине зимы. Было заметно, что многие дивизионные обитатели, кому

приходилось безвылазно служить "на точке", радовались их возвращению. В столовой, хоть обеденное время прошло, их ждал сытный обед из наваристого борща с хорошими кусками свинины и белого хлеба, явно превышающие установленную норму. Каждый встречный солдат с готовностью протягивал руку для пожатия и делился сигаретами. Все наперебой расспрашивали о новостях "с гражданки".

Но, наверное, больше всех радовался Костик. Он за это время похудел, осунулся. Ему наложили в госпитале гипс на правую ладонь. Через три дня после перелома Борис-бурят привёз его в свой дивизион, где он все эти дни держался особняком от остальных. От нарядов и других работ старшина его освободил, и он был молчалив и много времени проводил в казарме.

Пару раз Борис возил его в город, где в госпитале ему делали рентген. Перелом пальца оказался сложным, но он постепенно срастался.

Зато с возвращением кипсовиков Костик буквально засветился изнутри. Сначала немного стеснялся своего "прокола" в первую командировку. Потом успокоился, по радостным репликам парней в свой адрес понял, что давно прощен. И принялся ходить за Виктором хвостом, что-то без умолку говоря ему. Тот кивал головой, хоть и не всегда слушал подчиненного, отвечал невпопад. Однако Костик был рад любому его слову.

А к вечеру, после ужина, Костик неожиданно предложил сержанту: "Может, по глотку спирта?" Чернов долгим неподвижным взглядом впился в подчиненного, тот, не выдержав, потупился, опустил свои карие глаза.

- Ну, ты даёшь, Рудин! По спирту соскучился? А я думал, ты по нас скучаешь...

- Так я - по вам! Я без вас!.. Про спирт - это я так! - смущенно затараторил Костик.

- Ладно, выпьем. Только не сегодня, хорошо? Устали мы. Вот гипс тебе снимут, и обмоем.

Гипс ему сняли без проблем через несколько дней. Палец сросся нормально, однако, плохо сгибался. И со стороны казалось, что Костик постоянно указывает на что-то, известное только ему одному.

Полковой хирург прописал ему непрерывно делать "гимнастику ладони", сгибая и разгибая пальцы и какое-то время не участвовать в тяжелых работах.

Кипсовики, не мудрствуя лукаво, в его честь накрыли стол - вечером, после ужина, прямо в фургоне своей станции. Они пробирались к месту пиршества по одному, чтобы не привлекать постороннего внимания. Станция стояла в гараже - с самого края длинного ряда грузовиков. Первым в неё попал Чимитов, включил свет. И, когда подтянулись остальные, неизменное сало уже было порезано на ровные розовые кусочки на фанерной дощечке, тут же лежали ломти хлеба. Граненый стакан с фляжкой ожидали своей очереди.

- За здоровье нашего раненого! - провозгласил первый тост Чимитов. Выпили по очереди: Виктор, Павлюков, Кирбобо, Костик. Последним "принял" спирта Чимитов. Разговор всё вертелся вокруг того ЧП с Костиком. Подробно разбирали все детали происшествия. Чимитов божился, что не сделал ничего такого. Костик признался, что сам зазевался и не выдернул вовремя руку из-под тяжёлого разъема.

Признался в своей вине и сержант. По его мнению, надо было Костика поставить на другое место в расчёте кипсовиков, где кабелей может и побольше, зато сечением они поменьше, соответственно, полегче с ними управляться.

Костик был доволен этими посиделками больше всех. И, в результате выпил не один, как "прописал" ему Чернов, а целых два глотка вонючей технической жидкости. И чувствовал себя хорошо. Правда, палец нет-нет, да "дергала" тупая боль от неловкого движения. Но он решил не обращать на это особого внимания.

...Незаметно подкатывала весна. В марте по утрам столбик термометра опускался ещё до минус двадцати, а днём, на солнышке, подтаивал снег и похрустывал свежим ледком под ногами. Но март в этом году выдался особый – полк ПВО в полном составе ездил на боевые стрельбы – на полигон, расположенный в далёком южном Казахстане. Без техдивизиона там не обошлось. Однако взяли не всех. Например, Костика и ещё нескольких солдат оставили нести караул в опустевшем подразделении: "От греха подальше", - объяснил Чернову это решение капитан Чукарин.

Ну, а когда – почти через месяц - вернулись со стрельб, кипсовики снова поехали в командировку по огневым дивизионам.

Чернышов долго уговаривал капитана Чукарина вновь включить Рудина в рабочий расчёт. Тот долго сопротивлялся. Наконец, сошлись на том, что "парень сделал выводы, много тренировался, повзрослел и достоин доверия". Тем более, что капитан недолюбливал страдающего ленцой рядового Кирбобо.

На этот раз работу в командировке кипсовики проделали на "пять", подтвердили высокую боеспособность ракетного полка.

В поездках прошёл апрель, который в этом году выдался теплее обычного. Снег в степи сошёл быстро. И командование чуть раньше, чем всегда, издало приказ о переходе на летнюю форму одежды. А это значит, что старшина Кожемяка перестал выдавать по субботам нижнее нательное хлопчатобумажное бельё, которое солдаты с удовольствием носили под гимнастёрками и брюками в зимнее время. Хотя, зима ещё напоминала о себе - то снежной крупой с потемневшего неба, то ночным морозцем, холодным степным ветром.

В это переходное время года солдаты, если долго приходилось бывать на воздухе, мёрзли. И, несмотря на запрет старшины, хитрили, втихаря поддевая под брюки присланное из дома спортивное трико из модного в те годы нейлона. Были такие домашние "подштанники" и у парней первого отделения.

Костику бабушка тоже прислала поддёвку, чтобы внук не простыл в студеные дни. Это-то и сыграло решающую роль в тот день, когда отделение получило наряд на ремонт крыши гаража.

Дело вроде нехитрое. Крыша находилась примерно на высоте второго этажа, если мерить обычными гражданскими мерками. Строители сделали её плоской, обложив по краям бордюром из кирпича. Получился своеобразный "бассейн", в который зимой набивался снег и, как не убирай его оттуда, когда наступала весна, талая снеговая вода просачивалась внутрь через трещины в кровле. В боксах капало, это могло нанести ущерб автомобильной матчасти и нарушить боеспособность дивизиона.

Всё это старшина Кожемяка подробно разъяснил личному составу первого отделения. И поставил задачу: "загудронить" кровлю так, чтобы пресечь протекание талых вод внутрь гаража".

Надев старые бушлаты и рукавицы-верхонки, солдаты под руководством Чернова натаскали со склада к задней стене гаража килограммов сто чёрных комков застывшего гудрона с блестящими изломами. Приготовили стремянку, намотали на палки паклю: размазывать по щелям кровли расплавленные отходы нефтеперегонки. К старому ведру привязали верёвку - для подъёма наверх расплавленного гудрона.

Набрали разных деревяшек, сложили горкой и подожгли. На костёр взгромоздили старую, видавшую виды металлическую бочку, в которой и раньше уже растапливали гудрон. Навалили в неё доверху застывших чёрных обломков. Присели на лежащее рядом бревно, закурили и принялись ждать, когда твердый материал превратится в тягучую жидкость, чтобы подавать её на крышу.

И не заметили, как к их бивуаку осторожно подкрался старшина. Он взял за шкирки первых подвернувшихся под руки Кирбобо и Костика, ошалевших от неожиданности, поднял их в воздух, встряхнул и произнёс свою коронную фразу:

- Нахрена дохрена нахреначили, расхреначивай нахрен!

Отпустил солдат на землю и пинком безразмерного сапога сбил с костра бочку, содержимое которой разлетелось в разные стороны.

- Кто же так гудрон варит?! А ну, Чимитов, беги на склад ГСМ, нацеди два ведра солярки! Неси сюда. А вы - насыпьте гудрона в бочку на одну треть и ставьте на костер. Да, пламя так надо отрегулировать, чтобы оно не только днище, но и бока у бочки разогревало. Потом - все наверх, а малого, - он показал на Костика, - оставьте внизу. Он черпалой будет. Только крюк ему, Чернов, из проволоки сделай, а то руки обожжёт - он же у вас членовредитель...

Два ведра солярки подоспели как раз к тому времени, когда разгоревшиеся дрова запылали настоящим огнём. Бочку на треть наполнили кусками гудрона, подлили в неё солярки и установили на костёр, подперев дно старыми кирпичами. Вскоре черная жидкая масса в бочке начала побулькивать.

Виктор с Павлюковым, Чимитовым и Кирбобо забрались на крышу. А Костик осторожно зачерпнул ведром горячей чёрной жижи, повесил ведро на крюк, привязанный к верёвке. "Поднимайте!" - крикнул звонким голосом. Чимитов с Павлюковым потянули ведро наверх.

Работа закипела. Палки с паклей обмакивали в жидкий гудрон и промазывали щели и трещины на поверхности крыши, торопились, пока не остыло... Костик внизу тоже не сидел без дела. Виктор краем глаза присматривал за тем, как он подкладывает в бочку куски гудрона, подливает солярку, подкидывает в пламя дрова.

Вот снова ведро жидкого "варева" отправилось наверх. Костик ещё подкинул дров. Пламя взвилось до верхнего края бочки...

- Смотри там, осторожней! - крикнул сверху Виктор.

- Всё нормально, командир! - отрапортовал Костик.

Тут Чернова отвлёк Чимитов, предложив "пролить" тонкую струйку гудрона вдоль края кирпичного бордюра. Начали прикидывать, сколько уйдёт материала.

И тут их перебил громкий крик снизу: "Ой-ой-ой!", - который сменился нечеловеческим воем, от чего у Виктора волосы встали дыбом. Он кинулся к краю крыши, глянул вниз: возле бочки метался охваченный пламенем Костик.

Виктор потом так и не смог вспомнить, как оказался на земле. Тут уже был Чимитов. Вместе они успели поймать убегающего Костика, повалили его, придавили к земле извивающееся от боли маленькое тело и ударами мгновенно сброшенных бушлатов сбили огонь.

- Бегите за фельдшером, старшину зовите! - крикнул Чернов подоспевшим Павлюкову и Кирбобо. Те припустили к казарме.

Костик стонал, пытался вырваться, бормотал что-то невнятно, просил у сержанта прощения. Было видно, что у него пострадали ноги, вернее, левая нога. Штанина брюк на ней обгорела, разваливалась на горелые лоскуты.

- Чимитов, давай ему штаны снимать, - приказал Виктор. Они, не смотря на протесты Костика, расстегнули и сняли с него бушлат, расстегнули брючной ремень и стянули остатки брюк, не обращая внимания на завывания пострадавшего. Их взору открылась страшная картина: надетое под брюки, нейлоновое трико от огня расплавилось и "въелось" в кожу левой ноги так, что удалить его можно было разве что вместе с этой кожей.

Одновременно примчались старшина и фельдшер Семён Предыбайло с чемоданчиком. От вида ожога Семёна замутило, но

старшина дал ему такого подзатыльника, что он быстро пришёл в себя.

- У тебя обезболивающее есть? - рявкнул на фельдшера Кожемяка. Тот часто закивал головой.

- Давай сюда, китайский болванчик!

Семён трясущимися руками открыл свой чемодан, достал снаряженный лекарством шприц, подал старшине.

- Я сам не смогу, руки...

- Сукин сын, человек погибает, а он!.. - старшина хотел наладить Семёну хорошего пинка, но не было времени. Он безо всяких церемоний воткнул шприц Костику в мышцу, надавил поршень. Костик стонал и смотрел на Кожемяку широко раскрытыми испуганными глазами.

- Сейчас станет легче, - ободрил его старшина. - Мы тебя в казарму понесем. А ты потерпи!

Он подхватил Костика на руки и почти бегом кинулся к казарме.

- Чернов, объяснительную командиру! - крикнул он на ходу Виктору.

- Да я не видел ничего! - прокричал тот в ответ, оторопело размазывая по лицу чёрные точки нефтяной сажи, кружившей в воздухе...

Как выяснилось потом в ходе разбирательства, ЧП случилось в тот момент, когда Костик подливал в бочку солярку. Он делал это вроде бы осторожно, но пламя было слишком высоким. Да еще бочка вдруг внезапно накренилось, ведро в Костиных руках качнулось, солярка выплеснулась и на огонь, и Костику на штаны, которые мгновенно вспыхнули. От боли и страха он потерял голову...

Сейчас он лежал в казарме, на своей кровати, голый, под одной простынёй, и тихо стонал. Он услышал, как подошёл Виктор, хотя тот старался не стучать сапогами.

- Товарищ сержант, - пода голос Костик, чуть приоткрыв глаза. - Что теперь будет? Опять я всех подвёл...

- Всё будет нормально, - как можно увереннее ответил ему Чернов. - Повезём тебя в госпиталь, вылечим, будешь как новый.

- Вы только бабушке не сообщайте. Не надо её волновать. А то она ещё и приедет. Я её знаю. - он застонал и поморщился.

...Фельдшер Предыбайло, когда пришёл в себя, сразу объявил старшине, что кроме мази Вишневского и обезболивающего у него ничего нет, лечить Костика в дивизионе нечем и надо вести его в госпиталь. Они вдвоём со старшиной раздели пострадавшего донага и уложили в постель. Старшина приказал пока не пускать никого в спальное помещение.

Костик сдерживал стоны и взирал на них полными боли глазами. На его ногу страшно было смотреть: она вся была покрыта красно-коричнево-чёрными пятнами, волдырями, оплавленными кусками нейлона. В некоторых местах раны были глубокими.

"Ожог третьей степени", - вывел свой диагноз Семён. Он принёс инструменты - пинцет, ножницы, банку с мазью, пузырёк зелёнки, бинты, вату. Разложил всё это на тумбочке и стуле рядом с кроватью. Начал отдирать с обожжённой ноги куски въевшейся нейлоновой ткани.

Костик стонал, охал, вскрикивал, умолял Семёна прекратить эту пытку. Но фельдшер, что называется, вошёл в раж, будто брал реванш за проявленную слабость.

А в это время в офицерской комнате шёл "разбор полётов". Там находился и Виктор - стоял перед командиром дивизиона полковником Заикиным, переминаясь с ноги на ногу.

Полковник мерил кабинет широкими шагами. "Как маятник от часов", - подумал Чернов. Майор Серёгин и капитан Чукарин сидели за своими столами и дымили сигаретами. Старшина Кожемяка стоял возле единственного окна, привалившись к стене и сложив свои огромные руки на могучей груди.

Виктор уже сделал доклад о случившемся, свою версию изложил и старшина.

Полковник во весь свой голос орал, что направит Виктора в дизбат, что у него одно ЧП за другим, что кипсовики ставят под угрозу честь всего подразделения...

Все эти слова проходили как-то мимо сознания сержанта. Мысленно он был в спальном помещении вместе с Костиком. И на все обвинения у него на языке крутился один вопрос: когда пострадавшего

повезут в госпиталь? Только он боялся задать его до тех пор, пока полковник как следует не "проорётся".

А тот буквально вошел в раж - перекинулся на старшину: наряды не продуманы, с бойцами не проводится необходимый инструктаж, налицо нарушение техники безопасности...

Попал на командирский язык и капитан: это не первый случай в отделении, а выводов не сделали!

- Как не сделали? - попытался оправдаться Чукарин.

- Мало этого! Мало! - разошёлся полковник Заикин. - На губу надо было! Посидел бы на гауптвахте, проветрил мозги!

- Да как же кипсовикам вести регламентные работы? А кто в караул ходить будет? - разводил руками капитан.

- Ладно! - подвел черту под разбирательством раскрасневшийся полковник. - В полк о ЧП не сообщать! В госпиталь рядового не повезём! Сами лечите!

- Так нечем лечить, товарищ полковник, - подал голос Виктор.

- Молчать! Нечем лечить, лечите народными средствами! А дивизион я вам подставлять не позволю! А ты, вообще, готовься... - пригрозил он Чернову. - О нашем разговоре никому ни слова! Кругом, марш!

Виктор крутнулся на каблуках, выскочил за дверь - бегом по коридору - в спальню, где завершал свою экзекуцию Предыбайло. Костик лежал перед ним голый с закрытыми глазами и тихо стонал. Его нога выглядела ужасно, покрытая пятнами зеленки вперемежку с ожогами и волдырями.

- Ну что, когда повезём парня в госпиталь? - не поднимая головы от пострадавшего, спросил фельдшер. Виктор ткнул его кулаком в плечо. И в ответ на его вопросительный взгляд приложил палец к губам и поманил Семёна, предлагая отойти в сторону. Когда они вышли в коридор, Виктор снял с головы пилотку и с размаху шлёпнул её об пол:

- Не будет госпиталя, командир велел не сообщать в полк о ЧП, за себя боится, шкура! А тут, хоть помирай!

- Тише, - зашипел на него Семён, заметив, что стоявший на тумбочке дневальный прислушивается к их разговору. - Что делать-то приказали?

- Приказали лечить народными средствами...

- Как это? - растерялся Семён. - У меня лекарств нету, только мазь Вишневского. Я ею уже помазал. Да, что толку! Ожог третьей степени... А если сепсис?! Останется парень без ноги.

- Пойду к Серёгину, объясню всё. - Виктор поднял пилотку. - А до этого держиморды не достучишься. Что ему солдат - ему карьера дороже!

...Серёгин вздыхал, слушая сбивчивые аргументы Виктора. Потом, отведя глаза в сторону, сказал:

- Давай подождём день-два, видно будет, как дело пойдёт. Раз командир приказал... Но, если будет хуже, я сам с ним поговорю. Так что не горячись! - он похлопал Чернышова по спине и вышел из казармы на улицу.

Ночью казарма спала беспокойно. Впрочем, большинство солдат безмятежно видели свои сны, а вот первому отделению не спалось.

Виктор, чья койка находилась возле окна - в самом начале шеренги кроватей, несколько раз вставал и в полумраке осторожно крался вдоль ряда ворочающихся в постелях солдат. Подходил к Костику, вглядывался в его белеющее в темноте лицо с закрытыми глазами. Больной лежал, не шевелясь, только едва слышалось его учащенное дыхание. Перед самым отбоем Предыбайло поставил ему укол обезболивающего.

Вдруг он что-то забормотал, сорвал с себя простыню. Виктор наклонился к нему, пытаясь разобрать невнятные слова, но ничего не понял. Он приложил ладонь к его лбу, влажному и горячему, присел на край кровати, взял Костика за руку. Тот внезапно открыл глаза:

- Товарищ сержант, очень пить хочу, - прошептал он тихо.

- Сейчас! - засуетился Виктор. Сунулся в тумбочку солдата, взял его кружку, выскочил в коридор, где стоял бачок с питьевой водой.

Костик приподнялся на локте, взял протянутую кружку, напился, кивком поблагодарил сержанта, откинулся на подушку:

- Нога горит, жжет внутри! - как-то безысходно пожаловался он.

- Не боись, до свадьбы заживёт! - раздался над ухом Виктора голос Чимитова. Подошёл и Олег Павлюков, вылез из кровати и Кирбобо. Все обступили Костика, склонились над ним. В окна казармы заглянул серп луны.

- Ребята, как я вас подвёл, - на щеке Костика блеснула слезинка.

- Кончай сопли! - ответил за всех Чимитов. - Мы тебя в госпиталь свезём. Там тебя быстро вылечат, ещё успеешь в летнюю командировку съездить.

- Командир, - Олег Павлюков повернулся к Виктору, - а ведь Чима прав - без докторов не обойдётся, иначе, парню - привет... Надо звонить в полк, вызывать подмогу. А то этим, - он кивнул в сторону коридора, - за свои погоны боязно, что им наш солдат...

Они притихли, раздумывая, что делать дальше, как помочь товарищу? Костик тоже затих, может, задремал. Виктор сделал знак рукой, ложитесь, мол, утро вечера мудренее. Разошлись по кроватям. Чернов только прикоснулся к подушке, сразу провалился в глубокий сон без сновидений.

Вывел его из этого состояния Чимитов: он тряс сержанта за плечо: вставай! Виктор проспал подъём. Оказалось, старшина отменил подачу команды из-за больного. Виктор привычно подскочил с постели и сразу же увидел, как возле кровати Костика суетились Предыбайло и дежурный офицер. Чернов быстро оделся и подошёл к ним. Он увидел, что Костик лежит с закрытыми глазами и часто дышит.

- Как дела? – спросил Виктор фельдшера.

- Плохо, - ответил Семён. - Температура высокая, нога мокнет... В госпиталь надо! Чем быстрее, тем лучше.

- Когда прибудет полковник? - повернулся сержант к лейтенанту.

- Так сегодня же выходной, их никого не будет до понедельника, - офицер достал из нагрудного кармана пачку "Примы", выковырнул из неё сигарету, начал разминать.

- Пройдусь по территории, караул проведаю, потом видно будет, - сказал он и ушёл. Виктор слышал, как хлопнула входная дверь казармы.

- Чимитов, - подозвал он вернувшегося из умывальника рядового. - Оденься и осторожно "паси" лейтенанта. Мне надо минут двадцать, чтобы разобраться с этим бардаком!

Через минуту Чимитов выбежал из казармы. Виктор подошел к двери офицерской комнаты, взялся за ручку.

- Куда? - попытался остановить его дневальный. - Там никого нет...

- Мне надо! - ответил Виктор. - Парня надо спасать. Я в полк звонить буду, а ты ничего не знаешь, ничего не видел. И свой телефон на тумбочке не трогай, понял?! - он решительно показал дневальному кулак.

Чернов знал, как управляться с находящимся в офицерской телефонным коммутатором. Снял трубку, надавил на кнопку вызова. Трубка мгновенно ожила: "Дежурный по связи полка слушает".

- Это дежурный офицер техдивизиона, - как можно спокойнее ответил Виктор. - Соедини меня с санчастью. "Слушаюсь!" - прозвучало из трубки. потом послышались длинные гудки. На третьем гудке чей-то заспанный голос сообщил: "Медсанчасть на проводе".

И тут у Виктора перехватило от волнения голос:

- В техническом дивизионе произошло ЧП, - хрипло выдавил он.

- Что случилось? - встревожено спросили на том конце.

- Ожог ноги третьей степени, ещё вчера,.. Высокая температура, возможен сепсис. Больной не транспортабелен... Срочно нужна госпитализация... - Чернов замолчал, не зная, что ещё сказать.

- Кто передал информацию? - спросила трубка. Виктор молчал.

- Назовите фамилию, ваше звание? - сержант положил трубку.

Через минуту раздался звонок, он непрерывно звонил минут пять. Виктор выглянул в коридор и приказал дневальному:

- Не отвечать! - тот хмыкнул и отвернулся. Наконец, телефон замолчал. "Они должны подумать, что нам отвечать некогда, не до них нам, мы боремся за жизнь солдата, - выстраивал Чернов логику звонившего. - Должны приехать!" - решил он, наконец, когда коммутатор затих.

Чернов вышел из офицерской и осторожно прикрыл дверь. Дневальный не смотрел в его сторону.

В спальном помещении солдаты ходили на цыпочках. Сержант подошёл к кровати Костика. Тот невидящим, полным боли немигающим взглядом "буравил" потолок, постанывал, крепко сжав зубы. Семён сидел на краешке постели, уставившись в пол.

- Не дрейфьте! - громко сказал им Виктор. - Через часок приедет "скорая". - он объявил это так уверенно, что и Костик, и Семён, и все, кто слышал, поверили ему.

Чернов всё рассчитал верно: примерно через час прибыла бригада из госпиталя. Военврач мельком осмотрел ногу, приказал двум санитарам: "Срочно грузите в машину. Чёрт знает что!" И "скорая" умчалась в город.

- Как они узнали? - в пятый раз спрашивал то у Виктора, то у дневального, то у кого-то из солдат дежурный лейтенант. Все в ответ только пожимали плечами...

...Последствия ЧП "рассосались" как-то сами собой. В полку, наверное, тоже решили не сообщать о случае "наверх", чтобы не портить показатели. Тем более, что с началом лечения пострадавшего солдата успели вовремя. Полковника Заикина, видимо, пожурили, но без особых последствий. Он, в свою очередь, объявил устные замечания капитану Чукарину и старшине Кожемяке. Сержанту Чернову дали три наряда вне очереди, впрочем, он и без того через день ходил в наряды.

А вскоре кипсовики опять на целый месяц уехали в командировку - в огневые дивизионы.

Капитан Чукарин гонял их на регламентных работах, как собак, матерился в ларингофон, отмечая каждую оплошность команды. Но они справились с поставленной задачей. И вернулись в свой родной - технический - в хорошем настроении.

А первым, кто встретил их возле дивизионного КПП, был Костик. Он радостно ковылял навстречу их машине, опираясь на какую-то нелепую трость.

- Товарищ капитан, - доложил он Чукарину звонким голосом. - Рядовой Рудин прибыл из госпиталя в ваше распоряжение!

- А почему с палочкой? Не долечился? - раздраженно спросил капитан.

- Так я досрочно убежал, скучно там и не лечат уже, - радостно частил Костик.

- А у нас, значит, весело?! - Чукарин повернулся к сержанту. - Глаз с него не спускать, к работе - ни-ни, головой за его здоровье отвечаешь!

- Есть! - отчеканил Виктор. - Разрешите выполнять?

- Давай.. - оттаял капитан. - Ишь ты, скучно ему в госпитале! Службу ему подавай! - он удовлетворённо покрутил головой и направился в сторону казармы.

А солдаты обступили Костика, расспрашивали о лечении, осторожно похлопывали по спине, попросили показать ногу. Он с радостью заголил её: вся нога была в свежих розовых рубцах.

- Вот так да! - почесал затылок Чимитов. - Починили крышу. Знала бы бабушка...

- А вот этого не надо! - решительно перебил его Костик. - Она знает, что я - отличный солдат!

С того дня коллектив первого отделения дал торжественное обещание: глаз с Костика не спускать, беречь его здоровье, как своё, не оставлять его одного ни на час.

- Вы же понимаете, мне одному с этой задачей не справиться, - горячился сержант Чернов.

Разговор происходил на вечерней сходке, в так называемый час самоподготовки, который в армии предоставляется после ужина всем военным срочной службы, свободным от несения нарядов. Парни из первого отделения, по приказу сержанта, по одному "просочились" к гаражу, где прямо на улице, у боковой стены бокса, была припаркована их станция.

Июльское солнце клонилось к закату, но было ещё светло.

Они заходили внутрь кунга, где уже хозяйничал Чимитов, нарезая привычные сало с хлебом, а рядом с импровизированным столом виднелась знакомая всем фляжка. Расселись, кто где. И Виктор начал "воспитательную работу".

Фляжка прошла по кругу - все сделали по одному глотку. И дали торжественное обещание. Достался глоток пахучей крепкой жидкости и Костику. Он сидел на верстачке, выше всех, и с улыбкой посматривал на товарищей. Видно было, что он чувствовал себя счастливым и нужным кому-то ещё, кроме бабушки...

- А ты, чего лыбишься? Опять членовредительство задумал? - беззлобно погрозил ему Павлюков. - Думаешь, нам больше нечего делать, как нянчиться с тобой!?

- Ребята! - Костик, кажется, готов был всех расцеловать. - Как хорошо, что мы вместе! Я слово даю, больше такого не повторится. Ну, что вы, не верите? Я же не маленький...

- Мужик - сказала, мужик - сделала, - изрёк обычно молчаливый узбек Кирбобо. И все рассмеялись.

Расходились также - по одному. Вернулись в казарму прямо к отбою. И никто ничего не заметил. Зато эту в короткую летнюю ночь бойцы первого отделения спали, как убитые.

...С этого дня Костик всегда находился рядом с сержантом. Тот буквально не спускал с него глаз, не позволяя сделать лишний шаг. А если Виктор был занят или его вызывали к начальству, его место возле подопечного по очереди занимали Чимитов, Павлюков или, на худой конец, Кирбобо.

Судя по всему, Костик такой плотной опекой нисколько не тяготился, ему даже нравилось, что рядом всегда был кто-то свой.

В это лето полковник Заикин объявил личному составу дивизиона, что по решению командования полка им выпала честь взять шефство над трудовым коллективом фабрики первичной обработки шерсти, именуемой в народе ПОШ.

Предприятие располагалось на городской окраине, вдали от жилых кварталов. Что, впрочем, было вполне объяснимо: запах грязной мокрой овечьей шерсти, сортируемой и промываемой химическими растворами, здесь стоял такой, что только держись! Однако женщины, а в подавляющем большинстве коллектив состоял из лиц женского пола, давно к нему привыкли. А вот шефы при первых поездках сюда воротили носы. Пока не открыли, что на фабрике имеется отличная столовая, в которой их кормили задаром - это было

своеобразным расчётом за работу, которую бесплатно выполняли на предприятии посланники полковника Заикина.

А дел здесь набиралось немало: в конце каждого месяца или квартала был аврал: надо "давать план", а рабочих рук, как обычно в те годы, народному хозяйству не хватало. Вот и восполняли этот пробел солдатами.

Они и тюки с шерстью на электрокарах по цехам развозили, и машины с кирпичами для фабрики разгружали, и вставали на сортировку шерсти. В общем, делали, что прикажут, не возражали, в ожидании сытного обеда. А тогда уж отрывались по полной, набирая себе на поднос по две-три порции котлет или других мясных продуктов, на которых здесь не экономили: шефы же всё-таки...

Отделению Чернова тоже несколько раз везло - получали наряд на фабрику. "Ломили, как черти", - характеризовал их ударную работу старшине Кожемяке замдиректора фабрики по производству. - Присылайте их к нам ещё.

И их присылали. В это лето их распорядок службы выглядел так: день - в наряде, день - на фабрике. Только Костика с собой не брали. Полковник Заикин запретил, опасаясь, что тот опять влипнет в какую-либо неприятность.

Рядовому находилось занятие в дивизионе, его заставляли штудировать армейские уставы, заниматься с солдатами других отделений уборкой территории. Иногда он подолгу просиживал в "красном уголке", расписывал в очередном письме бабушке, как интересно ему служится.

Он почти перестал хромать, понемногу начал участвовать в кроссах по пересечённой местности, которые каждое летнее воскресенье для дивизиона устраивал старшина Кожемяка. Правда, до финиша никогда не дотягивал, сходил примерно с половины дистанции. Но и за это подхваливали, чтобы приободрить парня.

…Ультиматум сержанту Чернову он предъявил после того, как, возвратясь из очередной поездки на фабрику ПОШ, Чимитов весь вечер расхваливал вкусные мясные котлеты, которых он "умял аж три штуки, поэтому пропускает ужин в дивизионе". Костик выслушал его похвальбу и подошёл к Чернову:

- Я, между прочим, тоже хочу котлеты есть! Последний раз мне их бабушка стряпала, чёрт знает когда... Чем я хуже Чимитова или Кирбобо?!

- Ты же знаешь, полковник запретил. Там - опасное производство, - отмахнулся от него Виктор.

- Чего там опасного?! Мягкая овечья шерсть! В прошлый раз Чимитов полный карман привозил - лёгкая, как пух! Чем она мне может повредить?! - не унимался Костик.

- Ладно, - подумав, сказал Чернов. - Поговорю со старшиной.

На том пока и разошлись. Но, когда через несколько дней отделение вновь направили на подшефную фабрику, Костик буквально вцепился в сержанта: возьми с собой, ведь обещал.

До отправки на предприятие оставалось ещё полчаса, и Виктор махнул Костику рукой: пойдём к старшине.

Кожемяку они нашли в старшинской каптёрке, где среди полок, забитых новыми гимнастёрками, сапогами, посудой, мылом и всякой другой всячиной, громадный старшина сидел за своим столом и заполнял какие-то документы.

Он слушал сержанта, грызя кончик авторучки, потом грубо перебил:

- Вы что - дебилы? Полковник же запретил!

Костик понурил голову, повернулся, готовый покинуть каптёрку, но Виктор остановил его.

- Товарищ старшина, Рудин поедет не работать, он очень хочет поесть в заводской столовке...

Как ни странно, старшина отнёсся к этому желанию с пониманием.

- Мне самому наш хавчик надоел до смерти. Вроде готовят у нас хорошо, жирно, только вот душу в дело не вкладывают. Давно собираюсь порядок на кухне навести, заелись повара... - он что-то ещё говорил о солдатской столовой, потом задумался, ушёл "в себя". Наконец, тряхнув головой, сообщил о принятом решении:

- Ладно, - сказал. - Пусть едет, командиру - ни слова. А ты с него глаз не спускай! - стукнул он кулачищем по столу так, что Виктор вздрогнул от неожиданности.

- Есть! - в голос ответили подчинённые и кинулись грузиться в фургон грузовика, за рулём которого сидел Борис-бурят.

...На фабрике всё было, как обычно. Но, это - для всех, только не для Костика. Тот смотрел вокруг во все глаза, морщил нос от запаха грязной шерсти, то и дело заговаривал с работницами. Видно было, что он соскучился по гражданской жизни. Виктор попросил, чтобы Костика поставили на сортировку: там, вроде бы, не было никакой опасности среди женщин, которые спокойно сидят вдоль длинного стола и перебирают клочья шерсти.

До обеда все прошло спокойно. А в обед Костик, наконец-то, что называется, "оторвался": съел не меньше, чем Чимитов и теперь сидел на лавочке возле столовой - с другими солдатами - дремал и икал от полученного удовольствия.

"Перекур" длился полчаса. А потом отделение получило задание - разгрузить железнодорожный вагон с тюками шерсти.

Они уже насмотрелись этих тюков на фабрике. Сами помогали развозить их на электрокаре по цехам предприятия. Тюки - кубы плотно уложенной шерсти-сырца, высотой метра по полтора каждый, весом по 350-400 килограммов - поступали на фабрику со всех концов большой страны и из-за границы. Виктор разбирал на упаковках надписи на иностранных языках: Австралия, Шотландия, Индонезия. Этот вагон был "свой", советский: прибыл из Казахстана.

К фабрике примыкала железнодорожная ветка с высокой насыпью. Вагон ставили на разгрузку так, чтобы тюки, выпихнутые из вагона, можно было скатывать с насыпи вниз, где их подхватывал автопогрузчик и водружал на электрокар, который увозил их на склад.

Единственное, что немного смутило Чернова, такую работу они еще ни разу не делали. Но все сомнения оборвал Чимитов:

- Не бойся, командир, справимся...

- Конечно, ничего сложного - скатывай тюки вниз - и всё, - поддержал его Костик.

У Виктора внутри шевельнулась какая-то тревога, но он прогнал её: действительно, ничего сложного. Вагон уже стоял на насыпи, и солдаты потянулись к нему. Чимитов на ходу раздавал верхонки, сам он вооружился небольшим ломиком, чтобы удобнее было открыть вагон.

Подошли, огляделись. Крытый высокий товарный вагон был заперт дверью, которая двигалась на колёсиках вдоль вагонной стенки. Надо было только сорвать пломбу и сбить задвижку.

- Бимба, давай! - скомандовал Виктор. Все сгрудились возле закрытого вагона, рассматривая дверную задвижку. Костика же привлекли какие-то травинки, выросшие, казалось, из самих рельсов прямо напротив злополучной двери. Он склонился, рассматривая их...

Чимитов ловко поддел пломбу, потом ударил по задвижке, она легко соскользнула со своего места, и дверь поехала в сторону.

Тюки шерсти в вагоне были уложены штабелями в несколько рядов. И только несколько верхних тюков лежали свободно. Самый верхний из них из них, по всей видимости, опирался на закрытую дверь. И когда она открылась, тюк качнулся и начал скатываться в открытый дверной проём.

"Берегись!" - крикнул Чимитов и отскочил в сторону. Остальные кинулись врассыпную. Только Костик не успел среагировать. Тюк ударил его вскользь по склонённой голове. От этого мощного удара он, так же - вскользь, приложился лбом о металлический уголок дверного порога. Кожа на лбу лопнула и содралась вместе с волосами едва ли не до середины черепа, оголив белую кость. Тюк укатился по насыпи вниз, а потерявший сознание Костик лежал на животе возле вагона и вокруг его головы виднелись яркие капли крови.

Виктор остолбенел то ужаса. Все произошло в считанные мгновения, и ему казалось, что это происходит не с ними, а в каком-то кино, в котором он видит себя и всё происходящее со стороны.

Из оцепенения его вывел Чимитов:

- Командир, скорее! - сам Бимба, скинув верхонки, уже возился с Костиком. Он перевернул его на спину, прикрыл оголившийся череп надорванным лоскутом кожи, хлопал его по щекам. Костик зашевелился, застонал. Тут к нему подскочил и Виктор, остальные тоже засуетились возле. На всех лицах было одно - испуг и потрясение.

- У кого есть чистые носовые платки? Давай сюда! - Чимитову сразу же протянули несколько белых кусков материи, которые сегодня утром выдал личному составу старшина.

Чернов уже сообразил, что надо делать:

- Кирбобо, беги в заводоуправление, пусть вызывают "скорую". Чимитов, Павлюков понесём его туда...

Виктор пытался промокать платками обильно выступающую кровь. Но остановить её не удавалось: платки быстро напитывались красной жидкостью, которая заливала голову Костика, капала на землю. Тогда он взял Костика за ноги, Чимитов и Павлюков подхватили его за плечи, и они засеменили в сторону ближайшего цеха.

...Шефство на этом прекратилось.

Полковник Заикин рвал и метал! Старшина Кожемяка, после того, как Костика увезли в городскую больницу, и первое отделение, растерянное и угрюмое, вернулось в дивизион, отозвал Чернова в сторону и два раза крепко "приложил" его кулаком - по груди и по печени. А когда тот отдышался, сказал с раздражением:

- Ты хоть понимаешь, как меня подвёл, всех подвёл, дивизион подвёл?! Эх, ты, а ещё - сержант!

Виктор стоял перед ним, низко опустив голову, и молчал. Ответить было нечего. Он ведь хорошо знал, что за Костиком нужен был глаз да глаз, но опять "проморгал" ЧП.

На следующий день с утра объявили построение личного состава дивизиона на плацу. "Разбор полётов" проводил сам полковник Заикин. Он подробно рассказал всем о происшествии, конечно, в своей интерпретации. Особо подчеркнул роль старшины Кожемяки, нарушившим его приказ, и сержанта Чернова. Кожемяке был объявлен выговор, а Виктора выставили перед строем и Заикин объявил ему десять суток полковой гауптвахты.

- Вопросы? - Заикин обратился, прежде всего, к офицерам.

- Разрешите? - отреагировал капитан Чукарин. И, получив разрешение, размеренным шагом приблизился к полковнику, начал что-то горячо нашёптывать ему на ухо. Тот вначале отрицательно мотал головой, потом махнул рукой и отправил капитана обратно в строй. Когда Чукарин занял своё место возле первого отделения, полковник, морщась, как от зубной боли, объявил:

- Сержант Чернов будет отбывать наказание после проведения очередных регламентных работ в огневых дивизионах. Они

начинаются на следующей неделе. Но, после этого - десять суток гауптвахты! Чтобы понимал, что здесь армия, а не детский сад!

Виктор облегчённо выдохнул: вначале - командировка. Это почти месяц службы, а там - видно будет: или шах, или ишак... - вспомнил он восточную пословицу.

Как всегда, они в очередной раз проехали все огневые дивизионы полка, тщательно проверили боеготовность техники. И из каждого дивизиона Виктор умудрялся позвонить по военной связи в госпиталь, где лечился Костик. Как он узнал телефон хирургического отделения, особая тема. Зато дежурная по отделению исправно сообщала, что самочувствие больного неизменно улучшается. А во время одного из звонков он услышал в трубке звонкий голос самого Костика:

- Товарищ командир, у меня всё нормально! - весело доложил он. - Меня тут побрили и скальп мой на место пришили... Скоро вернусь в дивизион!

- Давай, лечись хорошенько, - заботливо ответил Виктор. - Ты нам здоровый нужен, - он с удивлением почувствовал, как что-то горячее шевельнулось внутри... - Бабушке пишешь? - справившись с комком в горле, спросил он.

- Пишу, а как же, я же - отличный солдат! - хвастливо произнёс Костик. А потом спросил серьёзным голосом:

- Я снова всех подвёл, товарищ сержант? Вас не ругали?

- Не ругали... Всё, будь здоров! Ждём! - быстро закруглил разговор Чернов.

...Они вернулись домой, в дивизион в последние дни августа. Был вечер, офицеры уже разъехались по своим городским квартирам. "зилу" кипсовиков на дивизионном КПП шлагбаум открыли без лишних формальностей. Они въехали на территорию, Олег Павлюков затормозил возле гаража, и парни по одному покинули кунг, разминая затёкшие ноги.

Ужин уже закончился, было свободное время, и личный состав дивизиона бродил по территории, солдаты курили, сбившись в небольшие кучки. Кипсовиков радостно приветствовали, к ним подходили, жали руки, дружески хлопали по спинам. Как всегда, широким шагом к машине подошёл старшина:

- Привет, Чернов! С приездом! Надеюсь, на этот раз боевую задачу выполнил с честью? - и, не дожидаясь ответа Виктора, напомнил:

- Про наказание не забыл? Завтра - готовься, поедешь в полк, на губу... Это приказ командира!

Виктор хмуро глянул на него, молча, кивнул головой и, наказав Павлюкову и Чимитову - осмотреть и как следует закрыть машину, направился в сторону казармы. Когда он проходил возле столовой, его остановил дивизионный "секретчик" щеголеватый сержант Вадим Немчинов.

Его сапоги всегда были начищены до блеска, отутюженная гимнастёрка буквально светилась чистотой. Он без конца теребил щегольские усики и приглаживал щегольскую чёлку. Объяснялся его щегольской вид просто. Вадим был освобождён от всяких нарядов и других видов работ, целыми днями просиживал в своей секретной комнате с секретными документами. При этом, постоянно общался с командованием дивизиона. Кстати, он числился в составе первого отделения, но жил своей особой жизнью, не всегда ложился в кровать по команде "отбой" Впрочем, Чернов не возражал, понимал - служба есть служба.

Вадим шагнул к Виктору, хитро глянул ему в глаза и зашептал:

- Они не смогут посадить тебя на "губу", на тебя приказ пришёл - командировать тебя, Чернов, на офицерские сборы. Прямо завтра. Я приказ своими глазами видел. Завтра утром я приказ Заикину передам, а ты - требуй отправки на сборы... Меня не выдавай! - и он отступил в сторону.

Виктор воспрял духом, позвал в "красный уголок" Чимитова вместе с фляжкой и неизменным салом. Сделал несколько приличных глотков, заел их кусочком сала. Но когда Бимба тоже потянулся к фляжке, запретил: "Тебе - не надо! У тебя и так всё в порядке..." Хотел поделиться с рядовым услышанной новостью, но, передумал: всему своё время.

Ночью Чернову не спалось. Вспоминались длинные армейские дни и месяцы в дивизионе, служба в учебной части, где он впервые понял, что такое настоящая солдатская дружба и взаимопомощь, вспоминались и бесконечные наряды и спасительные командировки.

Он понимал, что полковник может задумать какую-нибудь подлость, например, объявить командованию полка, будто сержант Чернов заболел и пока не может быть отправлен к новому месту службы, а Виктора тем временем засадить на "губу". Ах как хотелось покинуть, наконец-то, этот дивизион навсегда, насовсем. И больше сюда не возвращаться. "Не возвращаться больше за эту колючку", - думал он, и от нетерпения его живот сводило судорогой.

Под утро он надумал: завтра, при первой же возможности, обратиться напрямую к полковнику, пригрозить, что будет жаловаться командованию на невыполнение приказа. На том и уснул.

А утром после завтрака его вызвали в офицерскую. Полковник Заикин восседавший за своим столом, даже не поднял голову, когда Чернов вошёл:

- Товарищ полковник, сержант Чернов по вашему приказанию прибыл! - доложил он неуверенным голосом.

Тот сделал сержанту знак: погоди, мол, продолжая что-то читать, потом подписал прочитанное, положил ручку, перечитал снова и, не глядя, подал лист Виктору:

- Вот приказ о твоем командировании в полк для последующей отправки на офицерские сборы...

Виктор от волнения никак не мог вчитаться в напечатанные на машинке слова, они никак не складывались в нужное предложение. Он пробормотал с дурацкой улыбкой на лице:

- Спасибо, товарищ полковник...

- Иди отсюда, и чтобы уже к обеду я тебя в дивизионе больше не видел... - ответил полковник, так и не подняв головы.

Виктор крутнулся на каблуках и вышел вон с приказом в руках. Первым делом он нашёл Бориса-бурята и предупредил его, что поедет на дежурке в город, в штаб полка. На вопрос: "Зачем?" - ответил:

- Кончилась моя служба в дивизионе.

Потом пошёл в каптёрку к старшине Кожемяке, чтобы тот выдал ему парадную форму, в ней надлежало ехать в новую часть. Старшина прочитал приказ, почесал в затылке:

- Парадку я тебе выдам в лучшем виде, - сказал он. - А ты на нас зла не держи. Всё же мы тут с тобой неплохо служили, теперь вот без тебя послужим... - и он похлопал своей лапищей сержанта по плечу.

Пока Виктор одевался, собирал вещмешок с гимнастеркой, бриджами, зубной щеткой и другими мелочами, Борис исходил на нет: надо ехать, а тут задержка!

"Дай хоть с мужиками попрощаться?" - попросил Чернов упрямого бурята: первое отделение после развода отправили на уборку склада с запасными изделиями, а это - километра два в один конец. Но тут Борис встал в позу: как хочешь, уеду один...

Ладно, прикинул Виктор, может оно и к лучшему. Все ждали, что его отправят на "губу", а - вон как вышло! Приеду на новое место, напишу им, решил он и полез в кабину дежурки.

...Двое суток на поезде добирался Чернов до нового мета службы: из Сибири Западной в Сибирь Восточную. Здесь его тоже ждал технический дивизион, расположенный на макушке плоского холма, покрытого высоченными вечно зелёными соснами.

Тут в отдельной казарме собрали несколько десятков таких же, как он, сержантов-срочников, которые попали в армию после окончания вузов, где не было военных кафедр.

Все они прошли службу в зенитно-ракетных войсках ПВО, и теперь их назвали курсантами, засадили за парты - изучать матчасть ракетных комплексов С-75. А после обеда - муштровали на небольшом местном плацу.

По вечерам были сплошные воспоминания о только что завершившейся службе в войсковых подразделениях, ожидания и мечты о скорой встрече с домом, гражданкой, работой, а, главное, многих из них дома ждали соскучившиеся семьи, дети.

Виктор по вечерам вспоминал своё первое отделение, мучила мысль о том, что уехал, не попрощавшись, будто сбежал, - винил он себя. "Как там Костик? Здоров ли?" - задавал он себе вопросы. Несколько раз принимался за письмо своим парням, однако, оно "не шло", не находилось нужных слов.

Но однажды он всё же взял себя в руки и сел за тетрадный лист. Получилось коротко: "Привет, парни! Как дела в отделении? У меня всё нормально, прохожу офицерские сборы, а в октябре - домой... Всё!

Больше ни разу в жизни не надену погоны! Я свой долг Родине отдал!" Он подумал и написал ещё: "Извините, что не попрощался, так получилось, не было времени. И еще, напишите, как там Костик? Не болеет ли?"

Вроде и писать было больше не о чем...

Он сложил листок в конверт, запечатал, черкнул адрес своей бывшей части и передал письмо в местную дежурку, откуда его должны были увезти в местный городок и дальше - на почту.

Офицерские сборы были рассчитаны на два месяца. Но дни тянулись, кажется, бесконечно. Ночью курсанты подолгу не спали в своей отдельной казарме, порой, через чур громко обсуждая предстоящую гражданскую жизнь, которая представлялась каким-то раем.

Окна казармы раскрывали настежь, чтобы полной грудью вдыхать настоянный на запахах сосновой хвои воздух. Из-за этого их голоса разносились по округе, мешая спать другим подразделениям. Дежурный офицер несколько раз за ночь приходил к ним, просил не мешать общему отдыху. Они ненадолго стихали, а потом всё начиналось сначала.

Засыпали уже под утро, поэтому на утренней поверке все стояли полусонные, позёвывали и почесывались немилосердно. Приходящие курсантам письма здесь раздавали тоже утром, безо всяких комедий и танцев.

Когда местный старшина объявил:

- Чернов, тебе письмо, - Виктор подумал: наверное из дома. Но увидев обратный адрес, понял, что это от его первого отделения. Он не стал вскрывать конверт до завтрака. И только, когда сел за парту изучать матчасть, достал его из нагрудного кармана гимнастёрки.

В конверте оказались только две любительские фотографии. Фотографировать в дивизионе было запрещено, но солдаты втихаря, знал Виктор, всё-таки баловались этим.

На первом черно-белом снимке Чимитов, Павлюков и Кирбобо стояли, положив руки друг другу на плечи и улыбались. Пилотки были надеты набекрень. Надпись на обратной стороне гласила: "На память сержанту Виктору Чернову о совместной службе".

На втором был Костик. Улыбка - рот до ушей! Голова - стриженная под ноль, без пилотки. Через весь лоб, вдоль границы коротких волос, виднелся белый шрам. На обратной стороне фото округлым Костиным почерком было выведено: "Рядовой Константин Рудин - отличный солдат! Спасибо сержанту!"

В конверт был заботливо вложен новый конверт с уже подписанным адресатом и чистым тетрадным листком. Виктор расправил его, достал ручку и написал всего два слова: "Берегите Костика!". Потом запечатал конверт и в перерыве отнёс его в дежурку...

Ответа он больше не получал.

А через несколько недель Виктор вернулся к нормальной жизни на гражданке. И больше с Костиком судьба его не сводила...

Часть вторая

Другие истории

Дядя Вася

Об его усах знала вся округа. Большие, как у маршала Семена Будённого, только погуще, и концы у них не топорщились по-маршальски, а свисали прямо вниз. За эти усы дядю Васю уважали в поселке и по ним же узнавали издалека.

Невысокого роста, поджарый, даже довольно щуплый на первый взгляд, он своими усами как бы добирал солидности и обстоятельности, что ли. Он любил носить обычные брюки, перехваченные на впалом животе кожаным ремешком, и рубашки с длинными рукавами, которые закатывал по локоть в любое время года. А узловатые пальцы жилистых рук то и дело мяли очередную «беломорину». Ведь курил дядя Вася, как паровоз. За это супруга тетя Алла частенько выставляла дядю Васю на крыльцо, выходящее в тенистый сад-огород. На лавочке недалеко от уличной калитки и любил он посиживать после летнего рабочего дня, пуская дым разве что только не из ушей. Ну и любитель был поговорить при случае с прохожим или соседом. Или дымил молча.

А еще дядя Вася был любителем разных приколов, как теперь говорят. Для него подшутить над человеком – было как бы само собой разумеющееся дело. При этом он всегда сохранял такое серьезное выражение кирпичного от загара лица, что не поверить в кажущуюся правдивость его очередной «наколки» бывало просто невозможно. И только глубоко в щелочках глаз цвета выцветшей голубизны вспыхивали несильные огоньки, знак того, что врёт или в очередной раз идёт на розыгрыш. Но чтобы заметить это, надо было хорошо знать Дядю Васю. И даже прожившая с ним не один десяток тетя Алла нет-нет, да и покупалась на его выдумки.

Они жили в вагончике-времянке, который почему-то именовали «пэтэушкой», хотя и снаружи и изнутри дом этот напоминал довольно-таки уютную благоустроенную дачку, с достаточным числом комнат и всеми современными удобствами. Они все время жили в ожидании сноса своего жилья вместе с садом из-за того, что их южный степной городок Капчагай в советском Казахстане в те благословенные «семидесято-восьмидесятые» годы постоянно расстраивался, разрастался каменными многоэтажками. И в необъятной степи, ласково приткнувшейся в бок водному заливу такого же необъятного водохранилища, образовавшемуся при строительстве

гидроэлектростанции, места для строительства нового жилья, как всегда, "не хватало". Вот местные власти и «сносили» эти дачки с садами, а вместо них возводили железобетонные джунгли, жить в которых в условиях жаркого степного климата было просто невозможно. Но, Восток, как известно, дело тонкое. Раз решили делать так – с пути не своротишь.

Но дядя Вася все надеялся, что до него очередь на переселение в благоустроенную квартиру дойдет не скоро. Ходил на работу – слесарил на местном рыбозаводе, а в свободное время курил папироски, возился в саду да подшучивал над соседями и всеми остальными, кто поддавался на дяди Васины розыгрыши.

Я впервые познакомился с ним еще до нашей с Галиной свадьбы. Мы - в то время студенты филфака сибирского вуза - не видели особых проблем съездить в летние каникулы в далекий казахский Капчагай, где солнце, море, ну, то есть, водохранилище, и песок, навалом фруктов. И всё это, включая билеты, стоило очень дёшево. Чего еще душе желать?!

До Капчагая нас за двое суток довёз душный, грязный, разболтанный, переполненный пассажирами железнодорожный состав Новокузнецк - Алма-Ата. На станции он задержался ровно на две минуты, как раз, чтобы мы успели соскочить со своими чемоданчиками на пропыленный степной перрон. Поезд дал гудок и укатил в сторону столицы Казахстана, до которой оставалось всего шестьдесят километров. Кроме нас, здесь больше никто не сходил, и, наверное, поэтому, кроме единственного усатого мужичка, других встречающих не наблюдалось. И он направился прямо к нам.

- Привет, Галчонок! - он раскинул руки и обнял мою будущую жену.

- Здравствуй, лёлька, - она умело уклонилась от его усатого поцелуя.

- А это кто? - кивнул усатый в мою сторону. - Неужели жениха привезла?

- Привезла, - скромно потупившись, ответила моя невеста. - Знакомься, дядь Вась, его Егором зовут...

- Егорушка, - засмеялся дядя Вася. Так задорно засмеялся каким-то своим гортанно-кхакающим, но от этого не менее

заразительным смехом, что мы заржали вместе с ним. У него даже папироска изо рта выпала, а глаза превратились в щелочки.

- Женишок, - выдохнул он сквозь смех. А потом остановился, достал из кармана брюк видавший виды платок, вытер глаза, высморкался и протянул мне руку:

- Давай знакомиться, Егор. Я Василий Иванович. Но можешь звать меня дядя Вася, - он протянул свою широкую ладонь и с такой силой сжал мою бледную узкую руку, что я аж присел от неожиданности. А дядя Вася, довольный произведенным впечатлением, опять расхохотался своим необычным кха-кха-кха...

И пока он успокаивался, я рассмотрел его более внимательно. Кроме выдающихся усов, его лицо украшали не менее выдающиеся губы. Они были несоразмерно большими, казались вывернутыми на изнанку, как губы у какого-нибудь конголезского негра. А когда эти губы растягивались в улыбку, то это выглядело, на мой взгляд, довольно комично, и не могло не вызвать улыбки в ответ.

На что дядя Вася кивнул своей племяннице:

- А он у тебя смешливый попался, даром, что очкарик!, - заставив меня непроизвольным жестом поправить на носу очки.

Я, наконец, огляделся вокруг. Кроме станционного вокзальчика с вывеской "Магазин. Бакалея-Гастрономия", да уходящих вдаль рельсов, в округе ничего примечательного больше не было. Повсюду, куда хватало взгляда, простиралась бескрайняя унылая степь, перемежаемая редкими чахлыми сухими кустиками. Ни единой души, ни одного живого существа. Зато крепко припекало полуденное солнце.

- А где же поселок? Где вы живете? - обалдело спросил я.

- Да город тут недалеко - километров двадцать, - весело ответил дядя Вася.

- А автобус ходит?

- Какой автобус? Никакого автобуса, пешком добираемся, - посерьёзнел он. - Пойдем потихоньку, до вечера, глядишь, дома будем.

От такой перспективы я "сдулся" прямо на глазах. Видок у меня стал, прямо скажем, пришибленный.

- Как же мы... - заблеял я растерянно.

- Да не слушай ты его, - хлопнула меня по спине Галина. - Тут идти-то всего километра два. Давай, пошли.

Она подхватила свой чемодан и пошагала по едва заметной пыльной тропинке. Мы с дядей Васей двинулись следом.

Он закурил на ходу папиросу и серьезно спросил:

- А ты поверил, что двадцать километров? - я кивнул в ответ. И дядя Вася опять зашёлся довольным смехом.

Тропинка уходила под уклон. И вскоре в открывшейся низине мы увидели дома, как на ладони показались кварталы новых пятиэтажек, аккуратно расчерченные улицы и зелень садов, за которыми скрывались строения частного сектора. Чуть дальше виднелась раскинувшаяся до горизонта водная гладь бескрайнего водохранилища, на которой тут и там маячили белоснежные крылья парусов яхт, сновали катера и более серьезные суденышки.

До дяди Васиного дома мы, действительно, добрались, не прошло и часа. За это время он успел расспросить меня, кто я и что из себя представляю, рассказал о Капчагае, о том, как хорошо здесь отдыхающим, которые валом валят сюда на выходные из Алма-Аты. О строгой жене своей Алке...

- Не Алке, а тёте Алле, - поправила его Галина.

- Ну, кому тетя, а мне жена, - отмахнулся он.

В общем, дядя Вася оказался словоохотливым и вполне-таки приятным человеком, и у меня отлегло на душе: все же впервые ехал я к незнакомым родственникам будущей жены, которая хоть и прожужжала мне все уши о том, какие это замечательные люди, однако я очень волновался и переживал: как-то встретят и придусь ли ко двору... Но, кажется все обошлось, и внутренне напряжение отпустило. А впереди замаячил прекрасный летний отдых.

Мы по достоинству оценили дяди Васину усадьбу. На крыльце нас встретила тетя Алла. Её суровое, на первый взгляд, загорелое до черноты лицо "украшал" крупный, цвета спелой сливы, нос, который больше, наверное, смахивал на мужской. И вообще она была крупнее и, казалось, неповоротливее дяди Васи. Однако хлопотала по дому довольно споро. А стол так вообще накрывала проворнее любой молодухи. На вид им было лет по пятьдесят, на глаз определил я.

Пока тетя Алла готовила обед, дядя Вася повел гостей на двор, показывал и расхваливал сад, аккуратные ровные грядки зелени, груши, яблоки и еще какие-то замысловатые плодовые деревья. Все свободное пространство сада было засажено большими кустами помидоров, густо увешанных крупными зелеными, бурыми и красными плодами. У Галины глаза загорелись от этого обилия:

- Люблю я помидоры - никакой другой еды мне не надо! - воскликнула моя красавица. - А как вы их поливаете, ведь в такой жаре им сколько влаги надо?!

Дядя Вася не без гордости подошёл к стене дома, на которой на гвозде висел свернутый в круги шланг, и нажал кнопку на небольшой закрепленной здесь же коробочке из карболита. Раздалось громкое урчание, и через несколько мгновений из шланга хлынула струя воды. Дядя Вася разгладил усы, ловко ухватил конец этой кишки, в один момент размотал её и принялся поливать один за другим помидорные кусты, аккуратно перешагивая через растения.

- Скважина у нас, в ней на глубине я поставил насос, - перекрикивая шум двигателя и льющейся воды, объяснял он с довольным видом. - Алка тоже помидоры любит больше, чем меня!..

Пока мы поливали помидоры, пока дядя Вася брызгал из шланга на нас ледяной водой - под Галкин визг и мой хохот, - стол был накрыт. Тетя Алла позвала всех обедать.

Мы ели и нахваливали хозяйку. А на столе чего только не было: настоящий украинский борщ, крупные куски ароматной баранины, красной рыбы, овощи всех мастей, включая, конечно, большие сочные помидоры. В углу стола своего времени дожидались полосатый арбуз и желтая дыня-колхозница. В середине стола ароматно дымилась вареная картошечка - обязательная и любимая еда всех сибиряков.

И конечно же, выпили бутылочку "белой", запотевшей - за приезд, за встречу, за хороший отпуск. И за Галиного жениха, конечно, и за племянницу, за хозяев и за хороший стол. А больше в бутылочке тостов не оказалось...

Засиделись. На улице уже стемнело, отошел в прошлое длинный летний день.

- Давай, я тебе в саду раскладушку поставлю, - предложил мне дядя Вася.

- Конечно! - согласился я тут же.

- Что - конечно?! А ты не выдумывай! - напустилась на мужа Алла. - Хочешь, чтобы его загрызли там насмерть?!

- Да он крепкий, выдержит, - усмехнулся дядя Вася. - Давай, в саду, а?

- Да я согласен, теть Алла. Вы не переживайте, - я смотрел на нее умоляюще.

- Ну, вот. Он и сам хочет на воздухе. Чего ему тут в духоте париться, - подхватил дядя Вася.

Он, не теряя времени, нашарил в кладовой раскладушку, вынес её в сад, раскинул возле яблони, вдоль помидорных кустов. Тетя Алла покачала головой, глядя на все это, потом, вздохнув, застелила раскладушку матрасом, простыней, положила подушку и одеяло.

- А чего вы боитесь-то? - подошёл я к ней.

- Да я-то ничего не боюсь. Может оно и ничего... - отмахнулась она.

Я улегся на узкой скрипучей раскладушке, укрылся одеялом: после захода солнца потянуло прохладой с водохранилища. В воздухе витали незнакомые доселе запахи садовых деревьев, цветов, которые тетя Алла густо насадила в клумбе возле крыльца. Окна дома светились, указывая на то, что домочадцы еще не улеглись. И их отсвет мешал мне рассматривать низкие крупные звезды, густо усеявшие просвечивающее сквозь яблоневые ветки южное небо. Дышалось глубоко и свободно.

Вскоре свет в окнах погас. Но мне не спалось, не смотря на длинный суматошный день, вобравший в себя и езду в раскаленном от жары поезде, и прогулку по жаркой пустыне, и новое знакомство, и затянувшийся обед. Я лежал, закинув руки за голову, рассматривал незнакомый небосвод. Вдруг я почувствовал легкий укол в тыльную сторону правой ладони и сразу за этим ощутил жжение. И тут же последовал другой укол в левую щеку, я ударил по ней, и тут же - новый укол в лоб...

Я услышал звонкий гуд, звучавший, казалось, со всех сторон. "Комары!" - осенило меня наконец. Я принялся непрерывно махать руками, лупить себя по лицу, отгоняя мелкую зудящую, непрерывно атакующую и сильно жалящую тварь. Но все было напрасно.

Бесславно посражавшись с кровососущими минут пятнадцать, я нырнул с головой под одеяло. Комариный писк стих. Я полежал под одеялом, сколько хватило сил, жара и духота внутри были такие, что, казалось, всё готов отдать за глоток воздуха, которого под стеганным одеялом просто не было.

Я крепился, сколько мог, многочисленные укусы при этом жутко чесались. Наконец, не выдержал и откинул одеяло. Поток свежего ночного воздуха буквально опьянил. А комариный писк зазвучал с новой силой. Я снова принялся отмахиваться изо всех сил, шлепать селя по лбу, щекам, рукой об руку, расчесывая при этом уже укушенные места. Но снова нырять под душно-безвоздушное одеяло, под которым нечем дышать, не хотелось.

И тут я услышал странный посторонний звук, напомнивший что-то знакомое, уже слышанное сегодня. Будто кто-то мелко и глухо кашлял. Звук доносился со стороны крыльца. Я посмотрел туда: на фоне белеющей в темноте дверной занавески стояла знакомая фигура дяди Васи и попыхивала папироской. Но что меня задело больше всего - он от души хохотал своим глухим необычным - кха-кха-кха, вытирая выступавшие от смеха слезы...

- А я вот смотрю, сколько ты вытерпишь, - весело сказал он. - Другие дольше мучаются, да все равно в дом идут ночевать. Пойдем и ты, хватит мучиться.

Меня не нужно было просить дважды. Подхватив подушку с одеялом, я мимо дяди Васи шмыгнул на веранду, потом в дом. Поднялась тетя Алла, и ворча на "этого дурака Ваську, который чуть не загубил парня", постелила мне в на полу в одной из комнат. В доме стояла липкая духота, от перегревшегося за день воздуха моё тело покрылось испариной. Я улегся в приготовленную постель, которая тут же стала влажной о пота.

- Так и мучаемся каждый день все лето, - громким шепотом говорила тетя Алла. - На улице от комаров спасу нет, как голодные собаки сожрут любого. Потому и окон не открываем. Но под утро будет прохладней...

- Ты простыню водой намочи - легче лежать будет, - научила она меня. - Укроешься ею, может, уснешь. А как высохнет - опять намочи.

- А Галя спит? - спросил я.

- Уснешь тут, - выплыла из темноты соседней комнаты завернутая в мокрую простыню Галя. - Что, наколол тебя дядь Вася? - спросила тихо.

- Любит он над людьми поиздеваться, - добавила тетя Алла. - А сам, небось, спит теперь без задних ног...

И в подтверждение её слов откуда-то раздался мерный негромкий храп хозяина дома.

- Ладно, ложитесь и вы, спокойной ночи, - тетя Алла ушла к себе.

- Постарайся уснуть, - Галя чмокнула меня в щеку и исчезла в темноте своей комнаты.

Я ощупью добрался до ванной, встал под душ, по теплые водные струйки, потом намочил простыню, выжал её. И, не вытираясь, улегся в противно мокрую постель. Притерпелся, вроде бы стало прохладнее. Задремал, но не на долго. Не прошло и полчаса, как простыня высохла, и жара вновь окутала со всех сторон, накрывая липкой испариной. Я встал и снова намочил простыню. И так продолжалось несколько раз.

Только перед самым рассветом откуда-то потянуло холодком, от которого я сразу провалился в крепкий без сновидений сон...

Так прошло несколько дней отпуска. Утром, когда мы с Галей еще спали после душной полубессонной ночи, дядя Вася и тётя Алла уходили на работу. Кстати, тётя Алла работала на местной ГЭС в бригаде штукатуров-маляров.

Потом мы просыпались, ели то, что приготовила тётя Алла, и шли на пляж. Купание в рукотворном море доставляло одно удовольствие: белый чистейший песок, тёплая, едва колышимая ветерком вода, белые барашки волн. Отдыхающих в будние дни бывало совсем немного.

Но вскоре нам это приелось, захотелось побыть дома, совсем уединившись. Дело-то молодое. И мы придумали для хозяев версию, что останемся дома, потому что хотим помочь тёте Алле сделать уборку в квартире и приготовить обед. Что же она так и будет ради гостей каждый вечер стоять у плиты: "Ведь мы можем и сами..."

Тётя Алла вначале посопротивлялась для порядка, а потом сдалась. Особенно её убедил тот Галин аргумент, что "Егор умеет варить такие вкусные борщи, пальчики оближешь!"

- Ладно, - сказала она, - вари. Овощи найдешь в огороде, все остальное - в холодильнике.

- А картошка, картошка-то где у вас растет, покажите? - меня этот вопрос волновал. Ведь я её каждый день видел на столе, но не знал, где она растет в огороде. Свеклу я здесь встречал, морковь росла на грядке и всякая другая зелень. А где росла картошка? На наших сибирских огородах ей всегда отводили главное место, где её кусты ни какими другими не перепутаешь. А тут я ни разу не видел не видел, как хозяева её копают. С этим вопросом я и подошёл с вечера к тёте Алле. А она, занятая каким-то делом, отмахнулась, крикнула в другую комнату:

- Вася, покажи Егору, где у нас картошка растет!

Дядя Вася тут же вынырнул откуда-то, как чёртик из табакерки:

- Не знаешь, где картошка растет? - он внимательно посмотрел на меня, снял с губы неизменную папиросу, выпустил в потолок струю дыма.

- Ладно, - сказал, немного подумав, - пойдем.

Мы вышли на крыльцо. День догорал, лучи уходящего солнца удлинили тени от дома, деревьев и растений. Дядя Вася снова пристально на меня посмотрел, но я выдержал его взгляд.

- Ты разве не видел, как я копаю картошку? Вон там её выкапывал, - он показал на помидорную полянку, где в самой середине, действительно, виднелся клочок пустой земли: из неё недавно выдернули несколько кустов.

- Так это ж помидоры?! - удивился я.

- То-то и оно, - утвердительно кивнул дядя Вася. - Мы же новый сорт вывели: гибрид - сверху помидоры, а внизу картошка.

- Может, прямо сейчас её накопать? - спросил я.

- Нет, сейчас не надо. Она на жаре постоит, еще испортится, - рассудительно сказал дядя Вася. - Завтра готовить будете, сразу и накопаешь.

На том и порешили. Хотя, подумалось мне при этом, что ей, картошке-то, будет. Лежит она, бывает, дома неделями, и ничего. Правда, здешний климат с сибирским не сравнить...

На другой день мы купаться не пошли. Долго валялись в постели, а после принялись за уборку квартиры. Дотошная Галка залезала, кажется, в каждую щелку, совсем загоняла меня с пылесосом, мытьем сантехники, да и сама здорово "упласталась", как говориться. Зато домик блестел чистотой и порядком, а также умытыми стеклами окон.

- Ну вот, - удовлетворенно сказала Галина, - теперь твоя очередь: готовь борщ, да постарайся повкуснее, а то скоро наши с работы придут.

У меня к тому времени на газовой печи уже сварилась в большой кастрюле свиная косточка, и аппетитный запах бульона гулял по всем комнатам. Я приготовил томаты, зеленый болгарский перчик, мелко нашинковал морковь и молодую свеклу прямо вместе со стебельками ботвы, нарезал капусту, намыл лучок и чесночок... Дело было за картошечкой, без неё я себе борщ просто не представляю.

Галка уселась смотреть местную телепередачу, а я, вооружившись ведерком и найденными в кладовой вилами, вышел во двор. Огляделся: с чего начинать. И пошагал в серединку той самой помидорной полянки, на которую вчера показал дядя Вася. Подошел к ближайшему помидорному кусту, примерился вилами, как ловчее подкопать корень и не повредить при этом клубни.

"Ах, картошечка! - подумалось мне в эту секунду. - Сколько я тебя перекопал у себя на родине - и в полях, и в огородах, и белую, и розовую, красную, крупную, мелкую, сухую и грязную. Сколько мешков с клубнями перетаскал на своём горбу, чтобы запасти её на зиму в погребе. Зато как вкусно её пожарить или сварить посреди зимы и - на стол, такую горячую, запашистую, рассыпчатую. С сальцом или соленым огурчиком - милое дело!"

Тут мои филологическо-гастрономические изыски оборвались на том, что, вывернув крепкий куст помидоров, картофельных клубней я в его корне не обнаружил. Что такое? Невезуха, не тот куст, видно, попался. Я взялся за второй, выкопал его - пусто, нет картошки. С него посыпались одни красные помидорины. Я осторожно сгреб помидорки в кучку. И принялся за третий куст - уж в третий-то раз точно повезёт. Пока я возился с очередным кустом, заскрипела калитка и с улицы вошла вернувшаяся с работы тётя Алла, как всегда с полными авоськами к руках.

- Привет, Егор, - окликнула меня она.

А я стоял: в одной руке - куст помидора, в другой - вилы, - и приветливо ей улыбался. Но она как-то странно отреагировала на мою улыбку. Посмотрела на меня подозрительно исподлобья и спросила:

- А что это ты там делаешь?

- Как что, картошку копаю, борщ варю...

- А помидоры-то зачем рвешь, мешают что ли?!

- Так это - я картошку копаю! - повторил я ей: как маленькая - не понимает с первого раза.

- Ты, Егор - не дури, ты что, не видел, как картошка растет?! - почти закричала на меня тетя Алла.

- Видел! В Сибири! А у вас тут - какие-то гибриды: сверху помидоры - внизу картошка!

- Кто тебе это сказал? Васька?! Ну я ему! Тьфу ты... - она опустила сумки на траву уселась рядом и начала хохотать навзрыд так, что я подумал вначале, что ей станет плохо. А потом всё понял и тоже начал давиться от смеха. На шум из дома выскочила Галинка - ошалело посмотрела на нас, а когда я, в перерывах между смехом, рассказал ей о дяди Васином приколе, перехохотала нас всех.

Сколько длилась эта смехотерапия, не помню, но в конце мы начали уже икать и вытирать глаза от вызванных смехом слез.

Галя и тётя Алла по очереди переспрашивали меня:

- Так и сказал - гибрид?! Сверху помидоры, а внизу картошка!!! - и снова принимались хохотать.

- Ну я ему покажу! Обманул парня, гад такой! - отдуваясь, говорила тетя Алла.

Она тяжело поднялась с травы и позвала нас:

- Пойдемте, покажу, где у нас картошка растет. Мы пошли за ней - вдоль стены дома, свернули за угол. Здесь, в тенечке широко раскинулась сирень. А рядом со стеной дома был закопан в землю старый парник с подгнившими уже стенками. В нем виднелись редкие чахлые засохшие кустики.

- Вот она, картошка, - показала на них тетя Алла. - А помидоры мои больше не тронь! И так какой-то варнак ночью их ворует,

выдирает прямо вместе с кустами. Видел, уже целую полянку продрал?

- А дядя Вася сказал, что это вы так картошку копаете, - ввернул я.

Но сил снова смеяться уже не было. И я принялся на глазах у всех копать картошку. Клубни были белые, мелкие, какие у нас в Сибири и собирать-то не принято.

- Бери-бери все подряд, - наставительно говорила тетя Алла. - Другой картошки у нас все равно нету. Это вам не Сибирь, в этом песке да на жаре разве она нормально вырастет? Зато мы её по при раза за лето садим, три урожая получаем.

Я доварил борщ. А вскоре явился с работы и дядя Вася. Он посмотрел на помидоры и сразу все понял. Тетя Алла кинулась на него было с веником, но он увернулся со словами:

- Ну откуда же я знал, что он поверит? Он ведь студент. На каком-то мудреном факультете учится, а таких вещей не знает!

Все решили дядю Васю простить, тем более, что он принес большого копченого леща и трёхлитровую банку пива. "Жигулевское, свежее, - похвастался дядя Вася. - Аккурат к Егорову борщу!"

Прошли еще несколько жарких июльских дней капчагайских каникул. В полдень солнце палило нещадно, ночью не давала спать духота. Дневная температура зашкаливала за сорок градусов по Цельсию.

Впрочем, по местным меркам, нынешнее лето здесь не считалось в этом году самым жарким. Об этом я прочитал в заметке, опубликованной в номере газеты "Вечерняя Алма-Ата". Автор так изложил свои мысли по этому поводу: "Нынешнее лето в Казахстане еще не вступило полностью в свои права. Температура воздуха днем в Алма-Ате еще не поднималась выше 39 градусов..."

- А сколько же градусов нужно, чтобы лето полностью вступило в свои права? - спросил я у дяди Васи.

- Не знаю, - ответил он. - Что до меня, так я люблю, когда тепло.

И действительно, казалось, что ни дневной зной, ни ночная духота ему нипочем. По крайней мере, я регулярно слышал ночью его

храп, когда пробирался в темноте в ванную, чтобы в очередной раз намочить водой простыню.

Спасало ежедневное купание в ласковом капчагайском водохранилище, где неподалеку от отдыхающих отпускников повадилось размещаться небольшое стадо одногорбых верблюдов - дромадёров. Они заходили по колено в теплую воду залива и медленно цедили ее своими длинными губами. Потом выходили из воды и также медленно и грациозно - вначале подогнув передние ноги, потом задние - осторожно укладывали свои тела на мокрый песок и уставившись в одну точку, что-то тщательно пережевывали.

Это соседство не раздражало бы, а, наоборот, придавало купанию экзотический оттенок, если бы в этом стаде не выделялась одна противная зверюга. Этот верблюд был крупнее и косматее всех остальных и, видимо, выполнял роль вожака. Но страшным было не это, а то, что через равные короткие промежутки времени он издавал совершенно дикие громкие трубные звуки, казалось бы, не совместимые с представлениями о травоядном животном.

Эта скотина регулярно оглашала берег такими невообразимыми воплями, напоминающими рев реактивного двигателя, что отдыхающие поневоле втягивали головы в плечи. Но с этим соседством пришлось смириться - не жертвовать же купанием и солнечными ваннами, в результате которых наши белые в начале каникул тела покраснели, а теперь покрылись ровным тёмным загаром.

Кроме купания, в городке абсолютно нечем было заняться. Два-три магазина, расположенных здесь, включая самый дальний - на железнодорожном вокзале, были "наполнены", как и во всей стране в те годы, лишь полупустыми полками и товарами, которые не представляли никакого интереса для приезжих. Это было время промтоварного дефицита, когда о появлении какого-то редкого товара говорили, к примеру, так: "Там зимние женские сапоги "выбросили", на вас очередь занять?"

Единственным отличием продуктовых отделов в магазинах Капчагая было непривычное для нас изобилие рыбы: вяленая, копченая, соленая, свежая, мороженая, она поражала такими же непривычными по тем временам названиями. Здесь были осетр и стерлядка, сазан и жерех, лещ и подлещик. И кое-что еще. Причем, и

цены на всё это изобилие были самые доступные. Наверное, потому, что все это ловилось в местной реке с названием Или с ударением на последнем слоге, или в образованном ею при строительстве ГЭС огромном водохранилище. Впрочем, дядя Вася приносил с завода домой понемногу этого рыбного разнообразия. Так что мы узнали его настоящий вкус.

Вечерами мы частенько пили чай на веранде. А приходивший иногда с работы пораньше, дядя Вася любил, пока не позовут на ужин, сиживать на лавочке, у ворот, выходивших на тенистую улочку поселка. Курил одну за другой свои любимые папиросы, переговаривался с соседями, обмениваясь разными новостями и сплетнями. Я давно понял, что соседи хорошо осведомлены о неизбывной тяге дяди Васи к розыгрышам и старались не попадаться на его удочку. Но иногда они, что называется, давали слабину. И дяди Васины способности проявляли себя во всей красе.

Вот и сегодня он, пришел пораньше, и мы с ним сидели на любимой лавочке, никого не трогая. Дядя Вася молча попыхивал папироской, щурился от дыма. Так продолжалось до тех пор, пока в начале улочки не показались две немолодые соседки - одна повыше и посмуглее, другая невысокого роста, белесые волосы. Они медленно брели по заросшей травой уличной колее, нагруженные авоськами, и о чем-то переговаривались. При виде их дядя Вася как-то внутренне весь встрепенулся, будто сбрасывая с себя дремоту.

Из соседнего переулка, по ходу движения женщин, вывернула и тётя Алла. Она тоже возвращалась с работы с поклажей - по всему видно, что заходила в продуктовый магазин. Тётя Алла громко поздоровалась с товарками, они постояли несколько минут, что-то оживленно обсуждая. Наконец, двинулись дальше, беседуя уже на ходу.

Они шли так до тех пор, пока не увидели мирно сидящего дядю Васю. Когда поравнялись с ним, тёти Аллины товарки кокетливо заулыбались соседу, потом все трое поставили сумки на землю и принялись прощаться. Вот тут чёрт и дернул высокую за язык:

- Вась, а Вась? - позвала она соседа. - А соври нам чего-нибудь, а то больно нам скучно... - и она слегка подбоченилась, выставив вперед одну ногу.

- И то, Василий, расскажи что-нибудь, - подхватила вторая, лукаво взглянув на дядю Васю.

Дядь Вася дымил папиросой, не обращая внимания, делая вид, что не слышит.

- Васька, чего молчишь, с тобой говорят! - вмешалась тетя Алла.

Дядя Вася, вскинул на неё свои светло-голубые глаза, потом внимательно осмотрел каждую по очереди, выпустил струю дыма и самым серьезным, даже каким-то равнодушным тоном произнес:

- Я вам сейчас правду скажу, так ведь вы же не поверите...

Все, включая его благоверную, насторожились, тётя Алла, зная характер мужа, напряглась больше других:

- Чего опять придумал?

- А ничего я не придумал. Хотите - верьте, хотите - нет, только в магазине на вокзале тюль сегодня "выбросили". Про это пока никто не знает...

- Какую такую тюль? - перебила его белесая.

- Белую, капроновую, - спокойно ответил он. - На оконные шторы...

- А много ли? - перебила его высокая.

- Вот чего не знаю... - он пожал плечами. - Думаю, до завтра не долежит. - И он, отвернувшись от них, прикурил новую папиросу от огонька старой. А старую щелчком запустил вдоль улицы.

- Васька!? - повысила голос тетя Алла.

- Что - Васька! - ощерил он желтые от никотина зубы. - Сказал же, правду скажу - не поверите. Да идите вы... - он резво вскочил и исчез за калиткой. Я остался сидеть на лавочке один.

- А что, бабы, тюль-то давно не завозили. У меня все шторы уже пообремхались, давно сменить пора, - сказала высокая.

- И у меня - тоже, - подхватила белесая. - Алла, мы у тебя сумки оставим и быстренько сбегаем.

- А у меня с собой денег не-е-т, - растерянно протянула высокая. И её помрачневшее лицо стало еще чернее.

- Ладно, денег я дам, сумки оставляйте, да пойдем быстрее... А то магазин скоро закроют, - в ответственные минуты тётя Алла умела быстро принимать нужные решения.

И вскоре они мелким наметом унеслись в сторону вокзала.

"Не близко, да по такой жаре. Но новые шторы для дома - святое дело!" - подумал я, и пошёл в дом.

Дядю Васю я увидел на кухне: он налил полную тарелку борща и уплетал его за обе щеки.

- А что, лёлька, тёть Аллу ждать на ужин не будем? - спросила его вышедшая из спальни Галка и потянулась, стряхивая с себя дневной сон.

- Вы - дождитесь, а мне - некогда, дела у меня, - отмахнулся дядя Вася, быстро жуя. Он доел борщ, смахнул со стола крошки и кинул их в рот. Сунул ноги в башмаки и вышел во двор.

Я рассказал Галине о неблизком походе женщин в магазин и предстоящей покупке новых штор. Мы даже мысленно примерили их к окнам дома - те шторы, которые сейчас украшали комнаты, конечно, нуждались в замене.

Мы включили телевизор и уселись возле него в ожидании тёти Аллы...

Прошло больше часа - женщины всё не возвращались. Я выходил во двор в поисках дяди Васи, но он как сквозь землю провалился. Побродив по саду и вокруг дома, я вышел на улицу и присел на скамейку. Вечерело, тени снова стали длинными...

И тут я увидел, как из переулка на улицу вывернули наши женщины. Они не шли, а быстро семенили друг за другом - впереди тётя Алла, за ней - высокая, белесая замыкала шествие.

- Егор, где этот старый козёл? - налетела на меня тетя Алла. Она уперла руки в бока и стояла надо мной, вся кипя от гнева.

- Это вы про кого? - переспросил я испуганно.

- Васька где, говорю? Убью гада!

- Да что случилось-то? - растерянно спросила выглянувшая из калитки Галя.

- А что, бабы, - вдруг вмешалась высокая, - мы же сами его просили соврать что-нибудь. Сами! Вот и получили! Мы что, Ваську не знаем, что ли?!

Она вдруг как-то глубоко вздохнула, подхватила подол длинного платья и, запрокинув голову далеко назад, во весь голос захохотала.

- Ха-ха-ха, - надрывалась она. - Правду скажу, говорит, не поверите... Ха-ха-ха.

Белесая тоже подхватилась тоненько: "Хи-хи-хи".

Тетя Алла растерянно смотрела на них, гнев сошёл с ее лица, на нём появилась вначале растерянность, а потом она еле заметно улыбнулась, улыбка стала шире, и она тоже начала громко смеяться, глухо подкашливая.

Они хохотали на всю округу, высоко вскидывая руки и сгибаясь пополам. Слезы градом текли из их глаз. Наконец, смех перешёл в мелкую икоту с отрыжкой. Тут-то на сцену и явился дядя Вася. Он вышел из калитки на улицу бочком, потом развернулся к женщинам, хлопнул себя руками по коленям, присел и тоже принялся хохотать - кха-кха-кха...

- Сами ж напросились. Какая тюль в наших краях, какие шторы? - говорил он в перерывах между приступами смеха. - Сроду за ними в Алма-Ату ездили...

И поняв, что окончательно прощен, успокоился, отер усы, позвал:

- Пойдем домой, Алла, обедать надо...

- Так ты обедал уже, дядь Вась, - вставила своё слово Галка.

- А я еще хочу, да и по сто грамм не помешает, - парировал он.

Эту историю мы со смехом вспоминали ежедневно. А, между тем, время шло своим чередом, приближался август. И пора было думать о возвращении домой. Для этого надо было идти на вокзал за билетами на проходящий поезд. Мы договорились с Галиной, что сделаем это завтра, а сегодня решили заглянуть в местную кафешку.

Заведение это, честно говоря, особого доверия у нас не вызывало, Но поскольку пляж уже надоел, а больше податься было просто некуда, мы и пошли в это кафе.

Заведение было расположено в первом этаже пятиэтажного панельного жилого дома. И выглядело далеко не лучшим образом: давно не крашенные облупленные стены, растрескавшиеся панели, высокие столики без стульев, отсутствие посетителей - все это говорило только об одном: среди жителей это место не пользовалось успехом. Правда мы об этом знали, потому что заглядывали сюда уже пару раз - на пирожки. Пирожки с капустой здесь стряпали просто отменные.

- А знаешь, - сказала Галка, придирчиво осмотрев серый от времени фартук официантки, - давай ничего не будем заказывать а возьмем с собой по паре пирогов. С капустой есть? Свежие?

Официантка хмуро кивнула:

- Есть. Идите сразу на кассу.

Мы подошли к кассе, где восседала молодая черноглазая дивчина. Галка выбрала на витрине пирожки, достала из сумочки кошелек, рассчиталась. И мы довольные двинулись домой, уплетая на ходу наши покупки. Пирожки доели быстро, не успев дойти до дома. Галка вынула из сумки платочек, чтобы вытереть руки и вдруг замерла:

- А где кошелек?! - В её карих красивых карих глазах тут же закипели слёзы. - В кафе оставила!..

- Не реви! - приказал я. - Быстро назад...

Мы бегом вернулись к кафе. Странно, но дверь заведения была заперта, на ней висела табличка "Закрыто", хотя обед давно прошёл, а до конца рабочего дня было ещё далеко. Я начал вглядываться сквозь мутное стекло внутрь помещения. Там сновали какие-то тени. Мы принялись стучать в дверь. В ответ - ничего. Тогда я принялся пинать по двери ногой. Это возымело действие: размытая тень приблизилась изнутри к двери и крикнула: "Чего надо?"

- Срочно откройте, а то вышибу вашу дверь! - прокричал я в ответ. Наконец, дверь чуть приоткрыли. Этого было достаточно: я просунул внутрь стопу, потом рывком открыл вход. Мы вихрем пронеслись мимо растерянно официантки - это была именно она - прямо к кассе.

- Где наш кошелёк? - как можно более грозно рявкнул я.

- Какой кошелёк? - переспросила вышедшая откуда-то из внутренних помещений крупная белокурая женщина с мясистым лицом, одетая в халат такого же серого цвета, как и фартук официантки. - Никакого кошелька здесь не было!

Галка безудержно разрыдалась...

- А вы откуда знаете, ведь вас здесь не было? - попытался озадачить я её. - Где ваш кассир? Она должна всё знать...

- А нет никакого кассира! - развела руками толстая. - У неё дома проблемы, отпросилась она. И никаких кошельков она не видела!

- А вы позвоните ей, спросите... И, вообще, вы - кто?

- Я-то - заведующая! - подперла бока толстая. - А вот вы не скандальте, а то милицию вызову!

- Да мы покупали у вас пирожки. Помните? - повернулся я к официантке. - Помните?

- Ну и что, - равнодушно ответила та. - Ну, покупали, при чем здесь мы?

- Вот и забыли на кассе кошелек, - тут я уже обратился к заведующей. - Там - деньги, понимаете? Мы здесь в отпуске. Деньги - на покупку билетов домой. Пожалуйста, верните...

- Ты видела кошелёк? - переспросила толстая у официантки.

- Нет, - покачала та головой. - А помните, после них баба заходила? - официантка внимательно посмотрела на свою начальницу. - Зашла, ничего не купила и ушла. Скорее всего, она и взяла, - убедительно закончила официантка.

- Вот именно, она и взяла, - тут же согласилась толстая. - А как она выглядит, мы не знаем, некогда нам всех рассматривать. Так что, ничем помочь не можем... - толстая развернулась и исчезла со сцены.

- Что же нам, в милицию заявление писать? - спросил я скорее себя, чем официантку.

- А пишите, мне-то что. Я ваш кошелек не брала, - отмахнулась та.

...Мы медленно тащились домой по раскаленной улице. Откровенно говоря, я просто не знал, что теперь делать. Прямых улик, что работники кафе прикарманили наш кошелек, у нас не было.

Местная милиция состоит из местных жителей, которые знают друг друга с детства, она вряд ли нам поможет. Но дело даже не в этом: на что теперь возвращаться домой? Звонить и просить у родителей - стыдно, они и так дали нам денег на эту поездку... Галка то и дело вытирала слезы, удрученно вздыхая.

Возле дома на лавочке, как обычно, сидел дядя Вася и курил неизменную папиросу. Мы подошли, уселись рядом. Он сразу понял, что что-то случилось и шутки неуместны.

- Ты чего, Галчонок? - и он ласково погладил её по плечу.

- Ах, лёлька! - только и сумела выдохнуть она. И снова горько зарыдала. Потом, прерываясь, вздахая и переводя дыхание, начала рассказывать. Я тоже вставлял реплики, уточнял детали.

Дядя Вася курил и молча слушал нашу грустную историю о безвозвратной потере кошелька и, конечно, денег, которые предназначались для покупки билетов.

- Вот что, - сказал он, выслушав всё до конца. - Этих жуликов из кафе не ухватишь. Ясно, что это они деньги хапнули, да Бог им судья! Значит, сидите здесь, я сейчас, - и дядя Вася двинулся к дому.

Он вернулся минуты через три. Я впервые видел на нём темно-синий в мелкую полоску пиджак, одетый поверх рубахи, фиолетовый галстук украшал его худую шею.

- Пойдём! - позвал он нас и, разгладив усы, быстро пошагал по улице. Мы посеменили за ним, подгоняемые забрезжившей надеждой.

- Лёль, а мы куда? - спросила успокоившаяся Галина.

- Куда надо! - не оборачиваясь, бросил дядя Вася. Мы переглянулись, поспешая следом.

Вскоре оказались возле дома с зеленой вывеской "Сберкасса". Дядя Вася взошёл на крыльцо и обернулся к нам:

- Вы со мной не ходите, - сказал он. - Сколько денег-то у тебя было? - спросил у Галки. Та назвала сумму. - Всё, ждите здесь, - и он исчез за железной дверью.

Мы стояли под палящим солнцем и многозначительно переглядывались. Минут через двадцать дядя Вася вышел, двумя руками он держал сберегательную книжку. Он подошёл к нам, открыл сберкнижку, вынул из неё купюры и протянул Галине:

- Держи, да больше не теряй... - он привычным движением разгладил усы, вынул папиросу, спички, прикурил и глубоко затянулся.

Галка буквально бросилась ему на шею, тянулась поцеловать.

- Ну-ну, Егора своего лучше поцелуй, - осторожно отодвинул её дядя Вася и с довольным видом быстро направился домой.

- Мы тебе сразу долг отдать не сможем, - сказала ему в спину Галка.

- Как сможете, отдадите. Мне не к спеху, - ответил он не оглядываясь...

На следующий день мы взяли билеты на уже знакомый раскаленный от жары, пропыленный скорый поезд Алма-Ата - Новокузнецк. А уже через три дня стояли на местном перроне в ожидании его прибытия. Нас провожала тётя Алла. Мы пришли на вокзал уже знакомой тропинкой, навьюченные яблоками, грушами, дынями и даже двумя арбузами довольно приличного веса. Все это вместе с чемоданами мы сложили горкой прямо на земле. Снова разглядывали вывеску вокзального магазина.

- Это здесь вы хотели прикупить тюль? - насмешливо спросили мы тётю Аллу.

- Да ну вас, и не вспоминайте, - улыбнулась она. Потом нахмурилась и уже, наверное, в сотый раз спросила сама себя:

- И куда это Васька подевался? Вечно он по-людски не может!

Дядя Вася, действительно, ушёл из дома с самого утра, не сказавши куда. Буркнул только: "Скоро буду", - и всё.

- Скорый Алма-Ата - Новокузнецк прибывает через десять минут, - объявили с вокзала. - Стоянка поезда - две минуты.

- Господи, как же мы всё это погрузить успеем! - заволновалась Галка, тревожно оглядывая нашу кучу багажа.

- Ничего, не вы первые, - спокойно ответила тётя Алла. - Как поезд остановится, садимся в любой ближний вагон. Ты, Галя, в тамбур заскакивай. А мы с Егором будем тебе вещи забрасывать, ты только успевай их от входа оттаскивать...

Как мы грузились в вагон - отдельная история. Хорошо, что кроме нас других пассажиров больше не было. Поезд уже тронулся, а мы с тётей Аллой все бросали в глубь тамбура авоськи с фруктами,

арбузы. Наконец, я, взмыленный, вскочил на подножку. И в этот самый момент откуда-то вынырнул дядя Вася. Усы его победно топорщились. В одной руке он сжимал немалых размеров мешок, другой вцепился в поручень вагона и какое-то время бежал рядом с ним. Потом собрался с силами и забросил мешок в тамбур, прямо мне под ноги.

- Это подарок от меня! - прокричал он и исчез из нашего поля зрения.

Поезд набирал ход. Мы с Галкой долго перетаскивали нашу поклажу и размещали её в вагоне. Наконец, всё заняло свои места и мы облегчённо вздохнули.

- А что в мешке? - поинтересовалась, наконец, моя Галя.

Я понюхал мешок - пахло вкусно. Кое как я развязал туго перетянутую бечевой горловину мешка, запустил в него руку и вынул золотистого копченного, изумительно пахнущего свежим дымком, леща. Мешок был доверху набит этой вкусной, страшно дефицитной по тем временам рыбой...

Солнечная рыбалка

- Где у вас тут червей накопать можно? - Женька остановил прохожего на узкой тенистой улочке Капчагая - небольшого поселка на юге Казахстана.

Темноволосый с загорелым лицом мужчина сверкнул раскосыми глазами-маслинами и, пожав плечами, охотно ответил:

- Какие черви в песке да в жаре? А вам они зачем? - задал он в свою очередь вопрос Женьке и Егору.

- Для рыбалки, - ответил незнакомцу Женька. - Тут у вас рыбы, говорят, прорва!

- Так причём тут черви, когда есть блесна, опарыш, тесто, хлебный мякиш, на живца, наконец. Червя здесь не найдёте, парни. На него здесь не ловят. А кого ловить-то собрались? - мужчина запустил загорелую руку под светлую футболку и смачно почесался.

- А это, смотря что тут у вас водится-плавает? - в Женьке до поры до времени дремал заядлый рыбак.

- А у нас чего только не водится, - усмехнулся темноволосый. - Судак, жерех, сазан, осётр есть. А уж леща видимо-невидимо. - Он хитро прищурился, - Вы, поди, из России приехали, рыбаки?

- Да, из Сибири.

- Из Сибири!? - недоверчиво покачал головой незнакомец. - То-то вижу - бледные вы больно. Ну, тогда вы здесь порыбачите...

Он резко развернулся и пошагал прочь.

- Что он имел ввиду? - спросил Егор у Женьки.

Тот пожал плечами. Тогда Егор взял чемодан и двинулся в сторону тёткиного дома. Женька подхватил на плечо свою дорожную сумку и припустил догонять товарища.

Друзья-студенты прилетели сегодня рейсом Новокузнецк-Алма-Ата (в 1970-е это было так просто!). До Капчагая добрались автобусом. И теперь топали от автовокзала к дому Егоровой тётки Аллы. Он, правда, не был ей племянником - это была жена дяди его жены Галины. Но, несмотря на сложную родственную конструкцию, тётка Алла любила Егора, как родного.

Он любил приезжать сюда - в жару казахстанской пустыни в летние каникулы - один или с женой: погреться на горячем южном солнышке, искупаться в местном водохранилище, которое раскинулось на десятки километров и которое аборигены именовали не иначе как морем.

В этот раз он "сбил с панталыку" Женьку, уговорив его приехать сюда вместе с ним на недельку, хотя у четверокурсника Женьки были совсем другие планы. Но Егор знал, чем "взять" друга, ещё только начинающего приобщаться к модному мужскому времяпрепровождению, но уже страстного любителя рыбалки. Егор наобещал ему рыболовный рай, и, вечно взъерошенный, этот - высокий красавчик и любимец однокашниц - согласился. Егор поклялся, что всё будет просто здорово, пообещал непосредственно участвовать во всех рыболовных священнодействиях, хотя, честно признаться, рыбачить не любил...

Они быстро нашли тёткин дом, окруженный яблонями и грушами. Чистенький и ухоженный снаружи, он говорил об аккуратности хозяйки и глядел на узкую улочку ясными стеклами окон. В саду-огороде красовались ровные грядки зелени, десятки помидорных кустов украшали розовато-зелёные плоды. Нигде не было видно ни одной лишней травинки.

Женька восторженно разглядывал это буйно растущее царство фруктов и овощей.

- Да тут надо человек десять, чтобы за всем ухаживать, поливать-полоть, - теребя затылок, протянул он.

На двери висел замок: хозяев дома не было.

Они бродили по саду, пробовали на вкус яблоки, съели по крупному сочному помидору. Егор, на правах знающего человека, показывал Женьке тёткино хозяйство.

Но вот стукнула калитка: тётка, крупная, видная женщина лет пятидесяти, вернулась с работы. Они выскочили из кустов сада ей навстречу, она вздрогнула от неожиданности, но тут же заулыбалась:

- Да ну вас, напугали! Здравствуйте вам! Держи, родственничек... - она протянула Егору что-то, завернутое во влажную простыню.

Егор принял немалый свёрток из её рук и почувствовал: в ткань завёрнуто нечто живое, затрепыхавшееся в его руках.

- Что это, тёть Алл?

- Да рыба это. Мужики на плотине поймали. А я у них купила. Надо же гостей дорогих встречать. А это кто с тобой, твой товарищ? - повернулась она к Женьке и протянула ему свою заскорузлую крепкую ладонь. Женька осторожно, но с достоинством пожал её и с лёгким поклоном представился:

- Евгений, студент четвёртого курса, учусь вместе с Егором... Если позволите остановиться у вас...

- Позволю, позволю, живите, - приветливо откликнулась тётка Алла. – Только, что мы стоим. Егор, ты же знаешь, где ключ, отпирай. - Её нос, крупный для женского лица, на простой добродушной загорелой до черноты физиономии покраснел от удовольствия.

Егор знал: тётка любила привечать гостей. Он передал Женьке шевелящийся свёрток, нашарил под ковриком ключ, открыл дверь в дом.

- Холодной воды в ванну быстро наливайте и - туда этого красавца, - приказала тётка. А сама направилась на кухню, загремела там посудой.

Парни шмыгнули в ванную, Егор быстро отвернул кран с холодной водой, заткнул пробкой сливное отверстие. Они в четыре руки опустили шевелящийся свёрток в воду, осторожно развернули его. Это был небольшой осётр, длиной примерно с метр, весом на несколько килограммов.

- Крас-а-авец! - восторженно пропел Женька и протянул руку, чтобы погладить рыбу по костяным щиткам хребта. Но как только он коснулся его пальцами, осётр вздрогнул и, плавно поводя хвостом, двинулся вдоль ванны, пошевеливая усами, украшающими удлиненное рыло.

- Живой! - заорал Женька.

- Чего орёшь? - сердито прервала его восторг вошедшая в ванную тётка. В правой руке она держала молоток для отбивания мяса, в левой - большой кухонный нож. - Ну-ка идите-ка отсюда, руки помойте на кухне, телевизор включите, пока я его готовить буду.

Парни ретировались в комнаты, осматривая обстановку. Вскоре из кухни потянуло вкусным запахом жареной рыбы.

...За обеденным столом сидели чинно-блинно. Тётка навертела салатов из овощей и зелени, нарезала крупно алые помидоры, сыр, хлеб большими ломтями. Середину стола украшало большое блюдо со здоровенными белыми ароматными кусками рыбы. Парни такой в жизни не едали! Уплетали за обе щеки. Всё это запивали холодной водочкой: запотевшую бутылку тётка достала из холодильника, спросила строго: "А вам уже можно?!" - на что они утвердительно закивали головами.

Когда первый голод сошёл, а блюдо с рыбой и бутылочка наполовину опустели, тётка приступила к расспросам. Егор рассказывал о семейном житье-бытье, о родне и других сибирских новостях. Тётка часто его перебивала, уточняла, вставляла свои реплики и комментарии. При этом она не забывала подкладывать гостям в тарелки, подливать в рюмки. Когда новости кончились, перешли к теме предстоящего отдыха.

- Купаться будете, загорать? - спросила она парней.

- Нет уж, - ответил первым Женька. - Лично я на рыбалку приехал. Завтра по зорьке на ваше море пойду, удочку закину. Вот только, говорят, черви у вас тут не водятся...

Егор кивал головой, соглашаясь.

- Много ты на море наловишь с червями, да ещё на удочку! - перебила тётка Женьку. - Тут бригады с рыбзавода на баркасах ходят, сетями ловят. А червей, при желании, найти можно, хоть и песок кругом. Помнишь, где у меня картошка в саду растёт? - повернулась она к Егору. - Там копните, должны быть черви.

Тётка на минуту задумалась, подперев голову своей крупной загорелой рукой, потом заулыбалась, жмуря от удовольствия карие глаза:

- Ладно, будет вам хорошая рыбалка! На работу завтра возьму вас с собой, на ГЭС... Вот где - рыбалка, так рыбалка! - и она шмякнула ладонью по столу так, что посуда зазвенела.

Тётка, сколько знал её Егор, работала на местной гидроэлектростанции в бригаде штукатуров-маляров.

Станцию строили уже несколько лет. Её плотина перекрыла местную реку Или, берущую своё начало в далёких горах Китая. В пустыне образовалось огромное Капчагайское водохранилище

длиной 180, а шириной 20-25 километров. Именно здесь было любимое место отдыха алмаатинцев и капчагайцев, конечно, где можно купаться, загорать и, само-собой, рыбачить.

- Так, если наелись, - тётка торопливо встала со стула, - давайте собираться на рыбалку. Егор, удочки посмотри в кладовой. Про червей - поняли? Но лучше я за хлебом сбегаю, пока магазин ещё открыт. Она лучше всего на хлеб клюёт...

Тётка ушла в магазин. А Егор с Женькой заглянули в кладовую. Какого только хлама здесь не было?! Тусклая лампочка высветила развешенную по стенам старую одежду, коробки со стоптанной обувью, запыленную газовую печь с двумя конфорками, сломанные стулья и табуретки и много чего ещё. В дальнем углу стояло несколько больших крепких самодельных, оснащенных уже удилищ. Парни выбрали себе по одному и вынесли их на крыльцо.

Женька ловко управлялся со снастью: размотал леску, к которой были прилажены три крючка чуть меньше средней величины. Роль грузила выполняла обыкновенная гайка. "Сделано всё просто, зато - надёжно!" - удовлетворённо крякнул он.

Егор себя даже любителем рыбалки назвать не мог. Не любил он это дело - и всё тут. Охотку отбили ещё в детстве, когда его пару раз брал с собой на рыбалку отец. При виде бьющейся на крючке рыбы на него накатывала жалость к этой обречённой живности. Хотя, кушать её он любил, причём, во всяком виде.

- Я тебе помогу снасть приготовить, не переживай, - успокоил вздыхающего Егора Женька. - Ты у меня завтра станешь заправским рыбаком! - пообещал он многозначительно.

Червей решили не копать...

Вернулась из магазина тётка: купила две огромные булки белого местного хлеба, который распространял вокруг вкусный аромат свежей выпечки.

- Тёть Алла, а зачем на удочках по три крючка? - спросил её Женька

- Так она гуртом на наживку кидается, клюёт, как сумасшедшая. Ей, чем больше наживки, тем лучше... Завтра сами увидите.

Тётка основательно собирала ребят в завтрашний поход. Она "откопала" в кладовой большой старый ржавый садок: "Давно уж им никто не пользовался", - объясняла по ходу. Приготовила два холщёвых мешка: "Рыбу в них потом сложите, не в садке же её домой везти". На ноги подобрала им удобные шлёпанцы с завязками: "Кроссовки свои там поуродуете". Нашла в шифоньере какие-то две стародавние рубашки с длинными рукавами. Две заношенные выцветшие кепки.

- Зачем, в них же жарко по такой погоде? - удивились парни.

- В ваших футболках руки погорят на солнце, - категорично отрезала она. - И головы напечёт...

Тётка с вечера приготовила им бутербродов с сыром, огурцы, сложила в продуктовую авоську. Туда же поместила с десяток помидоров: "А с утра в термос чаю налью".

- Ещё паспорта с собой не забудьте, обязательно возьмите, - велела она.

- Тёть Алла, зачем? - удивился Егор.

- ГЭС у нас - штука серьезная, там - охрана. Документы проверяют. Я скажу, что вы - мои племянники. Но, на всякий случай, возьмите, с паспортами надёжнее.

Женька с Егором положили свои паспорта на видное место, чтобы не забыть.

За хлопотами вечер пролетел быстро. Они еще помогли тётке полить сад и огород, благо, делать это было не трудно: с помощью шланга, по которому глубинный насос качал воду из скважины.

Тётка постелила Егору на диване в гостиной, Женьке там же досталась раскладушка. "Ложитесь пораньше, завтра подниму в пять", - она плотно закрыла дверь и погасила свет в коридоре, чтобы не просвечивал через дверное стекло.

Заснули парни быстро: день был долгий - с перелётами, переездами, да ещё с хорошим обедом... Тётка, заглянувшая в комнату через несколько минут, с удовлетворением услышала их ровное сопение, тихонько пошла убираться на кухне.

...Ровно в пять утра она легонько постучала в двери гостиной. Женька вскочил сразу, как ванька-встанька, а Егор ещё несколько минут потягивался, кулаками тёр заспанные глаза. Однако, собрались они, на удивление, быстро. Наскоро проглотили приготовленную яичницу с салом. Упаковали еду и термос, и всё остальное в рюкзак. Кепки сунули туда же. Женька навьючил этот немалый рюкзак на плечи, Егор нацепил на левую руку свои старенькие часы, взял снасти. "Паспорта!" - одновременно вспомнили они. Женька положил свой паспорт в нагрудный карман рубашки, Егор засунул свой в задний карман джинсов. Тётка просила надеть на ноги носки, но они наотрез отказались: "И так жарко!".

- Ну смотрите, не пожалейте потом, - пробурчала она.

- Тёть Алла, что вы с нами, как с маленькими, - приобнял её Егор.

Они прошли узкой улочкой, свернули в переулок и вскоре вышли на шоссе. День обещал быть жарким и безоблачным. Впрочем, в летние месяцы о дождях в этих краях и не мечтали.

Несмотря на раннее утро, солнце уже начинало припекать, но дувший с моря ветерок ещё приятно холодил кожу. Прямо за шоссе расстилалась - километра на два - пустынная степь, которая пестрила колючими серыми кустиками, а дальше, до самого горизонта, тянулась безбрежная водная ширь, по которой медленно катились белые барашки волн. И над горизонтом, будто мираж, подёрнутые лёгкой дымкой, "висели" в воздухе далёкие горные вершины, покрытые слепящими глаза яркими снеговыми шапками.

Парни едва поспевали за широко и споро шагавшей вдоль обочины тёткой. Вскоре дошли до остановки, где уже стояли в ожидании несколько женщин и мужиков.

- Ну, Алка, ты даёшь! Сразу с двумя ухажерами! - воскликнул кто-то, и "остановка" громко, но безобидно заржала. Все уставились на тёткиных спутников.

- Да! - ответила довольная раскрасневшаяся тётка. - Племянники мои. Вон, какие молодцы! А вам завидно, – казалось, даже её большой широкий нос задвигался от удовольствия. - Взяла вот - порыбачить.

- Это - хорошо, - одобрил какой-то невысокого роста мужичок. - Рыбки на ГЭСе много, - он покивал головой.

Тут подошёл автобус с табличкой "Служебный" в левом углу лобового стекла. Народу в нём было уже немало, но места хватило всем.

Вскоре поселок остался далеко позади. А горная гряда от линии горизонта придвинулась ближе, стали различимыми далекие скалистые хребты.

- На станции ведите себя осторожно, - наставляла тем временем тётка. - На плотине долго не задерживайтесь. Тем более, что там ловить нельзя, там рыбнадзор дежурит. И возле плотины - нельзя. Надо от неё уйти ниже по течению на пару километров, тогда ловите, сколько влезет.

- Ещё не забудьте, что в восемь утра включают все турбины: сразу заметите, как вода начнёт прибывать. Будьте осторожнее, чтобы вас в воду не смыло, там течение сильное, вода холодная! И не опоздайте на автобус, он отходит ровно в пять вечера.

Парни кивали ей, слушая вполуха. Вертели головами, рассматривая окружающий унылый пустынный пейзаж. Ровная лента шоссе легко и быстро ложилась под колёса...

Кажется, ещё минуту назад автобус мчал среди пустыни, как внезапно на дорогу надвинулись крутые скалы.

- Смотри! - крикнул Женька. - В горах пушки стоят!

- Это - зенитки, - уточнил кто-то. - Охраняют станцию от воздушного нападения.

- Да? - удивился Егор. - Тут все серьезно.

Автобус через открытые решётки ворот въехал на территорию станции, подкатил к проходной. Водитель открыл двери, и сразу же в салон ворвался глухой гул, идущий от гигантского сооружения - высоко поднимающегося машинного здания ГЭС.

Пассажиры гуськом потянулись через проходную на рабочие места. Тётка придержала ребят: "Не спешите".

Они последними подошли к турникету.

- Здравствуй, Михалыч! - несколько торжественно обратилась она к полному пожилому седому вахтёру в форме охранника и в фуражке с кокардой, который сидел в стеклянной будке рядом с турникетом. - Это - мои племянники, - показала она рукой на парней. – Вот, порыбачить хотят. Дело молодое, каникулы, сам понимаешь... Пропусти, а порядок я гарантирую. Ты же меня знаешь!

- Погоди, Алла, - хмуро посмотрел на неё вахтёр выцветшими от яркого солнца глазами. - Ты же знаешь, здесь - режимный объект, - осадил он её. - Я не могу!

- Михалыч, это же мои парни, а не шпионы. Пацаны они ещё, я за них ручаюсь, как за себя! - тётка прижала обе руки к сердцу. - Ну, ты же пропускаешь своих рыбаков, я же знаю...

Михалыч посмотрел на неё долгим взглядом, потом хмыкнул и повернулся к притихшим Егору с Женькой, которые смотрели на него преданными и просящими глазами.

- А документы у вас есть? - хитро прищурился вахтёр.

- Есть! - хором ответили они и протянули ему свои паспорта.

Он долго и придирчиво рассматривал документы, сверял фотографии с оригиналом. Потом вздохнул, вернул им красные книжечки:

- Сибиряки, значит?

- Ага, - ответила за них тётка, а парни молча кивали.

- Ладно, - сказал Михалыч, потом, выдержав паузу, добавил, - проходите. Но, чтобы никаких безобразий. На плотине не

баловать! С боковых площадок не рыбачить, запрещено! Идите вниз по реке - подальше, там можно. Там и рыбы навалом... - и он открыл перед ними рукоятку турникета.

Тётка вела их по длинному коридору - навстречу всё усиливающемуся рокоту. Вскоре она свернула в какую-то дверь, и они вышли на полукруг плотины, который на всю свою полукилометровую длину, был "забран" металлическим ограждением. Грохот падающей воды здесь перекрывал все остальные звуки.

Парни со страхом приблизились к ограждению и глянули вниз. Из широких щелей-разрезов, расположенных в нижней части гигантской высотой метров в пятьдесят, стены, с глухим рёвом исторгалась вода. Там в воздухе стоял туман от миллиардов водных брызг. Мощные потоки падали в большое озеро - бетонную чашу нижнего бьефа, где, казалось, кипела и бурлила сама преисподняя так, что если на неё смотреть непрерывно, начинала кружиться голова и давило в ушах.

Створ Капчагайской ГЭС строители соорудили в узкой горловине реки Или - между скал горного хребта, который река пробила за многие тысячелетия. Ночью на станции работала только одна турбина: потребность в электроэнергии в ночное время суток в Алма-атинской области была невысокой. Зато, когда на заводах и фабриках казахской столицы начиналась утренняя смена, все четыре агрегата ГЭС включали на полную мощность.

Из озера-чаши вода упруго вырывалась и неслась с бешеной скоростью - резко поворачивая влево - между высоких каменистых берегов речного русла. И только километрах в двух-трёх от плотины река успокаивалась, замедляя свой бег на подходе к равнинному пути на север.

Красота и мощь колоссального рукотворного сооружения завораживала. Егор с Женькой молча любовались этой грандиозной картиной. Они не заметили, как рядом с ними оказался высокий мужчина в тёмной форме инспектора

рыбоохраны. Он помотал перед их физиономиями поднятым вверх указательным пальцем и прокричал:

- Здесь ловить нельзя! Идите вниз - вдоль реки! Туда, - он махнул рукой, указывая, куда надо идти. - Я покажу, - и Женька с Егором двинулись вслед за ним к спуску с плотины.

- Тут ловить нельзя, - объяснял на ходу рыбоохранник. - Но рыбы здесь, у плотины, больше всего. Её этим страшным напором просто глушит, затягивает к плотине. Надо бы заграждения из металлосетки, а их - нету! Вот её и глушит - она дохнет! Когда турбины на ночь останавливают, дохлой рыбы полно по реке уносит, - перекрикивая рёв воды, рассказывал он. - Но ловить тут, все равно, нельзя! Опасно!

Вскоре парни уже самостоятельно пробирались ниже по течению по пустынному каменистому правому берегу, на котором не видно было ни деревца, ни кустика. Только утреннее солнце уже хорошо нагрело береговые камни. Шум гидростанции стал заметно тише.

- Всё, - решительно остановился Женька, - привал, пробуем ловить!

Он быстро спустился с крутого, заваленного обломками камней, склона к самой воде, присел на корточки и опустил ладони в быстрый поток:

- Холодная! - он отдёрнул руки, отряхнул их, снял рюкзак, рубаху, вынул пакет с едой, фуражки, садок, мешки под рыбу, булку хлеба, предусмотрительно завёрнутую тёткой во влажное полотенце. Хлеб он разломил пополам, половину булки протянул Егору. И начал разматывать свою удочку. Глядя на него, Егор тоже скинул свою рубашку и размотал леску.

Они были разными, эти студенты. Женька - ростом выше, костью шире, тёмноволосый. А Егор - светлый, среднего роста, жилистый. Но в одном были схожи - и это прекрасно стало видно, когда разделись до пояса - оба были белокожи. Одно слово - сибиряки, а в том краю солнышка маловато...

Женька откусил от булки, пожевал, потом выплюнул в ладонь нажёванное, отщипнул кусочек, скатал хлебный шарик, нацепил на крючок. Таким же способом наживил и два других крючка, на глаз отрегулировал высоту каждого из них, высоту поплавка, закинул удочку и уставился на поплавок. Тот качнулся, выпрямился в воде и поплыл по течению. Еще не успела натянуться леска, как поплавок резко ушёл под воду. Женька ловко подсёк и выбросил на берег леща - длиной в две ладони, весом граммов семьсот, с сероватой спинкой, золотисто-коричневыми боками и желтоватым брюхом.

- Вот это да!!! - громко зашептал Женька. - Вот это - красавец!

Он снял рыбу с крючка, положил её, изгибающуюся, в садок, пристроив садок к воде. Все крючки на его удочке были голыми. Он снова начал наживлять на них хлебные шарики.

- Чего стоишь?! Закидывай, давай! - рявкнул он на Егора. Тот суетливо размотал свою удочку, также, как Женька, нажевал мякиш от своей половины булки, положил хлеб на камень - подальше от воды. Скатал три хлебных шарика, насадил на крючки и забросил удочку чуть пониже Женьки. А тот уже доставал очередного - не меньше - леща, задыхаясь от азарта и настоящего рыбацкого счастья.

У Егора задрожали руки, когда он почувствовал мощный рывок лески. "Подсекай!" - заорал Женька. Егор дёрнул, но из воды вынырнули, блеснув на солнце, голые крючки.

Между тем, Женька выудил очередную рыбу. И - снова забросил. Егор - следом за ним, клюнуло в тот же миг, он торопливо подсёк и выкинул леща на берег:

- Ха! - выкрикнул он. - И мы можем не хуже!

- Давай, не зевай! - откликнулся Женька.

Рыба клевала, как сумасшедшая. Парни были на небесах от счастья и только успевали забрасывать снасти. В садке уже плескались с десяток хороших, крупных рыб - мелких Женька приказал не брать, выпускать обратно в реку...

Рыбалка так увлекла, что они даже не обратили внимания: звук работающей гидростанции изменился, стал более грозным и громким. Егор почувствовал что-то неладное, когда заметил, как уровень воды начал быстро расти. Буквально в считанные секунды они оказались по колено в стремительном холодном потоке.

А вода прибывала! Вот уже поплыли их рубашки, фуражки, Женькина половина булки, рюкзак и авоська с едой. Парни на мгновение растерялись. Женька очнулся первым, он отшвырнул повыше удочку, сиганул в разом помутневшую воду - едва ли не по пояс, выхватил садок, потом удилищем подхватил уплывающие холщевые мешки.

- Чего стоишь? Хватай свой хлеб! - он с трудом вылез из воды на камни, волоча за собой спасенные вещи. Егор тоже поднялся на берег повыше, крепко прижимая к животу оставшиеся полбулки и удилище. Уровень потока всё рос, быстро заполняя берега, река прямо на глазах стала шире и как будто ровнее... Всё это продолжалось минут десять-пятнадцать.

Наконец, вода перестала подниматься и посветлела у берега. Парни переминались с ноги на ногу, подсчитывая убытки.

- Паспорт-то мой - того, тю-тю, уплыл вместе с рубахой, - обреченно махнул рукой Женька.

- Да ты что?! - вытаращился на него Егор. Он похлопал себя по карману джинсов, убеждаясь, что его документ на месте. - И как теперь?

- Не знаю, - скис Женька. - Кто меня теперь в самолёт пустит?

Он опустился на камень и принялся кидать в воду маленькие камешки. Егору его было так жаль, что он от волнения не заметил, как откусил хлеба и стал жевать.

- Эй, не смей жрать хлеб - это наживка! - ругнулся Женька.

- Да какая теперь рыбалка?! - сник Егор.

- Лично я никуда отсюда не уйду! - отрезал Женька. - Я такого клёва в жизни не видел! Твоя удочка цела?

- Вон валяется, - мотнул головой Егор, он внимательно всматривался в водный поток.

- Чего высматриваешь? Думаешь, мой паспорт всплывёт, - вяло пошутил Женька.

- Нет, ты посмотри сам, - Егор ткнул пальцем в сторону какого-то непонятного большого пятна, которое расплывалось по воде недалеко от берега, двигалось, вытягиваясь, и колыхалось, вспыхивало тут и там золотистыми бликами...

- Женька, да это же рыба! - заорал он не своим голосом. - Её ловить надо!

Действительно, недалеко от места, где они стояли, под водой медленно продвигался рыбий косяк, кажется, даже слышно было чавканье этой кормящейся живности.

- Давай, давай, давай, - как молитву начал шептать Женька. Он быстро закрепил на новом месте садок с уловом, надежно придавив его большим камнем. Наладил свою удочку, выхватил у Егора хлеб, откусил, нажевал, скатал три маленьких шарика, наживил крючки и забросил...

Кажется, крючки ещё не успели коснуться воды, как клюнуло, и Женька ловко подсёк. В воздух взметнулись сразу две рыбины, изгибаясь и переливаясь на солнце.

- Вот это да-а! - ошалело протянул он. Быстро побросал рыб в садок, наживил, забросил крючки в самую середину рыбьей стаи. И снова вытащил леща...

- Не стой, давай, помогай! - кивнул другу, не отрывая взгляда от поплавка.

А тот и не стоял. Он тоже ошалел от такого невиданного "кино". Ему вдруг так сильно захотелось поймать рыбу, что аж под ложечкой засосало. И пускай чуть реже, чем Женьке, ему сопутствовала удача: мастерства и сноровки было поменьше, - но и он, нет-нет, да и подбрасывал в садок свой улов.

А солнце пекло вовсю.

- Ты наш хлеб водой намочи, а то засохнет - и рыбалке привет, - приказал Женька Егору. Тот окунул в реку остатки булки, потом спрятал её от солнечного зноя в тень камня.

Но, если хлеб ещё можно было спрятать от палящих прямых лучей, то прятать свои полуголые тела в тень парни были не в состоянии. Её здесь, на открытом месте, просто не было. Южное солнце жгло нещадно. К полудню плечи, шея, спина и живот, руки, верхняя часть стопы и даже кончики пальцев, выглядывающие из шлёпанцев, стали пунцовыми. Лица, особенно лбы, носы и уши горели малиновым цветом.

Они пробовали окунаться в воду, чтобы хоть немного снизить температуру на поверхности кожи. Но этого хватало буквально на несколько минут. Потом Егор придумал надеть на головы мешки, прикрыв ими и плечи, снять джинсы и закрыть ими спину. Стало легче. В таком виде они продержались ещё час-полтора, но за это время успели докрасна обгореть их белые ноги. К ногам стало невозможно прикоснуться, а если они окунали ноги в холодную воду, жжение, казалось, только усиливается.

Они промучились ещё с полчаса. Женька закидывал удочку чаще, Егор - лишь время от времени. Клёв почти прекратился. Настроение резко упало, ожоги основательно давали себя знать...

- Слушай, а который час? - сквозь зубы процедил Женька. Егор впервые за день глянул на часы и ахнул:

- Без четверти четыре! Надо быстрее сматываться, на автобус опоздаем!

Они быстро выволокли из воды на берег набитый рыбой садок. Егор расправил мешки, а Женька начал раскидывать в них рыбину за рыбиной: одну - налево, другую - направо... Лещи падали в мешки, трепыхались там, шлепая хвостами, замирали. В общей сложности насчитали 97 штук.

Егор вначале отказывался делить улов поровну, всё-таки он поймал меньше товарища, но Женька убедил, что так нести легче, а дома разберемся...

Они быстро смотали удочки, взяли удилища под руки, подхватили на обожженные плечи мокрые увесистые мешки, Женька ещё прихватил опустевший садок, и припустили, как могли, скоро, в сторону плотины. Если утром, налегке, они не замечали, что берег густо усеян каменными обломками, то теперь под ногами чувствовался каждый их выступ.

Плотина приближалась медленно, но неуклонно. Вскоре она уже высилась перед ними своей ревущей громадой. Парни из последних сил карабкались по бетонным ступеням, по раскалившимся от солнца перекладинам металлических лестниц. Наконец, взобрались на самую верхнюю площадку, с которой утром любовались грандиозным рукотворным пейзажем.

Только хотели сбросить мешки, чтобы перевести дух, откуда-то на них налетела разгоряченная тётка:

- Вы чего плетётесь! Люди ждут! Все с работы, устали, ругаются... - зашумела она, перекрикивая шум воды, и вдруг осеклась на полуслове. - А чего это с вами? Сгорели, нафиг! А ведь я говорила, говорила! А где рубахи, кепки? Так вас - растак!

- Всё уплыло! - крикнул ей в самое ухо Егор. Тётка поняла, перестала ругаться.

- Так, идём быстрее, дома разбираться будем! - она взвалила на плечо Егоров мешок, схватила удочки, парни подхватили второй мешок и побежали по коридорам машинного здания - на выход.

Турникет Михалыча проскочили сходу. Выбежали на улицу, прямо к раскрытым дверям автобуса. Народ в салоне сердито загудел: "Вы что, студенты, оборзели!" "Совсем совесть потеряли!" "Их тут все ждут, а они, вишь, ты, удовольствие получают!" "Загорают, е... отпускники!"

Но, при виде пунцовых, обгоревших парней пересуды смолкли. Потом галдёж возник снова: женщины всплёскивали от

жалости руками, мужики качали головами, жалея парней. "Как же вы?!" - заголосила одна из самых сердобольных. Кто-то протянул им свои спецовки: набросьте на плечи...

Женька накинул на себя черную спецовку, поморщился. А потом вдруг повернулся к автобусному салону и, улыбаясь-морщась от боли, прокричал, перекрывая гул голосов:

- Зато, какая рыбалка была! Я такой рыбалки в жизни не видел!

Автобус замер на секунду от неожиданности, а потом громко, раскатисто захохотал на разные лады.

...На остановке их провожали, как героев, пожимали руки, хлопать по плечам не решались, но слова поддержки и сочувствия неслись со всех сторон.

Однако, когда парни ступили из автобуса на землю, из них словно выпустили воздух: эйфория от удачной рыбалки прошла, навалилась усталость, ожоги "горели" не на шутку, с утра во рту не было и крошки.

До дома дотащились кое-как, тётка вышагивала впереди, неся на плече один мешок и удочки, а Егор с Женькой из последних сил тащили второй мешок с рыбой.

А тут ещё Егор сообщил тётке, что Женькин паспорт тоже уплыл...

- Эх вы, недотепы, говорила же, что вода быстро поднимется, время сказала! Какая неосторожность! Хорошо, хоть самих не унесло! Как теперь без документа?! - громко ворчала она. Парни вяло оправдывались: ошалели, мол, от такого клёва, про всё забыли.

Дома они совсем занемогли. Егора подташнивало, у него кружилась голова, Женьку морозило. На обожженных участках кожи вздулись волдыри.

Тётка охала, то и дело всплёскивала руками, суетилась. Для начала она дала им по две таблетки аспирина и по две - анальгина, потом приготовила зелёный чай в большом

эмалированном чайнике и заставила их выпить не меньше, чем по три чашки. По очереди обильно намазала их каким-то кремом из керамического горшочка с мудреным названием на боку, который унял боль и жжение. Потом натёрла на тёрке несколько сырых нечищеных картофелин, выложила получившуюся кашицу на порезанный на ленты широкий бинт и, как могла, замотала обожженные места на ногах. Ощипала стоящий на окне куст алоэ, ножом порубила на кусочки его веточки и натолкла их толкушкой. Эту смесь она тоже осторожно стала накладывать на их плечи, руки и на лицо.

Боль и зуд ушли на второй план, парней начало клонить в сон. Они сидели рядком перед тёткой, а она хлопотала над ними, поворачиваясь по очереди - от одного к другому.

- Сейчас будем ужинать, - наконец сказала она.

- Я не хочу, лучше прилягу, - пробормотал Егор с закрытыми глазами, Женька его поддержал.

- Вот уж нет, - оборвала их тётка. - Спать будете только после еды. Она быстро накидала на стол помидоров с огурцами, зелени, выставила жаренные куски вчерашнего осетра, нарезала хлеб.

- Я вам по рюмочке налью, с устатку да для аппетита, - бросила она на парней хитрый взгляд. Достала из холодильника недопитую бутылку, налила по рюмкам, сама тоже выпила, от удовольствия сморщив нос. Аппетит, действительно, пришёл, причём, зверский. Егор с Женькой принялись уплетать за обе щеки. А тётка, подперев голову рукой, смотрела на них с материнской лаской.

- А что вы с рыбой-то собираетесь делать, - спросила она, когда они утолили первый голод.

- Я не знаю, - пожал плечами Егор. - Пусть Евгений решает, он у нас главный рыбак...

- А что, тёть Алл, - спросил Женька, - вы нам посоветуете?

- Вялить надо, - сразу откликнулась она. - Иначе - пропадёт ваша рыбалка!

- Вялить? - растерянно переспросил Женька. - А как? Что делать надо?

- А - ничего, - хмыкнула тётка. - Спать ложитесь. Я сама...

Она помогла им снять лоскуты бинтов, по очереди осторожно обтёрла их большим влажным и мягким полотенцем. Потом снова намазала обгоревшие места мазью.

- Намочите простыни тёплой водой, укутайтесь ими - и ложитесь. - Парни поплелись выполнять указания, вскоре со стонами и охами улеглись и быстро заснули.

А тётка вышла в тёмный уже сад и где-то за домом отыскала огромный металлический чан. Она долго драила его раствором пищевой соды, полоскала водой. Потом кое-как притащила его на освещённую веранду, возле поставила табурет, два ведра: грязное - для отходов, чистое - со свежей водой, подтянула к себе мешки с рыбой.

Она вспарывала рыбину, очищала её от внутренностей, обмывала в ведре, надрезала изнутри вдоль позвонка, расправляла лепёшкой, натирала крупной солью и укладывала в чан. Обильно пересыпала очередной слой рыб солью и снова укладывала новый слой распластанных рыб.

Когда весь улов был обработан, тётка встала, сладко потянулась. Вышла во двор и в темноте глубоко закопала в песчаную почву рыбью требуху. Потом она приготовила "рассол": круто посоленную воду, - вылила её в чан. Нашла в кладовой крышку от большого эмалированного бака, отмыла от пыли и накрыла улов, придавив его продолговатым валуном, который, видимо, для этой надобности и лежал у крыльца.

Когда тётка ложилась в кровать, на востоке уже занималась заря.

А парни спали беспокойно, просыпались по очереди, вставали, мочили высохшие простыни и, завернувшись, снова забывались тяжелым сном.

...Егору снилась рыбалка. Он стоит на берегу небольшой бурной речки с удочкой, ловко закидывает пустой крючок, на

который тут же клюёт рыба. Он её профессионально подсекает, но она раз за разом срывается в воду. Егор торопится её поймать, потому что за спиной разгорается пламя костра. Он постоянно оглядывается на него и видит, что огонь подбирается всё ближе, всё нестерпимее жжёт спину, плечи, руки, ноги. Отойти он не может и... просыпается.

Обожжённое тело даёт о себе знать.

Простыня снова стала сухой. Он кое-как поднялся с постели, намочил её в ванной и улёгся снова.

Встали они с Женькой, когда солнце поднялось уже высоко. Дома было тихо, тётка ушла на работу. На кухонном столе, накрытый вафельным полотенцем, стоял завтрак. Рядом - вчерашний горшочек с мазью. В записке тётка размашистым почерком отставила парням инструкции: съесть всё, что нравится, намазать тело мазью, на солнце не выходить ни при каких обстоятельствах.

Так они и провели этот день - в постели, да за едой из холодильника. Волдыри на обожжённых местах лопались, исходили влагой, всё тело зудело, а сгибы рук и ног, казалось, были сделаны из резины. У Егора смешно шелушился красный нос, за что Женька ехидно поддевал его репликами.

Они нашли в тёмной кладовой чан с засоленной рыбой.

Его трудно было не найти, ведь от него по всему дому распространялся рыбный аромат. Женька и нашёл его по запаху, включил в кладовой лампу, открыл чан, предварительно, вытащив камень, втянул в себя ароматный рыбий дух. Позвал Егора: посмотри, что тётка Алла с нашей рыбой сотворила!

Потом они лежали в постелях и мечтали о том, как будут дома есть вяленого леща, запивая пивом, угощая рыбой оторопевших от радости друзей и знакомых.

Ближе к семи вечера с работы вернулась нагруженная авоськами тётка. Она придирчиво осмотрела "раны" парней, снова намазала их чудодейственной мазью и принялась готовить ужин.

- Тёть Алла, а когда рыбу попробовать можно будет? - спросил её Егор. - Очень хочется попробовать!

- А какой сегодня день? - ответила она вопросом на вопрос.

- Вторник, - подсказал Егор.

- Так вот, раньше четверга к рыбе не подходите.

- Вот и я ему говорил, что дня три солиться будет, - вставил реплику Женька...

...Следующие дни они опять сидели дома: ели, валялись на своих лежанках. Или всерьёз занимались новым, но сразу понравившимся занятием: снимали с себя и друг с друга лоскуты отстающей кожи, под которыми открывался новый розоватый нежный кожный покров. Эта процедура вызывала у них разные ощущения. И если Женька "снимал" с себя сгоревшую кожу с молчаливым сопением, то Егор, отрывая от себя очередной клок, как-то жалостливо повизгивал и покрывался пупырышками.

В четверг вечером тётка зашла в кладовую, выдернула из-под гнёта одну рыбу, потянула её одной рукой за хвост, другой за голову. Раздалось лёгкое похрустывание. Она удовлетворённо кивнула головой и велела переместить чан с рыбой из кладовой в ванную. Там они вместе промывали каждого лещика проточной водой и складывали распластанные тушки в большую картонную коробку из-под телевизора.

Тётка принесла рулон бечевы. "Пойдёмте", - позвала она ребят в сад. Она ходила между плодовых деревьев и будто прислушивалась к чему-то. Парни молча следовали за ней.

- Здесь, - остановилась она возле старой высокой яблони.

- Что здесь? - не понял Егор.

- Сквознячок здесь, вот что. Здесь бечёвку натянем, рыбу вялить будем.

Она принесла бечеву и ножницы, отмерила расстояние от яблони до ствола другого дерева, по этой мерке отхватила ножницами от рулона пять отрезков. Потом вынула из кармана халата несколько кусков проволоки, прикрепила её к одному из

концов каждого отрезка бечевы. "Готово, - удовлетворённо произнесла она. - Давайте-ка рыбу на крыльцо."

И пока парни выносили из дому коробку, она застелила крыльцо старой чистой простыней. Распластанных лещей выложили ровными рядками на ткань. При этом тётка успела рассортировать их: тех, что крупнее - в один ряд, помельче - в другой.

- Теперь берите по старой газете и отгоняйте мух, - строго наказала парням. - Дело серьёзное, сядет муха на рыбу, отложит яйца - привет вашей рыбалке и всем вашим мучениям!

Егор с Женькой быстренько нашли в доме газеты, свернули их и принялись размахивать над своими рыбными богатствами.

Махали часа два, не подпустили ни одной мухи, хотя те, почуяв наживу, роились вокруг табунами. Солнце уже коснулось горизонта, когда тётка вышла из дома на крыльцо. Она потрогала одну рыбу, посмотрела на свет другую, понюхала третью: "Пойдёт".

Вынула из карманов мотки бечевы с проволокой на концах и начала ловко нанизывать на них рыбин, протыкая проволокой рыбьи глаза. "Помогайте", - кивнула парням. Те начали помогать. На четыре бечёвки насадили по двадцать рыб, на пятую - семнадцать.

Уже в плотных сумерках, подсвеченных из окон дома, они осторожно привязали бечевки с уловом к стволам выбранных деревьев - один ряд рыбин над другим.

- Ну, вот, - когда, наконец, закончили, устало произнесла тётка. - Ветерок рыбку обдувает, а мухи в темноте не летают. Теперь в дом идёмте.

Они поужинали. Во время еды тётка наставляла: "Рыба ваша - вы и ходить за ней будете. Вставать надо до рассвета и убирать её в коробку - в кладовую. От мухи прятать... А вечером, как стемнеет - снова вешать на улице. Если всё сделаете правильно, через неделю получится объедение!"

- Тёть Алла, а до рассвета - это во сколько? - уточнил Егор.

- Думаю, в начале четвёртого, - ответила тётка. - Поэтому, берите второй будильник. Да не проспите!

Будильник был заведен на четверть четвёртого утра, но парни так и не уснули, ворочались в постелях, по очереди поднимались, в темноте пытаясь рассмотреть стрелки часов. Когда небо на востоке посветлело, они были уже во дворе. Аккуратно сняли и уложили в коробку веревки с лещами, коробку потихоньку, чтобы не разбудить тётку, перенесли в кладовую. На всё ушло минут двадцать. И они снова улеглись спать с чувством исполненного долга.

Беда стряслась на второй день. Утром их разбудила тётка. Она, по обыкновению, поднялась в половине пятого утра и обнаружила, что парни проспали рассвет.

- Эх вы, засони, рыбу свою проворонили! - почти прокричала она, входя к ним в комнату. Парни подскочили, как по команде, мгновенно стряхнув с себя сон, кинулись на улицу, к своему улову.

Распластанные тушки рыб раскачивал лёгкий утренний ветерок, их спинки золотились в лучах утреннего солнца. Вокруг всего этого богатства роилось несколько ранних жирных мух.

- Вот, гады! - свирепо заорал на них Женька, размахивая руками, начал отгонять их.

- Быстро снимайте, - распорядилась вышедшая следом на крыльцо тётка. Они справились с этим в считанные минуты.

- Что же теперь будет? - завздыхал Егор. Женька тоже переживал, только молча.

- Узнаем через сутки, - деловито заявила тётка. - Если муха успела рыбу испортить, личинка примерно через день появится. Смотреть будем каждую рыбку. Может, что-то выкинуть придётся... Ладно, некогда мне, на работу надо собираться, - и она вскоре ушла.

А парням было уже не до сна...

Через день проявились результаты утреннего недосмотра. Это было в воскресенье утром. Рыба уже сняли до рассвета и упаковали в коробку до вечера. Но тётка велела принести коробку из кладовой на кухню и принялась внимательно по очереди разглядывать каждую рыбку. Она снимала их с бечёвки, осматривала от головы до хвоста, нюхала что-то под жабрами и плавниками. Потом раскладывала в две кучки. Одна кучка была побольше, другая - совсем маленькая. Лещ уже подвялился, мясо на нём отсвечивало аппетитной желтизной. У парней глаза горели, глядя на это гастрономическое богатство.

- Вот эту придётся выкинуть, - вынесла приговор тётка, показывая на маленькую - десяток рыб - кучку. Некоторые из них были крупными красивыми экземплярами.

- Да вы что! - начал было Женька. - Это же, какие труды?!

- А посмотрите сами, - живо откликнулась тётка. - Вы это есть будете?

Парни по очереди брали из маленькой кучки рыбу в руки, осматривали и брезгливо возвращали на место: они видели, как в желтоватом мясе вдоль разрезанных хребтов стремительно передвигались, то появляясь, то исчезая, белые ниточки - червячки...

- Вот же, гады, что с нашей рыбой сотворили! - бросив в кучку последнюю рыбу, воскликнул Женька. Теперь они полностью были согласны с тёткой.

Заражённую рыбу выкинули в мусорку, а оставшийся улов снова нанизали на бечеву и оставили в коробке до вечера.

"Битва за урожай" продолжилась с новым энтузиазмом. А дня через три тётка принесла с работы трёхлитровую банку пива:

- Забежала в кафе, - призналась она. - "Жигулёвское", свежее... Ну-ка, Егор, принеси нам из кладовой пару рыбок!

Егор - рад стараться - пулей слетал в кладовую, сдернул с бечевки двух лещей покрупнее. Когда вернулся на кухню, тётка уже разливала пиво по стаканам, а Женька глядел на неё влюблёнными глазами.

Потом они чинно сидели за столом, чистили порезанных на куски вяленый рыбёшек, закусывали пенный напиток ароматным, мягким, таящим во рту мясом.

Весело обсуждали рыбалку, которая принесла и улов, и кучу хлопот. Тётка с довольным видом поглядывала то на одного, то на другого. На её взгляд, они повзрослели за прошедшие дни, с лиц и тел сошла краснота, правда, вместе с кожей. Их покрывал тёмно-шоколадный загар.

- В общем, рыба ваша готова. Больше вялить не надо, а то станет как деревянная.

Она на мгновение задумалась:

- У меня же ещё одна новость, - хлопнула себя ладонью по лбу тётка. - Я же ваши билеты на самолёт сдала через знакомую в кассе. А вам купила билеты на поезд. На нём можно без паспорта ехать...

- Тетя Алла, как вы меня выручили! - Женька вскочил со стула и склонился перед ней в поклоне. - А на какое число?

- Да, ладно уж, - шутливо отмахнулась та. - В следующий раз документы на рыбалке берегите... А число то же, что было и на самолёт - через два дня.

Парни радостно переглянулись. Тётка начало проворно убирать остатки пивной вечеринки и собирать ужин.

Пара дней пролетела незаметно. И вскоре тётка провожала загорелых парней на поезд с капчагайского вокзала. При них были сумка, чемодан и два бумажных мешка с вяленой рыбой. Причём, рыбы в мешках было поровну, на этом принципиально настоял Женька.

Двое суток потом тащились они в жарком, забитом людьми вагоне. И все эти двое суток на них плотоядно поглядывали соседи по поезду: им не давал покоя рыбный аромат, растекающийся из перехваченных бечевой мешков, устроенных под нижними полками.

...Хмурым сентябрьским вечером десяток парней сидели вокруг стола в одной их комнат студенческого общежития. Стол был завален рыбьей чешуей, останками вяленных лещей, заставлен пивными бутылками, по большей части уже пустыми.

Душой компании были Егор и Женька.

Они по очереди взахлёб рассказывали подробности капчагайских каникул, основной главой которых была их солнечная рыбалка.

За границей дружбы народов

- Я это снимать не буду! Нет! Что я - больной!? Они же нам головы пооткручивают! - Виталий отпрянул от окна, за которым бушевала толпа разгоряченных молодых людей в черных кожаных куртках, штурмуя двери соседнего вагона.

Егор Чурсин с Виталием Кузьмицким ехали в пассажирском поезде Новокузнецк - Ташкент уже сутки и только что пересекли российско - казахскую границу. Когда отъезжали от Локтя - последней станции в Алтайском крае, проводники забегали по составу, готовясь к худшему. Начальник поезда Василий Иванович - невысокий, полноватый с седыми висками, выбивающимися из-под форменной фуражки, заглянул к ним в купе пустого резервного вагона, тревожно вздыхая, сказал:

- Скоро начнётся! Вы уж не высовывайтесь, на всякий случай. Мы ваш вагон открывать не будем, пассажиров сюда не пустим. Но, на всякий случай...

- А как же договор? - напомнил Егор. - Мы же по заказу дороги едем. Должны снять, как варвары из ближнего зарубежья разбивают российские поезда...

- Парни, вы о здоровье и безопасности прежде думайте! - перебил его начальник поезда. - Ну, не снимите, и ладно, главное, чтобы головы были целы.

- Что, неужели так серьёзно? - спросил, улыбаясь, Виталий.

- Сами всё скоро увидите. Скоро... - и он отправился в "голову" состава.

...Виталий Кузьмицкий с Егором Чурсиным согласились поехать в эту командировку после встречи с начальником региональной железной дороги, который пригласил их, журналистов первого в области независимого канала телекомпании "Агентства информации "Копейка", который появился всего-то несколько месяцев назад, но уже завоевал высокий рейтинг у телезрителей.

На календаре было начало сентября 1992 года. Уже отметили первую годовщину неудавшегося "путча ГКЧП" и Беловежских соглашений, похоронивших Советский Союз. Все советские республики стали вдруг независимыми. Казахстан не был

исключением из этого правила. А бывшие "окраины СССР" воспылали ненавистью ко всему российскому, обвиняя во всех своих проблемах.

"Копейка" появилась на телеэкранах как альтернатива первому и второму официальным общесоюзным каналам. Других в то время ещё не было. Новый телеканал начал работать в регионе неожиданно, безо всякой предварительной рекламы - "раскрутки", как сказали бы теперь. Но народ его сразу заприметил, люди начали терпеливо ждать его вечерних передач, которые резко отличались от царящих в эти дни на федеральном телевидении двух крайностей - тошнотворного официоза и "поливания" грязью недавней жизни в СССР.

В "Копейке" ничего и никого грязью не поливали. Его телеведущие Виталий и Егор играли на экране роль этаких свободных журналистов, не примкнувших ни к одной из партий или думских фракций. Их девизом было: никакой политики. Они просто хохмили и чудачили, ездили по отдалённым районам, находили там талантливых людей: поэтов и музыкантов, художников и священников, крестьян и рабочих, ученых, профессионалов любого ремесла, интересные творческие коллективы, - и подробно, с явным удовольствием рассказывали о них. При этом прямо в кадре - парились с ними в бане, чистили картошку на ужин, купались в реке, копали огород, убирали снег, читали Коран. Это было так живо, жизненно и необычно, что люди настраивали телевизоры "на них", как только Виталий своим хрипловатым, а Егор вкрадчивым голосами начинали очередную передачу...

Начальник железной дороги пригласил их в свой кабинет и попросил: "Помогите!" Этот высокий черноволосый красавец в темно-синей с иголочки форме с золотистыми звездными нашивками на рукавах предложил популярным тележурналистам бесплатное путешествие в поезде в ближнее зарубежье - за счёт Министерства путей сообщения. В ответ они должны были сделать передачу о творящемся в этом самом зарубежье полном беспределе: поезда с российской территории в республики Средней Азии уходили, надраенные, блестя стёклами вагонов, а возвращались обратно с разбитыми окнами, поломанными дверями и полками, избитыми проводниками.

- С этим надо что-то делать! - удручённо говорил начальник дороги. - Мы несём огромные убытки, люди не хотят идти в рейсы, увольняются, а руководство страны не принимает мер. Тут нужны

меры международного плана, - горячился начальник. - Ваш фильм должен дать им понять, что нам самим с этим беспределом не справиться!

Договорились, что они выезжают на следующей неделе. В их полном распоряжении будет купе в резервном вагоне, где нет пассажиров, а отдыхают проводники, свободные от смены. Первые сутки они ехали тихо-спокойно. По очереди снимали на камеру порядок в вагонах, пейзаж за окном, четкую работу проводников. Записали небольшое интервью с начальником поезда, несколько реплик пассажиров, которые ехали, в основном, в гости к проживающим в Казахстане или Узбекистане родственникам, которые теперь оказались за границей.

Перед сном хорошо поужинали, присовокупив к домашним закускам бутылочку "белой". Язык Виталия, что называется "развязался", он говорил, как всегда, без умолку, перескакивая с одной темы на другую. Диалогов Виталий не любил. Про эту его особенность среди знакомых работников "пера и микрофона" даже ходила шутка: если едешь в командировку с одной машине с Виталием, радио можно не включать...

Такой уж характер: ему всегда нужны были свободные "уши", и эти уши в купе были. Егор, зная эту слабость товарища, изредка вставлял реплику, а больше - просто поддакивал, да кивал головой. Ему нравился коллега по профессии, казалось, тот за товарища готов отдать последнюю рубаху...

А утром они переехали эту самую российско - казахскую границу. Никаких пограничных пунктов тогда ещё не было. И границу пересекали свободно, безо всяких задержек.

Первая станция на казахской земле называлась Аул. Подъезжая к ней, машинист дал протяжный гудок, и так резко затормозил состав из двенадцати вагонов, что Егор с Виталием едва удержались на ногах. Они буквально прилипли к открытому в коридоре окну, пытаясь увидеть и даже снять на видео то, что будет происходить на перроне. Для этого Виталий включил и настроил небольшую видеокамеру формата Video Home Sistem. Таким недорогим, начавшим входить в обиход, оборудованием была укомплектована их компания.

А их поезда дожидалась на перроне толпа местных жителей. В основном, это были молодые парни с раскосыми глазами, одетые все

как один в черные кожаные куртки. Толпа волновалась, размахивала руками, со всех сторон раздавались громкие выкрики. Виталий, осторожно высунув в окно объектив камеры, начал снимать. Они видели, как проводник соседнего вагона Олег, у которого они вчера брали интервью, пытается что-то объяснить наседавшим на него парням, загораживая вход в вагон. Как его медленно оттирают от входа, окружают со всех сторон и начинают бить по лицу, по груди и спине. В воздухе мелькают кулаки, в руках нападающих появляются железные пруты. Раздается звон разбиваемых окон, в том числе в их резервном закрытом пустом вагоне. Слышны выкрики:

- Это наша земля!

- Это наша страна!

- Нам не нужны билеты на ваш вонючий российский поезд!

- Нам надо ехать, и мы поедем!

Местные штурмовали вагоны, по одному просачиваясь внутрь. Виталий с Егором заметили, что некоторые из нападавших начали присматриваться к закрытым дверям и их вагона. Вот тогда Виталий громко зашептал:

- Я это снимать не буду! Нет! Что я - больной!? Они же нам головы пооткручивают!

Он отпрянул от окна, за которым бушевала орава молодых людей, желающих уехать, во что бы то ни стало. Егор осторожно закрыл окно. И они медленно отступили в своё купе, заперев дверь на замок.

Из коридора слышались удары и звуки разбитых стёкол, гул волнующейся толпы.

- Что будем делать, если они в наш вагон полезут? - спросил Виталий, испуганно глядя на Егора. Тот вместо ответа только развёл руками.

В ту же минуту раздался длинный гудок электровоза, состав дёрнулся и двинулся с места, медленно набирая ход. Крики на улице вначале усилились, потом начали ослабевать. Наши притихшие путешественники сидели в купе, боясь высунуть нос. Минут через десять в дверь постучали. Парни переглянулись, Виталий поднес палец к губам. Через несколько секунд послышался скрежет ключа о замок, дверь начала открываться и... на пороге стоял начальник

Василий Иванович. Вид у него был взъерошенный: форменная фуражка сбилась на затылок, из-под неё торчали всклокоченные волосы, галстук сдвинут на сторону, ворот белой рубашки надорван.

- Ну, что, видели?! - почти прокричал он, ещё не отойдя от недавней схватки. - Опять всё разбили, билетов ни у кого нет! Шестерых проводников избили... Понабились в вагоны. До Семипалатинска будут ехать или до Аягоза. И никакой тебе милиции! Кому нужна такая работа? Независимость, мать её! Почти тридцать лет на "железке" служу, никогда такого не было...

- Да, мы видели, - перебил его Виталий.

- Даже пытались снимать кое-что, - добавил Егор. - Посмотрим, может, что и удалось зафиксировать.

- Рисковые вы ребята! А если б они вас заметили? Могли побить, а камеру вашу - в утиль, - горячился начальник.

- Не заметили, - успокоил Егор. - Что же теперь с пострадавшими делать будете?

- Думаю, в этом вагоне лазарет устроить. Пойду до фельдшера, посоветуюсь. - шмыгая носом, ответил Василий Иванович.

- Давай пройдёмся по вагонам, - предложил Виталию Егор, - будто обычные пассажиры, посмотрим на этих парней.

- Хочешь - иди один. Я не пойду, - Виталий прятал глаза от товарища. - Чего на них смотреть?

- Ладно, сиди, - Егор похлопал его по плечу, - скоро вернусь.

Он вышел в коридор. Под ногами захрустели стеклянные обломки, в разбитые окна врывался степной ветер. В одном из соседних купе, куда заглянул Егор, обрабатывали синяки и ссадины трём пострадавшим проводникам. Как выяснилось позже, у ребят оказались сломанными несколько рёбер.

Он открыл специальным ключом двери тамбура, прошёл через него, тщательно закрыв за собой замок.

Егор медленно двигался по до отказа заполненным вагонам. Молодые люди с восточной внешности, в кожаных куртках заполнили все нижние полки, потеснив пассажиров с билетами. Те испуганно жались друг к другу, украдкой поглядывая на непрошенных хозяев независимой республики.

"Хозяева" вели себя развязано: громко что-то обсуждали на родном языке, громко хохотали своим шуткам и вызывающе поглядывали на остальных пассажиров. Кое-кто даже курил, выпуская в потолок клубы дыма, а замечание сделать было некому.

Вагон качнуло и Егор, пытаясь удержать равновесие, споткнулся о чьи-то выставленные в проход ноги. Владелец ног в скрипучей кожанке тут же вскочил на ноги, надвинулся на него, принимая боксерскую стойку. Егор начал извиняться, прижав руку к сердцу. Обиженный молодчик толкнул его в плечо и, повернувшись к своим, сказал им что-то. Те громко заржали, с презрением глядя на Егора. Он развернулся и направился к себе.

...К середине вторых суток проехали Капчагайское водохранилище, раскинувшееся широко - на десятки километров. На краю горизонта белели снеговые вершины гор. Казалось, что они висят в прозрачном воздухе, лишенные всякой опоры. Просторы открывались такие, что дух захватывало. Состав на пару минут "тормознул" на станции "Капчагай", и Егор во все глаза смотрел на знакомые места, куда он приезжал не раз - в гости к родственникам его жены Галины. Дядя Вася и тётка Алла уже много лет жили здесь в здесь в небольшом городке. Он работал слесарем на местном рыбзаводе, она - штукатуром-маляром на Капчагайской ГЭС.

Приезжали сюда Егор с Галиной в летние месяцы - вначале вдвоём, а потом и с сыном. Это было в благословенные годы студенчества и в первые годы его работы в редакции городской газеты. Дешёвые билеты, обилие недорогих фруктов, море и солнце - чего было ещё желать им, молодым отпускникам на свои доходы?!

Но поездки в Казахстан пришлось прекратить: жизнь не только в стране, но и во многих семьях пошла наперекосяк. Катастрофически стало не хватать денег. А после начался полный развал. Страна на удивление быстро разбежалась по национальным квартирам, и ездить в ближнее зарубежье вообще стало небезопасным. Галина иногда созванивалась с родными в Капчагае или изредка отправляла им письмецо.

А тут репортёрская работа снова привела Егора в знакомые места, вызвав приступ сильнейшей ностальгии...

- Слушай, Виталий, - осенила Егора идея. - А что, если мы с тобой "тормознёмся" здесь на пару дней у моих родственников? Хочешь? В море искупаемся, фруктов поедим!

- Конечно, хочу! А как это, - тут же встрепенулся Кузьмицкий. - Объясни ход мыслей...

Егор сбивчиво и торопливо начал выкладывать внезапно пришедший план.

Сейчас, говорил он, мы доедем до конечной точки маршрута - Ташкента. Поедем с этим поездом назад. А на станции "Капчагай" сойдём. Погостим здесь у родственников пару дней. А потом сядем на следующий поезд из Ташкента до Новокузнецка. Туда поезд идёт по чётным числам, обратно - по нечётным. Так что, не ошибёмся.

- А нас на него посадят? - недоверчиво спросил Виталий.

- Так мы через Виктора Ивановича передадим нашу просьбу. Думаю, нас поддержат. Скажем, решили "углубиться" в изучение проблемы, чтобы фильм вышел колоритнее...

На вокзале в Алма-Ате состав стоял минут сорок. На улице вовсю светило жаркое полуденное солнце.

Наши путешественники прошлись вдоль вагонов, по очереди делая кадры пустых оконных глазниц и пробитых в стекле дыр, опутанных паутиной трещин, записали короткие эмоциональные мнения пассажиров-очевидцев и пострадавших проводников о хулиганском налете на состав. Удалось даже взять интервью у машиниста, который очень переживал за техническое состояние поезда.

Потом поснимали привокзальную площадь. Но особо радовали Егора панорамы ослепительно блистающих горных вершин - они вплотную подступили к столице Казахстана. Егор установил камеру на штатив, присоединил микрофон, и они с Виталием записали на видео так называемый "стендап": дуэтом подробно поделились в кадре своими впечатлениями о первой части путешествия.

До конечной точки оставалось ехать несколько часов. Этот отрезок пути прошёл без приключений. На земле Узбекистана никаких эксцессов не произошло. И в Ташкент они прибыли в первой половине дня.

Василий Иванович объявил журналистам, что "стоять будем четыре часа": состав поставят на запасной путь, за это время поездная бригада проверит техническую часть, получит продукты для вагона-ресторана, постельное бельё, сделает уборку в вагонах, может быть, наскоро "залатает" разбитые окна.

Они вышли в город налегке, взяв с собой только камеру и штатив. Большая привокзальная площадь неприятно удивила: ветерок гонял по ней обрывки газет, под ноги то и дело попадали огрызки яблок, корки арбузов и дынь. В горячем воздухе носились запахи плавящегося под солнцем асфальта и дыма древесного угля, на котором где-то поблизости готовили еду.

Небольшое "стадо" из "жигулей" и "москвичей" было припарковано поблизости от вокзала, их владельцы громко зазывали клиентов прокатиться по городу. Виталий, было, сунулся к ним, но, узнав цену, сказал Егору: "Лучше ножками походим!"

Они запечатлели здание вокзала, большие часы, которые украшали вход. А потом недалеко обнаружили станцию метро.

- Слушай, а давай устроим путешествие под Ташкентом, - предложил Егор. - Испытаем местное метро...

В подземном переходе на ближайшую станцию внимательно изучили общую схему метрополитена: станций было немного, все они располагались на двух ветках - синей и красной.

- "Ташкентский метрополитен имени Ленина", - прочитал Егор вслух выполненную большими золотыми буквами надпись на стене. В кассе принимали российские рубли, в обмен на которые им выдали жетоны для прохода через турникет.

Они попали на платформу станции "Ташкентская". Сама станция была неглубокой, выглядела грязновато, темновато и малолюдно, однако отделана была довольно красиво, с вычурной вязью - мозаикой восточных узоров на стенах и потолке.

Только Егор начал расставлять треногу штатива, как к ним подошёл взявшийся ниоткуда милиционер, козырнул и вежливо предупредил на чистом русском, что снимать в метро запрещено. Виталий с Егором многозначительно переглянулись и заторопились на посадку.

Они ехали в электричке подземки, которая ничем не отличалась от тех, что ходят в Московском метро. Разве что здесь было больше пассажиров с восточным типом лиц. Зато некоторые станции носили привычные названия - "Комсомольская", "Пушкинская", "Дружбы народов". На стенах этой последней красовались гербы всех пятнадцати - еще совсем недавно - союзных республик, на равных входящих в СССР.

- Да, тут им ещё многое предстоит переименовать, - заметил Виталий. - Добавить национального колориту...

Катанием в метро их знакомство с Ташкентом и закончилось. На одной из остановок они вышли и вернулись назад. На привокзальной площади съели по большой порции вкусной наваристой шурпы, которую тут же громко нахваливал ошпаз, что по-узбекски значит "повар". И пошли искать свой поезд...

Через сутки, следующим вечером, Кузьмицкий и Чурсин сошли на станции "Капчагай". С тех пор, как Егор был здесь в последний раз, мало что изменилось. Небольшой станционный вокзал по-прежнему был украшен вывеской "Магазин. Бакалея-Гастрономия". Кроме этого здания в округе больше не было ничего примечательного. Повсюду, куда хватало взгляда, все также простиралась бескрайняя унылая степь, перемежаемая редкими чахлыми сухими кустиками. Вечернее солнце ещё припекало.

По знакомой Егору тропинке они направились в город. Он вскоре открылся им в низине - кварталами пятиэтажных домов и зеленью садов частного сектора. У берега бескрайнего водохранилища, отметил Егор, на воде не видно привычных раньше белых парусов яхт, сигарообразных тел судов и судёнышек. Эта непривычная пустота на рукотворном море его неприятно поразила.

Он легко шагал впереди Виталия, неся в одной руке сумку с вещами, в другой - кофр с видеокамерой, за спиной висел одетый в чехол штатив. Зато руки Кузьмицкого вообще были свободны, а за его спиной покоился огромного размера рюкзак, с которым он не расставался ни в одной из командировок.

Об этом рюкзаке среди коллег-журналистов ходили настоящие легенды. Чего только в нём не было. Однажды летом, роясь в чреве своего необъятного "хранилища", Виталий извлёк на свет валенки. "Никогда не знаешь, что и где может вдруг пригодиться", - вслух

философски рассудил он в ответ на немой вопрос товарища. Поэтому Егору иногда очень хотелось заглянуть внутрь знаменитого рюкзака, но Виталий бдительно охранял свою "святыню".

Егор хорошо знал дорогу, поэтому они довольно быстро оказались перед серой крупнопанельной пятиэтажкой, где в однокомнатной квартире жили родные Егоровой жены. Когда-то они жили в небольшом, но уютном домике, который стоял посреди яблоневого сада. Егор помнил, как приезжая в гости, едал здесь свои - с сада-огорода - фрукты и овощи, вкуснее которых ничего не было. Однако местные домостроители добрались до этого зеленого уголка в жарком степном городе. Деревянные дома снесли, на их месте возвели каменные многоэтажки, в каждом - по нескольку подъездов. В народе такое жильё давно окрестили "хрущёвками". В них и переселили бывших владельцев капчагайских садов.

Подойдя к нужному подъезду, Егор окинул взглядом фасад дома. И вновь его неприятно поразило, что многие окна выглядят сумрачно и неухожено, будто квартирах никто не живёт. Хотя он знал, большинство квартир занимали офицеры советской армии со своими семьями. В вечернем воздухе двора не слышался, как раньше, гомон детских голосов. Лавочки возле подъезда были пусты.

В тускло освещенном подъезде стояла непривычная для раннего вечера тишина: Егор припоминал, как раньше почти из-за каждой двери доносились звуки телевизоров или голоса хозяев.

Они поднялись на третий этаж. Егор вначале не узнал входную дверь. Он хорошо помнил, что раньше это была обычная деревянная дверь в квартиру. Теперь же вход был закрыт крепкой металлической дверью. Он трижды коротко нажал кнопку звонка. В ответ не раздалось ни звука. Несколько минут они стояли на лестничной площадке в полной тишине, молча переглядываясь. Потом за дверью что-то звякнуло и голосом тётки Аллы спросили:

- Кто там?

- Тёть Алла, это я, Егор! - буквально крикнул он, облегчённо выдохнув: слава Богу, хозяева дома. Ведь заехали-то они в гости, никого не предупредив.

Но второй тёткин вопрос насторожил его:

- Какой Егор? Мы никого не ждём...

- Я - Егор, муж Галины. Вам от неё большой привет! Вы, что, совсем забыли нас?

За дверью зашебуршало, и она слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой. В образовавшейся щели показался большой "мужской" тёткин нос и один её недоверчивый глаз. Впрочем, тут же дверь широко распахнулась:

- Господи, Егор! - тётка в ярком цветном домашнем халате шагнула за порог, крепко обняла Егора, чмокнув в щёку. Пополнела, отметил Егор, незаметно оглядывая её, добавилось седины в коротко стриженных волосах.

- Васька! - оглянувшись, крикнула она. - Да, иди же сюда! Посмотри, кто к нам приехал!

Из квартирного нутра раздавался тихий звук работающего телевизора. Через несколько секунд на пороге возник сам хозяин - дядя Вася. Егор тут же узнал его лицо кирпичного - от загара - цвета, украшенное будто бы вывернутыми наизнанку большими губами, из которых торчала недокуренная "беломорина". Но особой приметой у дяди Васи были его усы. Большие, как у маршала Семена Будённого. Только, отметил про себя Егор, их концы, раньше всегда закрученные по боевому, теперь безвольно свисали вниз, придавая необычность его обритой налысо шишковатой голове. Невысокого роста, поджарый, он был одет в наутюженные брюки, перехваченные на впалом животе кожаным ремнём, и рубашку с закатанными рукавами.

- Ха! - сказал он. - Здорово, Егор! Какими судьбами? - он долго мял Егорову ладонь своими крепкими узловатыми пальцами.

- А это кто с тобой? - наконец увидели они, что Егор не один.

- Это - мой товарищ-коллега Виталий Кузьмицкий. Вместе работаем на телевидении, - представил он своего спутника.

Тот опустил глаза в пол, нахмурился от смущения. Потом, вложив в свой голос с хрипотцой как можно больше задушевности, произнёс:

- Мы ненадолго к вам, если можно? Всего на пару дней. Постараемся не утомить...

- Да что же мы стоим!? - всплеснула руками тётка. - Проходите, гости дорогие!

- Давай, давай! - добавил дядя Вася и посторонился, пропуская парней.

Тётка Алла быстро собрала на стол. Крупно накромсала хлеб, налила гостям по большой чашке борща, нарезала тонкими ломтиками колбасу, вкусным рыбьим запахом пахнуло от кусочков солёного жереха. Появились на столе и традиционные овощи - помидоры, малосольные огурчики, болгарский перец.

- Только выпить нечего, - вздохнула она. - Уж не обессудьте…

- А это мы сейчас поправим! - успокоил хозяев Виталий и направился в коридор к своему чудесному рюкзаку. Он долго рылся в его необъятном чреве, изредка отстраняясь от него и о чём-то раздумывая, потом снова нырял в его нутро. Наконец, удовлетворённо отдуваясь, извлёк на свет поллитровку "беленькой" и подал её дяде Васе: "Прошу!".

Все сели за стол, выпили, закусили. Потом - выпили ещё по одной. Гости, к удовольствию хозяйки, нахваливали борщ. Разговор пошёл побыстрее. Егор с Виталием рассказали, как они оказались здесь. Поинтересовались у хозяев, почему так быстро сходит на нет то, что ещё недавно именовалось нерушимой дружбой советских народов.

Тётку будто прорвало, видно было, что у неё накипело из-за всех этих событий. Дядя Вася поддакивал, да изредка вставлял реплики. Они поведали, что их Капчагай покинули военные российского гарнизона. А в их доме проживало много семей офицеров - теперь все они выехали, бросив жильё и даже мебель и другие пожитки. Их квартиры стоят пустые. И их нередко грабят расплодившиеся банды из местной молодёжи - ломают замки, выбивают стёкла.

Часть пустых квартир заняли семьи местных. "Захватили", - подчеркнула тётка, а власти не имеют к этому никакого отношения, пустили всё на самотёк.

- На работе - тоже неладно, - вздыхала она. - На нас, российских, местные стали смотреть искоса. Хоть у нас, на гэсе, хоть у Васи на заводе.

- Ага, именно так, - подтверждал дядя Вася, разминая очередную папиросу.

- Говорят, что мы - захватчики, что Россия много лет выкачивала отсюда все богатства. Многих наших увольняют с работы, особо тех, кто занимал хоть маломальскую должность. Люди теряют работу и уезжают в Россию, - распалившись, вещала тётка. - Много наших уже уехало. А уже потом из России пишут, что и там они тоже никому не нужны, маются по чужим углам, без жилья, без работы... Как же так, Егор? - с болью в голосе спрашивала она, - Мы тут десятки лет живём, честно работаем. У Васи среди местных столько друзей было! Сейчас никого нет, отвернулись, будто мы бандиты какие...

- Мы и сами начали подумывать: переехать в Россию, - развёл руками дядя Вася. - Только бригадир на заводе всё останавливает - уедешь, кто работать будет?!

- У Васи - руки золотые! - тётка с гордостью взглянула на мужа. - На нём весь завод держится.

- Ладно, не перехвали, - отмахнулся дядя Вася. Но по его довольному виду было ясно, что он согласен с её словами.

- Дочки наши с внуками отсюда уже уехали, - горестно продолжала тётка. - Скучно нам без них, прям, сердце разрывается...

Обычно разговорчивый, Виталий притих от этих откровений.

- Может, вам тоже подумать, да и махнуть в Россию? - предложил Егор.

- Да мы уж по-всякому прикидывали, - выпустил дым в потолок дядя Вася. - Тут у нас работа, дом. А там - что? Кто нас ждёт? Кому мы нужны?

- Если б квартиру здесь нормально продать, то там можно было бы купить! А так, - подхватила тётка Алла. - Здесь все, кто уезжает в Россию, квартиры или просто бросают, или продают за такую цену, что хватает только заплатить за отправку железнодорожного контейнера с вещами... А жить где и на что? А если Россия нам пенсии не даст? - она подперла руками голову и неподвижно сидела за столом, уставившись в одну точку, будто в ней сходились все нити приключившихся нынешних бед.

- Бросила нас Россия, - вздохнул дядя Вася, яростно гася папиросу в полной окурков пепельнице. - А "эти" - ходят по нашим квартирам, стращают, не уедите - хуже будет! Ходите, мол, по нашей земле и оглядывайтесь... - он вновь потянулся к пачке с папиросами.

- Ты бы не курил так много, Вася, а то сильно кашлять начал.

- Верно, давайте лучше выпьем за то, чтобы все ваши беды сгинули, - Виталий поднял свою рюмку.

...На следующее утро гости проснулись, когда солнце стояло уже высоко. В квартире никого не было - хозяева ушли на работу. Места в однокомнатной квартире было немного, поэтому тётка постелила им на полу. Жестковато, конечно, но спали они - после поездки и позднего застолья - крепко.

Тетка написала им записку про завтрак и обед - на столе и в холодильнике, советовала сходить на рынок и на море - искупаться. В Сибири-то купальный сезон давно завершился, а здесь вода была ещё тёплой – купайся, сколько влезет.

Они поели. Потом поспорили: надо или нет брать с собой на прогулку видеокамеру. Виталий горячился и предлагал поснимать жизнь городка на видео. Более осторожный Егор настаивал на том, чтобы просто прогуляться, оценить, так сказать, обстановку, а там видно будет:

- Ты вспомни, как они поезд штурмовали! Как бы и нам не накостыляли, да ещё казённое оборудование угробим...

Решили просто погулять.

На улицах Капчагая в этот будний день было немноголюдно. Они шли по прогретому солнцем асфальтовому полотну дороги в сторону местного рынка, крутили головами, осматривая окрестности. Этот заграничный город внешне мало чем отличался от своих российских собратьев: такие же дома, знакомые названия улиц, одинаковые автомобили изредка проезжали по шоссе. Попадались редкие прохожие, которым до них не было дела.

Слева от дороги - вдалеке - блестела гладь водохранилища, водная ширь уходила за горизонт, а над горизонтом снова парили, переливаясь на солнце, далёкие снеговые вершины гор Заилийского Алатау. Справа тянулись кварталы светло-серых панельных пятиэтажек. Большинство из них появилось здесь, видимо, в самом конце 1980-х годов, потому что Егор не припоминал этих домов с момента последнего отпуска, проведённого здесь ещё в советские времена.

Рынок начинался прямо от края дороги. На него указывали символические ворота - два закопанных в песок столба, да горки дынь, арбузов, болгарского перца, помидор, яблок, разных других овощей и фруктов, возвышающиеся прямо на песке утоптанной площадки. Возле каждой горки сидел на корточках продавец и, завидев покупателей, вскакивал на ноги и принимался нахваливать свой товар.

Егор отметил, что покупателей почти не видно. Раньше, бывало, даже в будние дни здесь толклось немало разного люда: торговались, приценивались, вели бесконечные разговоры. Сегодня они были едва ли не единственными посетителями, поэтому внимание к ним было повышенное.

- А что, парни, откуда к нам в Казахстан приехали? - спросил их высокий мужчина лет сорока, с плоским тёмным лицом, обрамлённым коротко стриженными чёрными волосами. Его голова была увенчана круглой плоской матерчатой шапочкой-тюбетейкой. Поверх не очень свежей на вид светлой рубахи был накинут длинный цветной распашной халат, шаровары были заправлены в короткие кожаные сапожки тёмного цвета. Он стоял рядом с довольно высокой кучей золотистых круглых дынь сорта колхозница.

Виталий сразу остановился, с интересом разглядывая аборигена:

- А вы-то сам - местный? - ответил Кузьмицкий вопросом на вопрос.

- Я-то из Каскелена. Не так и близко отсюда, - откликнулся высокий. - Но вы, я чувствую, ещё дальше живёте?

- Мы из России, из Сибири, - Виталий думал, что удивит продавца. однако тот лишь с усмешкой поглядывал на них.

- Ну и как там, в России? Тоже, поди, с работой проблемы? У нас в Каскелене за последнее время лучше не стало. Вот и езжу сюда, дыню продаю.

- У вас же там крупнейший в Средней Азии рынок, - вспомнил Егор. - Я там бывал - не протолкнуться…

- Да не всё же у нас с рынком связано. Завод наш вот остановился. Сказали - временно. Только я думаю - надолго. Такая страна развалилась! Да что страна, люди на глазах меняются... А жить

как-то надо. На каскеленском рынке тоже продавцов стало больше, чем покупателей. Да и знают меня там все, торговать дома - душа не лежит. Вот и езжу по городам, дыню продаю. Берите! Сладкая - сам выращивал! Продам недорого...

Взяли дыню, не торгуясь. Она золотилась упругой корочкой, распространяя аромат спелости.

- Куда теперь? - спросил Егора Виталий.

- Давай - на море, - ответил тот, не задумываясь. - Уверен, вода ещё теплая.

Путь до берега был неблизкий. Перешли через шоссе, миновали короткую тенистую улочку частного сектора. За последними садами все шире открывалась песчаная равнина с кустами-колючками и пучками засохшей травы. Они шли по ней минут сорок. Песчаная колея привела прямо на пляж, при этом колея уходила прямо в воду, её очертания размывались набегающими на берег мелкими неторопливыми волнами. Ветерок с моря едва дул. Ровная водная гладь водохранилища уходила за горизонт. Бесконечная береговая линия была пустынна, людей не было видно.

Егор снял кроссовки, носки и тронул воду ступней.

- Парное молоко, - отметил с удовлетворением.

Только после этого Виталий начал стаскивать с себя футболку. Они разделись на влажной кромке песка. Дыню Егор прикрыл джинсами, чтобы не бросалась в глаза. Он пошёл в воду первым, Виталий, будто нехотя, следовал за ним.

Песчаное дно было мягким и полого уходило в воду. Они долго брели всё дальше от берега в поисках глубины. Наконец, когда вода достала до пояса, Егор нырнул. Виталий - за ним.

Егор плавал так себе, проплыв немного, он встал на ноги и начал плескаться в невысоких прозрачных волнах. А Виталий, уплывая всё дальше, грёб то обыкновенными саженками, то переходил на баттерфляй, выбрасывая тело над водой. Он заплыл так далеко, что Егор едва видел его макушку. Потом Виталий перевернулся на спину, лежал на воде, отдыхая...

Егор уже с час валялся на песке, капли воды на его худощавом теле высохли. Он жмурился от яркого солнца, лучи которого

проникали прямо под веки, успел даже вздремнуть, пока, наконец, рядом с ним примостился Виталий.

Егор привстал на локте:

- Эх, дыньку бы попробовать, да резать нечем...

Виталий ухмыльнулся, потянулся к своим джинсам и достал из заднего кармана небольшой плоский перочинный нож.

- Ну, ты - гений! - восхищенно отреагировал Егор. - Давай, я её покромсаю.

Дыня была сладкой, словно мёд. Они в несколько минут расправились с ней. Посидели, мечтательно глядя на водную даль, и снова решили окунуться.

...Солнце склонилось к западу, когда они покинули, наконец, пляж. Усталость от купания приятно отдавалась в мышцах. Они неторопливо миновали равнину, добрели до первых одноэтажных домов, скрываемых в зелени плодовых деревьев. У ближайшего к ним забора, где начиналась узкая улочка, сидела на корточках кружком группа местных парней - шесть-семь человек. На вид им было лет по восемнадцать-двадцать. Они "гоняли" по кругу толстую самокрутку, по очереди основательно прикладываясь к ней, прикрывая от видимого удовольствия глаза и выпуская дым через ноздри, лениво перекидывались короткими фразами на родном языке.

Егор с Виталием попытались пройти мимо них на улицу, но когда поравнялись с ними, один из парней, невысокий, худой, коротко стриженный, вскочил на ноги, схватил Егора за руку, сильно и резко дёрнул на себя.

- Куда? А ну, стойте! - крикнул он по-русски, а парни громко заржали. Егор едва не упал в самую середину их круга, но всё равно оказался там, сделав по инерции несколько шагов. Он растерянно смотрел на них сверху вниз, а они даже не поднимали на него глаза.

- Может, забьешь с нами "косячок"? - один из них протянул ему самокрутку.

- Не, не курю, - отмахнулся Егор.

- А может, брезгуешь? - спросил предлагавший. - Приехал к нам и нами брезгуешь?!

- Да не курит он, правду говорит, - подал охрипший от волнения голос Виталий.

- А тебя не спрашивают, - сказал стриженный. - И куда же мы, такие деловые, идём? - прохрипел он, передразнивая Виталия. - Кто вас сюда, к нам, пригласил? Вам что, на родине места мало?!

- Но ведь у вас свободная страна! Поездка в неё не запрещена, - осторожно ответил Егор. - Вы тоже можете к нам свободно приехать. Даже будем рады...

- Да бывал я у вас и не раз, - ощерился стриженный, - живете лучше нашего. А за счёт чего? За счёт наших богатств, нашего мяса, рыбы! Не будет больше такого, поняли?!

- Ладно, тебе, Жамиль, плюнь на них. Пусть идут. Держи лучше, - протянули стриженному самокрутку. Егор ощутил незнакомо-сладковатый запах её дыма.

Жамиль глубоко затянулся, задержал дыхание и выдохнул дым через ноздри прямо в лицо Егору. Тот задохнулся, закашлялся, руками разгоняя дымное облако, и шагнул за пределы живого круга. Они с Виталием быстро рванули вдоль по улочке под несущийся им вслед гогот молодых курильщиков.

С дядей Васей они столкнулись прямо возле подъезда дома. В каждой руке дядя Вася держал по большому бумажному мешку.

- Парни, хорошо, что я вас встретил. Ну-ка, помогите, - он отдал им мешки и облегченно вздохнул.

- А что здесь, дядь Вась? – переводя дыхание, спросил его Егор.

- Так рыба же, копчёная. Объедение! В заводском магазине взял - вам подарок, - дядька с довольным видом похлопал Егора по спине. И пока они поднимались по ступенькам на свой этаж, Виталий на ходу нетерпеливо заглянул в свой мешок, вытащил за хвост крупного золотисто-коричневого копченого леща.

- Это ж обалденная вкуснятина! - охнул он. - Ты когда-нибудь ел что-нибудь подобное?! - он не отрывал восхищенного взгляда от рыбы.

- Я-то как раз ел, - успокоил его Егор. - Знаю вкус этого чуда местной гастрономии...

По квартире тоже распространялся вкусный запах: тётка Алла на кухне готовила ужин - настоящий, праздничный. Дядя Вася велел им вынести мешки на балкон. Они включили в комнате телевизор и стали ждать приглашения за стол. Целый день, проведённый на пляже, давал о себе знать - желудки гостей основательно подвело.

Тётка запекла в духовке курицу, сдобренную местными специями, нажарила крупными кусками свежего сазана, нарезала овощей, зелени, болгарского перца. Она успела приготовить и знаменитое острое блюдо местных корейцев под названием "хе" - из мелких маринованных в уксусе сырых кусочков рыбьей мякоти. Сварила и вкусную домашнюю дунганскую лапшу с сочным мясным фаршем, слегка приправленную красным жгучим перчиком и кориандром. В центре стола красовалась бутылка коньяка.

Они сели ужинать здесь же, на кухне, за широким приставным столом. "Посидим по-домашнему, чтобы к печке не бегать взад-вперёд", - предложила тётка и начала угощать гостей с хлебосольством широкой русской души. Егор давно так вкусно и обильно не едал. Виталий едва переводил дух, приговаривая: "Дунганская лапша! Как же ты хороша!" или "Ну и "хе"! Хе-хе-хе!"

И коньяк был так кстати.

Тётка раскраснелась - и от жара газовой плиты, и от хорошего аппетита гостей.

- А ведь я, Егор, сегодня пораньше с работы отпросилась, - сообщила она с заговорщицким видом. - На рынок зашла, купила вишню и мелкий абрикос. Сварю вам по ведру варенья: вам с Галей - абрикосовое, а Виталию - вишнёвое. Повезете от нас в Сибирь.

Егор прямо-таки оторопел от такого щедрого предложения:

- Тёть Алл, а может не надо? Ну, чего вы будете полночи возиться? Да ещё целое ведро! Тащи его... Не надо!

- А мне надо! - неожиданно перебил его Виталий. - Если Егор не хочет, я оба ведра варенья возьму - и вишневое, и абрикосовое! Сварите, тетя Алла, пожалуйста. Мои дома всё съедят!

- Так, я... - начал Егор.

- Молчи уж, - снова бесцеремонно оборвал Виталий, огладывая куриную ножку. - Заберу оба, не переживайте... - улыбнулся он тётке Алле.

Егор смотрел на него широко раскрытыми глазами, кажется, он впервые видел простоватого, на первый взгляд, Виталия в новом свете. Чурсин оторопело молчал, опустив глаза в тарелку, медленно переваривая поведение Виталия. Пытаясь мысленно оправдать его, что в эти трудные годы ему нелегко прокормить своих троих детей.

"Как быть в этой ситуации? - досадливо размышлял он, ковыряя вилкой кусок жареной рыбы. - Хотел пожалеть тётку, а вышло вот как... Что ты с этим Виталием поделаешь! Наглость - второе счастье. С другой стороны: слово - не воробей, вылетело - задний ход теперь не дашь".

Неловкую паузу прервал дядя Вася:

- А давайте ещё по одной! - призвал он, разливая по рюмкам благословенный напиток.

Уже под чай Егор с хозяевами начал обсуждать родственные новости и проблемы. Дядя Вася, по обыкновению, закурил папиросу, пуская дым в потолок.

- Не переношу дыма, - сказал, поднимаясь из-за стола, Виталий. - Тётя Алла, вы сразили меня наповал вашими необыкновенными кулинарными способностями, я приятно шокирован! Огромное спасибо! - произнёс он с патетикой в голосе. - Пойду, гляну теленовости.

Вскоре из комнаты донеслись звуки телевизора.

- Вы когда домой? - спросил по-простому у Егора дядя Вася.

- Поезд завтра, в обед...

- Да, что-то совсем скоро... Мало погостите. Тошно здесь нам стало... Не то, что раньше. У меня среди местных столько друзей было! Как-то быстро наша дружба народов закончилась... Объясни, почему? – снова начал он больную тему.

Они сидели на кухне за неубранным столом, негромко переговариваясь, и вздыхали от невесёлых мыслей. Тетка здесь же возилась с ягодой и фруктами, готовясь к варке варенья, и изредка выглядывала в раскрытое настежь окно. Вдруг она замерла, что-то внимательно высматривая. Потом на цыпочках подошла к столу, с трудом сдерживая смех. "Чего ты?.. - начал было дядя Вася. Она приложила палец к губам и прошептала: "Тсс, посмотрите на балкон", - и поманила их к окну.

Первым смотрел дядя Вася. Он глядел, вытянув шею, с полминуты, потом отскочил в сторону, уступив место Егору. Дядя Вася зажал ладонью рвущийся наружу хохот и только тихо всхлипывал: "Гы-гы-гы".

Из окна был хорошо виден зарешеченный балконный угол. Там на полу сидел на корточках Виталий. Перед ним высилась куча из принесённых дядей Васей рыб. Виталий брал сразу двух лещей - по одному в каждую руку, примеривался к их размеру. Того, что покрупней, опускал в правый от себя мешок, а того, который мельче, - в левый. Он был так увлечён этим делом, что не видел ничего вокруг.

- Ну и друг у тебя! - сказал дядя, оттаскивая Егора от окна.

- Ей Богу, я пойду, скажу ему! - шипел в ответ пунцовый Егор, сопротивляясь крепким дядькиным рукам.

- Да не надо! - вмешалась тётка. - Пусть его. Как уснёте, я ночью опять всю рыбу перетасую.

На том и порешили. Успокоились. Дядя Вася выкурил ещё папироску. Посидели, подождали. Потом пошли в комнату. Виталий уже был здесь на диване, как ни в чём не бывало, щёлкал пультом телевизора, перебирая каналы.

- Может, укладываться будем? - предложил он. - Что-то я устал сегодня. А завтра - да-а-а-льняя дорога! - позёвывая, сказал он. Видно было, настроение у него хорошее. - А ты чего загрустил, Егор? Может, не хочешь ехать домой?

- С чего ты решил, весёлый такой?! - огрызнулся Егор, не глядя на коллегу. - Спать, так спать...

Тётка Алла, как и вчера, постелила им на полу. Виталий, только лёг, подбил под голову поудобнее подушку и засопел, провалившись в глубокий сон. Егору же не спалось. Он перебирал в уме события прошедшего дня, размышлял о словах дяди Васи, почему так быстро развалилась дружба народов, о том, как теперь вести себя с Виталием, который показал себя не с лучшей стороны, и о том, как теперь быть с этими ведрами варенья. Тем более, что, судя по звукам и запахам, доносившимся с кухни, тётка своё слово держала.

Рядом на раскладном диване беспокойно ворочался дядя Вася. Наверное, ему тоже не спалось от тревог резко переменившейся

жизни, думал Егор. Но потом по мощному дядькиному всхрапу понял, что того скорее мучают тревожные сновидения.

Примерно через полчаса мимо Егора прокралась на балкон тётка, долго шелестела там бумажными мешками. Потом так же бесшумно вернулась на кухню. А вскоре улеглась спать и она, бесцеремонно пододвинув мужа и освободив себе побольше места на диване. Тот даже не проснулся, только громко всхрапнул. Наконец, заснул и Егор...

Утро было хлопотным. Это была суббота - выходной. Пока гости спали, дядя Вася с тёткой Аллой сходили на рынок, купили десяток дынь, яблоки, груши. Все это буквально притащили в квартиру в двух огромных сумках, которые называли "челночными" за то, что в них в эти годы возили товары на продажу множество людей, занявшихся торговлей, чтобы выжить в трудное и неспокойное время.

- Фрукты поделите, - ответил на немой протест в Егоровых глазах дядя Вася.

- Поровну. А мы вас проводим, - добавила тётка и выразительно посмотрела на Виталия. Впрочем, тот даже и глазом не моргнул:

- Конечно! - сказал он. - Какие сомнения?

Как они добирались до станции, отдельная история. Вышли из дома загодя, все вместе - и гости, и хозяева, нагруженные "по самые брови", как подметил дядя Вася. Шли медленной цепочкой. Впереди - тётка с одной из огромных "фруктовых" сумок. Вторую такую сумку в одной руке нёс за ней дядя Вася, в другой - держал мешок с рыбой. Следом тащился Егор с эмалированным ведром с абрикосовым вареньем, крышка которого была плотно замотана тряпицей, с сумкой, пластиковым кофром со съемочной аппаратурой и штативом. Замыкал процессию Виталий. За спиной у него висел неизменный большой рюкзак, в одной руке он держал эмалированное ведро с вишнёвым вареньем, в другой - бумажный мешок с рыбой.

"Он свой мешок крестиком пометил", - шепнула ещё утром Егору тётка Алла. - Но ты не переживай, я всё сделала..."

Виталий громко пыхтел, всем своим видом показывая, как ему тяжело, часто останавливался перевести дух и вытереть вспотевшие лицо и шею.

Наконец, они сложили вещи на перроне, у здания небольшого вокзала. Куча вышла внушительной.

- Поезд будет стоять только две минуты, - сказала тётка Алла. - У нас обычно грузятся в любой вагон. А там - разберётесь.

- Но, нам надо выяснить с начальником поезда, куда нас посадят? В какой вагон, имею я ввиду, - почесал затылок Егор.

- Тебе же сказали: в любой, - вмешался Виталий. - Сядем, не переживай.

Дядя Вася, стоя от них в стороне, покуривал папиросу.

Громкоговоритель на стене здания вокзала сделал объявление на местном языке.

- Прибывает! - встрепенулась тётка. - Быстро складываем всё в ближний тамбур, - инструктировала она. И начала подтягивать поклажу ближе к путям. - Помогайте!

Все кинулись ей на помощь. Вскоре показался поезд. Машинист дал гудок, и поезд начал тормозить. Перед ними оказался четвёртый вагон. Девушка-проводник распахнула дверь, ловко откинула металлическую площадку, спустилась на землю.

- Быстро, быстро, - командовала она. - Вы ведь Кузьмицкий и Чурсин?

Виталий остановил погрузку, намереваясь вступить с девушкой в разговор.

- Да, да! - опередил его Егор. - Грузи, потом говорить будем! - осадил он Виталия. Тот обиженно засопел, начал втискивать в вагон свой рюкзак.

Они буквально закидывали вещи на площадку: громоздили ведра, сумки. Вагон дернулся и медленно поплыл.

- Скорей залезайте! - проводница уже была наверху. Егор с Виталием взлетели в тамбур за ней. Егор высунулся в открытую дверь:

- Тёть Алла, дядь Вася, спасибо вам за всё, счастливо оставаться!

Он видел, как тётка тёрла ладонями глаза, а дядя Вася всё махал рукой...

Поезд вез их на восток. Двое суток в пути пролетели незаметно. Им отвели целое купе в соседнем вагоне, куда они едва ли не час перетаскивали багаж.

Все двое суток Виталий то и дело проверял подарки: отделял хорошие фрукты от тех, что уже начинали портиться. При этом забракованные груши и яблоки он не выбрасывал - съедал.

А Егор в это время бродил по вагонам, осматривая их. Он отметил, что поезд не имел следов варварского нападения: окна были целы, проводники выглядели гораздо лучше тех, с которыми они ехали в первый раз.

Новый начальник поезда Валерий Алексеевич, высокий, чернявый, подтянутый, молодящийся мужчина в железнодорожной форме в своем тесноватом купе угощал Егора чаем и охотно отвечал на вопросы.

Оказывается, именно в день их отъезда в командировку российское Министерство путей сообщения подписало соглашение с Казахстаном о взаимной охране пассажирских поездов. Составы сразу начала сопровождать служба охраны, приступила к делу и транспортная милиция казахской республики. Инциденты, правда, были, но порядка за эти несколько дней сразу стало больше: окна почти не бьют, проводников не трогают. А бесплатный проезд казахские власти и сами не приветствуют - деньги-то идут в их казну...

- У нас в отделении дороги про вашу командировку все знают, - почесал свой большой с горбинкой нос Валерий Алексеевич. - Говорят, мол, это телевизионщики помогли проблемы исправить, вроде как с вашей лёгкой руки. - уже в третий раз повторил он.

- Да причём тут мы?! - поморщился Егор. - Нам чужой славы не надо! Просто так совпало.

- А у нас говорят, если бы наш начальник дороги без конца эту тему в министерстве не "пробивал", если бы не грозил показать документальный фильм на всю страну, ничего бы не изменилось, - добродушно развёл руками Валерий Алексеевич.

...В Новокузнецк прибыли в вечерних сумерках. Пока Егор с Виталием выносили на перрон свои вещи, поток пассажиров растворился в ночи. Они растерянно стояли среди кучи из сумок,

мешков, вёдер и дынь. Виталий, кряхтя, взгромоздил на спину свой рюкзак.

- Куда мы теперь со всем этим? - почесал затылок Егор. - А ещё в Кемерово ехать...

- Не дрейфь, - откликнулся Виталий, - что-нибудь придумаем.

И как по мановению волшебной палочки к ним подошёл Алик – молодой, белокурый, смешливый водитель машины из их "Копейки".

- А я вас тут уже третий день караулю. Директор отправил сюда в командировку - за вами. Сказал, жди до упора, пока не встретишь. Как съездили?

И, не дожидаясь ответа, воскликнул:

- Ну, и вещей у вас!

- Не боись, все увезём, - успокоил Виталий. - Предлагаю так: вы носите груз в машину, а я здесь - караулю.

Только Егор предложил караулить по очереди.

Вскоре она набили до краёв редакционный "москвич". Алик сел за руль, рядом с ним - Виталий. Егор, по привычке, угнездился на заднем сидении, и они двинулись в путь, навстречу ночи. Это был последний - длиной почти в двести километров - отрезок пути их зарубежного "турне".

На безлюдном ночном шоссе Алик выжимал из машины всё, что можно. Егор дремал и сквозь сон до него долетали обрывки бесконечного рассказа Виталия о приключениях, где он явно привирал про события и приукрашивал свои заслуги.

В Кемерово въехали уже поздней ночью. Егорово жилище - старая пятиэтажка - было первым на их пути. Машина свернула во двор. Фары "москвича" ярко блеснули в стёклах окнах спящего дома. Алик возле подъезда заглушил мотор, вышел из машины, принялся возиться в багажнике. Виталий тоже вышел, потягиваясь и разминая затёкшие ноги.

- Моя рыба лежит рядом с рюкзаком, - услышал Егор. - Не перепутай мешки!

Он тоже ступил на родную землю, потер кулаками заспанные глаза, достал из салона свою сумку с вещами и подошел к багажнику, над которым склонились Виталий с Аликом.

- Какое ведро ваше? - посмотрел Алик на Егора.

- Кузьмицкого спроси, - хмыкнул Егор.

- Оба мои, - торопливо отреагировал Виталий. - Ты же сам отказался, - сказал он, глядя себе под ноги.

- А с фруктами, дынями как быть? Или вам тоже не полагается... - Алик понимающе заулыбался.

- Сколько ты мне дынь "отломишь"? - нарочито громко спросил Виталия Егор.

Тот растерялся, но буквально на секунду:

- А сколько ты сам считаешь? - он хитровато глянул на Егора. Тот поднял глаза к небу, делая вид, будто считает, выдержал паузу и сказал:

- Ну, хотя бы парочку, - потом подумал, - нет, выдели три - одну я Алику отдам за работу.

- Хорошо. Ты сам решил, - Виталий склонился над багажником, долго рылся в освещенном тусклой лампочкой чреве автомобиля. Наконец, подал Егору две дыньки, потом - ещё одну. Егор протянул дыню Алику:

- Это тебе от нас "спасибо", Алик. Аппаратуру в машине оставим, поосторожней с ней. Завтра на студию доставишь, - две дыни он сунул в свою сумку.

- А фрукты? - с непонятной настойчивостью смотрел на него Алик.

- Да пусть их... Слышь, Виталий, всё остальное - забирай! - и он услышал, как Виталий облегчённо вздохнул.

- Всё, пока. Завтра приду на работу к обеду...

Егор подхватил мешок с рыбой, сумку с вещами и, не оборачиваясь, пошёл к своему подъезду.

Левый ряд

Очкарик Володя отошёл от кассы, пересчитывая на ходу купюры. Следующим за ним в небольшой очереди за получкой стоял Сергей, а – дальше весь остальной их отдел промышленности: Генка и Серёга. Получку - по меркам тех «семидесятых» годов - выдали приличную: редактор подписал приказ на премию к новогодним праздникам, да - гонорар, да – собственно зарплата, выходило: плюс-минус, по два стольника на брата.

- Ну, что, сгоняем в магазин? – утвердительно спросил Генка у мужиков, засовывая сложенные пополам банкноты в карман своих потертых джинсов.

- Я – не возражаю, - ответил Сергей, тем более - он и был заведующим этим отделом газеты. А Серёга так просто развёл руками в знак согласия.

- Нет, мужики, я сегодня – пас, - твёрдо сказал Володя. – Не смогу, и не уговаривайте…

- Кончай стебаться! – развернулся к малорослому Володе высокий Генка. – Начальник не возражает, а он, видишь ты, на принцип идёт! Пошли в кабинет, там разберёмся.

И они гурьбой пошли в свой прокуренный отдел с белыми когда-то стенами, которые редактор обещал побелить ещё прошлой весной. Возглавлял знаменитую редакционную «четвёрку» стройный жизнерадостный Сергей Чернышов, который, не смотря на фамилию, любил носить светлые кардиганы, а замыкал Серёга Маркин - он в предвкушении «вкушения» мурлыкал какую-то знакомую мелодию и поглаживал свой немало округлившийся животик, обтянутый заношенным чёрным свитерком.

Генка Макущенко подталкивал прямо перед собой слегка упиравшегося, малоупитанного Володю Макулина в его неизменном синем в полосочку костюме и светлой рубашке с галстуком.

- Прошу садиться, господа борзописцы, - пошутил Сергей, когда дверь кабинета за ними закрылась. – Предлагаю открыть дискуссию. Во-первых, поступило дельное предложение…

- Нет возражений! – хором ответили Генка с Серёгой.

- Во-вторых, завтра – выходной, а послезавтра Новый год, - продолжил развивать логическую схему Чернышов. – Наконец, в-третьих, - он внимательно окинул взглядом каждого из коллег, - мы получили немалые деньги. И я уверен, что мы просто не имеем права нарушать святые традиции, установленные в редакции «Строительной правда» нашими предками. Наши потомки нам этого не простят!

Генка согласно кивал головой, Серёга добродушно улыбался. И только Володя хмурился и в волнении теребил жидкие усики над верхней губой.

- Что у тебя за проблемы? – кивнул ему Чернышов.

- Я не могу сегодня... И сказать не могу. Потом скажу…- Володя снял очки и начал протирать их видавшим виды платочком.

- А если через «немогу»? – насмешливо переспросил его Серёга. – Мы ж – не нажираться, а так: по слегка, по чуть-чуть. Святое дело. А потом – по домам. Я лично засиживаться не собираюсь.

- Вот именно, - подхватил Макущенко, - у всех дела перед праздником. Мы неделю пахали, как папы Карлы, норму выполнили, редактор доволен. Именно – по чуть-чуть, а не как в прошлый раз!

- Тем более ты и зарплату получил больше, чем завотделом, - привёл свой довод завотделом Чернышов.

- Так я работал за двоих, - оправдывался строчкогонистый Володя. – Почти на десяток материалов больше вас за месяц выдал.

Макулин был прав. Потогонная система, давно сложившаяся в редакции, выматывала все силы. Газета выходила пять раз в неделю, и для этого каждый сотрудник обязан был ежедневно сдавать в секретариат не меньше двухсот строк.

Где их взять – никого не волновало, главное, чего требовал главный редактор Анатолий Иванович, чтобы новости были «свежими». А статьи и репортажи - актуальными и читабельными, и не только «поднимали» насущные проблемы города, но и подсказывали, как их решить. Волков кормили ноги, и не только: у каждого за плечами был приличный опыт, хорошее знание обстановки. Не говоря уже о сети информаторов почти на каждом предприятии немаленького города.

Справедливости ради, надо сказать, что «Строительную правду» выписывали едва ли не в каждой семье. И фамилии наших героев, а также их «острые перья», читателям газеты были хорошо знакомы. Именно им поручали подготовку самых ответственных материалов, именно им адресовалась едва ли не половина писем от читателей, в которых излагались беды людские… При этом манией величия отдел не страдал, но цену себе знал хорошо. Поэтому ответсек редакции Галина Александровна при необходимости предпочитала заходить в отдел сама, чем вызывать к себе этих колких на слова парней.

Но получка, да ещё и накануне большого праздника, действительно, по устоявшимся неписаным законам газетного дела, несла в себе обязательный повод необходимого расслабления организма. Конечно, всегда хотелось бы в меру. Но кто её, эту самую меру мог знать заранее?!

Поэтому наши друзья и не понимали Володиного сопротивления и его желания улизнуть, да ещё и по неизвестной причине. А всякая неизвестность, как известно, порождает недоверие и раздражение.

- Я вот сейчас тебе по шее дам! – начал заводиться Генка. – Ты нам быстро всё выложишь и ещё в магазин сбегаешь, – и он для верности показал Володе кулак.

Тот заёрзал на стуле, закрутил своей кудрявой головой: «Чего сразу – дам?! Есть у меня объективная причина. Объяснил же, что сказать не могу!»

- Не могу или не хочу!? – Макущенко еще ближе придвинул кулак к Володиному лицу. – Тебя стукнуть по животу или по печени?

- Что за мода: чуть что – сразу стукать! – Володя снял очки и привстал на ноги. – Дела у меня. Могут быть у человека дела?

- Ну, начал, так колись до конца, - ухмыльнулся Серёга Маркин. – А то ведь, и правда, ударит…

- В магазин мне надо идти, - торопливо начал объяснять Володя.

- Так и мы про магазин, - напомнил Чернышов.

- Да я не про тот, а про промтоварный. Короче, пальто мне надо купить, – наконец сознался он. – А то уж какую зиму все в одном хожу, поизносилось. – И Володя обвел их взглядом в поисках поддержки и понимания.

Мужики заулыбались: «Новое пальто – доброе дело…» «А какое же доброе дело делается на «сухую?»... «Такие вещи нельзя с бухты-барахты делать, обмозговать требуется…»

Короче, договорились так: сейчас Генка с Володей идут за спиртным, потом выпьют-закусят, а после все пойдут в универмаг и помогут Володе с покупкой: пальто – не трусы, мерить надо, осмотреть со всех сторон. Тут советы бывалых людей будут очень кстати. Поэтому без коллег Володя не должен ничего предпринимать.

«Пальто – это как лошадь, - подвёл образную черту под короткой дискуссией Маркин. - Ему в «зубы заглянуть» надо!»

На том и порешили.

Гонцы вернулись довольно быстро. Для начала закрыли за собой дверь на ключ, хотя рабочий день уже катился к завершению, и все необходимые редакционные дела были переделаны. Потом выставили на редакционный стол шесть поллитровок портвейна: по полторы штуки на брата, что считалось почти нормой, ну, может, чуть больше... Выложили плавленые сырки, банки консервов, солидный кусок колбасы, хлеб-«хлебушек», как называл его Маркин. Все это быстро покромсали дежурным ножом. И основательно уселись вокруг стола. Разлили по стаканам.

- Скажи, Сергей! - привычно приступил к обязанностям тамады Серёга.

- Давайте, мужики, помянем уходящий год! Он был неплохим для всех нас. Строчки давали, тираж не уронили. А сколько всего построили в городе - не перечесть. И ведь ни один объект не ушёл от нашего внимания. Так пусть год уходит от нас по хорошему, лично я ему благодарен! - торжественно закончил Чернышов.

Они тихо сомкнули стаканы, выпили - все по-разному. Вернее, Сергей, Генка и Серёга - выпили быстро, с разным, но достойным выражением лица, а Володя тянул жидкость медленно, цедил спиртное вытянутыми губами, потом сморщился, передернулся, понюхал кусочек хлеба и, наконец, закусил.

- Что, плохо пошла? - спросил Серёга.

- Да - нет, нормально, - пожал плечами Володя. - А можно, я тост скажу?

- Давай, лепило, - подбодрил его Маркин. Налили по второй. Володя встал и поднял стакан на уровень плеча.

- Я предлагаю за Сергея Чернышова. Ты - наш ведущий, мы - твои ведомые. Мы за тобой, как за...

- Не разводи розовые сопли! - перебил его Чернышов. - Будем, мужики!

Они опять выпили быстро, а Володя выцедил свою порцию.

- А давайте-ка закурим, - предложил тамада и вытащил из ящика стола пачку «примы», пустив по кругу. Закурили, комната быстро наполнилась сизым дымом. Открыли форточку, но это мало что изменило.

- Давай по третьей, - встрепенулся Генка. - за нас, за мужиков-журналистов. Что может женщина в этой потогонной системе? - любимец редакционных женщин, Генка начал садиться на любимого конька. - Ни-че-го! - протянул он по слогам. - А мы, мужики, можем! За то, что мы - можем!

Они громко чокнулись и выпили. Закуска убывала медленнее, чем спиртное. Часы показывали шесть вечера.

- А до скольки сегодня универмаг? - встрепенулся Володя. Генка накрутил диск телефона и, улыбаясь, начал что-то шептать в трубку. Потом положил её на аппарат: «До двадцати двух ноль-ноль, по случаю предстоящего праздника!», - торжественно объявил он.

- Предлагаю выпить и ещё послать гонца... - Маркин выжидательно взглянул на Чернышова. Тот одобрительно кивнул. Разлили по четвертой - последней!

- Чего ты по многу наливаешь?! - заволновался раскрасневшийся Володя, глядя на Генку. - Ещё часа не сидим, а уже - пусто...

- Так ещё сгоняем, - спокойно ответил Макущенко. - Торопиться некуда. Магазин твой работает допоздна. Компания хорошая. Чего тебе ещё надо? А за пальто не переживай, купим тебе обнову, от девок отбоя не будет!

Они допили портвейн, снова закурили. Договорились послать гонца за дополнительной партией. Генка начал возиться со спичками.

- Короткая идёт в магазин, - сказал он и протянул руку с зажатыми в ней четырьмя спичками Макулину. Тот пьяненьким уже

движением поводил своей рукой над рукой Генки и... выдернул короткую спичку.

- Вот же гадство, не везёт! - чертыхнулся он.

- Кому - не везёт, а кому - и везёт, - философски растягивая слова сказал Генка и выбросил в форточку - в темноту зимнего вечера - оставшиеся спички. Они снова скинулись, и Володя, накинув на свои худенькие плечи поношенное пальтецо, слегка покачиваясь, вышел за дверь.

После этого Генка подмигнул беседовавшим о чём-то Сергею и Серёге и вытянул из-под стола новую бутылку портвейна.

- Откуда?! - в один голос удивились этому фокусу Сергеи.

- От верблюда, - ухмыльнулся Генка. - Вове многовато будет. Вдруг сплохеет, а ему ещё пальто брать. Пусть лучше проветрится.

- Как-то легко ему короткая выпала, - удивился Чернышов.

- Так они все короткие были, - ответил довольный Генка. Они громко хмыкнули, сомкнули стаканы, выпили и закурили. Потом ещё выпили, закусили. Лица Сергея и Серёги были пунцовыми, лицо Макущенко с каждым стаканом, наоборот, становилось все бледнее.

Вернулся Володя.

- Три вз-зял! - заплетающимся голосом радостно сообщил он. - Хотел две, да подумал, вдруг мало, опять б-бежать придется...

- Молодец, Вова, правильно мыслишь! Давайте, мужики! - он по очереди растолкал задремавших Чернышова и Маркова.

Налили прилично. Выпили быстро, включая Володю. Закусить было уже почти нечем. Поэтому, снова закурили «приму». Чернышов и Серёга клевали носом. Володя всё пытался пристроить голову на руках на столе. Один Макущенко сохранял присутствие духа.

- Так, не спать, не спать! - зычно призвал он. Он обошёл коллег, по очереди тряся их за плечи. - По последней - и идём в универмаг. Нас ждёт покупка - Вовкино пальто!

Все встрепенулись, Серёга разлил по последней. Выпили молча. Начали собираться в поход, одеваясь потеплее, ведь на улице было морозно. Макущенко между делом успел собрать в урну мусор и остатки закуски, хитро улыбаясь, выставил в коридор пустые бутылки.

Вскоре друзья оказались на улице, освещаемой желтовато-тусклым светом городских фонарей.

Они шли гуськом, пошатываясь и скользя на утоптанном снегу тротуара. Впереди брёл шёл Чернышов. За ним - тащился Серёга, за Маркиным, шатаясь из стороны в сторону, плёлся Володя. Замыкал шествие Генка, он курил очередную сигарету и внимательно следил за передвижением товарищей, готовый подстраховать в случае чего.

Стеклянно-бетонный куб универмага медленно, но неуклонно приближался. И вскоре четвёрка лучших перьев города оказалась перед центральным ходом. Странно, времени было без четверти девять вчера, а на входе маячила фигура дежурной, которая уже не пускала внутрь новых посетителей.

- Куда?! - начала напирать она на Чернышова, - Мы закрываемся!

- Как закрываетесь? Вы же до десяти!

- Кто вам сказал? Нет, до девяти мы...

- Послушай, мать, - вежливо обратился к ней Макущенко. - Мы - журналисты, гляди, - и он сунул в лицо дежурной своё удостоверение. - Мы пришли проверить, как организована предпраздничная торговля в лучшем магазине города, - его спутники одобрительно закивали головами. - Это, во-первых, а, во-вторых, сейчас еще без пятнадцати. И, в-третьих, нам срочно надо купить подарок вот этому замечательному парню, - и он выхватил из-за спины плохо стоявшего на ногах Володю и вытолкнул его вперёд.

Володя мимо на дежурной протопал внутрь магазина и медленно заковылял на второй этаж - в отдел верхней одежды. Остальные двинулись за ним, не обращая внимания на протесты стоявшей в дверях женщины.

Они так и шли друг за другом. Пока на верхней площадке по очереди не натолкнулись на Володю, который протирал запотевшие очки и пьяненько вертел головой, выбирая, куда повернуть - направо или налево. Они столпились за ним и сообща решили, что надо идти налево: там виднелись ровные ряды пальто.

- Тебе какого цвета надо? - спросил растерянно озиравшегося Володю Генка.

- Д-да что-нить потемнее, - промямлил тот.

- А размер? - уточнил Макущенко.

- 46-48-м... м-мерить надо, - заикаясь, пробормотал Володя.

- Так, - распорядился Генка, по очереди встряхивая задрёмывающих на ходу коллег. - Быстро идите в примерочную. А я сейчас туда всё принесу...

В зале не видно было ни одного продавца. И только вдалеке на кассе одиноко маячила девичья фигура.

Макущенко загнал всех в кабинку примерочной с зеркалом во всю стену, задёрнул штору. Вид у коллег был кисловатый: Сергей с Серёгой стояли, подперев стенки кабинки и прикрыв глаза, а Володя вообще откровенно клевал носом.

- Стоп, - сказал Генка. - Так не годится. Давайте-ка взбодримся. Ну-ка, по пять капель, - он хитро прищурился и ловким движением извлёк из внутреннего кармана своей широкой куртки полбутылки портвейна и примятый бумажный стаканчик.

- Всем смотреть на меня! - громко объявил он. Чернышов и Маркин встряхнули головами, наводя на него резкость. Володя же почти никак не отреагировал на команду.

- Разливать буду поровну - на глаз, по булькам, - сказал Генка и налил первую. - Прими! - он протянул стаканчик с бордовой жидкостью Чернышову. - Да не тяни, а то бумага размокнет.

Чернышов глубоко выдохнул и выпил залпом. Следующим «принял на грудь» Серёга Маркин: с обречённым видом он принял напиток одним глотком.

- Держи, покупатель... - Макущенко протянул порцию Володе Макулину. Тот промычал в ответ что-то нечленораздельное, но стаканчик взял и, высоко подняв локоток, по обыкновению, медленно выцедил портвейн с брезгливым выражением лица.

Стаканчик раскис и новой порции уже бы не выдержал. Поэтому, Генка поставил его в угол, на пол, в несколько глотков прикончил свою порцию вина и пристроил пустую бутылку рядом со стаканом.

Кажется все немного взбодрились.

- Никуда не выходите, сейчас принесу товар на примерку, - сказал Генка и вышел в зал. Он скоро вернулся с тремя экземплярами пальто: одним голубовато-сиреневым и двумя - чёрного цвета.

- Я г-голубое мерить не буду! Я вам н-не г-голубой... - закапризничал Володя.

- Не кипятись, старик, - прервал его Генка. - Нет, так нет. Надевай чёрное.

Они втроём помогали ему сначала снять свое старенькое пальтецо, потом Володя долго не попадал в расставленные товарищами за его спиной рукава пальто.

- Н-нет! - насколько можно решительно сказал он. - В-великова-ато и д-длиннов-вато...

- Давай другое, - сдирая с него пальто, сказал Генка. - Помогайте, чего стоите... - повернулся он к Чернышову и Маркину.

Втроём они снова обрядили Володю в очередное изделие. Генка старательно застегнул его на все пуговицы.

- Что-то на г-груди топо-орщит, - заныл Володя оглядывая себя в зеркале мутным взглядом.

- Где топорщит, где? - спрашивал его Генка, одергивая изделие на Володиной груди. - Мужики, скажите ему.

- Сидит отлично, - закивал Чернышов.

- По тебе сшито, - подтвердил Маркин. - И, главное, тёплое, не простынешь.

- Всё, снимай, берём вещь! - приказал Генка.

- А что вы тут делаете, мальчики? - они вздрогнули от резкого голоса незаметно подошедшей дебелой продавщицы. - Мы уже закрываемся...

- Вот и хорошо, - ответил ей Генка. - А мы товарищу обнову выбрали к празднику!

- Ну, так быстро идите на кассу, - скомандовала дебелая. - Лиля! - крикнула она молоденькой кассирше с симпатичными раскосыми глазами. - Погоди, не снимай кассу, пусть мальчики рассчитаются.

Наша четвёрка подтянулась к кассе. Последним, раскачиваясь из стороны в сторону, плёлся Володя, и пальто, которое он держал в руках, волочилось за ним по бетонному полу.

- Где ваша покупка? - нетерпеливо спросила их кассирша Лиля, с интересом оглядывая запоздалых посетителей. - Кто будет рассчитываться?

Чернышов с Серёгой пожали плечами и покрутили головами, мол, не мы. Генка подтолкнул к кассе Макулина:

- Вот он - герой дня, известный в городе писатель! - с пафосом сказал он. - Вольдемар Макулин - великий мастер литературного слова и чемпион репортажа!

Володя что-то замычал, пьяненько улыбаясь.

- Перестаньте кривляться, мы уже закрыты. Давайте быстрее! - она буквально вырвала обновку из скрюченных Володиных пальцев и начала аккуратно её упаковывать. - А кому подарок-то? - кассирша обратилась к Генке, наверное, потому, что у того было самое осмысленное выражение лица.

- Как, кому? - моментально отреагировал тот, ухмыльнувшись. - Говорю же, ему...

Девушка как-то странно на него взглянула и сообщила:

- 150 рублей.

- Плати, давай, быстрее! - сказал Генка Макулину.

Тот долго копался в кармане брюк, с трудом выудил оттуда пачку купюр и принялся отсчитывать. Сбился, чертыхнувшись, начал считать снова... Генка отобрал у него деньги, быстро отсчитал положенную сумму, подал девушке, остальные вернул Володе, который с большим трудом вернул их в карман.

...Потом они медленно брели по заснеженной улице: впереди Генка одной рукой тащил буквально повисшего на нём Макулина, который практически спал на ходу, в другой руке Генка нёс покупку. Сзади, держась друг за друга, ковыляли Чернышов с Маркиным.

Из-за поворота вынырнуло такси с зеленым огоньком. Генка махнул рукой с покупкой, машина остановилась.

- Шеф, ты нас просто спас! - воскликнул он и начал пристраивать Володю на заднее сиденье. Чернышов и Маркин утолклись сами. Генка уселся впереди.

- Уф! - громко выдохнул он.- Как я умаялся в этом году и когда он только кончится?

- Куда ехать? - хмуро спросил водитель. Он явно не поддерживал Генкиного настроя.

Генка всех развёз по домам. Последним он привёз домой Макулина. Тот жил один в спальном микрорайоне с поэтическим названием Красная горка. Буквально затащив его на руках на четвёртый этаж, Генка долго рылся в его карманах в поисках ключа. Потом занёс его в однокомнатную, обставленную по-холостяцки аскетично, квартиру, уложил на диван. Сняв с мычащего Володи пальто и ботинки, костюм и галстук, он укрыл его одеялом, под голову подсунул подушку. Володя повернулся на бок, положил руку под щеку, и сладко всхрапнув, отошёл ко сну.

Генка прошёл на кухню, отыскал среди горы немытой посуды стакан, вымыл его под краном, из под крана же налил воды и с удовольствием выпил. Свёрток с покупкой он положил Володе в изголовье. Осмотрелся, удовлетворенно крякнул и направился домой.

...Праздничные дни пролетели быстро. Утром первого рабочего дня в редакционном кабинете собрались Чернышов, Маркин и Макущенко. До начала редакционной летучки оставалось полчаса. Макулина всё не было.

- Где его черти носят? - нервно потирая руки, спросил парней Чернышов. - Ты его в праздники видел? - повернулся он к Макущенко.

- Нет, я все дни за городом был, - ответил тот.

- А ты ему не звонил? - спросил Сергей у Серёги.

Тот не успел ответить, как дверь кабинета открылась и в неё медленно прошёл Володя. Он был одет в старое пальто, и выражение лица у него было довольно кислым. А в руках он держал знакомый свёрток, но было заметно, что его разворачивали, а потом снова запаковывали.

- Чего опаздываешь?! Не наотдыхался! И, вообще, почему в старом пальто, мы ж тебе помогли обнову справить?! - окрысился на него Чернышов.

- А что вы мне справили?! - закричал вдруг тоненьким голоском Володя. - Он швырнул свёрток Чернышову под ноги. - На! Сам носи!

Володя быстро разделся и уселся за своё рабочее место, отвернулся к окну.

Чернышов поднял свёрток, положил его на стол и начал разворачивать. Макущенко и Маркин внимательно следили за его движениями. Сергей снял обертку и начал разворачивать новое пальто.

- И чем оно тебе не нравится?

- А ты посмотри, посмотри, - на глазах Володи выступили слезы. - Говорил же - топорщит! Так нет: по тебе сшито, теплое, не замерзнешь... - передразнивал он коллег.

- Да в чём дело? - не понимал Сергей.

- Женское оно, понимаешь, женское! - снова тоненько закричал Макулин. - Вон - вытачки на груди! У него же пуговицы налево застёгиваются! Левый ряд пуговиц, левый, понимаете!? Куда же вы смотрели, остолопы! Поможем купить! Что теперь делать? - он снял очки, обхватил голову руками и застыл над столом, глядя в одну точку.

- Ну, ты, Вова, даёшь! - только и нашёлся что сказать Генка.

Парни с изумлёнными выражениями на лицах внимательно рассматривали покупку, разложив её на большом редакционном столе. Пальто и впрямь было женским: в глаза явно бросались вытачки на груди, высокая узкая талия, модные разрезы с боков...

- Вот дали мы маху... Но ведь на нём сидело как влитое, - растерянно выдавил Чернышов.

А Маркин как-то странно захрюкал, закашлялся. Генка тоже не выдержал и заржал так громко, что слышно было на всю редакцию. Не выдержал и Чернышов: он сложился пополам и хохотал так, что слёзы брызнули из глаз.

В кабинет начали заглядывать удивлённые сотрудники, пришла ответсек Галина Александровна, показался на пороге кабинета и сам редактор Анатолий Иванович. Генка сбивчиво, но образно, в перерывах между приступами хохота, рассказывал всем историю с покупкой Володиного пальто. И как выбирали, и как мерили, и как всё чудесно на нём сидело. Он даже вспомнил странный взгляд кассирши Лили. Он только про портвейн ничего не говорил. Но всем и без этого было понятно, что перед походом в магазин парни хорошо «приняли»... Но про это - по старой редакционной традиции - как-то не принято было говорить вслух. В общем, веселья хватило на всех.

Но летучку редактор откладывать не стал, не смотря на всеобщую радость и на кислый вид Володи. Настроение в зале летучек было приподнятое. Все выступающие острили и похохатывали так, что Анатолий Иванович вынужден был сделать всем серьёзное замечание. Но улыбки не сходили с лиц сотрудников. Один Володя Макулин сидел, пунцовый, как рак, надутый, взъерошенный, уставившись неподвижным взглядом в стол.

Вскоре все «разборы полетов» были закончены, задания розданы, недельный план утверждён. Сергей Чернышов и Серёга Маркин уехали на объекты, как сказал редактор, «сделать парочку репотажей». Вова и Генка остались в кабинете одни.

- Что теперь делать? Что делать?! - беспрестанно повторял Макулин, бегая из угла в угол кабинета.

- Да не мельтеши ты, сядь и успокойся? - рыкнул на него Макущенко. - Сдать его надо в магазин.

- А то, - Володя посмотрел на него затравленным взглядом. - Я почему опоздал на работу? В универмаг заходил, сдать пытался или поменять. Не берут! Говорят, чек давай. А где он? Куда подевался? Может он у тебя? - он с надеждой посмотрел на Генку. Но тот отрицательно покачал головой:

- Пить надо меньше! - назидательно поднял он указательный палец.

- Так я вообще не хотел! Вы же настояли, - развёл руками Володя. - Что теперь делать?

- Продать его, нашим кому предложить? - посмотрел на него Генка.

- Да я скорее провалюсь сквозь землю, - промямлил Володя.

- Сиди здесь, я сейчас, - Генка схватил пальто и выскочил в коридор.

Он вернулся минут через сорок:

- Нет, из наших никому не нужно! Может, на базар пойдём? - родилась у него новая идея.

- На какой базар, - Володя безнадёжно махнул рукой. Он готов был заплакать. - Что делать? Что делать? - как заведённый начал повторять он.

Генка тяжело вздохнул, тряхнул головой, будто на что-то решившись.

- Из кабинета не выходить, засмеют! - приказал он Володе. Наскоро упаковал пальто в свёрток, оделся и ушёл.

...Медленно тянулись минуты. Володя нервно курил сигареты одну за другой, стоя возле форточки и пуская дым на улицу. Прошло часа полтора. Сигареты кончились. Во рту Володя ощущал нестерпимую горечь, но ещё горше было на душе, он ругал себя последними словами за памятный пьяный поход в универмаг. А ведь каким хорошим было его предновогоднее намерение сделать себе подарок...

Наконец, дверь резко распахнулась, в кабинет влетел довольный разрумянившийся Генка и швырнул пачку разноцветных примятых купюр на стол.

- На, забирай! - буквально прокричал он Володе.

Тот поспешно схватил пачку денег и принялся их пересчитывать, аккуратно разглаживая каждую бумажку. Когда закончил, подровнял пачечку, свернул её вдвое и осторожно положил во внутренний карман пиджака.

- Ну, что, сошлось? - спросил довольный Макущенко.

- Сошлось, - тихо ответил довольный Макулин. Он повернулся к Генке, лицо его просто светилось от счастья.

- Спасибо, Гена! - проникновенно сказал он и церемонно пожал Генкину руку. - Как тебе удалось?

- А вот это - большой секрет, - скромно потупил тот глаза. - Ты лучше вечером снова дуй в магазин, покупай пальто. Только теперь - один! И запомни: мужской отдел в ряду, который направо...

- А вот и нет, - радостно сообщил Володя. - Пальто я больше покупать не буду! Новый год прошёл - зима идёт на убыль. Как-нибудь в старом дохожу. Я знаю, куда эти деньги потратить... Я лучше летом на море поеду! Я ведь на море ни разу не был!

- Хорошая идея, - одобрил Макущенко. - Но, чтобы она сбылась, надо выпить!

- Ну уж - нет! - вскинулся Володя. - Пили уже, знаем...

Он подхватил своё старенькое пальто, буркнул: «Я - на объект», - и, поправив очки, выскочил вон из кабинета.

Последняя осень Ленинграда

В Ленинград они прилетели рейсом "Аэрофлота", который начинался во Владивостоке, потом садился в их сибирском городе и брал на борт транзитных пассажиров, после этого Ту-154 делал ещё две остановки - в Челябинске и Свердловске. Конечной его точкой был аэропорт Пулково, куда они, тележурналисты Павел Красков и Илья Бельский, и прибыли в творческую командировку вечером первого ноября.

Буквально пару дней назад их вызвал к себе Евгений Михайлович, генеральный директор их первой в регионе негосударственной телекомпании и сделал неожиданное предложение: можно съездить в Ленинград, познакомиться с работой местного Ленинградского телевидения, известного на всю страну информационной программой "600 секунд", - её делает знаменитый автор и ведущий Александр Невзоров.

В тот "перестроечный" 1990 год среди телевизионщиков только и разговоров было об ежедневных выпусках этой передачи. Непосвященным о ней взахлёб рассказывали те, кто частенько бывал в Москве - там уже транслировали программы северной столицы. Нередко "Секунды" буквально "расчленяли" на цитаты и взахлёб передавали их друг другу. Это и понятно, говорили между собой Бельский и Красков, до этого люди не видели на экране советскую действительность с теневой стороны, которую каждый вечер показывали Невзоров и его команда. Причём, многие считали передачу феноменально талантливой, "Секундами" они открыто восхищались. Другие, особенно местные партруководители, ругали её за излишний натурализм и "сгущение красок". Но редко кто оставался к ней равнодушным - это был настоящий прорыв на отечественном телевидении.

Говорили, что, когда наступало время её вечернего эфира, ленинградские улицы пустели: люди садились у телевизоров, чтобы послушать очередные откровения ведущего о новостях прошедшего дня. Всего за десять минут он успевал открыто рассказать о новом беспределе чиновников, всех авариях и пожарах, случившихся в большом городе за сутки, о новостях политики и экономики, при этом - "втиснуть" и комментарии местных депутатов, экспертов, очевидцев событий.

...- За что же нам такое счастье?! - с усмешкой спросил Илья генерального. - При нашей-то потогонной системе...

- Так это - благодаря заказчику. Он за рекламу на нашем канале может рассчитаться только командировкой в Ленинград, - тряхнул кудрявой головой Евгений Михайлович. - Такой вот бартер. Я ему, как старому товарищу, отказать не могу. А «живых» денег у него нет. Время, сами знаете, какое!

Время, действительно, было непростое: в магазинах - очереди и пустые прилавки. На покупку продуктов ввели талоны, зарплату постоянно задерживали, потому что в банке не было денег, заводы и фабрики, а также прочие "конторы" перешли на натуральный обмен товарами, который называли "бартером". Это слово Павел и Илья и сами употребляли едва ли не ежедневно в поисках заказчиков передач для их телеканала.

Вообще, к их новому телеканалу интерес зрителей возник сразу. Не последнюю роль в этом сыграла сама жизнь. В тот год и смотреть-то по "телику" больше было нечего: оба федеральных канала бесконечно "гнали" официоз о том, как здорово развивается страна и как хорошо в ней идёт "перестройка" под чутким руководством партии и правительства.

А главными лицами канала стали невысокий, худой, сдержанный на слова Павел и полноватый, говорливый Илья. Они садились к камерам в студии, просто, свободно и откровенно говорили с земляками с экрана "за жизнь", "трепались", как любил говаривать оператор Сергей Кузькин, предваряя видеосюжеты, художественные фильмы и даже детские "мультики". И вскоре их стали узнавать на улицах. Пошли заказы на съёмки душевных телепередач, причём, с обязательным участием Краскова и Бельского. Эти заказы и позволяли новой телекомпании держаться на плаву в этот непростой год для страны с названием СССР.

Работа была, прямо скажем, потогонная. Но бывшим газетчикам, коими ещё недавно считались Павел с Ильёй, она нравилась. Они делали её с удовольствием. А отсутствие теленавыков с лихвой компенсировала их непосредственность перед камерой, что в первую очередь и нравилось обычным людям.

- А как же вы тут без нас, как передачи? - с тревогой спросил начальника Павел.

- Мы с режиссёром уже всё продумали: будем «гнать» ваши старые выпуски. А вам всё равно отдых положен. Считайте это коротким отпуском!

- Так мы не против Питера! - обрадовался Илья. - Только, где мы там жить будем? Я уверен, что ваш заказчик только билеты оплатит, а гостиницу? - все в компании знали, что Бельский мог ночевать хоть на сеновале, если дело того требует, но все же уважал комфорт.

- Я, парни, всё продумал, - доложил Евгений Михайлович, потирая от удовольствия руки. - Позвонил друзьям в Ленинградский обком КПСС, договорился: вам в обкомовской гостинице места предоставят - бесплатно - за счёт нашего Сибирского обкома. А на питание мы вам суточные выделим. Скромные, конечно, но с голоду умереть не успеете. Вылетаете послезавтра, - генеральный встал, обошёл свой стол, шагнул к парням и ласково потрепал их по затылкам. - Вы уж там берегите себя...

- Старые связи, - пропел Бельский, уважительно глядя на директора - тот ещё недавно занимал довольно высокий хозяйственный пост в их Сибирском обкоме партии. - Не дадут нам пропасть. Пойдем, Павел, собираться надо...

В самолёт они сели в обед. Через пол страны летели несколько часов. За это время успели проголодаться. Но на борту им выдали по пачке каких-то сухих галет и по баночке сока. "Больше ничего не положено, - развела руками в ответ на их вопросы тоненькая стюардесса. - Горячее мы давали где-то в районе Читы. Страна у нас большая, рейс - длинный. Придётся вам потерпеть".

- А вот это уж, вряд ли! - хмуро ответил ей Павел. - Вы же раньше кормили пассажиров, как на убой.

- Тоже - вспомнили... - девушка закатила глаза в потолок. - Времена сейчас, сами знаете, какие.

- Чуть что, сразу - времена, - проворчал Бельский. - Давай, Павел, нажмём на домашний "тормозок".

В салоне пассажиров было не густо. Не очень-то из-за безденежья люди летали в том году. Сиденье между Павлом и Ильёй было пустым. На него и поставили широкий пластмассовый кофр с портативной видеокамерой формата VHS, микрофоном, проводами, аккумуляторными батарейками и прочим необходимым снаряжением.

С его помощью друзья решили соединить приятное с полезным - снять в северной столице сюжет, да, по возможности, не один.

"Стол" застелили газетой. Илья достал из своего необъятного рюкзака, с которым не расставался ни в одной из поездок, аппетитный толстый шматок сала, начал резать его перочинным ножом. Павел вытащил из своей спортивной сумки пакет с пирогами, варёными яйцами, помидорами со своего огорода, хлебом. Обед выходил на славу. Илья придирчиво осмотрел закуски, вздохнул и снова полез в рюкзак. Вынул из него поллитровку с обшарпанной этикеткой, на которой с трудом читалось название красного напитка "Портвейн 777", именуемый в народе "тремя топорами".

- Где же ты её взял? - с восхищением глядя на товарища, прошептал Павел.

- Где взял, там уже нет, - отмахнулся Бельский. - Лучше попроси у девушки посуду для вина.

Стюардесса принесла им пластиковые чашечки для чая. Нахмурив выщипанные бровки на миловидном личике, предупредила: «Только вы со спиртным поосторожнее. Командир у нас строгий!»

- Да мы - тихие алкоголики, безвредные, - улыбнулся Илья. - Обещаю, всё будет нормально.

Они разлили по первой. "За мягкую посадку!", - поднял свою порцию Бельский. Выпили, закусили. И полёт им показался вполне хорошим. Вторую приняли за удачную поездку. Потом - приняли и по третьей. Заключительную, четвёртую, выпили за здоровье экипажа. Раскраснелись от сладкого, терпкого, крепкого вина.

- Неплохой был "портвешок", - подвёл итог обеду Илья. Они быстро убрали остатки еды, расслабились в креслах и мгновенно уснули. Причём, проспали до самой конечной остановки.

...Позёвывая и стряхивая остатки сна, они неспеша вошли в огромный зал ленинградского аэровокзала, преодолев с помощью чудесной, горизонтально движущейся дорожки длинный подземный переход. Здесь было многолюдно и как-то сумеречно. Складывалось впечатление, что освещение действует в полсилы. Размеры зала поражали своими объёмами в сравнении с их скромным сибирским аэропортом. Вдоль здания - на высоком потолке - размещались пять выпуклых стеклянных конусов, чтобы освещать аэровокзал дневным

светом. Со стороны эти конусы выглядели как огромные перевёрнутые рюмки, из-за чего местные острословы называли аэровокзал «рюмочной». Сейчас сквозь эти необычные окна проглядывали лишь вечерние сумерки.

- Куда теперь? - спросил товарища Илья. Он давно привык, что все оргвопросы их многочисленных поездок Павел берёт на себя.

- Сейчас позвоню в местный обком, - Красков начал рыться в многочисленных карманах куртки в поисках записной книжки. - Генеральный дал телефон для связи, там должны сообщить о нашем приезде в обкомовскую гостиницу. Ага, вот, - он ловко извлёк из внутреннего кармана книжечку с номерами телефонов, полистал, - Владимир Петрович, замзав финхозотдела Ленинградского обкома. Давай найдём телефон-автомат.

В зале автоматов не было. Им посоветовали посмотреть на улице. И они вышли на освещённую жёлтыми фонарями привокзальную эстакаду, густо запруженную подъезжающими и отъезжающими "жигулями", "москвичами" и "волгами". На улице дул колючий осенний ветер, с неба сыпались мелкие противные капли. Чуть выше уличных фонарей угадывалось низкое, затянутое облаками, небо. Хотелось вернуться под крышу вокзала, но им надо было выбираться в город.

«Вон ваши телефоны», - на ходу ответил им носильщик в униформе, кивнув на ряд кабинок вдоль вокзальной стены. Павел отыскал в кармане двухкопеечную монету и зашёл в кабинку. "Подожди, я сейчас", - бросил он Илье и прикрыл стеклянную дверь, чтобы заглушить уличный шум. Когда после десятого гудка ответа не последовало, Павел вынул "двушку" из телефона, снова сунул её в металлическую щель, повторил звонок. Результат был тот же.

- Хрен! - в сердцах бросил он Илье. - У них на работе уже никого нет. Столица в кабинетах не засиживается. - Он посмотрел на часы: с учётом разницы в часовых поясах рабочий день здесь должен был ещё продолжаться.

- Что предлагаешь? - Илья сразу скис. - Где ночевать будем?

- Поедем прямо в гостиницу, её адрес Евгений Михайлович тоже дал. Будем надеяться, что про нас там уже знают.

Они нашли остановку автобуса, который шёл в город. На ней толпилось несколько десятков человек с сумками и чемоданами.

Бельский с Красковым едва втиснулись на заднюю площадку подошедшего автобуса. У Павла руки были заняты сумкой и кофром с камерой. Зато у Ильи они были свободны: его большой рюкзак висел на спине. Поэтому одной рукой он крепко держал Павла за локоть, другой держался за поручень.

Кондуктор, полная, улыбчивая, средних лет женщина энергично расталкивая пассажиров, быстро обошла весь битком набитый людьми и вещами салон, ловко ссыпая в свою сумку медяки за проезд. При этом она не забывала громко объявлять остановки. Но из автобуса почти никто не выходил. Примерно через полчаса кондуктор выкрикнула: "Станция метро "Московская".

Здесь автобус сразу опустел. Бельский с Красковым тоже вышли, огляделись: вдоль шоссе - по обеим его сторонам - плотной стеной тянулись жилые дома "сталинской" архитектуры. Прохожий объяснил им, как спуститься в метро: у станции не было наземного павильона, попасть в метрополитен можно было через залы железнодорожных касс на Московской площади.

На десять копеек они взяли два медных жетончика, с опаской миновали турникет. Эскалатор несколько минут увозил их всё глубже под землю. "Как будто в угольную шахту едем..." - подумал Павел и зябко передёрнул плечами. Снизу тянуло промозглым ветерком. Наконец, они оказались на длинном перроне бесконечной платформы, отделанной скучным серым мрамором и "накрытой" светлым овальным потолком. Людей от поездов отделяли сплошные стены с обеих сторон платформы, в ниши которых были встроены двери. Как только подходил поезд, двери отрывались, пропуская людей внутрь вагонов.

Красков уже бывал раньше в Ленинграде и с безразличием смотрел вокруг. Зато Бельского интересовало буквально всё. Он даже поковырял ногтем мрамор, пока они дожидались электрички.

- А ты уверен, что мы поедем в нужную сторону? - обеспокоенно спросил он.

Павел снова вынул записную книжку, прочитал вслух: "Гостиница обкома при Доме политпросвещения на улице Пролетарской диктатуры, дом шесть. Ехать на метро до станции "Площадь Восстания". Потом - на троллейбусе - до площади Пролетарской диктатуры. Там уже пешком близко.

- Поэтому нам надо сначала доехать до остановки "Технологический институт", там перейти на другую ветку. Вон, над головой, читай информацию.

Илья глянул вверх. Прямо над ними висело табло с перечнем станций и стрелками, указывающими налево или направо.

- Ты, Илья, будь повнимательнее. Не прикидывайся сибирским валенком. А то от нас за версту провинцией несёт.

- А мне - пофигу! - развёл руками Бельский. - Я тут столичных церемоний разводить не собираюсь. Веди, Сусанин... - и он следом за Павлом быстро юркнул в распахнутую дверь подошедшего вагона.

При переходе на Московско-Выборскую ветку метро Павел шагал впереди, быстро ориентируясь в хитросплетениях подземного транспорта. Илья, натужно отдуваясь, едва поспевал за ним, то и дело покрикивая товарищу в спину: "Да не беги ты! Успеем".

Когда вышли, наконец, на улицу, дождик и ветер, показалось, усилились. Свет фонарей отражался в многочисленных сморщенных лужицах тротуара. По дороге в обе стороны мчали машины, вздымая колёсами водяную пыль. Парни озирались по сторонам, пытаясь сообразить, где заветная остановка их троллейбуса. Однако в хаотическом, на первый взгляд, движении транспорта по площади понять это было невозможно. И Павел снова занялся расспросами прохожих.

Потом они ехали в полупустом троллейбусе. Но присесть на сиденье не решились, боясь пропустить свою остановку.

- Что же вы, ребятки, не садитесь? В ногах, говорят, правды нет, - пригласила их присесть старушка в болоньевой куртке грязновато-коричневого цвета и светлом берете, из-под которого выбивались седые волосы. На вид ей было около семидесяти. На лице - сама доброжелательность и участие. Она с интересом разглядывала их. А через секунду тоже вскочила со своего места.

- Вижу, приезжие вы? Откуда? Где работаете? - затараторила с улыбкой.

Любитель общаться с незнакомыми людьми, Бельский напустил на себя загадочный вид:

- Из Сибири мы, с телевидения. Приехали снимать программу про вашу жизнь. Вот вы, например, куда сейчас едите?

- Так я - в булочную. Надо купить полбатона хлеба и плюшку для внучки. А вы, правда, с телевидения, и вас по телевизору показывают?

- Правда, - кивнул Илья. - Вон, у него в сумке - видеокамера, - кивнул он на Павла. - Дорогая вещь.

- Ишь ты, - удивилась старушка. - И не боитесь ездить в троллейбусе?! У нас тут иногда хулиганят. Времена сейчас такие, сами, наверное, знаете...

- Не боимся. Нас же двое! Вы лучше скажите, до площади Пролетарской диктатуры далеко ещё?

- Через одну вам надо выходить. А мне - сейчас, - старушка двинулась к выходу. - До свидания вам и будьте здоровы, - помахала она Бельскому на прощание.

- Какие добрые здесь люди! - смотрел ей вслед Илья.

- Ты бы про камеру-то не трепал языком, - проворчал Павел, когда они сошли на своей остановке.

- Да, ладно, - это я так... - смутился Илья. - Больно уж бабушка хороша, божий одуванчик.

Как подсказали им словоохотливые ленинградцы, они пошли по Суворовскому проспекту. И вскоре с правой стороны широкого бульвара увидели огромный серый шестиэтажный прямоугольник фасада Дома политпросвещения, облицованного серовато-желтыми каменными плитами. «Грандиозно!» - громко объявил Илья, воздев кверху руки. Однако света не было ни в одном из многочисленных окон.

- Ох, чувствую, никто нас здесь не ждет, - уже с тревогой перешёл Илья на шёпот. - По местному времени восьмой час вечера.

- Сейчас разберёмся, - ответил Павел.

Улица была пустынна. Они подошли к монументальной парадной двери, за стеклом которой угадывался большой слабо освещённый холл. Павел потянул дверь на себя. Она медленно, как бы торжественно, открылась, пропуская их внутрь.

Первое, что они услышали - звук работающего телевизора, вещающего вечерние новости знакомым голосом Александра Невзорова. Он скороговоркой рассказывал: "Сегодня председатель

Ленсовета Анатолий Собчак отбыл с очередным визитом за границу. Поэтому нам не удалось найти на рабочем месте ни одного народного избранника, чтобы взять комментарий по поводу случившегося ЧП. Оно и понятно. Как гласит пословица: "Кот из дома - мыши в пляс".

"Во, даёт!", - подумал Павел. Они не успели толком осмотреться, как неизвестно откуда "выплыла" высокая женщина в строгом наряде тёмного цвета с зачесанными назад рыжеватыми волосами и громко спросила:

- Вам куда, молодые люди?

- Нам бы в гостиницу? - заискивающим тоном, опережая Павла, спросил Илья.

- А читать вы не умеете? - пождала та тонкие ненакрашенные губы, надвигаясь на парней. - Там на двери всё написано! Что за люди, посмотреть не дают... - и она поспешила к вахтёрскому столу, где рядом на тумбочке стоял небольшой телевизор.

Им пришлось ретироваться на улицу. Действительно, к дверному стеклу был приклеен белый лист, надпись на котором гласила: "Вход в гостиницу с торца", стрелка ниже указывала направо. Они поплелись вдоль здания.

- Ну вот, Сашу Невзорова уже увидели! - сострил Илья. - То-то, смотрю, улицы, действительно, вымерли.

Дверь гостиницы нашли сразу. Однако здесь их снова ждала неудача. Молодая симпатичная девушка в чёрном пиджачке и белой блузке за стойкой администратора долго изучала свой журнал с записями.

- К сожалению, на вас ничего не забронировано. А просто так поселить не могу. У нас с этим очень строго, - подняла она на гостей свои голубые невинные глаза.

- Как же нам быть? У нас - командировка... - Илья придал своему голосу брутальной хрипотцы, стараясь произвести на неё впечатление. Часто это срабатывало, но сегодня был не его день.

- Вам должен был позвонить Владимир Петрович, замзав финхозотдела вашего обкома, - попробовал зайти с другого бока Павел. Голубоглазая не сдавалась: "Никто не звонил, а просто так - не положено", - твердила она.

- Что же нам делать в вашем городе? Мы тут никого не знаем?! - продолжал давить на её психику Илья.

- Поищите другую гостиницу, их в Ленинграде много, - посоветовала администратор.

Павел потянул его за рукав на выход, под моросящий дождь неприветливой вечерней улицы.

- Что будем делать? Что делать!? - Илья плёлся за Красковым. - Какая другая гостиница? С нашим-то бюджетом?!

- Ты же ещё полчаса назад восхищался: «Какие добрые здесь люди!» - передразнил его Павел. - Погоди, не канючь, кажется, есть запасной вариант...

Илья резким рывком развернул его к себе:

- Огласи вариант, не тяни резину!

Павел, загадочно улыбаясь, в очередной раз достал записную книжку, шагнул ближе к свету фонаря, полистал страницы:

- Есть одна знакомая. Правда, уже давно не общались. Давай найдём телефон-автомат.

Они быстро пошли вдоль по бульвару - в сторону площади Пролетарской диктатуры, выглядывая в сумерках телефонную будку, которая вскоре нашлась.

Павел нашарил в карманах ещё монету в две копейки. "Жди здесь, держи кулаки на удачу", - он плотно прикрыл за собой дверь. Вечерний фонарь высвечивал его лицо, и Бельский внимательно наблюдал за мимикой друга, пытаясь определить, как идут переговоры о перспективах на предстоящую ночь в чужом городе. По улыбке Павла надеялся на лучшее.

- Всё - снова идём на метро и едем в гости. Нас ждут! - радостно хлопнул Красков товарища по спине.

- А дорогу знаешь? - недоверчиво переспросил тот.

- Бывал. Найдем. Сначала - на метро - до станции "Проспект Ветеранов", а там - на троллейбусе.

На выходе из подземки они немного "покружили" в поисках троллейбусной остановки. "Это нас черти путают!" - возмущался Илья. Наконец, сели в двадцатый троллейбус, который минут за пятнадцать

доставил их до улицы Авангардной. "Выходим, - сказал Павел. - Вот он - наш ночлег", - он показал на высокий круглый дом-башню, странновато торчавший среди обступивших его деревьев. И пока пробирались к нему от остановки по мокрому тротуару, Илья дотошно расспрашивал, к кому они идут. "Знакомая, - охотно отвечал Павел на назойливые вопросы товарища. - Закончила в истфак Ленинградского "педа" имени Герцена. Сама напросилась на отработку в Сибирь. Послали в наш город. Три года преподавала историю в одной школе с моей женой. Они познакомились, а потом - и я. После отработки вернулась в Питер, теперь преподаёт, по-моему, в каком-то училище".

- А у тебя с ней...

- Ничего! - оборвал его Павел. - Говорю же, подруга семьи... У тебя мысли не в том направлении пошли. Ты лучше о ночлеге думай, чтобы не лишиться крыши над головой, - и они, как по команде, глянули на непроницаемое небо, с которого, не переставая, сыпал нудный дождь, холодный ветер гнал по тротуару мокрые листья, нахально забирался им под куртки.

- Стоп! - скомандовал вдруг Илья. - Здесь же пиво продают! - в темноте между деревьев белела бочка с крупной надписью "Пиво". - Завтра с утра за пивком сгоняем!

- Илья, мы не затем сюда приехали... - напомнил ему Павел.

- Не хочешь, я - один, - с обидой ответил Бельский. Надулся, умолк. Но долго молчать он не умел:

- Как они тут живут, с такой погодой... - уже через несколько секунд проворчал Илья. - А что это за дом такой - без углов?

- Общага это, - со знанием дела ответил Павел. - Вроде, принадлежит их училищу.

Свет горел почти в каждом окне. Через железную дверь они вошли в донельзя ободранный подъезд со специфическим запахом общежития. Лифт не работал и на нужный этаж поднялись пешком, прошли по круглому коридору и оказались возле двери в квартиру. Павел постучал, дверь тут же открылась. На пороге стояла симпатичная брюнетка с короткой стрижкой, чёлкой на глаза, в коротком розовом халатике.

- Наконец-то, Паша! Думала, заблудились! Заходите, ночные гости, - она отступила внутрь квартиры, подставила Краскову щеку для поцелуя. - Давно не виделись!

Павел, смущаясь, чмокнул её в щёчку.

- Кха-кха... - раздалось за его спиной, и он отступил в сторону, насколько это было возможно в тесноватом коридоре, давая дорогу Бельскому.

- Юля, познакомься, это мой коллега и товарищ Илия Бельский. Илья, это - Юля.

Бельский галантно, насколько позволил рюкзак, поклонился и поцеловал девушке руку. "Очень рад, очень", - с придыханием начал он. Павел легонько двинул его локтем в бок: "Не переигрывай!"

Квартира выглядела скромно, но очень уютно. По бокам небольшого коридора слева располагалась душевая, справа - санузел. Ещё две двери вели - в кухню с плитой, набором шкафов на стенах и широкой кушеткой и в небольшой зал с диваном и полками, забитыми книгами.

Сели за накрытый Юлией стол. Она постаралась, как могла: супчик, колбаска, котлеты. Извинилась, что скромно: "Время у нас в Ленинграде стало сложное, карточки ввели... - начала она извиняться. - Народ прозвал их "визитками". Сначала перевели на визитки алкоголь и сахар, потом - и другие продукты. Ну, люди стали эти визитки подделывать. Теперь хотят продавать некоторые товары не просто по визиткам, но и при наличии паспорта с местной пропиской. Например, мясо, масло, сигареты...

- И как же вы теперь живёте? - Илья кивнул на накрытый стол.

- Нормально живём! - Юля подошла к холодильнику и широко распахнула дверцу. - Смотрите! - Павел увидел полки, доверху забитые банками, баночками и свёртками. - И мясо есть! - Юля потянула дверцу морозилки.

- Да, ладно, - оборвал её Павел. - У нас, в Сибири, тоже - всё по талонам. А стол у тебя - что надо!

- Вот только выпить... - Юля пожала плечами.

- А у нас собой было! - бодро откликнулся Илья. Он выскочил в коридор, полез в свой рюкзак и вытащил из него бутылку портвейна "777".

- Три топора!, - торжественно объявил он и поставил бутылку в центр угощений.

- У тебя там склад, что ли?! - усмехнулся Красков.

... Разговор не умолкал. Юля расспрашивала Павла о семье, жене и детях. Вместе они со смехом вспоминали время Юлиной жизни в Сибири, обсуждали отличие того бытия от проживания в северной столице. И не всегда столичное житиё выгодно отличалось от провинциального. Илья вертелся между ними, как уж на сковородке, то и дело вставляя реплики и даже анекдоты, которых знал великое множество.

"Хорошие все же в Ленинграде люди", - выдал он в конце вечера.

Спать они улеглись далеко за полночь по ленинградскому времени. Юля разобрала им диван в комнате. Павел, как только головой коснулся подушки, начал проваливаться в сон. Последнее, что он осознал из слов Ильи: "Так, у вас с ней?.." "Нет!" - мотнул он головой в ответ. "Может, попробовать..." "Не вздумай", - пробормотал Павел и уснул.

...Утром Бельский подскочил с постели первым. Было около восьми по местному, за окном уже рассвело, хотя новый день по-прежнему хмурился. За окном медленно кружили снежинки.

Юлия была на ногах, хотя вчера сообщила, что на работу ей ко второй паре. Они попили чайку. Павел решил позвонить Владимиру Петровичу, благо здесь в квартире был телефон. Однако на другом конце опять не ответили.

- Раньше девяти нечего и звонить, - заверил его Бельский. - Вот лучше скажите нам, Юлия, во сколько у вас начинают торговать пивом из бочки, что напротив? - с самым серьёзным видом обратился он к девушке.

- Думаю, уже работают, - махнула рукой та. - Там с утра - своя клиентура, у кого "колосники горят".

- Не скажите, Юля, пиво - это вещь! А что, Юля, у вас не найдётся трёхлитровая банка? А лучше - две, - он с вызовом посмотрел на нахмурившегося Краскова.

- Ты что, с утра его пить будешь? А обком? Командировка?! - заворчал Павел

- Мы его в холодильник поставим, - нашёлся Илья. - Вечером погуляем.

- Сегодня в гостиницу надо прорываться. Не будем злоупотреблять гостеприимством! Сам знаешь: незваный гость - хуже татарина, - продолжал гнуть своё Павел.

- А ты посиди, с хозяйкой пообщайся. Владимиру Петровичу звони. Я быстро сгоняю, - он запихал в сетчатую авоську обе банки, оделся и выскочил за порог.

Пока его не было, Павел всё-таки дозвонился до обкома. Владимир Петрович извиняющимся голосом просил прощения за вчерашнюю нестыковку, доложил, что с гостиницей всё улажено. "СелИтесь, и мы ждём вас в Смольном - в обкоме. Пропуск я вам заказал"...

Илья вернулся минут через двадцать, глаза его светились радостью.

- Жигулёвское! У нас дома пива днём с огнём не достанешь, - радостно заорал он с порога. - А в Питере - вот оно! - и он так шмякнул авоськой с банками об пол, что одна из них лопнула, и пенный напиток растекся большой пахучей липкой лужей по коридору, намочив красивый половичок у двери.

Юля ахнула от неожиданности, кинулась собирать жидкость тряпкой в эмалированный таз. «Ах ты, ё..., - только и успел растерянно сказать Илья и едва не сел с досады в лужу. Он буквально онемел и молча наблюдал, как Юлия с Красковым гоняют тряпками по коридорчику разлитое пиво и хохочут в голос, глянув в очередной раз на Бельского, на лице которого застыла маска невыразимой скорби.

После этого он молчал всю дорогу, пока они добирались до Дома политпроса. Сегодня за стойкой администратора дежурила худощавая женщина средних лет. Она быстро проверила их документы, сверила с заполненными анкетами и подала Павлу ключ с биркой 221: "Второй этаж, направо", - напутствовала гостей.

В небольшой узкой комнате-пенале с видом на улицу их поразила спартанская обстановка. Две аккуратно заправленные односпальные деревянные кровати стояли у противоположных стен, рядом с ними прикроватные тумбочки из светлого дерева - под цвет отделанных панелями стен. Небольшой стол, два стула. "Знаешь, - предложил Павел, - вещи разбирать не будем, сразу рванём в обком, в Смольный. Время-то идёт..."

- И даже пива не попробуем? - Илья выставил на стол прихваченную с собой уцелевшую трёхлитровую банку пива.

- Вечером попробуем, - твёрдо сказал Красков.

Они вышли на площадь Пролетарской диктатуры, повернули налево, как объяснила администраторша, в Смольный переулок. Прошли через каменные пропилеи, украшенные портиками с колоннами. В лоджиях пропилеи они прочитали надписи на бронзовых досках с изображением наград города и области. Надпись наверху левой пропилеи гласила "Первый совет пролетарской диктатуры", на правой "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Потом по широкой аллее вошли в сад, в конце которого возвышалось грандиозное, необычайно длинное - в виде буквы П - трёхэтажное здание бывшего Смольного института благородных девиц, а сейчас - комитета областной организации ленинградских коммунистов.

На одной из боковых площадок центральной аллеи перед ними вырос справа - бронзовый бюст Карла Маркса, потом слева - Фридриха Энгельса. "Борода у Карла побогаче будет", - философски заметил Илья.

Деревья в саду грустно покачивали голыми ветвями. Но с дорожек и газонов листья были тщательно убраны. Низко нависало свинцового цвета небо. Дождя и ветра не было. Выпавший утром первый в этом году снег растаял и угадывался лишь скромными белыми пятачками в зелёной ещё траве.

Павел достал камеру, начал снимать кадры начала их командировки в предзимнем Ленинграде. Слева от трёхэтажного здания возвышался величественный купол Смольного собора. Через решетчатую калитку она подошли вплотную к зданию. У главного входа в Смольный, посреди широкой клумбы, стоял памятник: выступающий на броневике, Ленин в левой руке зажал кепку, правую вскинул вперед. Красков запечатлел даты на ленинском постаменте "1917-1921".

Потом они по очереди снимали постановочные кадры: вот поднимается по ступеням и входит в историческую дверь обкома Бельский, вот он выходит из обкома с воодушевлённым лицом. Этот же путь «на камеру» проделал и Красков.

Наконец, они вошли внутрь. Дежуривший у входа на вахте милиционер проверил их паспорта, сверился со своим списком, куда-то позвонил и приказал ждать: "Сейчас за вами придут". Через пару

минут к ним вышел высокий полноватый молодой парень в сером костюме, светлой рубашке с тёмным в полоску галстуком.

- Виктор Первов, инструктор идеологического отдела, - представился он, широко улыбаясь. - А вы, действительно, из Сибири? Как у вас там?

- Нормально, - в тон ему ответил Илья. - Тоже - всё по карточкам, как и у вас. А в остальном - ничего. Погода даже лучше вашей...

- Пойдём ко мне в кабинет, - позвал Первов. - Чаем угощу.

По широкой лестнице он повёл их на второй этаж. В кабинете было два стола. За одним из них сидел ещё один молодой парень и одним пальцем "отстукивал" на старенькой печатной машинке. "Галстуки им, видимо, в обкоме выдают", - отметил про себя Павел его полосатый галстук.

- Геннадий... - представился тот, привставая и пожимая руки Бельскому и Краскову. - Извините, у меня срочный отчёт. Был в Кронштадте, проверял работу товарищей... - он снова уткнулся в машинку.

Виктор включил электрочайник, поставил на свой стол чашки с блюдцами, начатую пачку индийского чая, сахар, коробочку с печеньем, положил ложечки.

- Закипит - заваривайте сами, - предложил он. - Я пойду Юрию Павловичу Белову про вас доложу. Он - секретарь обкома по идеологии. Хотел с вами пообщаться. Он у нас недавно. Классный мужик! - и Виктор ретировался.

Вернулся он через четверть часа. Гости успели попить чайку, прикончив печенье. Но Виктор не обратил на это внимания.

- Юрий Павлович примет через час. Сейчас у него совещание. Так что, посидим, подождём.

- Давай по Смольному пройдёмся, мы же впервые в колыбели революции, - подскочил Илья. - Ты нам всё покажи, а Павел поснимает, - кивнул он товарищу.

- Пойдёмте, - охотно согласился Первов. - Сумки здесь оставьте.

Они вышли в широкий, бесконечный коридор, уходящий, кажется, за горизонт, с кабинетами по обеим сторонам, на дверях которых красовались аккуратные таблички с именами владельцев.

- У меня такое ощущение, - не выдержал Илья - Что из-за двери вот-вот покажется Троцкий, Каменев или Зиновьев... И как они тут ходили по таким длинным коридорам к Ильичу на совещания? А вы как - бегаете что ли? - хмыкнул он.

- Да, длина коридоров около двухсот метров! - Виктор, без сомнения, гордился своим местом работы. - Иногда, действительно, бегать приходится, чтобы успеть. А при Ленине, говорят, кое-кто из наркомов на заседания правительства или на совещания всякие по коридорам на "великах" ездил. Нарком по иностранным делам Лев Давидович - вполне мог. Любитель был велосипеда. У них с Ильичём кабинеты располагались в разных концах здания. А вызывали его к Ленину часто. Так он, вроде бы, гонял туда-сюда на двух колёсах. Даже на лестницах по краям, вроде, велодоржки были...

Они подошли к высоким белым дверям. "Это актовый зал, пойдёмте", - позвал Виктор.

- Архитектор Кварнеги строил здание для института девиц благородных, - рассказывал на ходу Первов.

Они вошли внутрь. Через весь зал тянулись светлые колонны. Павел не отрывался от видоискателя камеры. Плавными длинными планами он снимал высокий красивый потолок, возвышающийся на целых два этажа здания, украшенный в боковых пролетах кессонами с лепными розетками.

На входной стене - справа и слева выделялись две огромные плоские лепные фигуры крылатых женщин. "Это фигуры "Славы", - пояснял Виктор. - Раньше под ними были большие печи для обогрева зала. Вот люстры здесь настоящие, сделаны по эскизам Кварнеги..."

Гости, задрав головы, разглядывали замысловатые люстры, которые крепились к потолку на длинных золотистого цвета цепях, с лампочками в виде свечей.

- Представляете? - Первов перешёл на шёпот. - Здесь выступал Владимир Ильич!

- Насколько помню, он и жил прямо в Смольном? - нарушил возникшую паузу Илья.

- Пойдём, я вас в его музей-квартиру проведу, - предложил Виктор.

Она оказалась здесь же, на втором этаже. Вначале они пришли в кабинет Ильича. Их встретила смотрительница - пожилая подтянутая

женщина в униформе, больше напоминавшей серый халат. "Марь Ивановна, - попросил её Виктор, - покажите всё нашим гостям с сибирского телевидения".

Та начала заученно скучным голосом:

- Ленин жил и работал в Смольном с ноября 1917-го до 10 марта 1918-го. Он занимал две комнаты с окнами на собор...

Павел снял дверь с кабинет Ленина с надписью "Классная дама", широкий двухтумбовый письменный стол с зеленым сукном, бумаги, исписанные стремительным, малоразборчивым почерком вождя. Здесь же лежал его пропуск в Смольный, подписанный комендантом, стояла настольная лампа с зелёным колпаком абажура. Рядом - старинный телефонный аппарат, бронзовый прибор с двумя чернильницами и перьевой ручкой. У стола - стул с гнутой спинкой. Напротив - диван и стулья для посетителей.

- Можно, я сяду за стол, а Павел меня снимет? - повернулся к хозяйке Илья.

- Ни в коем случае! - ответила женщина испуганным голосом. И осуждающе посмотрела на Бельского.

Тогда Илья подошёл к окну, завешенному плотной белой шторой, отодвинул её и выглянул на улицу.

- А это что за речка? - снова без обиняков спросил он у Марьи Ивановны. Павел заметил, что её аж передёрнуло от такого вопроса.

- Это не речка, молодые люди. Это - Нева! - торжественно произнесла она. - Главная водная артерия Ленинграда.

- Ладно, ладно, - примирительно отреагировал Бельский. - Не возражаете, если мы подснимем вид из окна? - смотрительница не ответила, а, поджав тонкие бесцветные губы, отошла в угол комнаты.

Павел принял это за разрешение, кивнув Илье: подержи штору, - и несколько секунд фиксировал на камеру вид из окна Ленинского кабинета на Смольнинскую набережную и хозяйственные постройки Смольного.

Потом они зашли за перегородку, отделяющую кабинет от спальни. За ней была небольшая комната с узкой тщательно застеленной кроватью с высокими железными решетчатыми спинками, окрашенными белой краской. Узкая печь-голандка была встроена в

стену. Рядом с ней лежало несколько берёзовых поленьев. Из приоткрытой печной дверцы тоже выглядывали поленья.

Павел методично вёл съёмку: деревянная этажерка с книгами, шкаф для одежды, книжный шкаф, столик с графином. А Марья Ивановна безо всяких эмоций в голосе продолжала: "Сюда часто заходила Надежда Константиновна. Иногда она подходила к Ленину со стаканом чая и тихим голосом говорила: "Товарищ, не забудьте выпить чай..."

- А что, мужики, давайте забежим в столовую. Там сейчас народу нет, обед закончился, - предложил гостям Виктор.

Пока они шли "подхарчиться", Виктор показал им коридорчик - переход из главного коридора в туалет, - где, по его мнению, убийца поджидал и злодейски застрелил зимой 1934 года первого секретаря Ленинградского губернского комитета ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова.

- Как вы тут только работаете - среди всей этой истории и теней прошлого? - с завистью спросил его Бельский. Тот не ответил, а только хмыкнул и многозначительно посмотрел на сибиряков.

Столовая располагалась в правом крыле на первом этаже. И меню тут было неплохое для непростых времён. Когда они, сытые и довольные, поднимались из-за стола, в обеденный зал заскочил запыхавшийся Геннадий:

- Вот вы где? Давайте, быстрее! Белов ждёт.

...В большом светлом кабинете за большим столом что-то быстро писал коренастый человек лет пятидесяти, с крупной головой, гладко зализанными русыми волосами и большими залысинами над высоким лбом. Его серьёзное славянского типа лицо украшала седоватая шкиперского типа бородка, которая создавала впечатление неухоженности. Но оно мгновенно сглаживалось цепким взглядом умных тёмных глаз.

Он встал им навстречу, крепко пожал руки, представился:

- Юрий Павлович Белов. Очень рад! Давно не виделся с сибиряками... Расскажите, как у вас там идёт перестройка?

Илья с Павлом уселись за приставной столик у главного стола. Красков не выпускал камеру из рук.

- Сложно у нас, - многозначительно начал Бельский. - О шахтёрских забастовках, наверное, слышали?

- Как же, конечно. Шахтёры всю страну всколыхнули. Ясно дают понять, что надо ускорять перестройку. Трудности переживём. Уверен, все они - временные. Партию надо реформировать. А следом и страну.

- А талоны это отменит? Экономика задышит, наконец? - вмешался в разговор Павел.

- Конечно. Мы здесь в этом уверены. Только надо больше работать. Всем - работать! Каждому на своём месте добросовестно исполнять свои обязанности... - уверенно чеканил слова Юрий Павлович.

- А можно, мы возьмём у вас небольшое интервью? - вклинился в его слова Илья. Тот кивнул и Павел включил камеру, быстро настроил цвет, звук и кивнул Илье: "Начинай, я начну снимать с твоего вопроса".

- Юрий Павлович, - Илья серьёзно смотрел в объектив камеры. - Как вы считаете, сколько нужно времени, чтобы перестройка завершилась успехом?

Тот слегка оторопел от такого "конкретики", но быстро с этим справился:

- Считаю. что страна вместе с нашей партией сумеет преодолеть временные трудности в экономике. Перестройка всего общества, в первую очередь, нашей экономики, которую мы ведём под руководством генерального секретаря Михаила Сергеевича Горбачёва, требует решительных шагов, - он на секунду задумался и уверенно продолжал. - Необходимо разгосударствление ряда предприятий, приватизация в некоторых отраслях, привлечение в страну иностранного капитала...

- Но это же капитализм? - ироничным тоном перебил его Илья. - Коммунисты же должны быть против этого, выступать за общественную собственность...

Юрий Павлович посмотрел на него с интересом:

- Время меняется, молодой человек. Сейчас наступают другие времена, - он нервно забарабанил пальцами по столу. - В социально-экономической сфере мы - современные коммунисты - выступаем за многоукладную экономику, равенство перед законом всех форм

собственности, включая частную, - он загнул один палец на правой руке. - За постепенное разгосударствление предприятий при частичной приватизации, - загнул второй палец. - За развитие отечественного частного предпринимательства, - загнул третий палец. - За привлечение иностранного капитала, - ещё один его палец присоединился к первым трём. - За смешанную экономику и развитие рыночных форм хозяйствования, - рука сжалась в кулак, которым он негромко постучал по столешнице. - Надо донести это до ваших шахтёров. Уверен, они нас поймут правильно!

- И ещё, - он выдержал паузу. - Мы должны победить болезнь, которая нам досталась от сталинизма. Он внедрился в сознание людей в идеях казарменного социализма, насаждаемого административно-командными методами. Кому-то выгодно очернять нашу партию именно в тот момент, когда она освобождается от позорного и тяжкого наследия сталинщины… Нам нужно формировать единый фронт всех демократических сил против "социально опасных" охранителей "святого" прошлого! - и он замолчал, давая понять, что интервью окончено.

Павел выключил камеру и поставил её на пол.

- Скажите, чем я могу помочь вам в этой командировке? - спросил Белов у гостей.

- У нас в Ленинграде два дела, - сразу ухватился Илья. - Нам надо попасть на ваше городское телевидение, к Невзорову. А во-вторых, помогите съездить в Кронштадт, это ведь закрытый город.

- Не вопрос, - сказал секретарь обкома. Он нажал кнопку на переговорном устройстве на боковом столике:
- Пригласите ко мне Первова.

...- Ни черта он не разобрался в причинах шахтёрских забастовок, - Илья весь извёлся, что не возразил в разговоре секретарю обкома. - Люди хотят свободной экономики. Но - без КПСС, - горячился он, когда они с Красковым на чёрной обкомовской «волге» с госномером серии ЛЕА ехали на ленинградскую телестудию.

- Да успокойся ты, спорщик! - осаживал его спокойный, как удав, Павел. - Ему твоё мнение - до фени. Они с Михаилом Сергеевичем новую коммунистическую жизнь построить хотят... Только вот пока получилось так, что жрать стало нечего - ни в Сибири, ни в Питере. Если дальше так пойдёт, ничего хорошего не жди.

Они разглагольствовали, развалясь на заднем сиденьи. За окном над городом по-прежнему нависало низкое хмурое небо. Было начало четвёрного часа, а казалось, что уже спускаются вечерние сумерки. Водитель машины, пожилой седоусый мужик, долго молча рассматривал их в зеркало заднего обзора. Поймав паузу, вмешался в разговор:

- А вы откуда будете, ребята? - по отечески спросил он.

- Из Сибири, отец, - ответил Илья.

- И что, у вас тоже всё по талонам? - он поправил зеркало, чтобы лучше видеть Бельского.

- По талонам, как и у вас, батя, - Илья дотянулся и похлопал его по плечу.

- Вот настали времена! Довели страну, - водитель даже скорость сбавил. - Правильно говорят ваши шахтёры: так жить нельзя! Надо что-то делать! Но надо менять не только на шахтах. По всей стране менять надо, - и он замолчал, уткнувшись взглядом в дорогу. Может, почувствовал, что сказал лишнее...

Они следили через окно машины за мелькавшими на фасадах домов вывесками с названиями улиц: проехали по Каменноостровскому проспекту, свернули на Чапыгина, подъехали к дому 6, который, в отличие от окружающих зданий, был выстроен в виде четырёхэтажного квадрата с внутренним двором. Из больших букв, висевших на углу его фасада, сверху вниз складывалось слово "Телецентр". Невдалеке виднелась телевышка.

В фойе их уже ждали: тоненькая девушка в синих джинсах и белом свитерке сразу же подошла и спросила их фамилии. Когда проходили мимо охраны через турникет, представилась: "Меня зовут Наташа", - а пока поднимались на четвёртый этаж, щебетала, не переставая:

- Я - помощник режиссёра. Вообще-то Александр Глебович редко встречается с коллегами, не любит давать интервью. Тем более, работы у нас много... У вас есть минут двадцать, ну, от силы, тридцать. Александр Глебович готовит вечерний эфир."

Они вошли в редакцию передачи "600 секунд". Это было большое помещение, наполненное, на первый взгляд, ненужным хламом, вперемежку с мебелью. В одном углу стоял стол, из-за которого им навстречу поднялся молодой поджарый парень, лет тридцати, выше

среднего роста, которого они узнали сразу. Протянул руку, представился: "Невзоров, Александр. Сделайте нам чаю, - бросил он кому-то. - Садитесь, парни. У нас сейчас идёт монтаж, ради него всё отменяется. Так что времени у вас в обрез.

Они присели к его столу. Павел достал и настраивал камеру, присматривался к известному на всю страну журналисту. Отметил его симпатичное худощавое лицо, тёмно-русые волосы, серьёзный, умный взгляд.

- Записывать будете, - кивнул он на камеру.

- Будем, если не возражаете, - Илья излучал само благодушие.

- Не возражаю. Только давай на "ты", - предложил хозяин студии.

Бельский прочистил горло, но всё равно голос его слегка осип:

- Александр, - несколько торжественно начал он. - Расскажи, хотя бы коротко, об истории передачи.

Передача впервые вышла в эфир 23 декабря 1987 года, назвал точную дату Невзоров. И сразу привлекла к себе внимание зрителей, в основном, своей новизной и динамичностью, которая была подчёркнута счётчиком секунд в углу экрана. "Мы на всю катушку используем объявленную Горбачёвым политику гласности, - Александр усмехнулся. - Это не всем нравится..."

Они едва ли не первыми в стране начали показывать сюжеты о коррупции чиновников, критиковать депутатов Ленсовета. "Особенно нас не любит председатель горсовета Анатолий Собчак. Знаете такого?" "Как же, - кивнул Илья. - Политик новой волны". "Вот именно!" - кивнул Александр Глебович.

Он говорил быстро, торопливо. Поглядывал в сторону монтажной комнаты.

- Я поставил перед командой задачу - завоевать информационное пространство. Поэтому у нас в эфире идут и убийства, изнасилования, организованная преступность, фальшивомонетчики. До нас в стране ещё не показывали громких катастроф, ни каких-то страшных происшествий. Для зрителя - это в новинку. Люди это смотрят...

При этом, "600 секунд" нередко помогают людям решать свои проблемы, добиваются отставок негодных руководителей. В качестве

подтверждения своим словам он показал дверь, на которой, как на фюзеляже истребителя, можно было увидеть звездочки. Ими в студии обозначают высших чинов, которых сняли с должностей после выхода сюжета в "600 секундах".

- Жёстко вы! - покрутил головой Илья.

- А как иначе перестроить страну? - ответил Невзоров вопросом. - Порой удаётся реально помочь. От этого мы все "тащимся".

Илья начал расспрашивать об организации дела. Над передачей постоянно работают сразу несколько съемочных групп. Часто выезжают на событие, толком не зная, что там происходит. Разбираются уже на месте. А норма в день для выпуска - 7-8 сюжетов. Выезжают на съемки с утра. Каждая группа имеет свой транспорт. К 18 часам большинство из них возвращаются в студию - нужно быстро монтировать сюжеты к эфиру. Тексты начинают писать ещё в машине, по дороге на студию. Что и как показать и сказать в репортаже, - советуются всей бригадой, включая осветителя и водителя. Потом - видеомонтаж, "озвучка" сюжета. И, наконец, монтаж передачи целиком.

"У нас очень профессиональные монтажники", - с гордостью сказал хозяин программы. Кроме Невзорова, передачи иногда ведёт Светлана Сорокина или Вадим Медведев. Но зрители особенно любят выпуски самого Невзорова, - говоря это, он нарочито скромно потупился.

- А как удаётся столько информации уложить в 600 секунд? - влез со своим вопросом и Павел, оторвавшись от камеры. Илья при этом недовольно поморщился.

Александр будто ждал этого вопроса, голос его сразу оживился:

- К нам на студию одно время часто приезжали иностранцы, спрашивали: как вам удалось сделать такую передачу? Многих, кстати, интересовала фишка с таймером на экране, который ведёт обратный отсчет времени. Даже спорили - успеет ли ведущий закончить прежде, чем на экране появятся четыре нуля. Такого же нигде в мире еще не было! Что могу сказать? - он развёл руками. - Многое приходится сокращать, выбрасывать в корзину в угоду формату. Тут уж ничего не поделаешь, сами его придумали. Да и привыкли уже к телеграфному стилю. Зато, в одну программу по 18-20 материалов втискиваем...

- Александр Глебович, - позвали его из монтажной. - У нас сюжет готов, надо озвучивать.

- Всё, парни, больше не могу, - он пожал им руки. - Привет сибирякам!

- А можно, мы ещё антураж тут поснимаем? - попросил Павел.

- Пять минут, - кивнул Невзоров и исчез за дверью монтажной.

Гости прошлись по редакции. Красков сделал несколько планов студии, где проходит запись ведущего передачи, снял растолканную по углам старую аппаратуру и новенький видеомонтажный комплекс, сосредоточенные лица режиссёра с журналистом, которые делают очередной репортаж.

Потом Павел уложил камеру в кофр. Наташа вызвалась проводить их вниз, на выход.

- А можно нам посмотреть большую студию, где снимают прямые эфиры, другие передачи? - попросил Илья.

Девушка пожала плечами: не знаю, давайте спросим у начальства.

Вход в главную студию был на первом этаже. Когда они подошли к большой массивной двери с круглым окном-иллюминатором, возле неё толпилось человек десять, большинство - в пиджаках и при галстуках. "Наверное, сегодня здесь кто-то из высоких гостей", - предположила Наташа. - Подождите здесь, пожалуйста, - повернулась она к сибирякам. - Сейчас узнаю".

Она подошла к полноватому мужчине лет пятидесяти в тёмно сером костюме, белой рубашке и серебристом галстуке. Круглое лицо украшали очки в светлой роговой оправе. Девушка, привстав на цыпочки, начала говорить ему на ухо, кивая в сторону Ильи и Павла. Тот вначале слушал, хмуря лоб, потом с интересом поглядел в сторону Бельского и Краскова и направился к ним.

- Председатель Ленинградского комитета по телевидению и радиовещанию Борис Петров, Борис Михайлович, - протянул он большую мягкую ладонь по очереди Павлу и Илье. Они так же по очереди представились.

- Из Сибири, говорите? Из глубины сибирских руд, так сказать... Очень рад! Как у вас там, в провинции, работает телевидение? Наверное, спокойно и размеренно?..

- Всяко бывает, - перебил его Илья.- Забастовки шахтёров, наверное, видели? Всю страну встряхнули! Сейчас - спокойнее. Но если судить по магазинам, тоже ничего нет. То есть, ничего хорошего...

- А что у вас за гость сегодня? - кивнул Павел на толпящихся у входа в главную студию.

- О! - Борис Михайлович поднял вверх указательный палец. - У нас сегодня на эфире - сам! Первый секретарь обкома партии Борис Вениаминович Гидаспов. Вот и суетимся. А у вас областное начальство тоже бывает?

- Нет, - помотал головой Илья. - Мы же негосударственная телекомпания.

- Мне сказали, что хотите посмотреть, как наша главная студия работает? Пойдёмте за мной, только тихо.

Бельский с Красковым двинулись за ним. Он подошёл к двери. Приложил палец к губам - в ответ на молчаливые вопросы людей в костюмах. Потом еле слышно побарабанил пальцем по стеклу круглого окна. Там мелькнуло чьё-то озабоченное лицо, которому он сделал знак. Толстая металлическая дверь приоткрылась, Борис Михайлович шагнул в внутрь, поманил за собой гостей.

Они оказались в огромном полутёмном пространстве, середина которого с помостом и сидящими на нём в креслах двумя собеседниками была ярко высвечена. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС спокойно и обстоятельно, с видом уверенного в своей правоте человека отвечал на вопросы симпатичной и очень подвижной собеседницы.

Передачу снимали тремя громоздкими стационарными камерами на колёсах. Рядом с входом стоял большой чёрный рояль. Облокотившись на него, за съемками молча наблюдали три женщины. Вошедшие присоединились к ним. Правда, с этого места не было слышно голосов участников передачи.

- Это - запись, - громким шёпотом пояснял Петров. - Сегодня вечером выдадим в эфир. Гидаспов у нас - мужик легендарный. Химик, академик, доктор наук, членкор академии. В 1986-м был на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Говорят, схватил там лишнюю дозу... - Борис Михайлович явно гордился своим ленинградским начальством. - Многие не понимают, зачем он пошёл

на партработу? Я, кстати, тоже, - он покивал головой. - Наверное, не мог отказать Михаилу Сергеевичу. Тот пытается реанимировать страну новыми кадрами. Только, толку пока... - Петров прикусил язык, почувствовав, оглянулся, внимательно посмотрел в глаза каждого из гостей.

Запись в это время закончилась. Гидаспов встал, он был высок, крепкого телосложения, выражение лица выдавало внутреннюю усталость. Одна из стоящих у рояля женщин поспешила к нему, сняла с лацкана пиджака петличку с микрофоном.

- Сейчас я вас представлю, подождите, - и Борис Михайлович вошёл в центр яркого круга.

Через мгновение Илья с Павлом стояли перед этим статным человеком, поёживаясь под внимательным взглядом серьёзных глаз. Руки Гидаспов держал за спиной.

- Как настроение у шахтёров? - спросил он, глядя поверх их голов на внутренний балкон, расположенный на уровне второго этажа, где за широкой стеклянной стеной за главным пультом студии сидели режиссёры.

- Настроение - не очень, - живо ответил Илья.

- Да, начали с нехватки мыла, а потом потребовали свободы экономики, - вставил слово и Павел.

- В капитализм их тянут, в рынок. А он в нашей стране невозможен, - уверенно сказал первый секретарь. - Задурили мужикам головы... Ладно, - вздохнул он. - Как вам у нас? Может, просьбы есть какие? - он опустил взгляд на гостей.

- Есть, Борис Вениаминович, - встрепенулся Илья, Павел с удивлением посмотрел на него. - Помогите нам поменять билеты на самолёт. У нас вылет домой - на восьмое ноября, а мы хотим улететь четвёртого. Без вашей помощи - никак...

На лице Гидаспова не дёрнулся ни один мускул от этой странной, по мнению Павла, просьбы. Он прищурился, вглядываясь в окружающие их сумерки студии, поманил кого-то рукой. К нему быстро подскочил один из молодых в галстуке: "Слушаю, Борис Вениаминович!"

- Помоги нашим гостям с билетами на самолёт, - приказал первый секретарь. - Сделай так, как они просят.

Павел отдал помощнику билеты на обратную дорогу. "Где остановились?" - преданно глядя в глаза Краскову, поинтересовался помощник "первого! "В гостинице политпроса", - ответил Красков. "Знаю, знаю, - закивал молодой. - Билеты оставлю у администратора".

...Часа через полтора они сидели за столом у тёмного окна в своём номере и потягивали "жигулёвское", заедая его розовыми, слегка раскисшими кусочками солёного сала и намазывая на чёрные ломтики ленинградского хлеба содержимое банки "Завтрак туриста", которую вместе с хлебом купили в первой попавшейся на обратном пути в гостиницу булочной. Вяло обсуждали наполненный событиями прошедший день. "С пивом ты, всё же, здорово решил!" - хвалил Бельского Павел. Тот довольно хмыкал, улыбался во весь рот.

- Ты заметил, что Гидаспов руки прячет? - громко отхлебнул из стакана Павел.

- Нет, - Илья нахмурил лоб, пытаясь вспомнить. - А почему, по твоему?

- Видел, у него кожа на ладонях облезает. Думаю, это после Чернобыля.

Они долго "обсасывали" это предположение. В конце концов, сошлись на том, что Гидаспов не очень-то поддерживает "перестройку", а, значит, и её главного организатора...

Дошла очередь и до Невзорова с его нашумевшей передачей.

- Пашут мужики, как черти! А мы считаем свою работу потогонной. Их нагрузку с нашей не сравнить! - говорил восхищённо Илья.

- Так нам бы по восемь съемочных групп! Глядишь, и мы бы... - Павел снова отхлебнул из стакана живительную влагу.

- Ладно, не зарывайся, талантливый ты наш, - добродушно ткнул его кулаком в спину Бельский.

- А зачем мы билеты поменяли? Ты хотел возможности первого секретаря проверить? В кои веки в Питер вырвались! Я тебя что-то не понял? - покосился Красков на товарища.

- Да надоело мне здесь, - откровенно признался Илья. - Домой захотелось. Как-то у нас всё проще, спокойнее.

- Ну, ты даёшь, спокойнее! Забыл шахтёров на площадях?! Мне, честно говоря, страшновато было - такая сила...

...Ровно в девять утра вчерашняя чёрная "волга" ждала их у парадного Дома политпроса. Рядом со знакомым седоусым водителем сидел Виктор Первов. После обмена рукопожатиями Илья категорически заявил: "Впереди сяду я, уж, извините. На город посмотрю".

На улице было холодно, порывистый северный ветер гнал по хмурому небу рваные низкие облака. Ночью опять шёл снег, под утро растаял, но кое-где белел на кромках луж.

- Ладно, не возражаю, - сдался Виктор. - Петрович, жми на газ! - водитель лишь кивнул, сегодня он был молчалив.

Павел достал камеру: "По ходу поснимаю улицы".

Машина помчалась по Шпалерной, пересекла Неву по Литейному мосту. Пока ехали по нему, Красков успел "выхватить" его красивые металлические перила, мелькнувшее вдалеке у причала туловище "Авроры", розовато-рыжие фасады домов вдоль реки на противоположном берегу. Долго ехали по набережным главной водной артерии города, пока не выбрались на Приморское шоссе. Петрович сразу прибавил газу. Через полчаса они "уткнулись" в опущенный шлагбаум на КПП перед въездом на насыпную дамбу, которая уходила в водные дали Финского залива.

К машине подошли двое патрульных в солдатском обмундировании с "калашниковыми" на изготовку. Один остался стоять чуть с стороне, внимательно рассматривая машину, второй подошёл в дверце водителя, наклонился к открытому Петровичем окну, потребовал предъявить документы. Виктор подал ему "бумагу" из партийного обкома, своё удостоверение. Патрульный внимательно прочитал документ, попросил паспорта у Бельского и Краскова, сверил фото на документах с их лицами, а фамилии в паспортах - с теми, что указали в обкомовском письме. "Как строго тут у вас..." - повернулся Павел к Первову. "Так закрытый же город, запросто в него не попадёшь", - негромко ответил Виктор.

- Всё в порядке, можете ехать, - патрульный вернул им документы. - Открывай! - махнул он рукой напарнику. Шлагбаум поднялся, и "волга" осторожно въехала на дамбу.

"Тут сильно не разгонишься, - попенял Петрович. - дорога неровная, не укатали ещё как следует".

- Да мы и не торопимся, - пожал плечами Илья. - Как они живут тут - среди моря?!

Слева и справа от дамбы, до горизонта тянулась водная гладь Балтики. Ветер непрерывно гнал высокие волны, увенчанные белыми барашками. И от этого казалось, что неспокойное море может легко размыть неширокую полосу рукотворной дороги. Даже в салоне машины чувствовалось, что здесь холоднее, чем в Ленинграде.

- Кронштадт стоит на острове Котлин, - рассказывал между тем гостям Виктор. - Царь Пётр так решил. Крепость начали строить в 1703 году по его приказу, как защиту от шведов. Это потом Кронштадт стал не только крепостью, но и главной базой Балтийского военного флота. До 1983 года попасть сюда можно было только водным путём. Пока дамбу не построили. Кстати, Кронштадт означает "коронный город". Сейчас в нём проживает тысяч сорок... Но столько знаменитостей! Представляете? Отсюда уходил в кругосветку Иван Крузенштерн. Здесь был губернатором Фаддей Беллинсгаузен, он открыл Антарктиду. Отсюда отправился в Японию дипломат Николай Резанов, чтобы установить с ней торговые и дипломатические отношения.

Екатерина II хотела перевести сюда адмиралтейство из Питера, даже здания под него выстроили, но потом отменили. А суда здесь всё равно строили - на Пароходном заводе. Сейчас это Кронштадтский ордена Ленина Морской завод, - не без гордости излагал Первов...

Слева из моря постепенно вырастали очертания города-острова. Вскоре их машина свернула на Кронштадтское шоссе, которое привело прямо в городские кварталы. Архитектура многих улиц напоминала ленинградские окраины. Классицизм фасадов трёх-четырёх этажных домов восемнадцатого века перемежался с классицизмом советского периода.

Мелькнула вывеска улицы Зосимова, потом проехали по улице Восстания, пересекли русло обводного канала и выехали, наконец, к Якорной площади. Вышли из машины.

- Купол большого собора видите? - кивнул Виктор на сооружение в центре неухоженной площади. - Это Морской Никольский собор. Его отовсюду видно. Не заблудитесь. Машина будет ждать вас здесь часа в четыре. Думаю, хватит времени и поснимать, и погулять. Городок

небольшой, не заблудитесь. Если что, спрашивайте Якорную площадь. А я назад поехал, - он пожал им руки и укатил.

Парни прошли по Якорной, выглядевшей неряшливо. Ветер гонял по ней мусор, кое-где на площади белели пятна не успевшего растаять ночного снега. Огромное тело собора производило гнетущее впечатление: купола были начисто лишены не только позолоты, но и крестов. Ободранные снаружи и внутри стены сооружения говорили о том, что оно переживает тяжелые времена. Вход был выбит, никаких дверей или входных ворот будто и не существовало. Внутри было светло и пусто, холодный сквозняк лихо закручивал мелкие бумажки, сор и пыль. Пол завален строительным мусором. Не было и намёка на иконы или иконостас на алтаре. Сквозь облупившуюся штукатурку стен кое-где угадывались мозаичные грустные святые лики, проступали первоначальные цветные росписи. Было ясно, что все реликвии и церковное имущество из храма давно исчезли. Павел достал камеру и снимал собор внутри и снаружи.

Снимал и то, как Илья шагами меряет длину собора: "Девяносто семь, девяносто восемь, девяносто девять", - считал он свои шаги. Потом задрал голову вверх, пытаясь угадать высоту потолка соборного купола: "Метров пятьдесят, не меньше! Вот это махина!", - восхищался Бельский.

Через видоискатель Павлу особенно остро чувствовались разруха и запустение в самом крупном когда-то морском соборе Российской империи. А ведь Морской Никольский собор изначально задуман был как храм-памятник всем когда-либо погибшим морякам.

Потом они пошли по Красной улице, свернули в небольшой переулок и вышли на улицу Коммунистическую. Здесь на углу "трёхэтажки" советской постройки висела вывеска магазина "Дом книги". Но когда они подошли ближе, увидели и другую вывеску, что здесь жил знаменитый подводник Великой Отечественной, Герой Советского Союза, командир подводной лодки С-13 Александр Иванович Маринеско. "Это он в январе 45-го отправил на дно лайнер "Вильгельм Густлофф". На нём находились около тысячи курсантов экипажей немецких подводных лодок. Представляешь, их флот в одночасье без подводников остался, - "выкапывал" факты из закутков своей обширной памяти Бельский. - А ему только в этом году Героя дали. Посмертно, конечно!"

- Вот это - да! - потирал руки Илья. - Снимай! Покажем землякам, в каких местах мы с тобой побывали...

А буквально через дорогу они наткнулись на дом изобретателя радио, физика, профессора Александра Степановича Попова. Здесь он жил и работал, и этот факт, что они увидели жилище знаменитого изобретателя придавало их визиту в "закрытый" Кронштадт особый смысл. Ведь им, молодым телевизионщикам нового поколения телевидение всегда казалось младшим братом радио, отцом-изобретателем которого, знали они ещё со школы, был легендарный Александр Попов. А оказывается, он - жил вот здесь, рядом.

...Потом пошли в сторону моря, направление подсказывал порывистый холодный ветер. Он дул прямо в лицо, остро пахло йодом, рыбой и ещё каким-то особым запахом, который им, сухопутным жителям, был непонятен, но который, они знали - ведь приходилось же бывать в отпусках на морском побережье - есть только у морского воздуха. Илья вертел головой, разглядывая фасады местных зданий, а Павел снимал фрагменты кронштадтских улиц. Многие дома были однотипными, с оштукатуренными, но давно не ремонтированными стенами, высотой в три-четыре этажа.

Вскоре они оказались в густо засаженном деревьями уголке города. Деревья в унисон движениям воздуха качали голыми ветками и тянули их в свинцово-серое небо. Сквозь стволы проглядывала водная ширь гавани, очерченная вдали плотным тёмным рядом военных кораблей.

На берегу, неожиданно для наших путешественников, оказался памятник Петру I. Отлитая в бронзе, на высоком постаменте, огромная фигура российского императора стояла спиной к городу - лицом к морю. На постаменте была надпись "Петру Первому - основателю Кронштадта".

- Говорят, его взгляд направлен прямо на Стокгольм, - наморщив лоб, вспомнил Бельский. - Я где-то читал об этом. А ты - после Петра - сними корабли, - подсказывал он Краскову. - Всё же - город военных моряков...

- А кто вам разрешил здесь снимать?! - громко оборвал Илью командный голос, раздавшийся у них за спиной. Они вздрогнули от неожиданности, резко развернулись к говорившему. К ним подступала тройка военных в морской форме. На правых рукавах их чёрных

шинелей красовались повязки с надписью "Патруль", талии были туго перехвачены ремнями с пряжками с изображением якоря.

Гости онемели от неожиданности, молча разглядывали патрульных. У офицера на голове красовалась фуражка с белым верхом, на погонах - три звёздочки. У матросов на бескозырках - надпись "Военно-морской флот", а на чёрных погонах - по одной лычке. Суровые выражения на лицах не обещали ничего хорошего.

- Кто такие? Почему ведёте съемки? Кто дал разрешение? - продолжал допрос старший лейтенант.

- Господин офицер! - обрёл, наконец, голос Бельский. Он попытался разрядить обстановку первой пришедшей на ум шуткой:

- Господин офицер, считайте нас простыми сибирскими валенками...

- Товарищ офицер! - резко поправил его старлейт. На шутку он явно не среагировал. - А ну, предъявите документы! - его спутники потянули с плеча ремни карабинов.

- Всё-всё, - обескураженно развёл руками Илья. - Доставай документ, - сказал он молчавшему до сих пор Краскову и сам полез в карман за паспортом.

Офицер долго, придирчиво рассматривал их паспорта, вглядываясь в лица, проверил прописку.

- Приехали из Сибири, - убедился он. - А как проникли в закрытый город?

- Так я же и говорю, - зачастил Илья, поняв, наконец, что они могут попасть в неприятный переплёт. - Мы - тележурналисты, находимся в Ленинграде в командировке по приглашению вашего обкома КПСС, для изучения опыта работы Ленинградского телевидения. Разрешение на поездку в Кронштадт дал секретарь обкома Юрий Павлович Белов, если знаете такого... Приехали в ваш город на обкомовской машине в сопровождении партийного работника. На ней же и уедем обратно. Вот моё редакционное удостоверение, - он протянул старлею красную книжечку с выдавленным на обложке крупным позолоченным словом "Пресса". Тот внимательно изучил и её.

- Ладно, - чуть смягчил тон старший патруля. - Всё равно, у вас нет разрешения на съёмку в закрытом городе. А корабли - это вообще военные объекты.

- Кто должен дать такое разрешение? - подал голос и Павел. - Мы ничего секретного не снимаем.

Офицер слегка растерялся, видно было, что вопрос Краскова поставил его в тупик.

- Ну-у-у, - затянул он, а его свободная рука потянулась к затылку - почесать. Но он вовремя сообразил, что это его движение будет нелепо выглядеть в глазах незнакомцев и опустил её. - Ну, хотя бы у председателя Кронштадтского райсовета Виктора Леонидовича Сурикова. Он из наших - из военных моряков. Капитан... в отставке... Если он разрешит, тогда другое дело, - старший лейтенант чуть замялся. - А пока требую засветить плёнку! - глянул на них твёрдым взглядом прищуренных серых глаз.

- А как... - начал было Бельский.

- Сейчас, сделаем. Засветим! - перебил его Красков и незаметно подмигнул коллеге.

- Смотрите, товарищ старший лейтенант, открываю камеру, достаю кассету, открываю крышку кассеты, - он проделал всё это под внимательными взглядами военных. - Всё, плёнка засвечена! - моряки синхронно облегчённо выдохнули. - Вы только сориентируйте нас, в какой стороне искать этого Виктора Леонидовича?

Лейтенант наскоро начертил им носком форменного ботинка на бетоне, как пройти в горсовет. И патруль неспешно удалился.

- Паша, видеоплёнку же невозможно засветить, - вышел, наконец, из ступора Илья.

- Догони и расскажи им, - съехидничал Красков. - Они этого не знают.

- Ну ты - молодец! - кинулся обнимать его Бельский. - Спас нашу будущую передачу. Я бы сроду не сообразил. Нервы у тебя!

- Так я же понял, что он видеотехнику ещё в глаза не видел, - смущённо оправдывался Павел...

Кабинет председателя горсовета располагался на втором этаже небольшого двухэтажного здания. Они зашли в просторную приёмную, где хозяйничала молодая, улыбчивая деваха с симпатичной светлой короткой прической, в ослепительно белой блузке. Бельский сразу приосанился, в его голосе появилась знакомая Краскову вкрадчивая хрипотца:

- Как зовут? - он широко улыбался.

- Тамара... - улыбнулась та в ответ, с интересом разглядывая посетителей. - Вы к кому?

- Нам к Виктору Леонидовичу, Тома, - пристально глядя в её голубые глаза, громко прошептал Илья и склонился к ней через широкий письменный стол, за которым она восседала. - Мы к вам в гости из Сибири приехали, с телевидения. Хотим снять, как и чем живёт Кронштадт, - чуть не в Тамарино ушко негромко рассказывал он. - Но военный патруль снимать запретил. Требуют взять разрешение у вашего начальника. Поэтому, Тамарочка, прошу, доложите ему. А то - мы спешим. Время идёт, а у нас простой.

Уши у барышни запылали алым цветом.

- Как же быть? - смущённо заговорила она. - У Виктора Леонидовича в кабинете идёт заседание райсовета. Там все депутаты...

- И давно заседают?

- С час уже. По опыту знаю, что у них ещё часа на два...

- А может, вы ему записку напишите? - подал голос Павел. - Пусть оторвётся всего на пару минут. У нас дело о жизни и смерти.

- Записочку, Томочка, - поддержал Илья. - И вы нас просто спасёте. А то нас уволит наш грозный директор, - Илья сдвинул брови, показывая как рассердится его телевизионное начальство.

- Да, да... Сейчас, уже пишу, - девушка размашисто застрочила авторучкой на листе бумаги. Дописав, перечитала, поправила что-то в тексте. - Подождите, присядьте пока, - и исчезла за дверью кабинета, откуда послышались громкие голоса.

Она вернулась в приёмную через тридцать секунд, вспорхнула на свой стул, поправила причёску:

- Сейчас выйдет, - глядя на Илью и улыбаясь, прощебетала она.

- Томочка, мы ваши должники, - широко развёл руки Бельский. - Готов поцеловать вас... в щёчку!

Девушка не успела смутиться - из кабинета к ним вышел высокий, широкоплечий мужчина, настоящий русский богатырь. В осанке, сдержанных и чётко рассчитанных действиях сразу угадывалась "военная косточка". Это подтверждали и короткая стрижка русых волос, и строгое выражение светлых глаз.

- Это вы - сибиряки? - пробасил он, протягивая им по очереди широкую, крепкую ладонь. - Какие у вас проблемы? Чем надо помочь? - он широко улыбнулся. И эта белозубая улыбка на загорелом лице сразу подкупила своей искренностью.

Бельский представился, коротко рассказал о ситуации, попросил дать разрешение на съёмку. Председатель райсовета пожал плечами:

- Сроду никто таких разрешений не спрашивал. Давайте так договоримся, - предложил Суриков. - Снимайте всё, что нужно. Если ещё кто-нибудь у вас разрешение будет спрашивать, скажите, что я лично вам разрешение дал. Пусть сюда звонят. Договорились? Чем ещё могу?

И тут Павлу пришла идея.

- Вы же - военный? - спросил он.

- Ну, да. Только - в отставке, - усмехнулся Виктор Леонидович. - А чём вопрос?

- А форма у вас на работе имеется? - Красков что-то задумал, понял Илья.

- Только китель с фуражкой. Брюки я домой унёс, - слегка смутился кронштадтский начальник. - А вам зачем?

- Мы должны взять у вас интервью, - ответил Павел.

- Да, - подхватил Бельский. - Не вздумайте отказываться! И надо, чтобы вы обязательно надели форму...

- А как же - без брюк?

- Так мы будем вас снимать до пояса, - пообещал Красков. - Вам не о чем беспокоиться.

- Сдаюсь сибирякам, - Суриков дурашливо поднял руки вверх. - Правда, раньше двух часов я не освобожусь.

- Идёт, - в один голос ответили парни.

- Только снимать будем на улице, на берегу, чтобы было море и корабли - предложил Илья, предложил Илья, просительно глядя на него.

- Согласен, - кивнул Суриков. - Ждите в два на Петровской пристани. Там на причале есть гранитные кубы с якорями. Вот возле них и встречаемся, - и ушёл на заседание.

А пока они решили двинуть в сторону центра. И на проспекте Ленина вышли на длинные жёлтые ряды здания Гостиного двора, где под общей крышей двух этажей, растянувшихся на добрые полтораста метров и украшенных квадратными белыми колоннами, размещалось до полусотни различных лавок и магазинов. "Мы сюда не пойдём, - заключил Илья. - Наши финансы не позволяют".

Перешли на улицу Карла Маркса. "Главный философ коммунистической теории тоже имел отношение к морскому делу", - язвил Бельский. А Красков то и дело молча прикладывался к видоискателю.

Долго брели вдоль русла мрачных вод Обводного канала, на его поверхности мерно покачивались пятна сбившегося в кучки мусора.

- А мне в центре понравилось, - Бельский молчать не умел. - Да, конечно, обветшалость и неряшливость, никуда не денешься. Но общая атмосфера спокойного города... Чувствую, живут здесь неторопливые, несуетливые люди, - фантазировал он, уже забыв о встрече с патрулём.

На углу улиц Маркса и Макаровской увидели непонятную куполообразную будку, на первый взгляд, напоминавшую часовенку, но вместо креста из неё торчало нечто вроде тонкой пики.

- Скажите, мамаша, что это за сооружение, - остановил Бельский бредущую по дороге пожилую женщину с длинной авоськой.

- Это футшток, мальчики, - доброжелательно ответила та.

- Футшток, а что это? - не отставал Илья.

- А он измеряет уровень моря, - начала объяснять бабуля. - Устройство простое: дырка в полу, и в нее опущена рейка с делениями. И что дальше? А то, что, когда вы слышите слова: "Высота над уровнем моря такая-то...", - знайте, что этот самый уровень моря измеряется вот в этой будке. То есть, на всей территории СССР все высоты привязаны к нулевой отметке нашего Кронштадтского футштока, - в её голосе зазвучали нотки гордости. - Мне пора, мальчики, - махнула она им свободной рукой и неспешно двинулась дальше.

- Теперь понимаю - очень важное сооружение, - произнёс Илья ей вслед..

По Макаровской, где слева стояло изящное здание Итальянского дворца и памятник Петру Кузьмичу Пахтусову, исследователю Новой Земли, а справа был Итальянский пруд с видом на приземистое одноэтажное здание Голландской кухни, они перешли по мосту через Петровский канал и снова оказались на территории уже знакомого сада с фигурой Петра.

- Смотри, где тумбы с якорями, - глянув на часы, поторопил Павел. - Скоро придёт Виктор Леонидович.

Они нашли тумбы на безлюдной гранитной набережной с видом на военные корабли и башню маяка. Встали у бетонного куба, на котором стояли два перекрещенных корабельных якоря.

Не успели расположиться, как подоспел Суриков. Он был хорош, отметил про себя Павел. Чёрный китель сидел на нём, как влитой, голову украшала форменная фуражка с якорем, позолоченным кантом на околыше и таким же ободком на козырьке. На плечах - золотились погоны, на каждом - по три больших звёздочки. Правда, серые "гражданские" брюки вносили лёгкий диссонанс в его бравый вид.

- Как я вам? - он переводил вопросительный взгляд с одного на другого.

- Во! - поднял вверх большой палец Илья. - Павел, ты готов?

Красков уже развернул повыше лёгкий штатив, закрепил на него камеру - на уровне капитанского лица. Присоединил к ней микрофон и наушники, чтобы контролировать качество звука. Отстроил баланс цвета по белому листку бумаги из записной книжки: подержал его на вытянутой руке перед объективом. Сурикова поставили спиной к морю. На заднем фоне были корпуса военных судов в Петровской гавани.

- Давай, попробуем звук. - Илья поднес микрофон к Виктору Леонидовичу, - скажите что-нибудь.

- Здравствуйте! - сказал Суриков. Павел слышал, как капитанский бас заглушали порывы ветра. Пронизанный сырым холодном, он задувал с моря так, что "забивал" звук микрофона.

- Не пойдёт, ветер задувает звук, надо разворачиваться, - предупредил он Илью.

Но тот начал строить из себя режиссёра:

- Кадр шикарный! Менять не дам! Думай, Красков.

Павел хмуро ухмыльнулся:

- Ну, ты, начальник... Ладно, возьму лицо крупнее, держи микрофон как можно ближе. А вы, товарищ председатель, говорите громче. Всё, - Павел махнул рукой. - Поехали!

- Виктор Леонидович, - расскажите о себе, о своей биографии. Как вы пришли к сегодняшней жизни? - Красков подумал, что Илья мог бы придумать вопрос и пооригинальнее.

Виктор Леонидович отвечал чётко и подробно:

- Начинал, как многие морские офицеры, с курсанта училища имени Фрунзе по специальности минно-тральное вооружение... - он неторопливо, с расстановкой вспоминал, как прошёл путь от курсанта до капитана 1 ранга, начальника отдела КГБ-ФСБ. Военно-Морскому Флоту он отдал 30 лет, 8 лет возглавлял особый отдел в Кронштадте.

- Мы - москвичи. Хотя родился я в Ялте. Отец - чекист. А я никогда не собирался им быть, но вот - пришлось... - без смущения откровенничал он.

...Потом вышел в запас. В апреле 1990 года люди избрали его председателем Кронштадтского районного совета народных депутатов. Он убедительнее других обещал сделать город лучше.

В нём чувствовалась сила воли командира, настоящего мужчины. Человека, который готов нести ответственность за свои поступки и слова. Павел начал мысленно сравнивать его с первым секретарём Ленинградского обкома Гидасповым. И сравнение, по мнению Краскова, было не в пользу первого: тот, не смотря на свою убеждённость, казалось, не знал, что делать, чтобы "вытащить" Северную Пальмиру из непростой ситуации. Этот - знал, что надо его городу, чтобы жизнь здесь стала лучше.

"Пашу каждый день, как матрос-первогодок среди старослужащих", - басил главный городской депутат в полувоенной форме.

Его рабочий день официально начинается в 8.30 утра. Но уже с 7 часов двери его кабинета открыты настежь. В этот промежуток - до официального начала работы - к нему может прийти любой человек, лично встретиться, переговорить по любому вопросу. К нему подходят мамы с колясками, ветераны, заводчане. Он со всеми разговаривает, выслушивает.

Часто ходит по городу пешком. Но не праздно: представляет себя человеком, впервые приехавшим в Кронштадт, и оценивает город глазами гостя: всё ли достойно?

- У нас говорят: город-форт, город-флот, - отвечал Суриков на очередной вопрос. - Поэтому в Кронштадте, как на корабле, должны быть порядок, чистота. Нам говорят - в бюджете нет денег. Мы предлагаем: давайте создадим свободную экономическую зону, которая позволит привлечь в город инвестиции. Надо ремонтировать дороги - асфальт возим из Ленинграда, а нужен свой асфальтобетонный завод. Новая котельная нужна. Нужен пункт сбора нефтеразливов, сейчас с кораблей всё в море сливают. Но это же наше море, нам здесь жить! А сколько у нас соборов, в каком они состоянии, видели?! - Илья закивал головой. - Хотим привлечь деньги коммерческих структур для возрождения православных святынь. Они же - душа нашей родины...

Разговор уже подходил к концу, когда Илья спросил:

- А что для вас в жизни города показалось самым необычным, странным, что ли, когда только пришли в райсовет?

- Городские бомжи, - ответил Сурков неожиданно. - Раньше-то я их не замечал. А как-то иду, вижу, собрались они кучей - им бесплатную еду раздают. "Здравствуйте! - говорю, - И... осекся. Спрашиваю у них: а как к вам обратиться-то, не знаю?" - Господа, - нагловато улыбаясь, отвечает один.

- Ну, здравствуйте, господа бомжи! - поприветствовал я их громко. - И ничего - никто не обиделся, все разулыбались... "Гляди, Суриков", - говорят. Кто посмелее, тянет руку для пожатия, вопросы задаёт. А я здороваюсь со многими, как со старыми знакомцами, спрашиваю о здоровье, обстоятельствах потери жилья. А сам думаю, как помочь мужикам вернуться к нормальной жизни, работу найти, свой дом обрести... И не идут они у меня их головы. Раньше такого в нашем закрытом городе не бывало. Зато сейчас, сами знаете, какие времена...

- А вы, Виктор Леонидович, про шахтёрские забастовки слышали? - из-за спины Бельского вмешался в разговор Павел.

- Кто же про шахтёрские забастовки не слышал! - усмехнулся он и сразу посерьёзнел. - Допекла людей жизнь!

- А можете что-нибудь сказать нашим шахтёрам, - не унимался Красков, не обращая внимания на знаки, которые с недовольным видом подавал ему Илья.

- Товарищи шахтёры, горняки! - торжественно начал было Суриков. Потом махнул рукой, широко улыбнулся. - Мы, кронштадцы - с вами! Понимаем ваши требования. Надо что-то менять в этой жизни, - он задумался, нахмурившись. Потом снова махнул рукой. - Только просим вас об одном: про себя обязательно надо помнить, но и о родине не забывать... Вот так!

- Всё, мужики, - Виктор Леонидович приложил руку к козырьку. - Как говорится, спасибо за внимание... Разрешите откланяться, дела ждут. Удачи вам! - он крепко пожал им руки и скорым шагом двинулся в сторону Макаровской.

...Вечером у администратора гостиницы их ждали новые билеты на завтрашний рейс домой.

Парни долго сидели в своём номере, пили жидкий чай, приготовленный администраторшей, пожалевшей проголодавшихся сибиряков, и заедали его сибирским салом и ленинградским чёрным хлебом.

- Вот же человек-громада! - то и дело восхищался Илья. - Есть же люди в Союзе! Значит, не все потеряно, как считаешь?

- Да, Виктор Леонидович понимает, что такое доверие народа. Всем бы так! - соглашался Павел.

...Самолёт вылетал поздно вечером. И впереди у них был ещё целый короткий ноябрьский день в Ленинграде. Они решили провести его в центре города.

Поэтому утром, не залёживаясь в постели, собрали свои пожитки: Бельский напялил на плечи рюкзак, Красков взял кофр с аппаратурой и сумку с личными вещами. Они распрощались с гостиницей и вышли на улицу. Порывы промозглого ветра подгоняли их в спину, ветер задувал холод под куртки, студил затылки. Но видя, что редкие прохожие не обращают на непогоду никакого внимания, спокойно идут по своим делам, они решили тоже не реагировать на холод. "Что мы - не сибиряки?!" - погрозил Илья кулаком быстрым облакам. Небо было всё таким же низким, однако осадков не наблюдалось - уже хорошо для путешественников.

Они уже немного освоились в большом городе, спрашивать дорогу до метро не было необходимости. На станции "Невский проспект" вышли на знаменитую улицу. "Чья только нога здесь не ступала!", - с пафосом воскликнул Илья, не обращая внимания на прохожих, которых здесь, несмотря на непогоду, было много. "Теперь и твой 44-ый размер тоже топчется здесь...", - поморщился в ответ Павел, не любивший эти громкие всплески эмоций товарища.

Решили для начала взглянуть на Казанский собор и направились в сторону канала Грибоедова. Крутили головами, чтобы не пропустить ни одного примечательного здания. Павел снова вынул камеру, "нагрузив" Илью своими вещами: "Не хочешь снимать сам - носи". Тот тяжело и грустно завздыхал, но ничего не ответил напарнику.

Казанский поражал своим величием. Он начал медленно и величаво открываться сразу же, как только по мосту начали переходить через канал. Панорама большого собора была действительно грандиозной. Перед ним простиралась широкая лужайка со скамьями вдоль газона. Невдалеке расположилась группа туристов, которые только что вышли из автобуса. Женщина-экскурсовод, лет сорока, в светлом плаще, придерживая одной рукой берет на голове, другой делала знаки своим подопечным, приглашая их к себе поближе.

- Давай, и мы послушаем, - Павел потянул за рукав Илью, который старался пересчитать колонны собора.

- Вот этот молодой человек пытался посчитать: сколько колонн содержит казанская колоннада, - неожиданно начала свой рассказ экскурсовод, показав на Илью.

Вся толпа разом обернулась, бесцеремонно разглядывая его, "увешанного" вещами. Тот нисколько не смутился таким вниманием, наоборот, расплылся в широкой улыбке, поставил на землю сумку и помахал зрителям свободной рукой.

- А это невозможно сделать в принципе, так как одновременно они все не видны, - дама профессионально вновь завладела вниманием своих слушателей, уже больше не обращая внимания на Бельского, "затарахтела" без остановки:

- Перед северным фасадом собора вы видите грандиозную колоннаду из 96 колонн. Таким был проект самого большого храма нашего города, созданный талантливым архитектором, бывшим крепостным известного в России семейства Строгановых - Андреем

Никифоровичем Воронихиным - для хранения списка чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, обретенной в Казани в 1579 году...

Павел слушал и вникал в имена и даты, которыми торопливо "сыпала" гид. Закладка нового храма произошла осенью 1801 года в присутствии императора Александра I. Окончено строительство в 1811-м. Сооружение выполнено в стиле классического ампира. Собор чтили, как памятник ратных побед в Отечественной войне 1812 года. Здесь похоронен фельдмаршал Михаил Кутузов. А в 1837 году, в честь годовщины разгрома Наполеона, на площади перед Казанским собором - на левом и правом его флангах - открыли памятники русским полководцам Кутузову и Барклаю-де-Толли...

Павел "оторвался" от туристов, чтобы снять памятники полководцам, а когда вернулся, туристов уже не было.

- Они пошли внутрь, - сказал Илья.

- Может, мы тоже зайдём? - предложил он Бельскому.

- Нет, - ответил тот. - Времени мало. Давай лучше мой стендапчик на фоне Казанского запишем.

Задний фон выбирали придирчиво. Бельский несколько раз сам прикладывался к видоискателю камеры и не успокоился, пока не выстроил кадр по своему вкусу. Потом взял микрофон, Павел включил запись. Илья Бельский коротко и энергично, с пафосом пересказал услышанную от гида информацию. А закончил монолог стихами:

- А зодчий не был итальянец,

Но русский в Риме, - ну так что ж!

Ты каждый раз, как иностранец,

Сквозь рощу портиков идёшь...

Он эффектно выдержал паузу, махнул Павлу: "Выключай..."

- Ну, старик, ты даёшь! Сразил меня напрочь! - восхитился Красков. - Голова у тебя - дом Советов...

- Это Осип Мандельштам, - снисходительно ответил Илья, - Как-то вспомнилось.

Потом они сняли, как на фоне соборной колоннады с задумчивым видом сидит на скамье Красков. И решили взглянуть на храм "Спаса на Крови".

Вдоль канала Грибоедова ветер гнал обрывки газет, пустые пластиковые бутылки, мелкий мусор. На этой улице было пусто. Из окошечек длинного ряда киосков с сувенирами и газированными напитками на них с унылым любопытством поглядывали продавцы. Парни осмотрели содержимое нескольких киосков, в каждом - всё одно и тоже, перешли к решётке канала, и, опираясь на неё, вглядывались в тёмные воды канала.

Храм высился в конце улицы и было видно, как плотно "оплели" его леса реставрации.

- Странно, - почесал затылок Павел. - Я вроде слышал, что ремонт закончили. С 70-х годов реставрируют. Вот уж долгострой...

- Да, не даром Розенбаум поёт: "Мечтаю снять леса со Спаса на Крови..."

В сером свете дня мозаика храма показалась им тоже серой. Они обошли его, поглядывая наверх.

- Куда теперь? - посмотрел на Павла Илья.

- Пойдём на Дворцовую площадь, к Зимнему. Здесь недалеко, - предложил Красков.

Они снова вышли на Невский, пошли в сторону Невы. Вскоре свернули направо и через арку Главного штаба - с шестёркой коней на его крыше - вышли на широкую площадь, с северной стороны упиравшуюся в вычурный фасад Эрмитажа. В центре площади высилась "игла" Александровской колонны. Павел медленно обошёл её, задерживая "взгляд" камеры на каждом из четырёх барельефов с изображением древнерусских кольчуг, шишаков, щитов и сцен из Отечественной войны 1812 года. Снял, как две крылатые женские фигуры держат доску со словами "Александру I благодарная Россия". Наверху колонны - склонил голову ангел с четырёхконечным крестом. "Крест-то - не православный", - ткнул в него пальцем Илья.

- Там, дальше, видишь, шпиль - это Адмиралтейство, а большой купол - это Исаакиевский собор, - показывал Павел. - Там где-то рядом, насколько помню, Медный всадник. Может, сходим по-быстрому.

- Не возражаю, - мотнул головой Бельский, подхватывая сумку и кофр.

Теперь через арку Главного штаба они вышли на Большую Морскую, направляясь к Исаакию. И тут Илья увидел на стене красивого здания

вывеску междугородной телефонной станции с переговорным пунктом. У Бельского загорелись глаза:

- Давай, позвоним домой! Представляешь? С Дворцовой площади! Мои просто обалдеют!

- Звони, - равнодушно пожал плечами Павел. - Я - не буду...

- Напрасно, старик, - и Бельский увлёк его в переговорный зал с рядами телефонных кабинок.

Народу было немного и его соединили с домом минут через пять. Илья оставил Краскову вещи и нырнул внутрь кабинки, оставив дверь приоткрытой.

- Привет, Татьяна! - услышал Павел его бодрый голос. - Звоню прямо с Дворцовой площади, из самого центра Питера, представляешь?! У нас всё нормально, погода, правда, дрянь! А как у вас, как там дети? - Павел сквозь стекло видел расплывшееся в широкой улыбке - от уха до уха - лицо товарища, который говорил без умолку, не слушая ответов жены. - И в Кронштадте побывали, и в Смольном... Девушка, ещё секундочку! - крикнул он в трубку, помолчал, подул в неё и осторожно положил на аппарат.

- Ну как дома? - спросил его Павел.

- А, - не сразу понял Бельский. Они вышли на улицу. - Дома - как дома, всё в порядке...

- Дяденьки, а вы с какого телевидения? - они обернулись на мальчишеский голос. Перед ними стояли двое мальчишек лет двенадцати. Оба в тёмных куртках и чёрных вязаных шапочках, в руках потёртые школьные портфели. У одного из-под шапочки выбивались русые волосы, у другого виднелись тёмные.

- Вы же для передачи снимаете? Мы за вами давно наблюдаем? - доверчиво улыбался светловолосый. - Даже поспорили...

- Угадал, мы - с телевидения. Только - из Сибири. А кто выиграл спор? - полюбопытствовал Илья.

- Он, - кивнул на товарища светловолосый. - Я думал, вы туристы.

- Меня зовут Илья, - представился Бельский. - Его - Павел. А вас? - Бельский протянул парнишкам руку.

- Я - Пётр, - светловолосый запросто пожал руку незнакомому взрослому. - А он - Аркадий, - тёмноволосый тоже протянул ладонь, засмущавшись как девушка.

- А вы почему не в школе? - Павел принял серьёзный вид, строго глянул на ребят. - Вы в каком классе?

- В шестом, - ответил Пётр. - В школе мы были, только с физики ушли. С контрольной. Мы заболели...

- То-то и видно, - усмехнулся Павел. - А за нами зачем наблюдаете?

- Интересно же! - воскликнул светловолосый. - Нас ни разу по телевизору не показывали. А вы нас покажете?

- Видно будет, - пообещал Павел. - Если вы, Петя, нам поможете, проводите к Медному всаднику.

- Я не Петя, а Пётр, - твёрдо поправил его светловолосый. - Отец говорит, что я - тёзка российского императора. Пошли... - он потянул Павла за рукав.

Они свернули в Кирпичный переулок, потом на Малой Морской повернули налево, миновали Исаакиевский собор, центральный высокий золоченый купол которого царственно возвышался над золотистыми луковками помельче. Павел снова и снова включал камеру, делал то короткие, то длинные планы уличных кварталов.

А Илья разговорился с новыми знакомыми.

- Сами-то вы местные? - по-взрослому серьёзно спрашивал он. Те утвердительно кивали головами, рассказывали о своих семьях.

- Мой отец работает судостроителем на "Балтийском заводе", - уточнял Пётр. - Знаете, какие там огромные корабли строят?! Я буду поступать в судостроительный институт. Потом - на "Балтийский" инженером, - был уверен парнишка.

У Аркадия родители преподавали в вузе. Он тоже освоился с новыми знакомыми. "Папа - доктор технических наук, - пытаясь заглянуть в объектив камеры, говорил он. - Я в Ленинградский универ поступлю - на физико-математический... А вы нас скоро снимать будете?" "Возле Медного всадника, да, Илья? - Бельский с важным видом кивал в ответ. - Как же ты на физмат поступать собираешься, а сам физику прогуливаешь?"

- Да ну её, нашу физичку, - махнул рукой Аркадий. - Нудная она... Скажи, Пётр? Я физику лучше неё знаю!.

Ребята уверенно довели их до Александровского сада, мимо Адмиралтейства - вывели на Сенатскую площадь. "Вон здание Сената и Синода", - показывали на длинный ярко-жёлтый трёхэтажный дом в стиле позднего классицизма с аркой посередине.

На его фоне гордо высился Медный всадник - лицом на стрелку Васильевского острова. По скалистому постаменту шла надпись: "Петру Первому Екатерина Вторая Лета 1743"

- Давайте так, - предложил Павел. - Вы становитесь на фоне памятника, а Илья возьмёт у вас интервью. Согласны? - пацаны запрыгали от радости.

Они сложили все вещи - портфели, сумки, рюкзак - в кучку на асфальте. Павел снова вынул штатив, закрепил камеру, подал Бельскому микрофон. Молодые ленинградцы встали напротив объектива, положили руки друг другу на плечи.

- Для начала представьтесь, - предложил им Илья, подставив микрофон.

- Пётр, - твёрдо глядя в камеру, сказал Пётр.

- Аркадий, - переминаясь с ноги на ногу представился Аркадий. - Мы - ленинградцы, - уточнил он. - Коренные...

- За что вы любите свой город? - Илья повернул микрофон Аркадию.

- Он - красивый, большой... - мальчишка на секунду задумался, потёр переносицу. - Здесь много истории, жило много известных людей...

- И сейчас живут, - вставил Пётр. - А можно я про наш город стихотворение расскажу?

- Конечно, - ободряюще кивнул Бельский.

Пётр скинул с плеча руку товарища, повернулся полубоком, правой ногой вперёд:

- Александр Сергеевич Пушкин, "Медный всадник", - торжественно начал он.

- На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко

Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе...

Пётр выдал всё это на одном дыхании, сбился, замолчал. Потом сказал:

- Сейчас, сейчас я... - и снова продолжил:

- Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...

Он почесал лоб. - Дальше не помню... А в конце:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит...

Он замолчал, нахмурился, опустив голову. Илья одобрительно похлопал его по плечу:

- Молодец, здорово ты выдал! Вот это я понимаю! А ты можешь что-нибудь добавить? - повернулся к Аркадию.

- Да, - торопливо сказал тот. - Только вы обязательно покажите... Мы хотим, чтобы наш город опять назвали Петербургом. Правда, Пётр? - тот согласно кивнул:

- У нас все говорят, что время сейчас такое...

Павел выключил запись:

- Какое такое время? - нахмурился он. - Ну, вы даёте, парни! Кто ж вам город переименует? Он же - колыбель революции... Никто на это не пойдёт, - уверенно заверил он ребят.

А те начали выяснять, по какому каналу им теперь себя смотреть? Красков объяснил, что эта передача будет только в Сибирском регионе.

- Но выход есть! - успокоил он. - Я сейчас кассету перемотаю и покажу вам картинку на мониторе, звук услышите через наушники. Идёт? - парнишки были согласны.

Затаив дыхание, они смотрели в монитор широко раскрытыми глазами, приставив к уху по наушнику. "Вау!" - шептал Пётр. "Класс!" - вторил ему Аркадий.

Когда запись закончилась, Пётр восхищённо глянул на Краскова:

- А вы это точно покажете? - и когда Павел кивнул, недоверчиво переспросил. - Точно-преточно?!

- Слово сибиряков, - Павел и Илья постучали себя в грудь кулаками.

- Ура! - заорал Пётр так громко, что на них начали оглядываться прохожие.

- Вы вот что, парни, дуйте-ка домой. А то вас потеряют. Спасибо за помощь, - Бельский подал им портфели, развернул их в сторону набережной и слегка подтолкнул. Пацаны вприпрыжку понеслись вдоль по улице.

- Куда мы теперь? - поинтересовался Павел.

- Знаешь, а давай "Аврору" найдём. Октябрь, революция, выстрел "Авроры" - символично...

- Согласен, - сказал Красков. - Сейчас спросим, где это.

Решили идти пешком - выходило минут 40-50. И они, подгоняемые порывами ветра, двинули в сторону самого длинного в городе Кировского моста - по Дворцовой набережной - с видом на Заячий

остров и золотой шпиль Петропавловской крепости на противоположном берегу Невы. На мосту разглядывали порталы, вычурные чугунные фонарные столбы. Вдоль парапетов по обеим сторонам моста - гранитные обелиски с рострами. На другом берегу свернули на Петровскую набережную и, не обращая внимания на домик Петра, мимо необычных скульптур львов ши-цза - вышли на Петроградскую набережную. И вот он, крейсер, во всей красе - на Большой Невке.

На борт корабля вели широкие сходни, у которых толпились несколько человек. Контролёр - женщина в возрасте, одетая в тёплую куртку - ноябрьский ветер с реки дул не на шутку - проверяла билеты у посетителей.

- Мы с телевидения, приехали снимать репортаж о работе вашего музея, - Бельский билетов решил не брать и улыбался как можно доброжелательнее. - Вы нам, пожалуйста, пригласите кого-нибудь из руководителей...

Женщина засуетилась, начала поправлять выбивающиеся из-под косынки седые пряди волос. "Сейчас я, подождите", - она накинула на крючок цепочку, перегородившую вход и чуть не бегом двинулась на палубу корабля. Через несколько минут она вернулась в сопровождении военного лет шестидесяти в форме офицера Военно-Морского Флота. По две большие звезды на золотистых погонах выдавали его принадлежность к высшему офицерскому составу. Несмотря на возраст, он был подтянут и энергичен.

- Георгий Николаевич Авраамов, - представился он журналистам, приложив руку к фуражке с красивой эмблемой на околыше и дубовыми листьями из золоченой мишуры на козырьке. - Потомственный морской офицер, участник Великой Отечественной, бывший замкомандующего Балтийским флотом, начальник Черноморского высшего военно-морского училища имени Нахимова, вице-адмирал в отставке, - чётко представился он. В голосе его скрыто звучала гордость.

- После выхода в отставку работаю старшим научным сотрудником филиала Центрального военно-морского музея крейсер "Аврора". Следуйте за мной, пожалуйста, - он повёл их на корабль, на ходу расспрашивая, кто такие и откуда. Павел предпочитал помалкивать, зная, что Илья отрекомендует их, как надо.

Георгий Николаевич повел их на нижнюю палубу, чтобы оттуда начать экскурсию. Он рассказывал и показывал, как жили матросы, где ели. "Принимали пищу", - как уточнил Авраамов. "Кстати, - отметил про себя Павел, опять работающий за оператора, - и спали, и ели в одном помещении".

Показал им вице-адмирал оружие, личные вещи, костюмы, фотографии, флаги. Поднялись на палубу, прошли по ней, заглядывая в каждый уголок. Авраамов подробно поведал историю корабля. Крейсер был заложен на верфи 4 июня 1897 года, а спущен на воду в мае 1900-го. В июне 1903 года "Аврора" вошла в состав русского флота. Весной 1905-го участвовала в Цусимском сражении на Русско-японской войне, в 1914-м поддерживала огнём корабельных орудий из акватории Рижского залива наши сухопутные войска в Первую мировую. В исторический день октября 1917-го "Аврора" произвела один холостой выстрел из орудия, оказав психологическое воздействие на защитников Зимнего дворца...

Илья достал блокнот и делал в нём пометки карандашом, без конца задавал вопросы, уточнял факты.

- Все очень интересно и познавательно, - сказал он в конце, крепко пожимая руку их добровольному экскурсоводу. Потом предложил:

- Георгий Николаевич, а давайте запишем ваши комментарии для нашей передачи.

- Не возражаю, - охотно согласился Авраамов. - Предлагаю, возле носового орудия.

Они подошли к одетой в броню башне пушки, вице-адмирал встал на фоне зеркально-латунной доски с надписью "25 октября 1917 года в 21 час 40 минут из носового 152 мм орудия крейсера "Аврора" по приказу Военно-Революционного комитета был произведён исторический выстрел - сигнал к штурму Зимнего дворца". На вопросы Бельского адмирал отвечал, уверенно чеканя хорошо отточенные фразы. Так что все прошло быстро, без особых нервных затрат...

Однако напоследок Илья решил "обострить" разговор с ветераном:

- Что можете сказать по поводу предложения вернуть Ленинграду историческое имя?

Тот поморщился от вопроса, как от зубной боли:

- Нельзя этого делать! - он снял фуражку и вытер рукавом лоб, снова водрузил её на голову. - Мы... я за Ленинград воевал... Все мои товарищи - тоже... Поэтому мы против!

- Вот и ладушки! - сходя к корабля на набережную, сказал Илья. - Как думаешь, хватит нам материала на передачу?

- За глаза. Только, чур, не "сачковать", отсматривать будем вместе, - зная характер Бельского, предупредил Павел.

- Обижаешь, старик! Какой разговор... - Илья поправил на плечах рюкзак. - Пора выдвигаться в аэропорт. Только прежде предлагаю одно дело.

На открытую всем ветрам улицу уже спустились сумерки. Вдоль Петровской набережной вспыхнула цепочка фонарей, высвечивая фасады домов первой линии и желтовато-маслянистым светом отражаясь в холодных водах Невы.

Илья остановил прохожего, начал что-то подробно у него выспрашивать. Павел в это время уложил в кофр всю технику, тщательно закрыл на сумке кодовые замки. "Куда мы теперь?" - подошёл к Бельскому. "Пойдём", - уверенно взял направление Илья.

Они быстро пошли по улице, свернули за угол одного из домов и оказались прямо перед длинной стеклянной витриной магазина, расположившегося в первом этаже многоэтажки. Сверху витрины горела вывеска "Гастроном "Петровский". Витрину украшали ярко-синие керамические панно с изображениями исторических символов города и письменных свитков. Когда Красков подошёл ближе к одному их них, увидел на страницах нарисованных грамот строки из петровских указов...

Внутри магазина находилось лишь несколько покупателей, а выбор товаров был явно бедноват. Вдоль стены - за длинным прилавком - высились унылые горки баночных консервов из "Перловой каши с мясом" и "Завтраком туриста", тянулась цепочка трёхлитровых банок с томатным соком. В прозрачном холодильнике одного из прилавков лежала картонная ячейка с тремя десятками белых яиц - по 80 копеек десяток. Но надпись на листе бумаги рядом с ними предупреждала: "Яйцо по талонам". Две тушки синих куриц на красном подносе по рубль шестьдесят за килограмм тоже были с предупреждением "Куры по талонам". И только обезглавленный минтай по 35 копеек за килограмм шёл в продажу без ограничений. Её или забыли приложить

к товару, или в Ленинграде с поставками этой рыбы не было проблем. Павел отметил, что столичные магазины по ассортименту мало чем отличаются от тех, что у них дома.

- Зинаида, - вслух прочитал Илья слово на карточке, висевшей на груди крупной продавщицы в белом халате и белой пилотке, которая держалась на её пышной рыжей причёске с помощью мелких шпилек. Женщина насмешливо глядела на посетителя с высоты своего роста, перекладывая из одного уголка ярко накрашенных губ в другой спичку.

- Скажите, Зиночка, - не обращая внимания на её взгляд, серьёзно спросил Бельский. - А что у вас можно купить без талонов?

- "Завтрак туриста" возьмите или минтай. Хлеб в хлебном отделе без талонов, - откликнулась та приятным грудным голосом.

- А если мы сегодня улетаем на другой конец страны, что вы нам с собой в самолёт посоветуете?

- А ничего, - охотно ответила рыжая. - Вы что, мальчики, забыли, какие сейчас времена? Так вот инструкция, читайте, - она кивнула на листок с заголовком "Выписка", приклеенный на белый кафель стены.

Из текста, что они прочли, следовало: решением городского исполнительного комитета с 1 июля 1990 года реализация спиртного в торговых учреждениях Ленинграда переведена на талонную систему. На один талон полагается одна бутылка водки и две бутылки вина.

- А если у нас нет ваших талонов? Мы - приезжие. Может, как-то договоримся, Зиночка? Всего-то надо бутылочку водки, - Илья был доброжелателен, как никогда.

- Кому - Зиночка, а вам, мальчики - Зинаида. И мы не договоримся! - твёрдо сказала она, вздёрнув подбородок. - Вас тут много, а я одна. И местом своим дорожу... Так что, летите себе спокойно.

- Пойдём, бесполезно, - потянул Павел Бельского за локоть.

- Погоди, - уперся тот. - А если, Зинаида, мы с телевидения и очень просим вас помочь.

- А если вы с телевидения, - в тон ему ответила продавщица. - Тем более, спиртного не продам. Чтобы потом про меня по телику показали...

- Может, старшего позовёте? - не унимался Илья.

- Вечер уже - нет никого из начальства. И заведующая бы вам ничем не помогла. У нас с этим строго, - она отвернулась от надоедливых посетителей, ковыряя в зубах обломком спички.

- Ладно, - сдался Бельский. - Давай хлеба возьмём и - уходим.

...Самолёт Ту-154 компании «Аэрофлот», рейс которого начинался в Ленинграде, а заканчивался во Владивостоке, набрал высоту. Транзитом он садился в Свердловске и Челябинске, потом - в их сибирском городе. Но это было ещё не скоро, впереди - несколько часов полёта. Пассажиров в салоне было не густо. Поэтому Красков с Бельским устроились вдвоём на трёх креслах. Павел - у окна, Илья - у прохода.

Красков посмотрел в окно надеясь увидеть на уплывающие назад огни большого города, но лайнер сразу же вошёл в низкую облачность. Он откинул спинку сиденья и посмотрел на Бельского. Тот будто ждал взгляда товарища, нажал кнопку вызова стюардессы. Вскоре над ним склонилась стройная миловидная девушка в ладно сидящей форменной одежде.

- Добрый вечер, что желаете? - проворковала она.

- Желаем узнать, - громким спросил ответил Илья. - Когда вы будете нас кормить?

- Не так скоро, минут через сорок, - с улыбкой ответила стюардесса. - Только, должна заранее извиниться, ужин будет очень скромным. Сами знаете, какое сейчас время, - виновато кивнула девушка Бельскому. - Что-нибудь ещё?

- Да! - сердито буркнул Илья. - Вода у вас есть? Принесите нам попить!

Стюардесса ушла, а Бельский достал из верхнего багажника свой рюкзак и кофр с камерой. Из кофра он соорудил подобие стола на сиденьи между ними. Потом, порывшись в рюкзаке, достал старую, сложенную вчетверо, газету, застелил ею кофр. Снова заглянул в рюкзак и вынул завёрнутый в тряпицу кусок солёного сала, перочинный нож. В третий раз он рылся в рюкзаке дольше обычного. На это раз у него в руке была бутылка с надписью "Портвейн 777".

- У тебя там что, винзавод?! - радостно хохотнул Павел, потирая руки. Стюардесса принесла картонные стаканчики с водой, с любопытством

посмотрела на их приготовления к пиршеству и ушла, ничего не сказав.

Они быстро выпили воду, нарезали сало, крупными кусками наломали чёрный ленинградский хлеб. Илья наполовину наполнил стаканчики ароматным портвейном.

- За мягкую посадку! - поднял свой стакан Бельский.

- За удачную передачу! - чокнулся с ним Красков.

Потом они выпили по второй, приняли по третьей. Последнюю, четвёртую выпили за здоровье экипажа. И заснули, утомленные этим коротким осенним путешествием...

Тогда они ещё не знали, что эта осень для Ленинграда станет последней. 6 сентября 1991 года решением Президиума Верховного Совета РСФСР городу вернут его историческое название Санкт-Петербург. Этому решению будет предшествовать референдум, на котором 54 процента ленинградцев выскажутся за возвращение этого названия...

Ёршик с ангиной

- Разрешите, Антон Иванович? - заглянул в кабинет главного редактора его молодой заместитель Валерий Игоревич. И не дожидаясь ответа, вошёл в просторный редакторский кабинет газеты "Шахтёрские горизонты", единственного и, надо сказать, популярного издания среди горняков крупного шахтёрского посёлка в те спокойные восьмидесятые годы.

Главный недовольно отложил гранки ещё не готовой газетной полосы, поднял на лоб очки с толстыми стёклами и с недовольным видом потер левый глаз.

- Чего тебе, Валера? Отрываешь от читки номера! Говори скорее и уходи, не мешай заниматься газетой. В прошлом номере опять ошибку залепенили! Мне вчера секретарь горкома выговаривал...

- Тут такое дело, Антон Иванович, к нам едет собственный корреспондент всесоюзной центральной газеты "Молодость страны" Евгений Ревякин.

- Да ты что?! С заданием, наверное?! И чего он в нашей тмутаракани забыл!?

- Да нет, безо всякого задания. Оказывается, у него тут бабушка живёт. Он у неё сто лет, говорят, не был.

- То-то старушка будет, наверное, довольна! Ладно, - взялся снова за очки Антон Иванович. - Мы-то здесь причём? Пусть встречается с любимой бабушкой.

- Так ведь, из горкома комсомола звонили, просили занять гостя чем-нибудь на выходные, - Валерий вопросительно посмотрел на начальника.

- Чем мы тут его в нашем посёлке занять можем? В кафе "Романтик" его повести - так после изжога замучает... В кино он и сам не пойдёт, у них, в Москве, все фильмы на месяц раньше, чем у нас, выходят, - он снова уткнулся в свежий оттиск полосы. - Короче, пусть сами думают! Так им и скажи и иди работать, там ещё надо вычитать парочку репортажей в номер.

- Погодите, Антон Иванович, про это я помню. Только вы не понимаете, что они уже всё продумали, - Валерий, высокий, стройный шатен, любимчик всей женской половины редакции, хитро улыбнулся.

- Они выяснили, что Ревякин больше жизни любит рыбалку, подлёдную. Мечтает у нас, в Сибири, на лёд сходить, с удочкой посидеть. Вот нас и просят - на выходные ему рыбалку обеспечить.

- Так это, вообще, не по моей части, - облегчённо выдохнул главред. - Это ты у нас по рыбалкам спец. Всю зиму - чуть не каждую неделю. А я ни разу в жизни не был на этом вашем льду. И не пойду, потому что, во-первых, не умею, во-вторых, не хочу, в-третьих, мне простывать нельзя, хоть и март на дворе, всё равно, до настоящего тепла - далеко! Так что, давай-ка, сам, Валера. А я с вами - мысленно! Всё, иди, - махнул он рукой в сторону дверей.

Но тут пронзительно зазвонил большой чёрный телефон - прямая связь с первым секретарём горкома партии. Антон Иванович вздрогнул, испуганно посмотрел на аппарат и боязливо снял трубку.

- Слушаю, Владимир Петрович! - он привстал с кресла, маленький, с круглым животиком, вытянулся, как мог, в струнку. Долго слушал, кивал головой, говорил "Да, да, Владимир Петрович. Сделаем, в лучшем виде. И порыбачим, и природу покажем. Не беспокойтесь, Владимир Петрович..." - было слышно, что на той стороне завершили разговор. Главный же ещё немного подержал трубку возле уха и лишь потом осторожно положил её на рычаг. Достал из кармана пиджака мятый платок, вытер вспотевшую шею и обозначившуюся лысинку и присел в кресло.

- Ладно, - сказал он, наконец, не глядя на зама. - Повезём гостя на рыбалку. Давай, расскажи, что для этого надо? А то я ведь ни разу в жизни...

- Ничего, - усмехнулся Валерий Игоревич. - Вам обязательно понравится! - и он выложил Антону Ивановичу подробную инструкцию к зимней рыбалке.

Во-первых, начал он, надо очень тепло и в тоже время удобно одеться, чтобы не замёрзнуть. "Ладно, - подумал про себя главред. - С этим пунктом как-нибудь справлюсь: "выкопаю" из шифоньера старый лыжный костюм, который, правда, не надевал сто лет. Если, конечно, жена Глафира Николаевна его не выбросила".

Во-вторых, докладывал Валерий, на ноги надо надеть резиновые сапоги с высокими голенищами. Во второй половине марта лёд на водоёме уже рыхлый, подтаял, вода поверх собирается. Только в резине и можно ноги в сухости сохранить. "И это решу, - размышлял

Антон Иванович, - к маме в гости схожу, у неё найдутся такие сапоги". Его мать много лет отработала под землей - газомерщиком в одной из посёлковых угольных шахт. А в состав спецодежды, которую регулярно выдавали работникам на предприятии, всегда входили крепкие шахтовые резиновые сапоги. В них, кстати, весной и осенью на раскисающих от непогоды окраинах щеголяла едва ли не половина жителей рабочего посёлка, независимо от возраста и пола.

- Наконец, - в завершение короткого инструктажа заместитель хитро прищурился. - Надо взять хороший тормозок: на свежем воздухе на аппетит никто ещё не жаловался. Так что, пусть супруга бутербродов не пожалеет. Но это ещё не всё. Надо фляжку со спиртным с собой иметь. На улице днём ещё "минус". Поэтому организм изнутри надо "подогревать", - игриво подмигнул он начальству.

- А этот собкор нас не осудит? - озабоченно переспросил Антон Иванович.

- Ну что вы?! Это же - святое: природа, рыбалка, общение между коллегами. Уверен, он только приветствовать будет!

- Хорошо, убедил, языкатый. Только у меня фляжки нет. И водку вашу я не люблю. Возьму бутылочку коньяка. Думаю, вы, черти, от армянского напитка хорошей выдержки не откажетесь?!

- Как можно, шеф?! - дурашливо развёл руками Валерий. - У меня уже нос зачесался от предвкушения...

- А чем рыбу-то ловить? У меня никакой снасти отродясь не бывало. Да и не умею я этого делать! - поскрёб затылок редактор.

- Вот тут вы не переживайте. Удочку и остальное, что нужно, я вам предоставлю, - успокоил его заместитель. - Я уже всё продумал: поедем послезавтра, в субботу, на водохранилище. Лёд там ещё крепкий, правда, от рыбаков отбоя нет. Но рыба берёт хорошо, сам проверял в прошлые выходные.

- В общем, Валерий, бери инициативу в свои руки. С этим Ревякиным сходись, договаривайся. Дай мне команду: где встречаемся, во сколько выезжаем? Поедем на редакционной "волге". Она хоть и старенькая, но, думаю, доставит до места в лучшем виде.

- Выезжаем в пять утра. Мы за вами заскочим прямо к подъезду. Рассветёт примерно в полседьмого. Как раз доберёмся к утреннему клёву. Не проспите, шеф! - закончил зам приказом.

На том и порешили. Вечером в пятницу Антон Иванович съездил к маме за сапогами. Старушка, удивлённая пришедшей сыну на ум блажью, долго копалась в огромном сундуке в забитой под завязку разным барахлом кладовой, бурчала себе под нос что-то вроде: "Вот же приспичило - вынь да положь ему сапоги..." Наконец, выдернула из-под самого дна, судя по всему, ни разу не надёванные, чёрные шахтовые сапоги, примерно, сорок четвёртого размера, резина которых ещё отблескивала заводским новьём.

- На-ка, Антон, примерь. Подойдут ли? - торопливо сунула обувь ему в руки. - Да скажи, что за блажь? На что они тебе?

- На рыбалку поеду, мама. Там на льду сыро уже, вода выступает, - Антон Иванович надел сапоги, их голяшки были ему выше колен. - Большие! - отметил он. Болтаться будут.

- Ни, Боже мой, - ответила мама. - Носков побольше надень, портянки накрути. Смотри, ноги не застуди! Настоящего тепла-то еще нет. А чего на рыбалку? Ты же сроду не рыбачил, - она заботливо погладила сына по спине...

- Надо, мама, - отмахнулся тот.

Дома хлопотала Глафира Николаевна. Она настряпала необъятное блюдо пирожков - с капустой, с картошкой, с яйцом и зелёным луком, выращенном на подоконнике в жестяных банках. Нарезала гору бутербродов: с красной икрой и маслом, с сыром, твёрдым запашистым сервелатом и солёным огурчиком. Всё это запаковала по мешочкам, сложила в большую авоську. Туда же поставила коньяк и большой трёхлитровый цветной китайский термос со стеклянной колбой, который удерживал тепло едва ли не трое суток. Она заправила термос разными ароматными травами, сушеными листьями смородины и малины и доверху наполнила кипятком.

- Хватит вам на целый день! Чтобы всё съели, Антоша. Гостя голодом не заморите! А то будет недобрым словом вспоминать вашу рыбалку.

- Да уж, - Антон Иванович, кряхтя, приподнял авоську, взвесил в руке. Тут запасов на три рыбалки… Спасибо, лапушка, - он поцеловал жену в подставленную щёку.

Будильник завёл на четыре утра. "По-любому, успею собраться", - подумал он и решил лечь спать пораньше.

Однако долго не мог уснуть. Наверное, сказалось волнение перед первой подлёдной…

Как уснул, и сам не заметил. Снилось, через крохотную ледяную дырку тянет за леску что-то крупное, упирающееся, которое в это отверстие явно не пройдёт. Тогда он заводит что-то вроде бензопилы и начинает выпиливать лёд. Бензопила работает с громким надрывным звоном, но лёд не поддаётся...

Его трясёт за потное плечо жена. И Антон Иванович, просыпаясь, ещё успевает краем уха ухватить окончание звонкой трели будильника.

Он подскочил с постели, как ужаленный. Лихорадочно начал собираться. "Да не спеши ты так! Ещё не опаздываешь, а, если что, подождут, авось, молодые, - позёвывая, подала сонный голос из постели Глафира. - Чай будешь пить?"

"Да мне в горло в такую рань ничего не лезет", - огрызнулся он.

"Как знаешь, - жена повернулась на бок. - Будешь уходить, дверь захлопни. И прошу тебя, Антон, рыбу домой не тащи! Я с ней возиться не буду! Всё Валерке отдай или этому - гостю вашему".

"Я ещё ничего не поймал, а ты уже боишься руки замарать... Молчала бы лучше, глазливая ты, Глафира", - заворчал Антон Иванович, натягивая лыжный костюм.

Этот костюм на гагачьем меху лет десять тому назад подарила ему жена. Тогда он был Антону впору. Только он не помнил, когда надевал его в последний раз. Сегодня костюмчик жал в плечах и плохо сходился впереди. Зато был тёплым, подходящим для вылазки на природу. Поверх него редактор надел тулупчик. На ноги накрутил всё, что посоветовала мама, и надел сапоги. На руки - перчатки, а поверх - вязанные рукавицы. "Да, давненько не бывал я на зимней природе", - вздохнул он, взял сумку с продуктами и вышел из квартиры.

Редакционная "волга" уже ждала в тёмном дворе, освещённом единственным желтоватым фонарём. Рядом кружком стояли трое, разговаривали и курили, огоньки сигарет вычерчивали в их руках замысловатые кривые. Двое из них были точь в точь в таких же резиновых шахтёрских сапогах. Они как по команде повернулись к возникшему на крыльце подъезда Антону Ивановичу. Шагнули к нему навстречу. Водитель Василий ловко перехватил у него сумку с едой и

ушёл к машине. А Валерий Игоревич представил главреду своего спутника.

- Знакомьтесь, Антон Иванович, Евгений Ревякин, собкор центральной газеты "Молодость страны". Приехал вот... к бабушке.

- Как же, как же, кхе-кхе, - галантно протягивая ладонь и энергично отвечая на рукопожатие московского гостя, многозначительно крякнул Антон Иванович. - Читали, талантливо пишете...

- Да вы особо-то не церемоньтесь, - широко улыбнулся москвич. - Я ведь просто в отпуске.

Главред с интересом осмотрел его с ног до головы. Высокий, стройный, тёмные, волосы спрятаны под чёрной вязанной шапочкой. Светлая нейлоновая куртка ловко сидела на нём, выгодно оттеняя смуглое лицо с живыми карими глазами.

- Ну что, в путь! - позвал Валерий.

- Мы с тобой - сядем сзади, - уточнил на всякий случай редактор. - А гость пусть впереди садится, наши красоты рассматривает. Натужно пыхтя, он уселся на сиденье и тут увидел, что рядом с ним примостилась гитара в чёрном кожаном чехле.

- Ваш инструмент? - с особым трепетом в голосе спросил он Евгения.

- Да, балуюсь немного... - небрежно ответил тот.

На ведущем за город шоссе в этот сумеречный час было пустынно. Фары машины и фонари вдоль дороги высвечивали обочины, забитые почерневшим от мартовского солнца снегом. На востоке, за их спиной, начинала понемногу разгораться утренняя заря. Там быстро светало, розовели верхние этажи пятиэтажек. Они же ехали на запад - в сторону водохранилища, над которым ещё висели сумерки.

Водоём был образован много лет назад, когда небольшую таёжную речку с многочисленными притоками, выбегающую с гор на широкую равнину, перекрыли плотиной. Образовалось огромное искусственное озеро, на его дальнем высоком берегу, заросшем густым кустарником, расположились строения местного "Водоканала", ближний же берег был отлогим, переходил в бесконечный ровный луг, который давно полюбили жители посёлка.

В народе это место прозвали Красной поляной. Летом сюда в выходные приезжали семьями, устраивали пикники. Здесь душой и

телом отдыхали шахтёры с детьми и женами. Катались на лодках, водных велосипедах, купались. Под водочку и шашлыки вели на травке бесконечные разговоры о жизни, любовались красотами природы, дышали свежим воздухом, долетавшим сюда с предгорий Салаирского кряжа.

В укромных уголках водохранилища сиживали на утренней или вечерней зорьке рыбаки со всей округи, вылавливая чебаков, лещиков, гольяна, окуня, в прибрежных зарослях - и щуку, а больше всего - пескарей и полосатых ёршиков. Обо всём этом всю дорогу гостю рассказывал Валерий. За эту общительность и умение быстро устанавливать контакт с людьми редактор и ценил своего зама. "Кажется, они нашли общий язык", - с удовлетворением думал он.

Антон Иванович, хоть и не страдал рыбацкой страстью, тоже не раз слышал о хороших трофейных экземплярах, пойманных удачливыми умельцами на Красной поляне. Кажется, сегодня он начинал лучше понимать тех, кто был одержим этой страстью. И чем ближе подъезжали они к заветному месту, тем всё сильнее ему не терпелось побыстрее приступить к древнему занятию мужчины - ловле подводной добычи.

- Смею заметить, - аккуратно вмешался он в разговор молодых людей. - Особого опыта подлёдной рыбалки у меня нет, - извиняющимся голосом произнёс он.

- Это - ничего, - бодро отреагировал Ревякин. - Научим. У меня в рыбацком чемоданчике двойной набор для подлёдной ловли.

- Да я для Антона Ивановича тоже снасть взял, - откликнулся и Валерий Игоревич.

Тут их всех перебил водитель Вася. Машина свернула с шоссе на просёлок с глубокой колеёй и начала то и дело цепляться днищем за обледенелую середину дороги:

- Антон Иванович, - обернулся он к начальнику, блеснув в посветлевших сумерках кабины золотой коронкой передних зубов. - Дальше, наверное, вам придётся пешком дойти. А то я машину на брюхо посажу.

- А сколько отсюда до берега? - главред пристально вглядывался в посветлевшую снежную равнину.

- Километра три, не больше, - махнул синей от наколок рукой Василий.

- Ну что, выгружаемся? - спросил у остальных Антон Иванович.

- Ничего не поделаешь, - согласилась молодёжь. - Придётся пешком.

Они вышли и начали разгружать багажник автомобиля. Евгений закинул за спину гитару, взял свой чемоданчик и один из двух сложенных пополам ледобуров. Валерий достал большой потёртый рюкзак.

- Тут всё, что надо, Антон Иванович! - похвастал он. - Берите ледобур - и в путь! - скомандовал зам.

Они договорились, что Василий будет ждать их здесь, на шоссе, в час-два дня. Тот быстро завел мотор, споро задним ходом выехал на шоссе, лихо развернулся в сторону города и, дав короткий сигнал, рванул домой, досыпать.

А рыбаки двинулись в путь. Шагали ходко, в ряд. Дорога шла под уклон. Стоял лёгкий утренний морозец, усиливаемый ветерком со стороны водоёма. От него дышалось полной грудью.

- Шустрый у вас водитель, - одобрительно отметил гость. - А что-то у него руки такие синие? И с зубами какие-то проблемы?

- Так у него же две ходки на зону, - охотно откликнулся Антон Иванович. - По молодости за хулиганку сидел...

- А сколько же ему сейчас лет? - усмехнулся Ревякин.

- Так двадцать шесть уже, - ответил главред.

- И не побоялись взять в редакцию?

- Вася - парень хороший, серьёзный. Машину нашу старенькую любит, ходит за ней, как за ребёнком. Безотказный, ему два раза команду давать не надо. Работает без опозданий, все поручения помнит... - Антон Иванович вдруг резко прервал свою тираду. Остановился, растерянно оглядывая своих спутников. Они тоже остановились, не понимая, что случилось.

- А авоська моя где? - упавшим голосом спросил у Валерия Антон Иванович. - Сумка с продуктами? Там Глафира наготовила на три дня - пироги, бутерброды с икрой, чай горячий, коньячок... Ты же всё из машины доставал! Как же мы теперь?! Мне ж Глафира голову открутит за такой "прокол". Без еды! Ну и день у нас будет на свежем воздухе! - он положил ледобур на землю и оторопело хлопал себя руками по бокам.

Валерий растерянно осматривал всю их поклажу, будто надеясь всё же увидеть ту самую пропажу.

- Как же так, Антон Иванович? Вроде, я всё выгрузил! И ведь Васька теперь не скоро вернется...

- Да ладно вам! - вмешался Евгений. - Не умрём. Мне бабушка пару бутербродов положила.

- А я сало взял, с прослойками! - радостно сообщил Валерий. - И фляжку полуторалитровую, с первачом чистейшей выгонки. Обещаю, болеть не будем!

- Давайте шагать, мужики! Бог с ней, с едой! - предложил Евгений. - Уже совсем светло становится.

И они быстро двинулись к берегу. А солнечный диск уже готов был вывалиться из-за горизонта, усилив голубизну неба.

- Денёк сегодня будет отличный! - восхитился Евгений. - В нашей сумрачной Москве таких не бывает...

Ещё минут через двадцать они почувствовали, что ступили на чуть просевший лёд водоёма. Его от снеговой кромки берега отделяла длинная узкая извилистая трещина. Совсем рассвело. На льду, ближе к берегу, вдоль него, виднелось уже немало рыбаков. Одни бурили лунки, другие расчищали старые отверстия во льду, третьи готовили снасть.

Антон Иванович чувствовал, что лёд под ногами пористый, он будто шевелился под их весом, звеня ломкими тонкими ледяными корочками, которые покрыли за ночь лужи, в немалом количестве образовавшиеся в последние дни от солнца. Март, видно, хорошо "поработал" над крепостью ледяного панциря.

- Ловить будем ближе к берегу, так сказать, у края русла, - объявил Валерий. - На середину не пойдём, там может быть уже опасно. Да и у берега клевать должно хорошо. Я вам, Антон Иванович, сейчас удочку дам, специально для вас взял... Сначала с местом определимся.

Евгений и Валера разошлись в разные стороны, шлёпая резиновыми сапогами по ноздреватому льду. Валера пошёл вдоль берега налево, внимательно глядя вокруг, Евгений двинулся направо. Главред остался стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу, покачивая сложенным ледобуром.

- Идите сюда! - позвал их Валерий. - Думаю, начать можно отсюда, со старых лунок, - сказал он, когда они подошли ближе, и показал на покрытые ледком лунки, расположенные по кругу довольно далеко друг от друга.

Они выбрали место, сложили ледобуры, Валерин рюкзак, чемодан и гитару Евгения. Порывшись в рюкзаке, Валерий достал небольшой складной стульчик с брезентовым верхом. Антону Ивановичу он выдал маленькую удочку с пробковой ручкой-удильником, катушкой с леской, коротким удилищем в виде хлыстика сантиметров в пятнадцать-двадцать. На его конец приладил кусочек толстой капроновой щетинки длиной сантиметра три-четыре. "Зачем это?" - спросил Антон Иванович. "Это кивок, шеф. По его поведению вы будете видеть, клюёт рыба или нет".

Через кивок он закрепил леску, на ней - небольшую мормышку - крючок, впаянный в кусочек тёмного металла в виде опарыша. "На мормышку всякая рыба берёт!" - Валерий многозначительно поднял вверх указательный палец. Ловко насадил на крючок одного за другим - колечками - двух красных извивающихся мотылей.

- Попробуем на окуньков. Держите, шеф, - вложил он удочку в подрагивающую руку Антона Ивановича. Сам развернул ледобур, прочистил им ближайшую лунку, пробив тонкий верхний ледок и потыкав металлической, похожей на большой коловорот, верхней частью этого нехитрого механизма вглубь воды. Достал до дна. "Неглубоко здесь, - сказал с удовлетворением. - Должна она тут утром кормиться..." "Кто?" - не поняв, переспросил Антон Иванович. "Конь в пальто! - хохотнул в ответ заместитель. - Извините, шеф... Рыба, кто ж ещё?!"

- Вот ведь, что значит, не профессионал я, - виновато улыбнулся главред. - Ты хоть покажи, как со всем этим управляться?

Валерий чем-то похожим на большую ложку выловил из лунки небольшие кусочки льда, поставил у лунки стульчик, сел, взял у начальника удочку и погрузил крючок в лунку, размотал леску, почувствовав, когда наживка достигла дна, начал плавно, с чуть заметным ускорением, подергивать: чуть потянет, остановится, снова отпустит наживку на дно. И так несколько раз, пока кивок не дрогнул, указывая на поклёвку. Валерий ловко подсёк и выбросил на лёд полосатого окуня.

- Рыба! - восторженно крикнул Антон Иванович.

- Тише, мужики, вы же всю рыбу распугаете! - зашикал на них Евгений. Он тоже уже сидел недалеко от них на складном стульчике и колдовал со своей удочкой над своей лункой.

- Нате, - передал Валерий удочку главреду. - Я себе снасть и место приготовлю. Вот только рукавицы придётся снять. Хотя бы одну. И перчатку - тоже. Иначе поклёвку не будете чувствовать.

Антона Ивановича вдруг охватил настоящий азарт: он почувствовал, что вот прямо сейчас он впервые в жизни поймает настоящую живую рыбу. Его даже в пот бросило. Он, не глядя, скинул на лёд все рукавицы и перчатки и ухватился за удочку, на крючок которой Валерий насадил ему очередного мотыля из жестяной баночки. Валерий отсыпал мотылей в небольшой полиэтиленовый мешочек: "Для вас, шеф, можете в карман положить, а лучше - на лёд". Антон Иванович похлопал по бокам тулупчика, но карманов не обнаружил. И вспомнил, как Глафира Николаевна решительно зашила их ещё лет пятнадцать назад, в период её активной борьбы с курением мужа.

- Удачи, шеф! - фамильярно ткнул Валерий главного в плечо. - Мы с Евгением попробуем снасти на другую рыбу. А вам пока хватит и этого. Вытащите две-три рыбки, переходите на другую лунку. Или новую бурите через несколько метров вдоль берега. Ледобур и стульчик я вам оставлю.

- Нет уж, - великодушно отказался Антон Иванович. - Стульчик забирай с собой. Я всё равно на нём не усижу, буду скакать вокруг лунки, как заведённый! И рыбу свою забери. Мне чужого не надо!

- Вам виднее, - Валерий подхватил стульчик, рюкзак, окунька. - Если что, зовите на помощь, - и он широко пошагал по изъеденному водою льду в сторону Евгения. При каждом шаге из-под его сапог разлеталось жидкое снежное крошево, перемешанное с талой водой.

Вскоре, метрах в пятидесяти дальше от Ревякина, он начал колдовать со снастью у лунки. А перед Евгением на льду извивались и прыгали уже три - четыре рыбёшки.

Оставшись один, Антон Иванович разволновался, судорожно сглотнул слюну и осторожно опустил крючок в лунку. Он высвободил немного лески с катушки, пока через рукоятку удочки не почувствовал, что мормышка коснулась дна. Вспоминая урок Валерия, подождал

несколько секунд, потом как смог плавно несколько раз покачал кивком, медленно потянул мормышку вверх и так же медленно снова опустил на дно. Но ничего не ощутил.

"Не клюёт моя рыба... - уныло подумал Антон Иванович. Весь его азарт как-то разом схлынул. - И чего я с молодёжью связался, старый осёл! Сидел бы сейчас дома у телевизора, под боком у Глафиры. Так, нет же, романтики захотелось! - но тут он вспомнил телефонный разговор с секретарём горкома, припомнил его серьёзное партийное поручение. И, почувствовав прилив энтузиазма, снова взялся за дело.

Он опускал на дно и поднимал мормышку, подёргивая, менял ритм движения, то замедляя, то ускоряя его. Несколько раз извлекал крючок на свет божий, внимательно осматривая мотыля, и снова опускал в лунку.

Он бился так с полчаса. И вдруг - сердце ёкнуло - он и впрямь почувствовал, как кто-то резко ударил по мормышке, кивок при этом пружинисто отреагировал на поклёвку. Антон Иванович торопливо дёрнул удочку вверх и на льду запрыгала, резко выгибая колючий спинной плавник, маленькая - в пол-ладони - серебристо-пятнистая рыбка.

- Вот так да?! - подпрыгнул на месте Антон Иванович. И, глядя в залитое весенней синевой небо, потрясая кулаками, заорал благим матом на всю округу. - О-го-го-го! Я поймал её! Моя рыба!!! - Он заплясал, разбрызгивая вокруг себя снеговую воду.

Краем глаза увидел, как повскакали со своих мест ближние рыбаки, как, бросив удочки, рванули в его сторону Валерий с Евгением. Они подбежали почти одновременно. Увидев изгибающегося на льду ерша, с язвительными улыбочками наблюдали за ритуальным танцем главреда.

- И чего было так кричать, шеф? - насмешливо спросил его Валерий. - Мы-то подумали...

- Я точно подумал - щука, да - немалая! - почёсывая шею, признался и Евгений.

Они торопливо начали махать бегущим к ним рыбакам: стойте, мол, сами справимся. Те притормаживали, разочаровано разводили руками, неторопливо возвращались на свои места.

- Да, поймите вы, это моя первая в жизни рыба! - смущенно оправдывался Антон Иванович. - Вот и накатило на меня. Извиняйте, коли, что не так... - примирительно пробормотал он.

- Эх, фотоаппарат с собой не взяли... - то ли в шутку, то ли всерьёз вздохнул заместитель. - Ладно, продолжим, - позвал он Евгения. - Кстати, Антон Иванович, можете сменить лунку. А то я уже семь окуней взял!

- Я, наверное, с десяток рыб вытащил, - похвалился Ревякин.

- Профессионалы! Куда мне с вами тягаться... - Антон Иванович похлопывал ладонями озябших рук. - А где-то мои рукавицы? - начал озираться он по сторонам.

- Вот они, в воде лежат, - Валерий сгрёб в ледяной лужице и поднял его перчатки и рукавицы, с которых закапала вода, подал начальнику. - Как же вы так, неаккуратно? Выжмите их и за пазуху положите. Может, высохнут. А руки в карманах грейте.

И они ушли, похохатывая, и насмешливо крутили головами.

Антон Иванович вначале выжал мокрые перчатки, потом рукавицы. Остро почувствовал кусающий холод ледяной воды. Кое-как пристроил влажные вещи под тулупчик, поближе к телу. Недобро помянул Глафиру за зашитые карманы. И спрятал озябшие ладони себе подмышки.

Немного постоял так. Рукам вроде стало теплее. А яркое солнечное утро, между тем, искрилось отблесками на поверхности водохранилища. От рыбаков на льду тянулись длинные тени. Было бы совсем тепло, подумал Антон Иванович, если бы вдоль русла не тянул зябкий ветерок.

Главред решил сменить лунку. Он взял удочку, мотыля в пакетике и успокоившегося уже ёршика, ледобур. И направился к соседней старой лунке. Быстро очистил её острым концом ледобура от настывшего льда. Пожалел, что Валерий не оставил ему свою "ложку" для вылавливания льдинок. Присел на колени и голой рукой выловил из воды несколько ледяных кусочков. Подышал на замёрзшие пальцы. Расправил удочку, осторожно надел на крючок нового мотыля. И снова принялся колдовать над лункой.

Снова долго бился за поклёвку. Несколько раз чувствовал, что клюёт, резко подсекал, но рыба всякий раз сходила с крючка. И вдруг - удача

- на льду снова изгибался ёрш, на этот раз - вдвое больше первого. На этот раз обошлось без победного крика. Антон Иванович лишь подумал: "Ишь, ты, думал меня обмануть!"

Правая рука, которой он манипулировал с удочкой, отказывалась нормально работать: ладонь свело холодом. Антон Иванович дышал на неё, клал пальцы в рот - этого тепла хватало ненадолго. Рукавицы пока не высохли, он чувствовал их влагу, добравшуюся до поверхности кожи. Ноги в сапогах тоже начали подмерзать, ведь стоять приходилось едва ли не по щиколотку в воде.

Чтобы согреться, он решил пробурить новую лунку. Взялся за холодные рукоятки ледобура, отступил от старой лунки метра на три и начал интенсивно работать инструментом. Лёд был мягкий, и ледобур быстро проходил сквозь его податливую толщину. Антон Иванович резко выдернул инструмент из глубины вместе с фонтанчиком из смеси воды с ледяным крошевом.

- Меняете дислокацию, шеф? - услышал он за спиной голос зама. Повернулся, кивнул. Ответить не получилось, он почувствовал, что челюсти от холода не желают его слушаться.

- Э, да вы замёрзли, Антон Иванович! А я вам рукавицы принёс, - он протянул своему начальнику серые рукавицы домашней вязки. - Оказывается, у меня в рюкзаке лежали запасные! - деловито сообщил он. - Я про них забыл совсем. А полез за фляжкой, тут их и увидел. А улов у вас вырос. Здорово! У нас тоже идёт неплохо. Я что пришёл-то, шеф? Мы с Евгением решили полдник устроить. Оставляйте всё, как есть, и пойдёмте к нам, - он потянул Антона Ивановича за локоть.

Тот покорно проследовал за ним на замёрзших, плохо слушающихся ногах. Метров через сто они подошли к маленькому бивуаку из двух составленных вместе складных стульчиков. Те были застелены газетой, на ней лежали горкой тонко нарезанные розоватые кусочки сала с красными мясными прослойками, ломтики чёрного хлеба, порезанная на дольки головка лука, бутерброды из нарезного батона с маслом и докторской колбасой. С краю покоилась большая металлическая фляга. Недалеко на льду был разложен кусок брезента мышиного цвета.

Евгений неторопливо прохаживался вокруг импровизированного стола, заложив руки за спину. Когда подошли редактор с замом, Ревякин извлёк из своего чемоданчика небольшой кожаный мешочек,

в котором были стограммовые стаканчики из нержавейки. Дал каждому по стакану, а Валерий до краёв наполнил их содержимым из фляжки. Антон Иванович присоединился к их скудному пиршеству с чувством добытчика. Он понюхал остро пахнущую прозрачную жидкость, зябко передёрнул плечами.

- Не сомневайтесь, шеф, продукт нормальный, крепкий, высокой степени очистки. Не коньяк, конечно, но народ его любит и не зря называет самогоном, - рекламировал напиток заместитель. - На рыбалке согревает. Мы с Женей уже попробовали... Ну, будем здоровы! За наше знакомство! - они осторожно чокнулись и выпили. Молодые - залпом, Антон Иванович выцедил мелкими глотками. Он почувствовал, как горло обожгло холодным напитком. Подцепил пару кусочков сала и корочку чёрного хлеба. В желудке приятно потеплело. И пока Антон Иванович жевал, тепло начало "опускаться" в ноги...

- На мормышку я чаще всего ловлю на небольшой глубине и в коряжниках, где с другими приманками случаются «мертвые» зацепы, - говорил в это время Евгений. Видно, они с Валерием продолжали начатый ранее разговор.

- А у меня, как рыболова-зимника, своя техника игры мормышкой**.** Я уже давно усвоил, что в это время окунь любит быстрые движения приманки, - ответствовал собеседник.

Антон Иванович с интересом прислушивался к разговору молодых. И ему даже как-то по-особому приятно было приобщиться к, казавшейся ещё недавно странной и непонятной своей страстью, рыбацкой армии.

- А что, мужики? Похвалитесь, чего поймали! - перебил он вдруг их разговор.

Они замолкли на полуслове, серьёзно глянули на старшего товарища. Валерий подошел к расстеленному брезенту и откинул его. Восхищенному взору Антона Ивановича открылось богатство сегодняшнего улова: несколько десятков желтовато-полосатых окуней, небольшая щучка.

А это что за рыба? - показал он на серебристых продолговатых рыб.

- Это чебачки, - сказал Валерий. - Евгений называет их плотвой. - Ревякин согласно кивнул головой. - А это - подлещики, - он взял в руку плоскую серебристого цвета рыбу размером в полторы ладони. - Тоже неплохо ловятся в марте.

- Ну, молодцы! - искренне похвалил молодёжь редактор. - А щуку кто поймал?

- Это - Евгений, - кивнул Валерий на гостя, лицо которого светилось от удовольствия.

- На мормышку? - не унимался Антон Иванович.

- Зачем на мормышку? На блесну!

- А-а! - с умным видом протянул главред. - Давайте ещё по одной - за улов.

Они выпили, закусили со скромного стола.

- А хотите, я вам что-нибудь спою, - чуть захмелевшим голосом предложил Евгений. Они с удовольствием согласились. Высвободили один стульчик. Евгений вынул из чехла шестиструнную гитару со светло-коричневой верхней декой, уселся, перебирая пальцами струны. Попробовал звук на одной струне, на другой, подтянул колки. Антон Иванович заметил, что ноготь на указательном пальце его правой руки был гораздо длиннее, чем на остальных. "Вот же, какая хитрость ", - успел подумать он. И тут Евгений заиграл и запел весёлую песенку. Всех слов главред не упомнил. Ну, что-то вроде:

"Ты любила есть сырое мясо
И лакать парное молоко.
Ты меня ругала лоботрясом,
Если не принёс я ничего.

Помню питекантропа-соседа,
Он тебя же у меня отбил
Тем, что ежедневно для обеда
Кости динозавра приносил.

Есть захочешь - приди
И в пещеру войди.
Хобот мамонта вместе сжуём.
Наши зубы остры,
Не погаснут костры,
Эту ночь мы вдвоём проведём".

- Это ещё из моего студенческого репертуара, - пояснил Евгений. А вот более позднее:

"Эта жажда во мне…
Луч блеснет в глубине
И забьется, мерцая,
В змеящихся косах стремнины.

Жадно дышит у рва
Молодая трава.
Пробегают зарницы
По зыбким небесным руинам.

Знаю: есть у грозы
Громогласный язык,
Слышат чуткие ивы
Ушами коричневых почек.

Слышит в поле зерно
И, от боли черно,
Раздвигает всем телом
Её разбудившую почву.

Будь, гроза, слышишь, будь,
Дай всей грудью вздохнуть!
Есть в твоем откровенье
Певучее освобожденье!

Ах, ничем эта ночь
Не смогла мне помочь,
Лишь безумно играла
В душе моей светом и тенью".

Он спел ещё несколько своих песен, подыгрывая себе незамысловатыми, но такими необычными мелодиями, что, казалось Антону Ивановичу, они проникают в самую душу.

- Ладно, - сказал он, когда Ревякин остановил импровизированный концерт. - Ты - настоящий талант, Евгений. Предлагаю выпить ещё по одной - и снова за дело!

- Как прикажете, шеф! - Валерий снова наполнил стаканы.

Они выпили. И, наверное, только сейчас почувствовали, как резко изменилась погода. Солнце подёрнулось белёсой мглой, помутнело

совсем ещё недавно голубое и прозрачное небо. Ветер усилился и сыпанул на рыбаков мелкой снежной крупой.

- Может, закончим на сегодня? - предложил Валерий. - Клёва, думаю, уже не будет.

- Ну, уж, нет, - неожиданно упёрся Антон Иванович. - Вы как хотите, а я ещё своего окуня должен поймать! Посидите немного, а я схожу, закину удочку. Спасибо, руки-ноги отогрелись. Я быстро обернусь! - он подхватился и нетвёрдыми шагами, едва ли не бегом отправился к своей новой лунке.

Антон Иванович увидел, как вода из лунки поднялась и чуть подтопила лёд метра на полутора вокруг. В воде лежали удочка, пакетик с мотылём, две его уснувшие рыбки. Он ступил в воду, она по щиколотку скрыла сапоги, быстро подхватил удочку, пакетик с наживкой. Осторожно выковырнул мотыля, насадил на крючок одного, второго. Осторожно направил оттянутую мормышкой леску в отверстие во льду.

Он погружал её вниз до тех пор, пока не почувствовал, что крючок коснулся дна. Антон Иванович начал плавно, но быстрее, чем раньше, "играть" мормышкой. Рыба клюнула буквально через несколько секунд. Он от неожиданности на мгновение замешкался, но тут же резко подсёк. Крупный окунёк выскочил из лунки и, сорвавшись, упал рядом со спасительным отверстием, круто изгибаясь, начал свой танец в сторону лунки.

Антон Иванович буквально ошалел от такой рыбьей наглости. "Врёшь, не уйдёшь!" - мелькнуло в голове. И он бухнулся на колени, прямо в воду, пытаясь накрыть рыбу руками. Это ему удалось, он отбросил окуня на чистый лёд и вскочил на ноги. При этом, сам того не желая, зачерпнул широкими голенищами по доброй порции ледяной воды. Она хлынула в сапоги, обжигая холодом ноги от коленей и лодыжек, до ступней и пальцев.

В первую секунду у Антона Ивановича перехватило дыхание. Однако он не растерялся. В голове тревожным молоточком застучало: надо что-то немедленно делать. "Застужусь. Надо бежать за помощью!", - мелькнула спасительная мысль. Но он не мог вот так просто бросить свой улов. Он извлёк из-под тулупчика одну почти высохшую рукавицу и начал складывать туда улов. Ерши в ней поместились сразу, а с окунем пришлось повозиться. Потом он надел Валерины рукавицы,

подхватил ледобур, удочку и помчался к молодым напарникам. Вода в сапогах противно чавкала. Он почти не чувствовал замерзших ног.

- Валерий Игоревич, Валера! - кричал он, подбегая к ребятам. - Я ноги промочил, нахрен! Надо что-то делать?!

- Ну, шеф, вы даёте! - растерялся заместитель.

Но быстро подставил ему стул:

- Садитесь сюда, - главред покорно присел.

- Снимайте сапоги, - зам уже достал из рюкзака запасные вязаные носки.

- Не могу снять... - после недолгой борьбы с мокрой обувью сдался Антон Иванович.

Евгений с Валерием повалили его на лёд и в четыре руки стянули поочерёдно с левой и правой ноги Антона Ивановича сапоги, вылили из них остатки воды.

- Долой всё мокрое! Надевайте мои носки! - редактор торопливо скинул портянки и всё остальное, дрожащими руками натянул сухие носки на бледные, онемевшие от холода ноги.

- Запасных сапог не взял, уж извините, шеф. Придётся сырые надевать, - Антон Иванович едва всунул ноги в сырые сапоги.

- Может, нальешь? - попросил он Валерия.

- Нет, пить сейчас не надо, - вмешался Евгений. - Костёр мы здесь не разведём, вокруг ни кустика. Предлагаю бежать к дороге, ловить попутку до города.

- Поддерживаю, - кивнул Валерий. - Думаю, наш Вася может быть уже там. Он парень сметливый, видит, что погода испортилась.

Они мигом сложили вещи. Причём, всю рыбу уложили в тряпичную авоську. "И моих, моих туда же положите! Они у меня - первые..." - попросил Антон Иванович. Валерий, скрывая улыбку, быстренько вытряхнул из рукавицы трёх его рыбёшек.

Евгений забросил гитару за спину, взял свой чемоданчик, ледобур и быстро пошагал в сторону берега. Валерий подхватил рюкзак, второй ледобур, сумку с рыбой и рванул за московским гостем.

- Догоняйте! - крикнул он своему начальнику. Тот сделал шаг, второй на плохо слушающихся замёрзших ногах. Потом усилием воли начал

набирать темп, чтобы не отстать от молодых. Шагов через сто, когда уже выбрались на просёлок, Антон Иванович начал снова чувствовать ноги, ступни покалывало. Их подгонял и холодный ветер - дул в спину. Снежная крупа, не переставая, густо сыпала с неба под острым углом, из-за чего видимость упала метров до пятидесяти.

Ещё через полчаса бега трусцой они оказались на шоссе. Василий, действительно, ждал их на обочине.

- А я решил пораньше приехать, - сказал он, обращаясь к начальнику. - Погода-то того... - Василий улыбнулся, блеснув зубами.

- Ты меня не заговаривай! - рявкнул на него главвред. - Ты почему мою сумку с продуктами не выложил?! - Василий оторопело вытаращился на начальника. Потом хлопнул себя по лбу, кинулся к машине, откинул крышку багажника.

- Точно, Антон Иванович! Вот она, родная, лежит в сохранности! Лопухнулся я, Антон Иванович! Вы уж простите, это не специально... - он начал укладывать в багажник вещи рыбаков. - Ого! - взвесил Василий в руке сумку с уловом. - Кило на три с половиной потянет! Удачно вы. Но, оголодали, наверное! Простите ещё раз!

- Ты теперь мою сумку в кабину поставь, - приказал ему начальник. - Я ребят хоть Глафириными пирожками угощу. И коньячку глотнём...

- Шеф, мы с Евгением не возражаем, если вы впереди сядете, - Валерий слегка подтолкнул начальника к передней дверце. - А ты, Вася, печку на полную включи. Антон Иванович ноги промочил, пусть согреется.

Через пару минут они уже неслись в сторону города. Только в машине Антон Иванович понял, как сильно продрог на природе. Несмотря на заливающее салон "волги" тепло от печки, его била лёгкая дрожь, ноги в мокрых сапогах не согревались.

- А вы сапоги-то снимите, теплее будет, - посоветовал Валерий. - Вы, Антон Иванович, настоящее рыбацкое крещение сегодня прошли, поздравляю! Для первого раза держались молодцом!

- Да, ладно, - главвред с натугой стягивал с ноги сапог. - Если бы не вы, мне бы каюк...

Антон Иванович подтянул к себе сумку с едой, пошуровал в ней, вынул пакеты с пирогами, бутербродами, начал разворачивать их, передавать сидящим сзади пассажирам. Валерий буквально впился

зубами в первый же попавшийся пирожок. Евгений налегал на бутерброды с икрой.

- А что, парни, глотнём армянского коньячку?! - расправил, наконец, плечи Антон Иванович. Он достал бутылку, отвинтил пробку и передал бутылку назад. - Давайте из горла. Из рюмок на ходу, боюсь, не получится.

Первым глотнул янтарную жидкость Евгений. Раз глотнул, второй, третий.

- Послушайте, Антон Иванович, а коньяк-то - очень даже ничего! - похвалил он, передавая бутылку Валерию. Антон Иванович прямо-таки зарделся от удовольствия.

Валерий хлебнул из бутылки, задержал напиток во рту, а потом медленно проглотил.

- Да-а, - выдохнул он, - с моим не сравнить!

- Ладно тебе, - успокоил его начальник. - Если бы не твой самогон, где бы я сейчас был?! - и он грозно глянул на водителя. Тот втянул голову в плечи и крепче вцепился в руль...

Когда "волга" остановилась во дворе дома Антона Ивановича, тот, открыв дверцу, долго обувал свои резиновые шахтовые сапоги. "Носки и рукавицы я тебе потом отдам", - вяло пробормотал он Валерию.

- Да вы не волнуйтесь, шеф. Мы тут с Евгением посовещались и решили: поскольку вы сегодня в первый раз в жизни на лёд ходили - весь улов отдаём вам! - он слегка похлопал шефа по плечу.

- Не-не-не, - пьяно замахал руками Антон Иванович.- Глафира мне... меня...Евгений...бабушка...

- Не беспокойтесь, - успокоил его Евгений. - Моя бабушка терпеть не может возиться с речной рыбой. Так что всё - вам! И спасибо за рыбалку, за гостеприимство. А пирожки - так вообще просто объедение! Так жене и передайте.

- Передам, обязательно передам, - он энергично тряс руку Ревякину. - Вы остатки-то заберите, съешьте, не обижайте Глафиру Николаевну.

- Не вопрос, шеф! - без лишних церемоний согласился Валерий. - Тем более мы решили ко мне сейчас заглянуть. Так мы и коньяк недопитый заберём.

- Давайте, давайте, - великодушно сказал Антон Иванович. - До понедельника, парни. - Он тяжело вылез из машины, подхватил сумку с рыбой и китайский термос и двинулся к подъезду. При этом шахтёрские сапоги при каждом шаге издавали характерный громкий скрип.

- Глафира, - ответил он на немой вопрос в глазах жены, открывшей ему дверь в квартиру. - Да, я немного выпил! - он вздёрнул вверх подбородок. - Но, если бы я не сделал этого, я бы просто погиб от холода! Я ужасно замёрз! Промочил все рукавицы, ноги! Я до сих пор не согрелся, как следует. И если ты сейчас же не приготовишь мне горячую ванну, я подхвачу воспаление лёгких. А потом в постель - устал как конь на пахоте...

- Сделаю, сделаю, - на удивление сговорчиво пропела жена. - Только... - запнулась она. Антон Иванович почувствовал в её интонации лёгкий укол подвоха.

- Только, что? - переспросил он, напрягаясь от предчувствия интриги со стороны благоверной.

- Я тебя просила рыбу домой не приносить?

- Да, говорила, милая, но ребята, - развёл он руками. - Ребята решили...

- Так я же не возражаю, - красивые полные губы Глафиры растянулись в улыбке. - Только спать ты после купания не ляжешь до тех пор, пока всю рыбу не почистишь. Иначе, я её выброшу в мусоропровод! - отрезала жена и пошла готовить мужу ванну.

...Антон Иванович блаженствовал в горячей воде среди бархатной пены, чувствовал, как тепло проникает в каждую клеточку его тела.

Он начал задрёмывать. И ему тут же приснилось, что он сидит над лункой с удочкой. Рыба клюёт. Он резко подсекает, и выдернутая из подо льда полосатая рыбёшка срывается с крючка и летит обратно. Антон Иванович бросается вслед за ней и... просыпается, едва не наглотавшись пены. Приличная порция воды при этом вышлёпывается из ванны на пол.

Он, кряхтя, вылез из тёплого удовольствия. До красна растёрся полотенцем, завернулся в махровый халат и вышел в комнату. Хмеля как не бывало.

- С лёгким паром! - приветствовала его Глафира Николаевна. - Ужинать будешь?

- Нет, Глаша, что-то я пока не голоден, - откликнулся он.

- Что ж, иди на кухню. Рыба ждёт тебя...

Он тяжело вздохнул, деваться было некуда. Жена вытряхнула весь принесённый им улов в раковину, где моют посуду, - горка вышла приличная. Рядом Глафира положила разделочную доску, нож, тазик для чистой рыбы, ведро для отходов. Антон Иванович отодвинул в сторону резиновые перчатки и смело погрузил руки в серебристую рыбную горку. Для начала он решил найти того самого ёршика, которого поймал впервые в жизни своими руками. Он долго копался в пахнущей сложным запахом реки и тины свежей рыбе, пока не нашёл то, что искал. На фоне других речных обитателей его ёршик выглядел мелковато. Но он тщательно очистил его от чешуи, выпотрошил и бросил в тазик. Взялся за подлещика...

Когда он закончил, часы показывали далеко за полночь. Весь халат и лицо Антона Ивановича, кафель на стенах и пол рядом с мойкой - всё было в мелкой рыбьей чешуе. Он сложил почищенную рыбу в полиэтиленовый пакет, засунул в морозилку.

Пока привёл кухню в порядок прошёл ещё час.

Вконец вымотанный бесконечным днём, Антон Иванович примостился на кровати рядом с Глафирой и заснул крепким сном. Но даже во сне он интуитивно чувствовал, что заболел: в горле сильно першило, чесалось, мешало сглотнуть накопившуюся слюну.

...Рано утром в понедельник в квартире Валерия Игоревича раздался телефонный звонок. Он вскочил с кровати и снял трубку:

- Алло, слушаю?

В ответ в трубке что-то заскрипело.

- Алло? - повторил замредактора. - Я вас не слышу!

- А ты всё же послушай! - наконец разобрал он хриплые слова.

- Кто это? - не узнал Валерий.

- Да я это, Антон... - прохрипела трубка.

- Шеф, вы!? Что с вами? - не на шутку встревожился заместитель.

- Ангина! Будь она неладна, эта рыбалка! Ты гостя проводил?

- Проводил в лучшем виде! - радостно отрапортовал Валерий. - Вчера в самолёт посадил, ручкой помахал. Он доволен, особенно, рыбалкой! Вот ведь как... А вы, оказывается, того - наоборот...

- Ладно, хоть гостю хорошо, - тихо просипел в ответ главный редактор. - Есть захочешь, приди и в пещеру войди, хобот мамонта вместе сжуём, - он натужно закашлялся. - На работе управляйся без меня. Я теперь недели на две, не меньше. Спасибо твоей мормышке... - и Антон Иванович бросил трубку на аппарат.

Глубинка

Повествование основано
на реальных фактах.
Имена некоторых персонажей изменены.

- Даже не верится, что мы в мае, ночью гуляем по красавице Риге! - громко восхищался Илья Бельский. Его голос проносился по неярко освещённой Домской площади и отдавался эхом в прилегающих улочках.

...Они хорошо "посидели" в гостинице "Латвия", в двухместном номере, на семнадцатом этаже, где Илья проживал вместе со своим коллегой Павлом Красковым, позвав на вечеринку пригласившего их в эту командировку Виктора Ивановича Бекова, начальника комитета по культуре администрации Сибирской области, и Аркадия - актера их областного драмтеатра, красавца, балагура и любимца женщин.

Посидели отлично. Вначале допили всю оставшуюся привезенную с собой водку - три бутылки - заедая её доставленной из дома же сырокопченой колбасой с чёрным рижским хлебом, шпротами и другими местными консервами. Потом Виктор Иванович дал денег, чтобы парни сгоняли в гостиничный ресторан за коньяком. Выпили и его. Но пьяными не были. Только расслабились так, что разговорам не было конца-края. Само осознание, что находятся в почти европейской стране, действовало на них возбуждающе, будоражило, обещало что-то необычное, граничащее почти со сказкой.

Аркадий бесконечно травил театральные анекдоты и байки, Виктор Иванович неторопливо, с протягом делился воспоминаниями о былых поездках в Прибалтику, обещал устроить встречу с самим латвийским министром культуры: "Мы же знакомы едва ли не смолоду", - повторял он уже в третий раз, поглаживая небольшую аккуратную бородку. А Илья с Павлом делились планами о том, какую прекрасную передачу они сделают об этой поездке.

- У нас же цикл телепрограмм есть, "Глубинка" называется, - горячился Илья. - Вот мы её под этой рубрикой и покажем…

- А что? - развивал мысль Павел. - Бывшая окраина Российской империи! Теперь захотели самостоятельности. Как они без Союза? Вот вопрос!

Потом кто-то предложил прогуляться по ночной Риге. Идею подхватили, оделись и пошли. И никого не смутило, что уже был второй час ночи. Кровь, взбудораженная алкоголем и весенними запахами, бурлила, заставляя забыть о сне.

- Я знаю, как выйти к Домскому собору, - повёл их за собой Виктор Иванович.

Они шли - куртки нараспашку - по ночному городу, пахнущему речной свежестью близкой Даугавы, и вели громогласный разговор, стараясь всколыхнуть тишину спящего города. На их взгляд, тёмным улицам не хватало света тускловатых фонарей, а за окнами домов могло бы быть побольше полуночников. Остановились, задрав головы, рассматривая громадину собора. Его высокая стена уходила в тёмную высь. Виктор Иванович, как опытный гид заезжим гостям, рассказывал историю грандиозного сооружения:

- Его построили - представить страшно - в 1270 году! Постройкой руководили бывалые мастера-немцы. Это был самый крупный собор во всей Европе - дом, где человек может беседовать с Богом... - звучный баритон Бекова разносился по площади. И вдруг его резко перебил чей-то властный окрик:

- Вы что, с ума сошли!?

Они все разом вздрогнули и обернулись: возле них стояли двое военных в советской форме - невысокий кряжистый полковник и худой, высокий с погонами подполковника. Плащи, фуражки с кокардами, ботинки - всё по уставу.

- А что такого мы делаем? - заартачился Илья. - Ходим себе, смотрим, обсуждаем. Никого не трогаем!

- Вот именно, обсуждаете! - полковник по очереди оглядел каждого из них. - Вы же говорите по-русски. Разве не знаете, что сейчас - 1991 год, и небезопасно в Латвии говорить на русском, да ещё так громко, ночью? Забыли, какое настало время? Они ж теперь свободные, не зависят от СССР! Да вам здесь местные ребята головы открутят, шлёпнут - и никто не найдёт!

- Так спят же все, - попытался оправдаться Павел.

- Все, да не все, - встрял высокий. - Здесь сейчас много злых на Союз. Мы у себя в гарнизоне увольнения в город отменили. Офицеры ходят с работы домой по двое - по трое. И вот с этим, - и он похлопал по

висевшей на ремне под плащом кобуре. - Иначе нельзя. Вот до чего дошло после зимних событий! - сказал он с досадой. - Скажи, Михалыч...

- А что сказать? Год, как Латвия объявила о независимости, а Москва, кажется, так ничего и не поняла, - развёл руками полковник. - Наш гарнизон в Риге оставили, никаких указаний из Москвы не дают: какой у нас теперь статус, как себя вести с местными властями? Нас здесь иначе, как оккупантами, не называют...

- Что же нам-то делать? - в голосе Павла сквозила растерянность.

- Ничего, - усмехнулся Михалыч. - Что вы можете сделать!? Идите в гостиницу, да спать ложитесь.

- Мужики! - встрял Виктор Иванович. - Напугали вы нас до смерти. Может, проводите. Вы-то - с "пушками", с вами не страшно.

Военные переглянулись. "А, давай, проводим ребят!" - кивнул, соглашаясь, полковник. - Так спокойнее будет".

Они быстрым шагом, молча, отправились в обратный путь. Сибиряки шли вчетвером в один ряд, уже не любовались красотами ночной столицы. Военные, так же храня молчание, шагали сзади. Вскоре Виктор Иванович чуть приотстал от своих, поравнявшись с офицерами, представился:

- Меня зовут Виктор Иванович, я этими мужиками здесь как бы руковожу. Вообще-то мы из Сибири приехали. Давайте знакомиться, - и он протянул полковнику руку.

- Сергей Михайлович, - представился тот, ответив на рукопожатие. - Замкомандира рижского гарнизона советских войск Прибалтийского военного округа. А это мой помощник Вадим Викторович. А вы по какому делу сюда?

- Сейчас в Риге идут дни культуры нашего региона в Латвии, - ответил Беков. - Есть такое соглашение у нас с их республиканским минкультом. Знаете, наверное, кто у них министр культуры?

- Конечно, - кивнул полковник. - Кто же Паулса не знает! Его тут часто в новостях показывают.

- Вот мы и привезли в Ригу труппу нашего театра детского творчества "Юность" со спектаклем "Питер Пэн". Будем его в Русском театре представлять. Приходите на спектакль, я вам контрамарки дам.

- Это - хорошо! - обрадовался Сергей Михайлович, и его помощник одобрительно закивал головой. - А то мы тут совсем от культуры оторвались.

- Да, совсем озверели, - поддакнул Вадим Викторович. - А когда вы нам контромарки дадите? - и добавил. - Надо ковать железо, пока горячо.

- Так прямо сейчас и дам, - заверил Виктор Иванович. - Зайдёте к нам в гости - и дам.

- В гости - это - хорошо, - снова обрадовался Сергей Михайлович, потирая руки. - Только в гости на "пустую" не ходят...

- А вот у нас-то и нет ничего, кроме закуски, - понимающе отреагировал Беков. - Мои охламоны всё спиртное прикончили. А сейчас ночь, ресторан закрыт...

- Это наш вопрос. Это мы сейчас поправим, - заверил полковник. – Вадим? - они приотстали и начали хлопать себя по карманам. Потом Вадим быстрым шагом свернул в затемнённый переулок.

- Надо тормознуть. Подождём, он быстро обернётся! - попросил полковник новых знакомцев. Павел, Илья и Аркадий остановились, не понимая, в чём дело.

- Я военных в гости пригласил, - ответил на немой вопрос земляков Виктор Иванович. - А они с пустыми руками не могут...

- А не поздновато? - кося глазом на полковника, тихо спросил Павел.

- Да ты что!? Мы же не спать сюда приехали! Значит, ещё посидим, поговорим, - обрадовался Бельский. - Да ещё, если они горючее подгонят...

В этот момент из переулка вывернул подполковник с авоськой, в которой при каждом шаге позвякивало.

- Три взял! - доложил он начальству. - Местный бальзам, черный, сорок градусов, - это он, повернувшись, сообщил штатским. И они направились к гостинице, до которой было уже недалеко.

...В три часа ночи в номере Ильи и Павла они расчистили стол, подрезали колбаски, хлеба, открыли консервы. Сели и выпили по первой и потом сразу по второй.

Военные начали закусывать, а Илья с журналистской въедливостью стал расспрашивать их о событиях последних месяцев. При этом сделал знак Павлу, чтобы тот достал видеокамеру.

- Это же такой эксклюзив! - шепнул он товарищу, не разжимая губ. - Причём, из первых рук…

Виктор Иванович подписал и вручил офицерам пригласительные билеты и всё подливал всем в стаканы, приговаривая что-то о полезных свойствах рижского бальзама. Полковник раскраснелся, а подполковник, напротив, был бледным. Рассказывал, в основном, Сергей Михайлович, а Вадим Викторович больше поддакивал и вставлял короткие реплики.

- Вы же знаете, в прошлом году у нас тут сильно залихорадило. В Латвии создали параллельное правительство, - рассказывал Сергей Михайлович. Без фуражки и плаща он выглядел более просто, не так по-командирски, как раньше. Его серебрящуюся голову украшала большая плешь, а в голубых, глубоко посаженных глазах сквозила усталость. - Декларацию о независимости приняли. И получилось двоевластие: они свои структуры назначили, и советские органы тоже тут продолжают действовать.

- Да, да, двоевластие, - кивал подполковник...

Бальзам делал своё дело. И Сергей Михайлович, всё больше распаляясь, продолжал повествовать простодушным сибирякам, как непросто и опасно сейчас находиться здесь, что не так всё красиво и благостно, как выглядит на первый взгляд.

Например, в МВД Латвии большинство милиционеров согласились подчиняться новому руководству, говорил он о том, о чём в газетах не писали, а вот рижский ОМОН сохранил лояльность Советскому Союзу. Сторонники СССР призывали Горбачева ввести в Латвии прямое президентское правление. Фактически это подразумевало применение силы против сторонников независимости. "Мы, военные, тоже сигнализировали в штаб Прибалтийского военного округа, но оттуда - ничего внятного. Твердили одно: не вмешивайтесь, - и всё!, - Сергей Михайлович похлопал себя по карманам, достал пачку сигарет, зажигалку. - Можно?" - спросил у Виктора Ивановича и закурил, не дожидаясь разрешения.

- А в местной печати такая вакханалия против Союза началась, только держись! - полковник выпустил клуб дыма в потолок. - В начале этого

года, в январе, наш ОМОН занял Дом печати и телефонный узел. А они в ответ вывели на улицы людей, баррикады начали строить. Что тут было! Думали, реки крови прольются! Только никаких особых противодействий Москва проводить не стала. Всё шло на уровне провокаций...

Он подробно обрисовал, как первой жертвой стал шофер из министерства транспорта: его застрелили у баррикады - возле одного из рижских мостов. Так и не выяснили, кто застрелил.

- Ты им, Михалыч, расскажи, как омоновцев постреляли! - напомнил подполковник.

И Сергей Михайлович вспоминал подробности: "В самые первые дни 91-го, ну, может, числа 20 января патруль рижского ОМОН задержал на дороге микроавтобус, в нём было пятеро. В автобусе нашли много интересного: пистолет, бутылки с "коктейлями Молотова". Еще - списки кодов для шифрованных переговоров, патроны, холодное оружие". Когда задержанных повезли в прокуратуру, наступила кровавая развязка. ОМОН попал в засаду, по бойцам стреляли сразу с нескольких направлений: с верхних этажей здания МВД, одновременно неизвестные снайперы стреляли с другой стороны, оттуда, где находится Батальонная горка. Почти десять раненых, были и погибшие - вот итог того боя. Случайными жертвами перестрелки стали двое телеоператоров и один паренёк: "Подбитых мужиков клали перед баррикадами и фотографировали - вот, дескать, есть жертвы. И печатали фото в газетах".

- Кто начал стрелять первым - так и неизвестно, следствие идёт ни шатко, ни валко, - махнул рукой полковник. - Однако после этой стрельбы стало как-то спокойнее. К концу января большинство людей с баррикад разошлись по домам.

- Но серьезных попыток вернуть Латвию под контроль СССР нет. Москва, по-прежнему, молчит. Нам тоже не поступает никаких команд, - Сергей Михайлович снова глубоко затянулся.

- Вот и сидим, как курицы в темноте, - добавил Вадим Викторович. - Боимся лишний раз солдат на улицу выпустить. Тут теперь ко всему советскому такое отношение... Только и жди провокаций! А ещё Верховный Совет РСФСР сделал вместе с Латвией заявление: признаём, дескать, государственный суверенитет друг друга, готовы

оказать конкретную помощь в случае необходимости. Ничего не понимаю...

- Ладно, хватит ребят "грузить", - оборвал его Михалыч. - Расскажите лучше, кто вы, как там, в России, дела?

Павел выключил камеру. Илья отхлебнул из стакана и толкнул коллегу локтем в бок, кивая на Аркадия. Тот дремал на стуле, неловко откинув голову назад. Настала очередь Бекова рассказывать. Он ладонями обеих рук пригладил свою роскошную шевелюру:

- Между нашим регионом и министерством культуры Латвии подписан протокол о культурном обмене, - начал он неторопливо. - Это большая культурная программа с 1990-го до 1995 года. Ваш покорный слуга был инициатором этого большого дела, - скромно склонив голову, сказал Виктор Иванович. - Всё благодаря моему личному знакомству с Раймондом Паулсом. В прошлом, девяностом году, у нас в Сибири проходили дни Латвии. При полных залах шли творческие вечера с актёрами Арнисом Лицитисом, Иваром Калныньшем, Вией Артмане, которая читала «Евгения Онегина».

- Теперь настал наш черёд приехать в Латвию, - Виктор Иванович потёр ладонями лицо. - Мы, конечно, понимали, что сейчас сложное время, что рвутся связи с балтийскими республиками. Но мы обратились в МИД, и нас заверили: всё будет нормально.

Маленькие актёры из театра-студии "Юность" ждали и готовились к этой поездке, как к празднику. Режиссёр театра Валерий Нечаев специально поставил спектакль "Питер Пэн". Отрепетировали так, что тексты от зубов отскакивают. Труппа с директором театра Олегом Павловцом поехала в Москву на поезде, захватив весь необходимый для постановки реквизит. А официальная часть делегации - вместе с журналистами и группой сибирских бизнесменов, которые спонсировали эту акцию, добралась до столицы СССР самолётом. Здесь все встретились - на Рижском вокзале.

Виктор Иванович рассказывал - военные слушали, недоверчиво кивали головами. То ли надо это им было, то ли нет, но слушали внимательно, не перебивали, прихлёбывали бальзам. "Начали уже третью бутылку, а у них ни в одном глазу, - думал, глядя на них, Павел. - Крепкие мужики, держатся здесь, вдали от московских штабов, от страны, которая, похоже, не знает, что с ними делать... Да,

вот же ситуация! А мы у себя в Сибири живём и не знаем, как всё непросто в мире... Страна разваливается на глазах."

Он вспомнил, как "срослась" для них с Ильёй эта поездка. Их телекомпания возникла всего год назад, однако имела высокий рейтинг среди зрителей. Впрочем, у жителей выбор был небольшой: в союзном эфире работали всего два канала, причём, оба показывали практически одни и те же новости.

Новая телекомпания начала работать по-другому: никакой официальности, которая всем до чёртиков надоела. Делали передачи с душой, импровизировали, как могли. Рассказывали о людях, жизни и проблемах просто, доступно и правдиво, находили таких комментаторов событий, которых официальное ТВ себе не могло позволить, даже если бы и захотело. Хотя и чиновников привлекали к своим телепередачам, требуя от них только одного - говорить со зрителями не штампами, а простым и понятным языком.

Павел и Илья быстро стали популярными телеведущими. Они хорошо дополняли в эфире друг друга. Их поклонникам казалось, что спокойный и обстоятельный Павел Красков и взрывной, начитанный Илья Бельский сжились в эфире так, что водой не разольёшь. Хотя, перед любой передачей они кропотливо разбирали каждый предстоящий эфир, спорили до хрипоты, порой, ссорясь и обзывая друг друга последними словами. Но перед телекамерой демонстрировали полное взаимоуважение.

Бывал у них на эфире и Виктор Иванович Беков. Наверное, поэтому он и пришёл к руководству нового телеканала с предложением: отпустить в латвийскую командировку Павла и Илью. Был уверен, что лучше них никто про эту поездку передачу не снимет.

Но, не тут-то было. Теленачальство заартачилось: как это - на целую неделю оставить эфир без Краскова и Бельского?! Нельзя! Только Виктор Иванович был настойчив, заявил, что, во-первых, все расходы берёт на себя. Во-вторых, гарантировал организовать интервью с министром Паулсом, актрисой Вией Артмане, вдовой известного писателя Валентина Пикуля. Не считая всего остального, что журналисты сами "нароют" в ходе поездки. И начальство сдалось...

До Москвы долетели без приключений. Вечером этого же дня на Рижском вокзале встретились с театральной частью делегации.

Юные артисты с шумом и гамом грузились в поезд Москва - Рига, суетились на перроне, с энтузиазмом перетаскивали большие чемоданы, ящики и коробки с реквизитом. Павел с Ильёй заняли места в купе вместе с Виктором Ивановичем и Аркадием.

Не успел состав отправиться в путь, как поступило предложение: "принять" на грудь - за удачный отъезд. Все достали из своих сумок домашнюю снедь - вышло впечатляюще. Небольшой вагонный столик буквально завалили варёной курятиной, котлетами, овощами.

Все, кроме Ильи, быстро выставили по припасённой бутылочке сибирской "белой". Илья же долго копался в своём огромном мышиного цвета рюкзаке в поисках своего "вклада" в общее застолье.

Про этот его рюкзак среди коллег ходили целые легенды. Илья не расставался с ним ни в одной из поездок. Поговаривали, что в нём можно было отыскать всё, что необходимо для жизни в любое время года: и тёплый полушубок, и крем для загара. В конце концов, раскрасневшийся Илья выставил на стол бутылку "перцовки".

... За окном замелькали станции: вначале ближнего Подмосковья - Красногорск, Нахабино, Нелидово...

Спиртное убывало, а разговоров только прибавлялось. Виктор Иванович вспоминал прелести прежних поездок в Латвию. Аркадий рассказывал о подковёрных интригах в театре и травил анекдоты. Павел с Ильёй налегали на закуску. Вскоре остановились в Волоколамске, и они вышли на пять минут - глотнуть свежего воздуха. Потом опять сели за стол с бесконечными разговорами. Проехали Ржев. Заполночь на несколько минут остановились в Великих Луках.

За стенками купе слышались голоса детей, укладывающихся спать. Им же спать не хотелось. Спиртное они прикончили, но Виктор Иванович сказал: "Это - поправимо! - и выставил бутылку хорошего коньяка. - До Себежа хватит, а там - граница, и будем в Прибалтике". И он разлил напиток по стаканам.

Ещё часа через полтора Павел и Илья забрались каждый на свою верхнюю полку. И, несмотря на протесты Виктора Ивановича и Аркадия, решили подремать.

...Павел проснулся от громкого удара в дверь, после чего её резко открыли. За окном быстро светало. Однако в вагоне ярко горел верхний свет, заставив Краскова на мгновение зажмуриться. Когда он

открыл глаза, увидел, что в их в купе вошёл высокий молодой человек в незнакомой тёмной форме с большим фонарём в руке. Светлые волосы, светлые холодные глаза, отметил Павел, стряхивая с себя остатки сна. Он глянул на часы на руке - стрелки показывали пятый час утра по "московскому".

- Приготовьте документы для проверки! - строго произнёс вошедший с характерным прибалтийским акцентом.

- Что это? Зачем? - послышался в ответ голос Виктора Ивановича.

- Вы пересекаете государственную границу республики Латвия! - отчеканил ночной гость. - Приготовьте документы или придётся пройти для выяснения личности!

Павел свесил голову со своей полки вниз. Он увидел, что Виктор Иванович и Аркадий сидели возле неубранного стола. Виктор Иванович даже пиджака не снимал. Судя по всему, они так и не ложились. Зато Илья выразительно похрапывал на полке напротив.

- Документы, документы... - проворчал Беков, извлекая из внутреннего кармана пиджака паспорт и подавая его пограничнику. Аркадий неуверенными движениями начал копаться в карманах куртки, висевшей на крючке над его головой. Павел растолкал Илью, спрыгнул на пол.

- А? Что? - не понял со сна Бельский. - Что-то случилось?

- Паспорт доставай, - коротко бросил ему Красков. - Латвийская граница.

Между тем, пограничник неторопливо открывал один за другим их документы, долго и придирчиво рассматривал, потом беспардонно направлял луч фонарика прямо в лицо хозяину паспорта, сравнивая фото с оригиналом. В купе стояла гробовая тишина, сквозь которую слышно было, как в шла проверка соседних купе.

- А какая станция? - хриплым голосом спросил вдруг Илья у проверяющего, чтобы как-то разрядить возникшее напряжение.

Тот направил на него фонарь, ещё раз внимательно вглядываясь в его лицо, и, усмехнувшись, ответил: "Зилупе будет", - делая ударение на первом слоге названия городка. И снова принялся изучать очередной паспорт.

- А можно ещё спросить? - не унимался Илья. - Какая у вас в Латвии сейчас валюта? Ну, то есть, какие деньги в магазине принимают? - он выжидательно смотрел на молодого военного. Тот снова демонстративно направил ему в лицо луч света.

- А у вас с собой какая валюта? - ответил он вопросом на вопрос.

- У нас советские рубли... - Бельский жмурился от яркого фонарика, прикрывая глаза рукой.

- Рубли принимают, - кивнул пограничник. - Есть ещё латы - это наша национальная валюта, - на этот раз он сделал ударение на слове "наша". - Что ещё везёте? - этот его вопрос был адресован всем.

- Личные вещи, больше ничего, - ответил за всех Виктор Иванович. - Проверять будете?

- Не буду, - усмехнулся пограничник. - Какова цель поездки?

- Мы из Сибири, везём в Ригу детский спектакль. В Русском театре выступать будем... - начал объяснять Беков. Но пограничник не стал его слушать, положил на стол стопку документов и вышел, задвинув за собой дверь.

- Пить будете? - спросил Виктор Иванович у Павла и Ильи.

- Я спать буду, - Павел полез к себе наверх.

- А я выпью! - подсел к столу Илья...

Поезд прибыл в Ригу в десятом часу утра. На улице ярко светило солнце. Пока суетились, собирая вещи, Илья собрал все до единой пустые бутылки и сложил их в свой рюкзак. "Оставь проводнику, это же его добыча", - пытался остановить его Беков. "Нет, - набычился Бельский - Наоборот, неудобно перед проводниками, скажут: вот алкаши ехали!", - Илья, закинув рюкзак за спину, направился на перрон. А через пару часов компания, разместившись в гостинице "Латвия", собралась в комнате Ильи и Павла. Решили вначале "отметить" приезд, а потом погулять по городу.

Посидели долго и хорошо. Потом кто-то предложил прогуляться по ночной Риге. Идею подхватили, оделись и пошли. И никого не смутило, что уже шёл второй час ночи.

...Полковник Сергей Михайлович и подполковник Вадим Викторович покинули гостиницу, когда уже стало светло. Спиртное допили до капли. Наговорились, кажется, досыта. Очнувшийся ото сна Аркадий

даже сумел выпросить у военных комплект настоящей камуфляжной формы - дефицит - для роли в спектакле о войне, где он играл главную роль. Обещали принести на представление "Питера Пэна".

Павлу удалось поспать всего три часа. У себя дома он привык вставать рано - его обязанностью было провожать дочку в детсад. Часы показывали начало десятого утра по местному времени. После затянувшегося застолья он с трудом, но встал с неудобной гостиничной кровати. К этому призывали предстоящие дела, ведь за дни командировки надо было отснять кучу материала - запланированная передача должна быть интересной.

Илья громко посапывал в своём углу и на призыв Павла подниматься, только перевернулся на другой бок. Красков поплёлся умываться, потом вышел в коридор, постучался к Виктору Ивановичу. "А хозяина нет, он одетый ушёл", - подсказала ему горничная, которая собиралась делать уборку в опустевшем номере. "Вот железный человек!" - восхитился Павел.

- Вставай! - возвратившись к себе, растолкал он Илью. - Виктор Иванович уже побежал по делам. И нам пора!

Пока Илья, чертыхаясь и громко вздыхая, принимал водные процедуры, он полюбовался из окна панорамой старинного города. Сегодня в Риге было пасмурно, даль была подернута туманной дымкой. Виднелся красавец Домский собор. Вдали выделялись огромные ангары: павильоны, как он потом узнал, Центрального рынка. За ними – здание Академии наук. Аккуратные узенькие улочки вымощены булыжником, потемневшим от дождя. А в тумане - за Даугавой - высился силуэт грандиозной телебашни, которую, по словам Виктора Ивановича, им тоже предстояло посетить. Там, чуть ниже середины сооружения располагался известный ресторан. В нём сибирская делегация планировала дать прощальный обед рижским коллегам.

...Они позавтракали остатками ночного пиршества, потом попросили горничную хорошенько убраться в их номере.

-Только пустую посуду не трогайте, - наставлял Илья.

- Я её в ванную составлю, - кивнула в ответ улыбчивая симпатичная девица в белом переднике.

- Не понимаю, зачем ты пустые бутылки собираешь? - спросил Павел.

И услышал в ответ от товарища его коронное: "Педерастёшь, поймёшь!"

Они легко отыскали Русский театр на улице Калькю или по-русски - Известковой: его знали тут, кажется, все жители. Дом, в котором находился театр, отличался от стоящих рядом зданий оригинальностью архитектуры.

Парни долго и придирчиво осматривали красивый фасад величественного четырёхэтажного здания с башенками по углам. Окна второго этажа были украшены фигурами кариатид и лепниной в виде пчелиных ульев, напоминая, что это здание когда-то именовали "Ульем". Было очевидно, что большие полукруглые окна третьего этажа пропускали в здание много света.

- Давай снимать, - решил Павел, снимая с плеча сумку с портативной видеокамерой. Они одинаково хорошо умели управляться с этой нехитрой техникой.

- Слушай, я сегодня - пас, - тут же отреагировал Илья. - После вчерашнего, сам знаешь... Руки ничего не держат тяжелее стакана.

- Понял, - Павел не стал спорить, только подумал, что он тоже прошедшей ночью не отсиживался в кустах. Он сделал несколько статичных кадров театрального фасада, снял панораму улицы. Заодно снял афишу предстоящего спектакля "Питер Пэн", которая красовалась возле входа.

За тяжелой дверью, ведущей внутрь здания, им открылся большой светлый вестибюль, огромный гардероб для зрителей. Широкая лестница вела наверх. На втором этаже поражали изяществом необычные резные колонны с пилястрами. Павел снова и снова включал камеру. Он отметил здесь деталь прошлого века - капитель с пчелой, венчающую одну из внутренних колонн фойе. А в холле третьего этажа особо выделялись светильники у потолка в виде девушек с факелами в руках.

- Лепота! - восхищался Илья.

Наконец, зашли в зал, современный, мест на пятьсот, с просторным балконом и широкой глубокой сценой.

В зале царил полумрак. А на сцене шла обычная суета перед предстоящим завтра спектаклем. Все готовились к вечернему прогону. Монтировали декорации, мельтешили дети, шагами мерил сцену

режиссёр. Павел с Ильёй взяли у него небольшое интервью, поговорили с юными актёрами. И решили пройтись по городу, поснимать улицы и архитектуру зданий столицы. На выходе из театра их окликнула немолодая женщина, которая сидела за столом под вывеской "Вахтёр".

- Вы откуда будете, голубчики? - спросила она необычным воркующим голосом, улыбаясь открыто, по-доброму.

- Из Сибири, - серьёзно ответил Илья. - Вот со спектаклем к вам в гости приехали.

- Хорошо, молодцы, - мелко закивала та в ответ. - Нас тут Москва совсем забыла. От местных только и слышим: "Захватчики!". А ведь я здесь родилась... Говорят, что и театр наш закроют, - чуть не шёпотом сообщила она. - Что же будет?

- Да откуда же мы знаем, - пожал плечами Илья...

Вечером к ним в номер опять пришли Виктор Иванович с Аркадием. Виктор Иванович достал из своего кожаного портфеля и выставил на стол две бутылки водки с незнакомыми этикетками и бутылку армянского коньяка, батон копченой колбасы и завернутый в бумагу порезанный на ломтики чёрный рижский хлеб.

Павла при виде всего этого слегка замутило, наверное, сказывались два ночных сидения подряд.

- Ничего, - сказал Виктор Иванович в ответ на болезненную гримасу на лице Краскова. - После первой всё пойдёт нормально, - и он оказался прав.

Первую они буквально насильно влили в себя. Павла прямо-таки "тряхнуло", когда он медленно цедил крепкий напиток. Однако спиртное мягко пролилось через пищевод в желудок, приятно согрело его. Беков быстро налил по второй и принялся рассказывать о своих дневных похождениях. Он побывал в министерстве культуры. Встретился с нужными людьми, договорился, что на спектакль детского театра придут латвийские официальные лица, окажут, так сказать, честь сибирской делегации, не смотря на сложную политическую обстановку.

- С министром сегодня встретиться не удалось, - вздохнул он. И тут же встрепенулся. - Но, договорились, что завтра он нас примет. Вы идёте

со мной, - он по очереди хлопнул Павла и Илью по спинам. - Возьмёте у него интервью.

- Чур, вопросы буду задавать я! - скороговоркой воскликнул Илья. - Ну, правда! - он с виноватой хитринкой глянул на товарища. - Я готовился...

- Ладно, - соглашаясь, кивнул Павел. - Я не возражаю работать оператором. Наливайте, Виктор Иванович!

Утром нового дня вставать было чуть легче. "Это оттого, что спать легли пораньше. И выпили, - он обвёл глазами стол, - всего четыре бутылки". Как же четыре, когда он хорошо помнил, как Виктор Иванович выставлял на стол три. Ах, да, вспомнил он, потом Аркадия посылали в ресторан за добавкой. И он принялся будить мерно похрапывающего напарника. Сегодня им предстояло побывать на одной из основных транспортных магистралей старой Риги - улице имени Кришьяня Валдемара, где расположилось министерство культуры республики.

... - Заходите, - Виктор Иванович выглянул из кабинета министра в приёмную и поманил журналистов. Они вошли следом за ним в огромную просторную светлую комнату, в дальнем углу которой за широким столом сидел человек и что-то писал. В другом углу стоял чёрный рояль.

Увидев их, министр отложил ручку, снял очки, встал и шагнул им навстречу. Павел сразу узнал его - Раймонд Паулс! На вид он выглядел моложавее своих пятидесяти пяти. Невысокий, плотный, в строгом костюме тёмно-серого цвета, волосы аккуратно уложены. Министр пожал им руки и с приятным латышским акцентом, чуть замедленно и с расстановкой произнёс: "Готов ответить на ваши вопросы".

Павел быстро установил камеру на штатив, воткнул в гнездо шнур микрофона. Сам микрофон держал Илья. Беков притих на стуле у двери.

Они усадили министра так, чтобы он был напротив объектива.

- Можно узнать, где вы это показывать будете? - спросил он, прежде чем Илья успел задать ему первый вопрос.

- Только у себя в области, по местному телевидению, - заверил его Бельский.

- Тогда, ладно, спрашивайте...

Первые вопросы Ильи были самыми традиционными: где родился, когда начал заниматься музыкой? Паулс отвечал охотно, чувствовалось, что он уже не раз рассказывал свою историю. В три года его привели в специализированный детский сад при музыкальном институте, а в четыре он уже играл на фортепиано. В десять лет поступил в музыкальную школу. А в четырнадцать освоил джазовую импровизацию и стал выступать с различными оркестрами, эстрадными ансамблями, а также - сочинять собственные композиции.

- Консерваторию я закончил только после войны. В то же время продолжал сочинять и исполнять свою музыку, - заученно рассказывал министр. В 1956-м он организовал эстрадный секстет из учащихся консерватории, который выступал на рижском радио с его композициями. Потом он работал в Рижской филармонии.

- Известность пришла ко мне, когда Лариса Мондрус спела русский вариант моей песни "Синий лен", - имя певицы он произнёс на латышский манер - Ларыса. Молодой композитор-музыкант ездил с концертами по всей стране, писал музыку для песен, спектаклей.

- Ещё просили сочинять для кино... Фильм "Три плюс два" помните? Или "Долгую дорогу в дюнах? - с расстановкой спрашивал он Илью. Тот молча кивал в ответ.

- В семидесятые я уже больше в Москве работал - с Ротару, Леонтьевым, Гнатюком, Лаймой, Аллой, - министр задумался, вспоминая или подбирая нужные слова. Илья не пытался ему помочь, чтобы не спугнуть атмосферу этого монолога.

В середине восьмидесятых по инициативе Раймонда появился международный конкурс молодых исполнителей популярной музыки "Юрмала". "Я в то время работал главным редактором музыкальных передач Латвийского радио. Ну, а потом назначили министром. Вот с тех пор и работаю", - кажется, он в первый раз за эту встречу улыбнулся.

- Раймонд Вольдемарович, - чуть прокашлявшись, вклинился, наконец, Илья. - В этом году вы отметили юбилей - две пятёрки - прекрасный творческий возраст! Что значит для вас эта дата?

- Помните, как поется в одной из песен, соавтором которой я являюсь: «Жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не

остановишь», - сразу же ответил министр. - А раз так, зачем об этом думать? Юбилеи случаются чуть ли не каждый день: столько-то лет со дня премьеры, мюзикла, театральной постановки, годовщина создания песни... Предпочитаю внимание на этом не заострять. Лучше просто почаще играть, пока можешь.

- А как рождается музыка композитора Паулса?

Он на секунду задумался:

- А я к сочинительству отношусь с легкостью. Кому-то, может быть, требуются определенные климатические условия: проливной дождь, лунные циклы, землетрясения, листья желтые... У меня всё проще. Подхожу к роялю, наигрываю, импровизирую - и нащупываю определенную тему. Это у меня с молодости, когда увлекался джазом. По нотам играть не люблю. А как пианист я вообще всеяден: диапазон довольно широкий.

- Благодаря вашей сегодняшней должности артисты республики получают поддержку. Помнят ли они, чем вам обязаны?

- Чепуха это всё, - махнул рукой министр, смутившись. - Мне от них ничего не надо. Да и не всегда моя заслуга велика. Я ведь всю свою жизнь, имею в виду музыкальную, занимался какими-то общественными делами, всегда любил что-нибудь организовывать. И сегодняшняя работа мне приятна. Могу сделать, например, что-то такое, что другим не позволено, и стараюсь в нашей сегодняшней сложной ситуации защитить своих коллег - работников культуры.

Илья снова прочистил горло, чувствовалось, что он волнуется:

- Раймонд Паулс, наверное, всегда будет любимым композитором Советского Союза. Две премии Ленинского комсомола, народный артист СССР и Латвийской ССР. Не возникает ли у вас в порой ностальгии?

- Я всегда о советском говорю с уважением. Я же исколесил весь СССР. И везде принимали хорошо! Мне нет никакого дела до рассуждений, какая там система? Для меня все это на втором плане. Система не мешает мне творить и созидать, - чувствовалось, что эти его слова давно им осмыслены. - Я так понимаю, национальная или политическая ограниченность не пойдет на пользу ни латвийской культуре, ни народу нашей республики, - Раймонд задумался... - Мне сейчас говорят: "Ты стал так умно говорить. Ты стал таким патроном,

таким мэтром". Очевидно, так и должно быть. Я прошел через огонь, воду и медные трубы. Поэтому в рамках политических обстоятельств веду себя, прежде всего, как порядочный человек. И стараюсь не делать того, что бы мне претило.

- Между прочим, - добавил он, - должен сказать, что никогда не был членом партии. Когда меня назначили министром культуры, то все газеты писали: первый беспартийный министр! В КПСС предлагали вступить два раза. Но я очень хитро отвертелся, сказал, что еще не дорос... Зато я выступал на всех съездовских концертах как представитель Латвии.

Он вдруг встрепенулся, вспомнив:

- Между прочим, Ленинград - колыбель латышской культуры! Из него вся наша консерватория вышла: в Санкт-Петербурге учился Язеп Витолс - композитор, музыкальный педагог, основатель нашей национальной оперы и Латвийской консерватории. Там жил, работал и писал гимн Латвии композитор Карлис Бауманис...

- А вам не жаль, что на чиновничьей работе из души уходит нечто такое, что вам позволяло творить мелодии, которые любимы не одним поколением? - напрямую спросил Бельский собеседника.

Паулс поправил рукой волосы:

- Даже у гениальных людей, которые достигли в музыке больших высот, бывали периоды, когда они отходили от творчества. Я только рад тому, что еще держусь. Все равно возвращаюсь к Пугачевой, Леонтьеву или к тому же самому Кобзону.

- Раймонд Вольдемарович, можно представить, сколько у вас работы! Скажите, а остается время для музыки?

- Очень мало. Но я все равно сочиняю, выступаю, стараюсь выкраивать для этого время.

- У вас очень специфический образ, когда вы играете – вы кажетесь замкнутым, очень сосредоточенным, - напомнил Илья.

- Мне многие об этом говорят. Зато я не копирую кого-то. Когда у тебя есть что-то свое, то это хороший признак. Не согласны? - в свою очередь спросил министр.

- Почему же! - смутился Илья. - А все-таки, у вас есть мелодия для души?

- Наверное, это мелодия из фильма «Долгая дорога в дюнах». Считаю, сегодня это моя визитная карточка, - Паулс поднял глаза к высокому потолку, будто вспоминая музыку. И тогда Илья пошёл, что называется, ва-банк:

- А сможете прямо сейчас что-нибудь сыграть?

Раймонд Вольдемарович долгим испытывающим взглядом посмотрел на него...

- Ну чего ты пристал к господину министру, - подал голос со своего места Виктор Иванович.

- Ничего, Виктор, для вас - можно, - Паулс встал, снял пиджак и положил его на кресло, чуть поправил рукава светлой сорочки. Потом присел к роялю, открыл крышку, тронул несколько клавиш. Его руки замерли на секунду над инструментом. Илья в эти несколько мгновений переместился на новую точку съёмки и успел уловить первые ноты знакомой мелодии нашумевшей в начале 1980-х многосерийной советской теледрамы... Ему казалось, что звуки слетали с кончиков пальцев маэстро. Гости с удивлением и трепетом слушали этот маленький импровизированный концерт, которым их удостоил министр латвийской культуры.

... - Ну, класс, а не материал! - в который раз восклицал Илья, когда они, довольные встречей, шли по улице. Рига в этот дневной час жила своим неторопливым столичным бытием.

- Не забудьте, сегодня у нас ещё спектакль, - вернул их к привычной жизни Виктор Иванович. - Встречаемся в театре в полшестого. А сейчас я - по делам, - и, помахав им рукой, он свернул в какой-то переулок.

Вечером в театральном зале яблоку негде было упасть. Все ряды кресел были заняты. В проходах наставили приставных стульев, но всё равно всем желающим мест не хватило, и люди стояли вдоль стен зала. Павлу повезло - удалось заполучить стул. Он уселся, настроил камеру для съемки в затемнённом помещении, знаками подозвал к себе Илью. Тот, прямо скажем, растерялся от большого наплыва зрителей и не сумел, как не суетился, раздобыть себе сидячего места.

- Короче, - сказал ему Павел, - сидеть тебе не судьба. Будешь снимать. Мы же договаривались снимать по очереди. Сейчас твоя очередь, - ответил он на немой укор во взгляде товарища. - И снимай

короткими планами: лица, зал, сцену, куски спектакля. В общем, репортажненько, - напутствовал Павел насупившегося коллегу.

Илья взял камеру и медленно пошёл по залу, посматривая по сторонам. А Павел принялся разглядывать зрителей. Это были разные люди. Одни, разодетые в строгие костюмы и платья по последней моде, жеманно поджимая губы, тихо перешёптывались между собой. Другие, в более демократичных свитерах и джинсах, весело и громко обменивались новостями, предвкушая предстоящее сценическое действо. Но то, что объединяло и тех и других, приятно ласкало слух - повсюду слышалась русская речь. И ещё - в зале было немало детей.

Вскоре свет начал медленно гаснуть. Павел привстал с места - посмотреть, где напарник. Увидел, что Илья снимает зрителей первых рядов, заметил затылок Виктора Ивановича. Потом все зааплодировали, занавес открылся, и игра началась.

Павел никогда не видел раньше этого спектакля, не читал пьесы и даже не знал рассказов Барри Джеймса Мэтью, автора "Питера Пэна", поэтому сюжет был ему в новинку.

Его увлекла игра юных земляков. Эта постановка показалась ему одновременно и очень фантастической, и удивительно печальной. Улетевшие дети развлекались в сказочной стране, и взрослые терпеливо ждали их. В страну Нетландию, наверно, хоть однажды играли все дети. Там можно было найти приключения на любой вкус: её населяли индейцы, пираты, русалки, феи и кто-то ещё. И именно в неё попали забытые и потерянные дети, туда, где всем и всеми верховодил всегда юный, беззаботный Питер Пэн...

Спектакль заставил Павла размышлять об этом вечном круговороте, пугающей необратимости жизни, когда вчерашняя детвора неизменно становится взрослой. Когда нет больше "пропуска" в сказку.

Зал удивительно чутко реагировал на всё происходящее на сцене: то раздавался смех, который перемежался бурными хлопками, то зрители замирали в тишине, прислушиваясь к репликам актёров. Потом зал снова взрывался овацией.

После окончания спектакля его участников снова и снова вызывали на сцену. Их фантастическое повествование о маленьком мальчике, который никогда не станет большим, так тронуло зрителей, что люди долго не хотели расходиться. На бис выходил и режиссёр Валерий

Нечаев. Эту доброжелательную атмосферу не сумело разрушить даже суховатое, строгое выступление со сцены чиновника, представляющего местные власти, который довольно равнодушно напомнил всем о том, что в Риге проходят дни культуры Сибирского региона, отметил, что этот культурный мост, может быть, поможет решить проблемы российско-латвийских отношений. В конце он всё-таки поблагодарил артистов, и вручил директору театра Олегу Павловцу благодарственное письмо.

А потом был поздний банкет в ресторане гостиницы. Исходя из командировочных средств, заказали скромно - по горячему и по сто пятьдесят водки на брата. Инициатором застолья был, как всегда, Беков. Рядом с ним за столиком сидели герои вечера Павловец и Нечаев, с торца - Аркадий, а Павел с Ильёй пристроились напротив.

Виктор Иванович был взбудоражен событиями дня, словоохотлив. Остальные молча стучали приборами по тарелкам и сосредоточенно жевали - все сильно проголодались. За спиной Бекова возник официант и принялся разливать спиртное по рюмкам. Они уже выпили по первой за - как предложил Виктор Иванович - блестяще сыгранный спектакль. Поэтому второй тост он поднял за наших талантливых детей.

- Нет! Какой успех! Какой успех! - без конца повторял он. К своему блюду Беков даже не прикоснулся.

- Вы бы закусывали, Виктор Иванович, - участливо посоветовал ему Павел.

- Вы ешьте, ешьте, - кивнул в ответ Виктор Иванович и сделал знак официанту: наливай. Он взял наполненную рюмку и встал:

- Третий тост я хочу предложить за дружбу между нашими народами, - торжественно сказал он. Все побросали вилки с ножами и тоже вскочили с мест, подхватив свои рюмки. - Я верю, что пройдёт время, и всё встанет на свои привычные места. Снова исчезнут границы и наш обновлённый Советский Союз опять будет крепким единым государством! - он залпом выпил. И все последовали за ним.

Виктор Иванович поманил официанта пальцем:

- Принеси-ка нам ещё, голубчик...

- Не могу, - опустив глаза в пол, ответил тот. - Уже поздно, мы закрываемся.

- Так, - объявил Беков, - доедаем здесь и поднимаемся к нам, на семнадцатый этаж. А я схожу-ка на кухню сам. - Он подхватил из-под стола свой неизменный портфель и ушёл в сопровождении официанта.

Не успели все они, по возникшей уже традиции, подняться в комнату, где проживали Илья с Павлом, и придвинуть стол к одной из кроватей, как явился и Виктор Иванович. Он поставил на стол портфель и начал доставать из него бутылки и закуски.

...Банкет продолжался долго. Аркадий снова курил и травил анекдоты. Директор театра с режиссёром обсуждали предстоящие выступления: до конца командировки предстояло дать ещё два спектакля. Павел с Ильёй по команде Бекова исправно выпивали и закусывали ресторанными бутербродами.

- Послушайте, а ведь наши военные в театр не пришли, - вдруг вспомнил Аркадий. И все загалдели о том, что, действительно, полковника и его помощника на представлении не было.

- Вот болтуны! - сокрушался Аркадий. - А ведь обещали мне для роли форму подарить! - ему сочувствовали, ругали военных. Пока Павел не сменил тему:

- Виктор Иванович, - перебил он остальных. - А как удалось сегодня полный зал собрать, ведь тут без рекламы не обойтись?

- Вот именно, - ответил довольный Виктор Иванович. - А всё Раймонд! - он снова полез в свой портфель и вынул пачку газет, некоторые из них пестрили непривычными заголовками на латышском языке. - Паулс дал команду местной прессе опубликовать объявление. Да ещё радио подключил! Молодец! Сами видели, зрителей было, как селёдок в бочке. Не только русские, и латыши пришли. Не сомневаюсь, так же будет на всех спектаклях!

...На следующий день официальных мероприятий или встреч не было. Виктор Иванович с утра ушёл по делам. Перед уходом он заглянул в номер к журналистам. Илья похрапывал, закрыв голову подушкой, а Павел приподнялся на кровати:

- Доброе утро. Мы что, залежались?

- Да нет, - зашептал Беков. - Сегодня - свободны. А вот на завтра я постараюсь организовать интересного собеседника. Пока...

Они всё утро провалялись в постели - сказывались последствия вчерашнего банкета. Илья по привычке унёс пустые бутылки в ванную, долго гремел там ими, потом ещё дольше плескался под душем, что-то напевая и отфыркиваясь.

- В город пойдём, - прокричал он из ванной Павлу. - Просто прогуляемся, подарки домой присмотрим!

"Да какие подарки?! - подумал в ответ Павел, изучая содержимое своего кошелька. - Тут бы до конца командировки как-нибудь дотянуть".

Оделись легко - на улице было тепло, майское солнце слепило глаза. Илья, к неудовольствию Павла, нацепил на спину свой огромный рюкзак. "Зачем он тебе? - недовольно спросил он товарища. - Оставь в номере". "Не переживай, - ответил тот, - я его сам носить буду". И Красков знал, что отговаривать его бесполезно.

Они медленно брели в сторону Вантового моста, крутили головами, рассматривая необычную по их сибирским представлениям архитектуру домов. Через небольшой зелёный парк вышли на знакомую улицу Кришьяня Валдемара и двинулись в направлении министерства культуры.

- Я тут в прошлый раз магазин рижского фарфора заметил, - Илья показал на первый этаж стоящего через дорогу здания. – Давай, зайдём, посмотрим. Это же лучший фарфор в Союзе!

- Не возражаю, - пожал плечами Павел. И они зашли.

Конечно, после сибирского магазинно-посудного однообразия здесь глаза просто разбегались. И было от чего: изобилие столовых, кофейных, чайных сервизов, хрупкие чашки, блюдца и чайники, расписанные яркими красками, украшенные узорчатой деколью или сдержанным орнаментом, тарелки разных калибров с тонкой ровной позолотой по краям. "Такая посуда украсит любой стол", - думал Павел, переходя от витрины к витрине. Единственное, чего не хватало магазину, так это покупателей, ведь кроме них никого и не было. Поэтому на них были устремлены все взоры продавцов. Павел смутился, поймав на себе несколько вопросительных взглядов молодых девушек за прилавком.

- Ну, что, посмотрели? Пойдём, - позвал он Бельского на выход.

- Погоди, - тормознул его тот. - Разве тебе не нравится?

- Почему же, нравится, - ответил Павел. - Что ж из того?

- Так, давай, по сервизу домой купим, - Илья оторвал взгляд от полок и посмотрел на товарища.

- Не-е, - тихо, чтобы не услышали продавщицы, протянул тот. - Денег нет на такую красоту.

- А я возьму чайный сервиз, - громко, чтобы слышали все, сказал Бельский. К нему тут же устремились сразу три девушки.

Илья неторопливо снял со спины рюкзак и поставил его на пол рядом с прилавком. Потом осмотрел продавщиц с ног до головы, решил, что ему подойдёт для общения полненькая блондинка:

- Девушка, как вас зовут?

- Илга, - ответила та. - Какой сервиз вам показать? - она говорила с приятным акцентом.

- Во-первых, меня зовут Ильёй, - Бельский добавил в голос стальных ноток и приветливо улыбнулся. - Во-вторых, покажите мне вот этот, этот и этот, - он показал на образцы. Илга выставила товар на прилавок, начала вынимать из коробок чашки, блюдца и чайники. Илья принялся придирчиво рассматривать посуду. Павел решил не вмешиваться в процесс. Но Бельский подозвал его: посоветуй. Красков подошёл, взял в руки одну чашку, другую. "Красиво, - кивнул товарищу. - Мне нравятся тонкостенные. Поэтому, сам выбирай".

- А ты мне денег не займёшь? - незаметно для продавщицы прошептал ему Илья. - А то у меня, боюсь, своих не хватит.

- Так и у меня свободных нет, - Красков развёл руками. - Могу дать десятку, если поможет? Только с отдачей, - зная забывчивость Ильи, торопливо добавил он.

- Обижаешь! - сквозь зубы прошипел Илья. - Давай свою десятку, - и ловко засунул протянутую купюру в карман джинсов.

- А вы что посоветуете, Илга? - обратился он к продавщице.

- Я вам, Илья, советую этот сервиз взять, - она кокетливо посмотрела на него и пододвинула коробку с посудой в золотисто-светлую расцветку, достала чашку, блюдце. - Обратите внимание, ручная роспись. Видите клеймо - RPR? Это - Rigas porcelana rupnica - наш фирменный фарфор, тонкостенный. У нас в Риге завод с начала прошлого века, с многолетними традициями фарфора...

Она ещё долго рассказывала о достоинствах разной посуды, но Илья слушал её невнимательно, что-то шептал про себя, беззвучно шевеля губами. Наконец, перебил продавщицу:

- Возьму вот этот, - ткнул он пальцем в другой, ярко расцвеченный деколью, образец. "Правильно, этот подешевле будет", - мысленно одобрил Павел.

Девушка умолкла, наверное, смутившись своего многословия. Пожала плечами: "Проходите на кассу, а я товар упакую". Бельский взял рюкзак и подошёл к кассе, за которой сидела миниатюрная брюнетка. Она отбила чек и... начался спектакль одного актёра.

Илья несколько минут внимательно изучал этот маленький клочок бумаги. "Что-то дороговато получается!" - почесал он затылок. - Мне казалось, что этот сервиз стоит дешевле..."

- Так вы будете брать или нет? - подошла с упакованной коробкой Илга.

- Буду! - ответил Илья, присел на корточки и не спеша принялся рыться в рюкзаке. Он долго рылся в его необъятном чреве, так долго, что глаза девушек, заметил Павел, начали испуганно округляться.

Наконец, он выпрямился, держа в руках портмоне, отвернулся от кассы и начал копаться в нём, пересчитывая деньги, но не вынимая их.

- А вы рассчитываться будете рублями или латами? - отвлекла его кассирша.

- А чем выгоднее? - вопросом на вопрос ответил Илья.

- Всё равно, - кивнула та.

- И все-таки, какой курс у этих ваших латов к рублю? - прищурился на неё Бельский.

- Курс простой: один лат - один рубль. Поэтому я и говорю, что нам всё равно, - улыбнулась кассирша. - Так будете платить?

- А куда же я денусь, - ухмыльнулся Илья. Он начал вынимать из портмоне купюры и складывать их кучкой возле кассового аппарата. Потом порылся в отделениях портмоне и добавил в кучку ещё пару бумажек.

- Считайте, - кивнул он брюнетке. Та взяла деньги, пересчитала, потом пересчитала ещё раз, объявила сумму. "Этого не хватает", - она посмотрела на Илью.

- Знаю, что не хватает, - огрызнулся он. - Я и сам считать умею. Между прочим, учился в школе с математическим уклоном. Сейчас добавлю, - он стал рыться в карманах. Павел заметил, что он достал и его десятку. Он вытаскивал и буквально бросал брюнетке ещё несколько скомканных купюр. Та ловко подхватывала их, разворачивала, разглаживала и добавляла в общую кучку.

- Ну что? - спросил Бельский.

- Не хватает! - развела та руками.

Илья опять присел над рюкзаком и принялся яростно ковыряться в нём. Вокруг него собрались все продавцы магазина, с интересом наблюдая за происходящим.

Павлу стало не по себе, и он решил подождать окончания, судя по всему, непростой сделки, на воздухе.

Красков перешёл на другую сторону улицы. Его внимание привлёк высокий серый дом с табличкой на фасаде. Павел подошёл ближе и прочитал: "В этом доме с 1898 по 1916 год жил выдающийся кинорежиссёр Сергей Михайлович Эйзенштейн".

"Вот как!" - он окинул взглядом фасад огромного здания, будто пытаясь угадать, какие конкретно окна могут вести в квартиру автора "Броненосца "Потёмкин", "Октября", "Александра Невского", "Ивана Грозного".

Он долго рассматривал здание, обошёл его кругом, заглядывая в окна первого этажа. И всё посматривал через дорогу - на стеклянные двери магазина. Времени прошло достаточно, но Бельский не появлялся. И тогда Павел вернулся в магазин.

Там творилось что-то невообразимое. Девчонки-продавщицы чуть не на коленках исследовали пол под прилавком рядом с кассой, а раскрасневшийся Илья стоял над ними, вытирал тыльной стороной ладони пот со лба и приговаривал: "Ищите, ищите, она куда-то туда упала, я хорошо помню, что доставал её из кармана".

Девушки одна за другой поднимались на ноги и отрицательно качали головами: ничего нет.

Кассирша растерянно пересчитывала деньги:

- Нет, не хватает! - всплеснула она руками.

- Сколько? - прорычал Илья ей в лицо.

- Целых пять рублей! - быстро ответила она и с отчаянием посмотрела на странного покупателя. - Что же делать? Вы будете платить или нет?

- Я вам полностью заплатил! Я умею считать! - закричал Бельский. - Вы куда-то спрятали мою пятёрку!

- О чём вы говорите!? - у кассирши в глазах закипали слёзы. - Куда я могла её спрятать? Как?

- Да вы её в кассу незаметно положили, - наступал на девушку Илья. - Покажите мне все ваши пятёрки, я свою сразу узнаю!

Девушка послушно достала из кассы пятирублёвые купюры:

- Вот, смотрите. А ваши деньги я в кассу ещё не положила. Все ваши - мятые, а у меня все ровные...

- А вот, смотрите, вот, угол загнут. Это моя и есть!

- Да в чём вы меня обвиняете!? - кассирша расплакалась. Её коллеги стояли кружком у кассы, скрестив руки на груди, и с осуждением смотрели на Бельского.

- Послушайте, - не выдержав, вмешался Павел. - Вот пять рублей, возьмите. Илья, забирай свою коробку и уходим!

- Ну, уж нет, стоп! - взъерепенился его товарищ. - Убери свои деньги. Я им всё оплатил, считать я умею, ты знаешь. А куда они мою денежку дели, не знаю. Пусть ищут! Никуда не уйду, пока не найдут!

- Девчонки, а давайте скинемся, - подала голос Илга. - Бог с ней с этой пятёркой. Не велики деньги. Только пусть ваш товарищ уйдёт, - повернулась она к Павлу.

- Правда, пойдём, Илья! - Красков потянул Бельского за рукав. Тот сразу стих, одной рукой подхватил коробку с сервизом, второй - рюкзак, и они, наконец, покинули магазин.

Однако пока шли до гостиницы, Илья не переставал возмущаться и костерить нравы местных магазинов. Павел молча на это реагировал, наконец, не выдержав, буркнул: "А если они не ошиблись?" - Илья тут

же надулся, обиженно замолчал и до самого номера не проронил ни слова.

Не успели они закрыть дверь, как к ним заглянул Беков.

- Вы где застряли? - спросил он. - Я предлагаю подкрепиться, - и он выставил из своего портфеля на стол пару коньяку, колбасу, разную другую снедь. - Аркадия не будет, он ушел в театр - на встречу со зрителями. Сказал, вернётся поздно. А у меня для вас хорошие новости. Завтра к вам в гости придёт сама Вия Артмане. Так что, давайте, начнём готовиться, - и он разлил по первой...

Вия Фрицевна пообещала дать интервью прямо в гостинице в два часа дня. Павел с Виталием "сломали" голову - как встретить знаменитую актрису, куда усадить, как снимать? В поисках выгодного ракурса они придирчиво осмотрели свой номер и сошлись в одном - обстановка для знаменитости не годится. Так же забраковали гостиничный холл и ресторан. Вышли на улицу. Здесь светило ласковое утреннее солнышко. Они обошли вокруг здания и неожиданно для себя обнаружили чудесный скверик с невысокими кустами, садовыми скамейками и цветочной клумбой посередине. "Пожалуй, ничего лучше мы не придумаем", - сказал Павел, Илья согласился.

Теперь встал второй вопрос: как встретить приму рижского Художественного академического театра имени Райниса? Решили, что без цветов - никак нельзя. "Только у меня, сам знаешь, денег нет, - предупредил Илья. - А у тебя пятёрочка имеется", - намекнул он Павлу. "Ладно, - отмахнулся тот. - Только она у меня последняя. А где мы цветы возьмём?"

Решили расспросить гостиничного администратора. Оказалось, недалеко есть цветочная лавка. Это оказался стеклянный киоск, в котором продавали только красные гвоздики. Решили взять пять штук: "Три - как-то несолидно", - сразу отмёл все сомнения Илья.

За полчаса до назначенного времени они спустились в холл: Илья - с букетиком цветов, Павел - с камерой и штативом. Перед этим поспорили, кто будет задавать вопросы, а кто - снимать. Павлу опять пришлось уступить, Илья упёрся на том, что всю свою журналистскую карьеру мечтал взять интервью у народной артистки СССР. Договорились, что Илья начинает работать с микрофоном, а там видно будет.

...Они стояли на ступеньках широкого гостиничного крыльца, посматривая по сторонам, и не заметили, как она подошла к ним откуда-то со стороны. Вернее, они ожидали увидеть разодетую королеву советского экрана и театральной сцены, а она была в обыкновенном светлом платье, светлые же волосы были гладко зачёсаны назад. Впрочем, они тут же узнали её красивое немолодое лицо без какой-либо косметики, с морщинками в уголках серо-голубых глаз, крепко сжатые губы. Выше среднего роста, крупная женщина - типичная прибалтийка, она, на первый взгляд, ничем бы не выделялась в толпе соплеменников, если бы не решительный взгляд и улыбка - сама доброжелательность. А когда она спросила: "Вы не меня ждёте?" - они узнали её окончательно, ведь этот голос, практически лишённый местного акцента, был знаком каждому взрослому жителю Союза.

- Здравствуйте, Вия Фрицевна, - засуетился Илья, - Вы... мы... давайте пройдём... тут недалеко, - заикаясь от волнения, зачастил он.

- А цветы для кого? - лукаво глянула на него гостья.

- Ой, - совсем смутился Бельский. - Это вам! - он протянул ей гвоздики и выразительно посмотрел на Краскова - помогай. Перебивая друг друга, они начали объяснять ей свою задумку со съемками. Она без колебания согласилась с ними, и вскоре с Ильёй поудобнее усаживалась на скамью в сквере, а Павел настраивал камеру.

- Ты только микрофон не крути в руках, держи прямо, - скомандовал он товарищу. - Всё, можно начинать…

- А вы с какого телевидения? - опередила Илью актриса.

- Мы из Сибири, - хрипловатым голосом ответил тот.

- Из Союза, значит, - Павел, глядя на неё через видоискатель, почувствовал, что после этих слов гостья внутренне расслабилась, в её глазах появилось спокойствие.

- Вия Фрицевна, вы - талантливая актриса, - прочистив горло, начал Бельский. - Открытки с вашим фото продаются во всех киосках "Союзпечати". Как вы сами относитесь к своей славе?

Артмане выразительно посмотрела на собеседника:

- Да? - переспросила она. - Вы всерьёз считаете меня талантливой? - и замолчала, опустив глаза.

- Вия Фрицевна, - попробовал Илья зайти с другого бока. - Мы все хорошо знаем ваши великолепные роли в фильмах "Родная кровь", "Никто не хотел умирать", "Сильные духом". Лично мне вы больше всего нравитесь в фильме "Театр". Как вам удаётся создавать такие разные артистические лики?

- Знаете, - ответила актриса, - не всегда роли, которые пользуются успехом у зрителей, у меня любимые. Вот в "Театре", наверное, действительно, наши вкусы совпали, я этот фильм обожаю. Жаль только, что мне не разрешили самой озвучить Джулию... - и снова замолчала, теребила в руках гвоздики.

Илья растерянно посмотрел на Павла. Тот понял, что надо спасать материал, выключил камеру и подошёл к скамье:

- Вставай к аппарату, - сказал он Бельскому. - Давай я попробую.

Тот послушно встал и поплелся к камере, а Павел занял его место. Вия Артмане с удивлением наблюдала за их перемещениями.

- Вия Фрицевна, - Павел постарался вложить в свои слова как можно больше участия. - Мы понимаем, вас что-то смущает в нашей встрече, наверное, мы что-то делаем не так? Помогите нам это понять...

- А вы разве не читаете латвийских газет? Или делаете вид, что ничего не знаете? - она смотрела мимо Краскова, но он заметил, с какой горечью она произнесла эти слова. Её улыбка, которая так понравилась им с первых секунд встречи, потухла.

- Мы же никогда раньше не были в Риге. И по-латышски читать не умеем. У нас в Сибири вас просто боготворят! Чего мы не знаем? - он говорил это, как можно искренне, пытаясь поймать её взгляд.

Она тяжело вздохнула:

- Я думала, что знаю себе цену, думала, что высоко летаю... Так они меня сейчас опустили на грешную землю. Почти год - ни одной главной роли...

- Почему? - Павел боялся, что она опять замолчит, замкнётся. - Что с вами происходит, Вия Фрицевна?

- Я всегда стремилась пробовать что-то новое, делать то, чего ещё не умею. А сейчас... – она снова тяжело вздохнула. - Нет, я не жалуюсь.

Наверное, я получаю сейчас то, что заслужила. Хотя я тоже люблю Латвию. Но, наверное, не так, как они, по-своему.

- Кто - они?

- Те, кто пришёл сейчас к власти, - она, наконец, посмотрела Павлу в глаза. - Новое руководство Латвии. Они не могут простить мне советского прошлого. А что в нём было плохого? Мы хорошо жили вместе. Но теперь меня осуждают в газетах за то, что я народная артистка СССР, что при Советах возглавляла Союз театральных деятелей Латвии, была депутатом Верховного Совета республики, кандидатом в члены ЦК Компартии... Они намекают, чтобы я уезжала в Москву. А я никуда не поеду. Моя родина здесь! - она снова замолчала, но Павел понял, что ему удалось преодолеть барьер недоверия.

- Я всю жизнь играла принцесс, королев, - актриса подняла голову, в её голосе послышалась гордость, твёрдые ноты. - Играла и Екатерину Великую, и Елизавету английскую. Да и простых женщин играла. Словом, героинь. Только в кино больше сорока ролей! Ведь люди должны это помнить, ценить?!

- Да, вы каждую свою героиню, даже отрицательную, превращали в женщину, которую каждый мужчина хотел бы иметь рядом, - поддакнул ей Павел.

- А теперь я стала невостребованной... - горько улыбнулась Вия Артмане. - Говорят, почему мы должны делать для вас исключение? - она пыталась передать чью-то интонацию. - Мало ли что вас в Союзе знают, у нас теперь другие законы! А куда я, кроме театра, пойду?

- Ведь вы не сразу стали известной, вы себя сами "сделали"? - Павел попытался переключить её на другую тему.

- Да я родилась в крестьянской семье. Мама с раннего детства приучала к труду. Я пасла коров, - она становилась открытой, ироничной, на её лице снова появилась известная всему миру улыбка. - Поэтому я - домашняя женщина, всегда всё делаю сама, своими руками. Сама убираюсь в доме, готовлю обед и розы выращиваю, и сорняки на даче пропалываю... - она чуть помолчала. - Белье стираю сама, причём, руками. У меня нет стиральной машины, - посмотрела на Павла, будто спрашивая: не веришь? - Стирка для меня - это разрядка, будто весь негатив с себя смываешь.

Павел посмотрел на её руки - натруженные руки. Она заметила его взгляд:

- В моей картине "Чужие страсти", где я играю простую крестьянку, оператор радовался, что я едва ли не единственная актриса, у которой можно крупно снимать руки.

- Но в вас чувствуется истинный аристократизм. Откуда это?

- Это профессия воспитала во мне! - с гордостью сказала она.

- А откуда в это нелёгкое время вы черпаете силы? - задав этот вопрос, Павел подумал, что, может быть, некорректно лезть в сугубо личное. Однако гостья не смутилась, ответ у неё был.

- У меня есть друзья, коллеги, которые не боятся общаться со мной, близкие мне люди, моя семья. Вот они и поддерживают меня, - она на секунду задумалась. Может, решала для себя, надо ли раскрываться? - Мужа у меня нет, он скончался около пяти лет назад. Артур тоже был артистом.

Она вздохнула, а потом улыбнулась:

- Но у меня дети... За сына Каспара я сильно переживала, он доставил мне хлопот. Любил выпить, водился со всякими личностями. Но, теперь, к моей радости, всё это позади, он пишет музыку, тянется к Богу. Я за него очень радуюсь... А моя дочь Кристиана хорошо рисует, хочет быть художником. У неё настоящий талант. Вот моя опора!

- Что в жизни для вас главное? - Павел почувствовал, что беседу надо завершать, хотя его собеседница не выказывала торопливости.

- Совесть... - не задумываясь, ответила Вия Артмане. - И чистота. Во всём: в душе, быту, отношениях...

- А что вы могли бы пожелать нашим зрителям? - задал Красков традиционный вопрос.

- Желаю, чтобы у всех всё было хорошо! - актриса посмотрела в объектив камеры. - Латвия - моя родина. Я её очень люблю. И очень люблю Союз, Россию. Спасибо вам, люди, что помните меня. Низкий вам поклон! - и она склонила голову.

...Ну, ты - молодец! - говорил потом Павлу Илья. - А у меня как-то не пошло... - он досадливо поморщился. - Видно, не мой день.

- Да, ладно, - отмахивался Павел. - Не Бог весть, какой материал получился. Хотя, конечно...

Они сидели в номере и обсуждали прошедшую встречу. На улице похолодало, подул ветер с Балтики, нагнал облака, из которых моросил противный нудный дождь. Виктор Иванович с Аркадием куда-то запропастились. Командировка подходила к концу - отъезд намечался на послезавтра. Хотелось есть, но без финансовой поддержки Бекова это было невозможно. И друзья решили скоротать время, немного вздремнув.

Их разбудил бодрый голос начальника комитета по культуре: "Подъём, мужики, дело есть!" Они как по команде вскочили, начали помогать Виктору Ивановичу, освобождать пакеты, которые он выкладывал из портфеля на стол. Достал и бутылки - две с вином, одну с водкой. "Сегодня опять всухомятку придётся, - извинительно говорил он, нарезая варёную колбасу неровными ломтями тупым гостиничным ножом. - Зато завтра будет прощальный ужин от имени нашей делегации, вот там и оторвётесь!"

А когда сели за стол, накрытый стараниями Бекова, выпили по первой и начали закусывать бутербродами, тот вспомнил, что вызнал-таки адрес вдовы Валентина Саввича Пикуля. "Если пойдёте на встречу, вот вам адрес", - он достал из нагрудного кармана записную книжку, полистал. - Вот, пишите, зовут Антониной Ильиничной", - и он продиктовал адрес, который Павел записал на обрывке газеты.

Потом они стали вспоминать всё, что знали о жизни и творчестве недавно ушедшего из жизни писателя.

- Он в Ригу из Ленинграда переехал где-то в шестидесятые годы, - говорил Виктор Иванович. - А здесь кучу романов написал. Его русским Александром Дюма называют.

- Я его читал, - откликнулся любитель приключенческой литературы Илья. - "Пером и шпагой", "Битва железных канцлеров", "Крейсера", "Честь имею", "Моонзунд", "Нечистая сила", - перечислял он. - Не помню, что ещё...

- Вот, - почёсывал бородку Виктор Иванович. – Вы-то молодые, не знаете... А я, старый, помню, как его за роман "Нечистая сила" в середине семидесятых прессовали в ЦК! Сам Суслов! Признали роман ошибкой за вольное обращение с фактами. Только в 1988-м книгу переиздали.

- Виктор Иванович, - встрял Павел. - Если Латвия от нас отделится, где будет храниться его литературное наследие? Он же всё-таки русский писатель.

- Это вы сами завтра у Антонины Ильиничны спросите, - Беков глянул на часы. - Всё, мужики, мне пора, надо ещё до театра доскочить, у наших ребятишек заключительный спектакль. А вы ещё посидите...

На следующее утро они пораньше продрали глаза. Причем, отметил Павел, проснулись они с Ильёй одновременно. Поэтому он уступил товарищу первенство в посещении ванной. Сам убрал со стола остатки вечернего пиршества, заодно сжевал пару подсохших хлебных корок, да ещё Бельскому оставил недоеденный ночной бутерброд.

Из гостиницы вышли около десяти утра. На улице было пасмурно и безветренно, но дождя не было. По традиции Павел нёс сумку с камерой и штативом, у Ильи за плечами висел его огромный рюкзак. Они уже неплохо ориентировались среди прилегающих к центру Риги кварталов. Шагали быстро, хотя успевали рассматривать красоты прибалтийской столицы. Скоро пересекли знакомую улицу Кришьяня Валдемара. Спросили у прохожих, куда идти дальше. Двинулись через дворы и переулки и оказались на короткой улице с названием Улица Спорта. Быстро прошли её до конца, повернули на улицу Весетас и начали искать дом номер восемь, где писатель прожил все последние годы.

Эта оказалась здание - этажей на десять, сложенное из белого и красного кирпича. Судя по табличке с номерами квартир на входе в подъезд, семья писателя проживала где-то на средних этажах. При более детальном знакомстве оказалось - на четвёртом.

Красков с Бельским подошли к железной двери квартиры. "Что-то я волнуюсь, - прошептал Илья, - давай, жми на звонок". Павел пожал плечами и надавил на маленькую кнопку. Они услышали, как внутри помещения раздался мелодичный звук. Подождали, но дверь не открылась. Павел позвонил ещё, потом ещё - результат был тот же.

- Вот невезуха! - Бельский в сердцах пнул дверь ногой. - Куда же она могла запропаститься?!

- А давай соседей спросим? - предложил Павел.

На площадку выходили ещё три двери, которые они и начали обзванивать. За двумя из них, судя по всему, тоже никого не было. А вот последняя чуть приоткрылась на цепочке. "Откройте, мы с телевидения, пришли к Антонине Ильиничне. Не знаете, где она?" - Бельский постарался придать голосу как можно больше доброжелательности.

И дверь широко раскрылась. На пороге стояла невысокая пожилая женщина, её морщинистое лицо, обрамлённое короткими седыми волосами, украшали очки с толстыми стёклами. Цветастое платье было подвязано светлым фартуком со следами муки. В муке были и руки.

- Извините, - сказала она на удивление низким голосом без местного акцента. - Стряпаю я. А Антонину Ильиничну сегодня не видела. К ней часто приходят, про Валентина Саввича расспрашивают. Хороший был человек, не пил, только курил, да чай крепкий любил. Всё книжки писал...

- Вы не знаете, где Антонина Ильинична может быть? - перебил её Павел.

- Может, она на даче... - соседка моргнула светлыми глазами, смешно увеличенными толстыми стёклами.

- А где это?

- Это надо ехать в Вецаки, - махнула она рукой. - Далековато... А может, на Матвеевский рынок ушла. Тогда это здесь, недалеко от дома. Хотите, пройдите ко мне. Подождём вместе, - она отступила вглубь коридора.

- Нет, спасибо, - в один голос ответили гости.

- Мы на площадке подождём или - на улице. Пошли, - Илья потянул Павла за рукав.

Они прождали часа два. Но вдова писателя так и не появилась. "Невезуха нам сегодня", - наконец отступился от ускользнувшей темы Илья. Пришлось довольствоваться только съёмками дома, двора, дорожек, где мог гулять Валентин Пикуль при жизни...

Зато вечером этого дня Бельский чуть не схлопотал по шее. Это произошло на прощальном банкете, который давали сибирские бизнесмены – спонсоры дней культуры российского региона в

Латвии...Застолье организовали в необычном месте – в ресторане на рижской телебашне.

Это грандиозное сооружение на тёх ногах, заметное из любой точки города, с первого дня привлекало внимание. Хорошо знавший Ригу, Беков рассказывал парням, что строительство башни на Заячьем острове посреди Даугавы завершили лет пять назад, что её высота около 380 метров. И в хорошую погоду со смотровой площадки - как на ладони - видно не только весь город, но и его окрестности с Рижским заливом. Внутри неё скоростные лифты в считанные секунды поднимают людей на смотровую или в ресторан.

К вечеру выглянуло солнце, в его лучах телебашня выглядела очень красиво. Красков с Бельским прибыли на банкет к половине седьмого. Столики здесь были расположены по кругу необычно узкого зала, который с одной стороны украшали панорамные окна, с другой - глухая стена, отделанная тёмной плиткой и оригинальными светильниками. Между столиками уже прогуливались, тихо переговариваясь между собой, человек двадцать. Общались только на русском. Но одни говорили без акцента и одеты были в свитера, кардиганы, джинсы. Акцент других - в строгих пиджаках и при галстуках - выдавал местных.

Суетились официантки, завершая украшение предстоящего пиршества. На столах разложили кушанья: тарелки с овощами, салатами, мясными и колбасными нарезками, на каждом столике стояло по небольшой батарее запотевших бутылок, блестели приборы, сверкали белизной салфетки. Звучала тихая приятная музыка, какую принято называть народной.

Гости всё прибывали. Павел насчитал за столиками шестьдесят мест. Бекова пока не было. Он предупредил, что появится позже - после окончания спектакля в Русском театре. Парни бродили вдоль зала, в основном, для того, чтобы полюбоваться открывающейся грандиозной панорамой города и его пригородов. В косых вечерних солнечных лучах городские кварталы казались вылепленными то ли из золота, то ли из светло-золотистого камня.

Им отвели места за столиком на шестерых. Илья присел и, не дожидаясь команды, взялся за нож и вилку - проголодался. Павел не торопился, искоса рассматривая своих соседей. Напротив него сидели двое подтянутых светловолосых, чем-то похожих друг на друга

молодых человека в тёмных костюмах и при галстуках. А по краям устроились земляки: один едва поместил свой живот, обтянутый светлым тонким свитерком, между столом и окном, в который упиралась спинка его стула, большую голову толстого украшала блестящая лысина. Второй, высокий и худой, долго примеривался к стулу, смешно склонив тёмноволосую голову, потом уселся одним рассчитанным движением, поставив локти на стол.

Официантки разливали спиртное по рюмкам и фужерам. Бельский с Красковым выбрали водку. Поскольку зал имел форму кольца, эстраду они не видели, только слышали, как кто-то, очевидно, тамада предложил выпить за достойное завершение дней культуры. Все выпили, зазвенели приборами. С эстрады зазвучала "живая" музыка. Ведущий вечера вызывал по очереди к микрофону участников банкета, тосты чередовались один за другим. Гул голосов за столиками и музыка в перерывах становились всё громче.

Павел с Ильей даже не вслушивались в смысл слов, закусывали с удовольствием: им, командированным, банкет казался сказочной удачей. Поэтому они не сразу обратили внимание, что их толстый сосед только пьёт, не заедая, с хмурым видом ковыряясь вилкой в тарелках с закусками. Потом он начал громко возмущаться, что за столом нечего есть, что он прилично заплатил и требует, чтобы его хорошо накормили. Худощавый принялся увещевать его: "Что ты, Стас? Это же тебе не дома, ешь, что дают..." Светловолосые помалкивали, опустив глаза в свои тарелки. Только Илья решил вставить своё слово:

- А по мне, так - вкусно! Хороший ресторан.

- Тебя, журналюга, не спрашивают! - взвился толстый. - Привыкли подъедать за людьми! Умничает он тут!

Илья сразу напрягся, положил вилку, взял салфетку, тщательно вытер губы.

- Не нравится, не ешь, - спокойно ответил он. - Мы тебя сюда пригласили не только для того, чтобы желудок набивать. Или ты это не понимаешь, между прочим... - он снова взялся за вилку.

Толстый побагровел, начал вставать, двинув животом стол так, что содержимое бокалов у парней в костюмах плеснулось на скатерть, растекаясь багровыми пятнами по белому. Парни тоже начали подниматься, поправляя как по команде свои галстуки.

- Стас! Стас! - чуть ли не закричал худощавый. - Уймись! Ты же не дома...

- Я везде дома, если свои бабки заплатил! - захрипел от возмущения толстый. - Ха, он меня пригласил! Я этих журналюг лишь по телику хочу видеть и не собираюсь тут их мнение выслушивать. Курица - не птица, Латвия - не заграница... По шее накостыляю, и всё!

Он был настроен так решительно, что Павел уже начал соображать, как выйти из этой щекотливой ситуации, не уронив марку перед латышскими соседями. И тут внезапно на помощь ему пришёл невидимый ведущий вечера: он объявил, что слово для следующего тоста предоставляется директору сибирского благотворительного фонда металлургов Станиславу Аркадьевичу.

Услышав своё имя, толстый окончательно выпрямился, мгновенно "нацепил" на своё круглое мясистое лицо добродушную улыбку и, лавируя между столиками, ушёл за поворот, где на эстраде его ждал микрофон. Вскоре по залу разнёсся его голос, в нём сквозило само радушие, когда он говорил о вечной и нерушимой дружбе народов СССР, о щедром гостеприимстве, которое поразило его во время этой поездки. Он предложил выпить за талант поваров местной кухни...

- Во, заливает, соловей, - наклонился Илья к уху Павла.

- Ты с ним не связывайся, - посоветовал Павел. - Он же пьяный, нарывается. Скандал нам ни к чему.

- Да нужен он мне! Тем более, что я эту морду знаю, благотворитель хренов, - Бельский спокойно и с удовольствием жевал котлету по-киевски, поданную на горячее.

Тут вернулся толстый и начал яростно втискиваться на своё место. На этот раз он явно переборщил с неловкими телодвижениями, и один из бокалов с вином упал на стол, окрасив его алой дорожкой. Светловолосому хозяину бокала едва удалось увернуться от хлынувшей на пол струйки вина.

- Правду говорят: посади кого-то за стол - он и ноги на стол, - пробормотал как бы про себя Илья, но так, чтобы его услышали.

- А ну, пойдём, выйдем! - взвился в ответ обладатель живота. - Я тебе шею намылю!

- Не надо никому шею мылить, - раздался над столом голос Бекова, который появился за их спинами, как чёрт из табакерки.

- Виктор Иванович, а мы вас заждались! - радостно закричал Павел, стараясь перекрыть ресторанный гул. - Как спектакль?

- Дети наши - просто молодцы! Зал снова был полон! Несколько раз на бис вызывали! - Беков просто светился от счастья. - Станислав Аркадьевич, я у тебя ребят заберу, ты уж извини. У нас там другой столик.

- Забери, а то я им шею намылю! Хамы! Журналюги! - толстый пьяно стучал по столу кулаком.

- Чья бы корова мычала... - усмехнулся ему в лицо Илья и с победной улыбкой двинулся вслед за Бековым.

За накрытым возле выхода из лифта столиком на четверых их уже поджидал Аркадий. Они пожали руки друг другу, обнялись, будто не виделись не два дня, а целую вечность.

…Посидели они хорошо, наелись до отвала, наверное, впервые за поездку. Выпили изрядно, но хмель не брал. Виктор Иванович увлечённо рассказывал о своих встречах в латвийских "верхах", о том, как доброжелательно шли переговоры, что договорились провести дни республики в Сибири, о тёплом приёме и откровениях местных руководителей.

- Понимаете, они, я так думаю, ещё не решили до конца порвать с Союзом, - горячился он. - Может всё назад развернётся... Ну, кому они там, в Европе, нужны? Нас же экономически не разорвёшь, всё переплетено!

- Не знаю, не знаю, - качал головой в ответ Аркадий. - Я тут тоже с народом тесно общался. Говорят, местные настроены решительно: только - врозь с Союзом, только - в Европу. Так что лично у меня никаких иллюзий. Вы как, парни?

- Гадать не хочу! - вставил Павел. - Не верится как-то, что уйдут они из Союза. Но как их пограничника вспомню, так всё, кажется, ясно... Не нужны мы им со своим уставом.

А Илья просто неопределённо пожал плечами. Потом встал из-за стола, припал к окну, вглядываясь в ночные огни большого города, будто пытался сохранить их в памяти.

Отъезд был намечен на завтра: в пятнадцать часов к гостинице обещали подогнать автобусы - сразу для всей делегации. "Поэтому, - сказал Виктор Иванович, - прошу все дела с утра переделать и не

опаздывать на посадку. А сейчас поедем спать". Он заказал такси, сел рядом с водителем и пока ехали по ночным улицам, был грустно молчалив. Павел с Ильёй тоже молчали. Зато Аркадий умудрился рассказать с пяток новых рижских анекдотов, все почему-то на тему русских лохов. Впрочем, особого энтузиазма его шутки не вызвали, и в конце концов Аркадий тоже замолчал, надувшись на неблагодарных слушателей.

Зато Илья, будто приняв у него эстафету, возбуждённо завозился на заднем сиденьи, чувствовалось, что у него родилась какая-то идея, которой ему хочется поделиться с компанией.

- А ведь я завтра с утра хочу сделать одно дело, - начал он, наконец, издалека.

- Какое? - не оглядываясь, спросил Беков.

- Сегодня не буду говорить, - ухмыльнулся Бельский. - А то удачу спугну. А вы нам с Павлом завтра поможете, Виктор Иванович? - он дотянулся до плеча Бекова. - Будем очень признательны, - и на немой вопрос Павла, приложил к губам палец: молчи...

- Что ты задумал? - спросил все-таки Павел, когда они остались в номере одни. Но Илья так ничего вразумительного и не сообщил:

- Ложись-ка ты, Паша, спать. Утро вечера мудренее, - он подхватил свой рюкзак и направился в ванную.

Павел ещё посидел возле телевизора, прислушиваясь не столько к поздним новостям с экрана, сколько к шуму льющейся за стенкой воды и перезвону передвигаемых там бутылок. Потом его начало клонить в сон, и он решил, не дожидаясь товарища, отдаться во власть ночного морфея...

Утром их разбудил Виктор Иванович:

- Бойцы, подъём! - скомандовал он. - Нас ждёт дорога на родину. Да, и что-то ещё ты, Илья, задумал сегодня совершить? Торопись, а то не успеешь!

Илья подскочил:

- Я сейчас, быстро... - он оделся в считанные минуты. - Павел, давай быстрее!

- Так ты объяснишь, в чём дело? - спросил сидящий на стуле у окна Беков.

Бельский кинулся в ванную и начал выносить оттуда сумки, пакеты, позванивающие стеклом. Наконец, он выволок доверху наполненный рюкзак.

- Вот, - начал он. - Мы сейчас пойдём и сдадим пустую посуду... Я у администратора всё выяснил: тут рядом приёмный пункт, с утра открывается.

Беков от изумления выпучил глаза, глядя на эту упакованную гору пустых бутылок из-под спиртного. Он растерянно посмотрел на Краскова: что за дела? Тот лишь хмыкнул: Бельский в своём репертуаре.

- Погоди, Илья, - попытался спокойно начать Виктор Иванович. - У тебя что, денег нет? Так, я займу! Отдашь, как сможешь. Илья, наши пустые бутылки - это "добыча" горничной, её чаевые, понимаешь? Ты же её дохода лишаешь! - он яростно принялся почёсывать свою бородку.

- Правда, Илья, ты совсем офигел со своими бутылками, - как можно спокойнее поддержал Бекова Павел. - Ты ведь ещё из поезда бутылки принёс... Представляешь, мы в Риге бутылки сдавать пойдём? Да нахрен нам это надо! Лучше погуляем напоследок по улицам европейской столицы.

- Так я и предлагаю прогуляться, - невозмутимо отреагировал Илья. - Заодно сделаем полезное дело.

- Да поймите вы! - закипел он в ответ на их растерянное молчание. - Я и дома-то пустую посуду не привык бросать даром. У меня там этот механизм чётко отработан. И тут своими принципами я поступаться не намерен. Они от Союза, видите ли, отсоединяются! Выходит, мы им не нужны, прошлое - побоку... И ничего, слышите, ничего назад не вернётся! Неужели вы этого не понимаете!? - он развёл руками, перевёл дух, почесал нос, смешно сморщившись. - Нет, я за это им ничего не оставлю! Пусть живут, как хотят, а на меня не рассчитывают. В общем, не хотите помочь, не надо! Один справлюсь, - он обиженно засопел, начал натягивать на плечи рюкзачные лямки.

"Помоги же!" - бросил он Павлу после двух-трёх неудачных попыток. Красков торопливо кинулся к звенящему тяжелому рюкзаку. Вдвоём они утвердили его на спине Бельского. Павел взял в руки по авоське с бутылками и вопросительно глянул на Бекова. Виктор Иванович

громко крякнул, покрутил головой, потом подхватил две оставшиеся сумки и пошёл следом за друзьями...

Через длинный холл гостиницы они шли позванивающей цепочкой: впереди Илья с огромным рюкзаком, за ним Павел, оба в лёгких курточках. Замыкал шествие Беков - в строгом костюме, белой рубашке и модном галстуке. Посетители с интересом оглядывались на троицу, прислушиваясь к доносившемуся от них мелодичному позвякиванию стекла.

На улице было тепло, дул лёгкий ветерок, по голубому небу плыли большие белые облака, то и дело заслоняя солнце. Илья уверенно взял след, шёл, не оглядываясь. Миновали знакомый скверик, свернули налево, в небольшой переулок, где к четырёхэтажному каменному дому была пристроена нелепая "стекляшка", ядовито зелёного цвета.

На неё-то и держал курс Бельский. Он быстро взошёл на крылечко, ухватился за ручку обшарпанной двери и дёрнул на себя. Дверь не поддалась. Павел и Виктор Иванович составили свою поклажу на тротуар, подошли поближе, с ухмылками наблюдая, как Илья бьется над дверью. "Погоди-ка, - отстранил Павел Бельского в сторону. - Видишь, объявление". "Тары нет. Закрыто", - было написано на белом клочке бумаги.

- Вот и окончен наш поход! - отряхнул одну о другую ладони Виктор Иванович и с довольным видом поправил сбившийся галстук.

- А вот поспешных выводов делать мы не будем, - остудил его радость Бельский. – Я сейчас... - и он направился к двум небритым личностям, стоящим неподалеку в видавшей виды одежде, переминаясь с ноги на ногу и по очереди покуривая одну на двоих сигаретку.

Они внимательно слушали Бельского, разглядывая потёртые носы своей обуви. Потом наперебой начали что-то объяснять ему, размахивая руками и показывая вдоль улицы. Видно было, как Илья морщился, но, внимательно выслушав их, уточнил кое-что. Потом вернулся к поджидавшим Бекову и Краскову.

- Ну и вонища от мужиков! - едва дыша, выдавил он. - Месяц, однако, не мылись. И перегар! Но дело знают чётко, - он смотрел, слегка прищурившись. - Мы ведь отступать не намерены? Да, Виктор Иванович? Тем более, это - здесь, рядом.

Беков тихо вздыхал, отводя глаза, а Павел посмотрел на Илью умоляюще:

- Может, бросим всё это к чёрту, Илья, пока не поздно.

- Да всех дел-то - полчаса. Пошли, - Бельский поправил лямки рюкзака и пошагал вдоль улицы. Беков с Красковым, похватав звенящие сумки и авоськи, догнали его.

- Тут за углом - остановка автобуса. Всего три остановки надо проехать, - на ходу рассказывал Илья.

- А если опоздаем? - подал реплику Беков.

- Да ещё и двенадцати нет, успеем. Зато великое дело сделаем! - воскликнул Бельский.

На остановке стояло человек пять-шесть. Автобуса номер 22 пришлось ждать минут пятнадцать. А когда он, заполненный пассажирами почти под завязку, подкатил из-за угла, Илья, бесцеремонно растолкав всех своим рюкзаком, втиснулся на заднюю площадку сам, да ещё и друзьям помог войти. Бутылки при этом звенели вовсю, выдавая окружающим цель их экспедиции. Пассажиры неприветливо разглядывали необычную троицу, многозначительно перешёптываясь. Хотя наши друзья количеством багажа не так уж отличались от многих: поскольку маршрут шёл из аэропорта, народ в салоне был с сумками и чемоданами.

Недовольство выразила и дородная кондукторша, когда Виктор Иванович протянул ей советский рубль и сказал: "На всех". Она долго рылась в своей сумке, потом ссыпала в ладонь Бекова горстку незнакомой мелочи: "Чего смотрите, это - наши, латвийские!" - объявила кондукторша. И со своего кондукторского облучка осмотрела пассажиров с видом победителя. "Так я - ничего, - смутился Беков. - Сувениры будут..." "Кому - сувениры, а для нас - деньги", - оборвала его женщина.

Через три остановки они вышли на незнакомой улице. Илья не терял оптимизма. Он начал приставать с расспросами к прохожим и выяснил, что пункт приёма стеклопосуды находится не здесь, что вышли они не на той остановке и надо либо ждать следующего автобуса, либо пройти ещё пару кварталов. "Ждать не будем, пройдёмся!" - и чтобы не услышать возражений, он быстро двинулся в

указанном направлении. Беков с Красковым рысцой последовали за ним. Виктор Иванович ворчал и выражался.

Вскоре они добрались до нужной "точки". Её было видно издалека по очереди из полутора-двух десятков человек с авоськами и сумками, из которых торчали горлышки пустых бутылок. А на торце помещения в цокольном этаже многоэтажки красовалась вывеска "Приём стеклотары".

- Ну вот! - перевёл дух Бельский. - Дошли... Кто последний? - обратился он в конец очереди.

- Кажись, я, - на хорошем русском ответил невысокого роста плечистый мужичок в светлом плаще с непричесанной шевелюрой. У его ног стоял большой холщёвый мешок, доверху набитый стеклотарой. - Да только, что толку. Стою уже час, а очередь не движется.

- Почему? - заволновался Илья, растерянно оглядываясь на своих спутников. Те, казалось, совсем носы повесили.

- Так, тары под спиртные бутылки нет, - развёл руками мужичок. - Под молочные - есть, а под эти - нет, - показал он на свой мешок. - Может, у вас молочные, так проходите!

- Да какие там молочные! - Илья в сердцах тряхнул рюкзаком так, что тот отозвался тревожным перезвоном. - Как же быть-то? Что говорят, где в свободной Латвии можно сдать пустую посуду? Как вы без Союза эту проблему решать думаете? Ведь так всё прахом пустить можно! - загорячился Бельский, срываясь на незнакомце.

Мужичок оторопело посмотрел на него:

- Ну ты даёшь... Союз-то здесь причём? Просто, сегодня суббота! А у нас по субботам с тарой туго.

- Как же быть? - Илья схватил его за ворот плаща. - Мы торопимся, а это богатство ведь не бросишь?!

- Конечно, не бросишь, - согласился мужичок, осторожно освобождая воротник. - Тару обещали подвести. Ждать надо!

- Да, говорю же, нет времени, не можем ждать. Давай, думай! Ты же местный... - наступал на него Бельский.

- Знаю! - обрадовался мужичок. - На улицу Негю, на Центральный рынок ехать надо. Там идеальная точка, всегда принимают, - и он

начал сбивчиво объяснять, как доехать до заветного места. - На трамвае! - убеждённо говорил он. - Тут недалеко десятый номер останавливается. Аккурат, до места доберётесь. В павильоны не ходите. Там рядом есть открытая территория. Вот там и спросите.

- А долго ли добираться? - озабоченно поглядывая на часы, уточнил Беков.

- Да - нет, что вы. Полчаса, максимум. Сейчас идите прямо и - направо, - тараторил тот, радуясь, наверное, тому, что отделался от навязчивых незнакомцев.

Илья взял с места в карьер. Павел - за ним. Беков не отставал, выкрикивая при этом:

- Парни, давайте вернёмся, пока не поздно! - Илья отмахнулся от этих его слов, даже не оглянувшись.

Бело-голубой рижский трамвай, действительно, довольно скоро домчал их до места. Центральный рынок Риги являл собой грандиозное сооружение из пяти огромных полукруглых павильонов, больше напоминающих ангары из бетона, стекла и металла, соединенных между собой переходами. Народу с авоськами и рюкзаками здесь толклось столько, что на сибиряков уже никто не обращал внимания.

Илья быстро уточнил у прохожих направление движения и рванул вперёд, увлекая товарищей. Слева от крайнего павильона, на большой, огороженной невысоким забором, площадке раскинулась цепь палаток, павильонов и забегаловок с овощами, фруктами, одеждой, цветами, сувенирами, спиртным. Тут и там виднелись решетчатые скамейки, на них сидели люди, отдыхая и беседуя. Войти на площадку можно было через ворота. И они вошли.

- Где посуду принимают? - спросил на ходу Илья у кого-то.

- Там, в самом конце, - показал рукой прохожий.

Они на рысях понеслись в конец площадки. И быстро обнаружили искомый объект. Вывеска на раскрытой настежь двери одного из павильонов утверждала "Приём стеклотары". А очередь из трёх человек давала надежду на благополучное завершение предпринятой Ильёй операции.

- Ты - крайний? - спросил он у хмурого долговязого парня, который перекладывал из одной руки в другую грязно-жёлтую дырчатую

авоську, именуемую в народе сеткой. В ней сиротливо покоились четыре пустых бутылки, скорее всего, из-под пива. Тот утвердительно кивнул головой. - Значит, я за тобой! - Илья начал снимать со спины рюкзак. - А тара-то есть?

- Вроде, есть, - буркнул хмурый. В это время из двери вышел счастливый посетитель, на ходу пересчитывая полученные деньги.

- Слава Богу, - Илья вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони.

Виктор Иванович поставил к ногам Бельского свои сумки, рядом с ними приткнул авоськи и Павел.

- Я пойду к воротам, - кивнул Беков, кисло улыбаясь. - Дурак я старый, что ввязался в эту авантюру! В общем, у тебя на всё про всё двадцать минут, иначе мы из Риги сегодня не уедем, - и он направился к выходу.

- Погодите, я с вами, - догнал его Павел.

Они вышли на площадь перед рынком, осмотрелись. Огромные полукруглые павильоны впечатляли своими размерами. У каждого из них была толчея из десятков, а, может, и сотен входящих и выходящих людских тел. "Зайдём, посмотрим?" - предложил Бекову Павел. "Нет времени, - отмахнулся Виктор Иванович. - Я бывал там когда-то. В каждом павильоне - своё. В одном мясо продают, в другом - рыбу, в третьем - овощи, в четвёртом - молочное. Есть оптовая торговля. Это самый крупный рынок Прибалтики. Тут настоящий гастрономический рай! - Виктор Иванович без конца поглядывал на часы. - Знаешь, что в этих павильонах раньше было? В двадцатые годы здесь были ангары для дирижаблей..."

Откуда-то ветер доносил обрывки звуков приятного женского голоса, который на латышском и русском объявлял отправление автобусов - чувствовалась близость автовокзала.

- Ну что он там тянет, не идёт!? - озабоченно спрашивал Беков. - Опоздаем же!

И вдруг он хлопнул себя по боку и захохотал. Павел удивлённо смотрел на начальника. Но тот так заразительно смеялся, что и Красков не выдержал, сначала начал посмеиваться, а вскоре присоединился к Бекову по полной. Прохожие с улыбками поглядывали на двух безудержно хохочущих мужчин. А те сквозь смех и выступившие слёзы давили из себя:

- Бегаем по Европе с пустыми бутылками... Ха-ха-ха...

- А у них тары нету... Хо-хо-хо...

- Таких командировок ещё не было... Ха-ха-ха...

Виктор Иванович вынул платок, отдуваясь, промокнул слёзы. Смех в его глазах сменился тревогой:

- Сходи-ка ты за ним, Павел. Пусть он, к чёрту, бросает эту затею. Тащи его сюда, иначе опоздаем. Времени - второй час дня...

Павел кивнул и помчался к пункту приёма стеклотары. Запыхавшись, он подбежал к павильончику и с удивлением обнаружил, что на его входной двери висит замок. Павел чертыхнулся, крутнулся на месте, внимательно осматривая окрестности и... увидел знакомый затылок Бельского, который торчал из-за высокой спинки ближайшей скамьи. Тот, судя по всему, спокойно беседовал с сидящим рядом с ним человеком.

Красков быстро обогнул скамейку, и его взору предстала прямо-таки невероятная картина. Бельский сидел вместе с тем долговязым парнем, на лице которого на этот раз блуждала благодушная улыбка. Между ними лежала развёрнутая газета, на которой стояла наполовину пустая бутылка "Агдама", два бумажных стаканчика, половинка плавленого сырка "Дружба" и остатки белого батона. Участок асфальта перед скамейкой был заставлен пустыми бутылками. Тут же лежали пустые рюкзак и сумки. "Если к нам приедешь, я тебе...", - услышал Павел слова Бельского, который энергично размахивал руками перед лицом собеседника.

- Илья! - резко и с возмущением оборвал его монолог Красков. - Ты что, забыл, нам же срочно надо ехать!? Там Виктор Иванович весь на нервах...

- А, Па-а-вел! - обрадовано протянул Бельский. - Знакомься, это - Василий. Вася, - это Павел - мой товарищ и коллега, - представил он их друг другу. Вид у него был такой расслабленный, будто торопиться было некуда.

- Илья! - начал было снова Красков.

- Погоди, сядь. Я контролирую время, - улыбка на лице Бельского сменилась озабоченным выражением, - Ты послушай, что Вася рассказывает.

Однако Василию он и рта не дал раскрыть:

- Тут такая история вышла: здесь тоже тара закончилась. Хорошо, Василий нас выручил, - он сделал упор на слово "нас". - Взял всю нашу посуду оптом. Правда, не по двенадцать, а по десять копеек за штуку, - в его голосе вроде бы сквозанула осуждающая нотка, а, может, Павлу показалось. - Выхода у нас нет. А Васе - спасибо! Кстати, Вася - из местных, родился здесь. На автозаводе "РАФ" работает, слесарем. Сейчас, говорит, только и разговоров о выходе из Союза, - Вася кивал головой в знак согласия. - Латыши - за, русские - кто как! Думают, что с Европой лучше жить станут. А Василий считает, что превратятся они в никому не нужную европейскую глубинку. Уже сейчас у завода проблемы начались - из Союза меньше заказов...

- Понял, - кивнул Красков. - Только всё равно, нам уже надо бежать, опаздываем!

- Согласен, - кивнул Бельский. - Разливай, Вася, по последней...

Долговязый до краёв наполнил оба стаканчика.

- Чур, ты - первый, - Бельков подал свой стакан Павлу.

- Что-то мне не хочется, - попытался увернуться Красков.

- А вот тут ты не прав. Давай, выпьем за Василия, за то, чтобы у него всё было хорошо. За это ты не имеешь права не выпить! - Павел вздохнул, взял стакан и медленно выцедил пахучий портвейн...

В гостиницу они прибежали за двадцать минут до отправления автобусов. Делегация уже заканчивала погрузку вещей, реквизита и посадку. Красков быстро собрал в номере свою сумку с вещами и сумку с аппаратурой. Бельский своими вещами опять доверху набил рюкзак.

К ним заглянул Аркадий:

- Ну, вы даёте! Где были? Вас же все потеряли.

- Потом расскажем, - отмахнулся от него Илья. - Всё, выходим. Пока, Латвия...

И уже через пару часов их поезд двинулся от центрального вокзала Риги в сторону Москвы.

Вместо послесловия

Это было в мае...

А через три месяца - 6 сентября 1991 года руководство СССР признало полную независимость прибалтийских республик, в том числе, Латвии.

8 декабря этого же года руководители России, Белоруссии и Украины подписали "Соглашение о создании Союза Независимых Государств (СНГ)". В документе констатировалось прекращение существования Союза ССР как "субъекта международного права и геополитической реальности"...

г. Владимир,

май 2016г. – май 2017г.

Об авторе

Сергей Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил здесь школу № 3, затем филологический факультет Кемеровского госуниверситета.

Работал в прокопьевской городской газете «Шахтёрская правда» - корреспондентом, завотделом. Затем – находился на срочной службе в армии. Потом работал собкором областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселевску и Прокопьевскому району. А с 1985 по 1987 годы – стал главным редактором «Шахтёрской правды».

В 1987 году решением бюро обкома КПСС переведен на работу в Кемерово - заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровской области.

В начале 1990 годов работал главным редактором первой в Кузбассе независимой частной телерадиокомпании Агентство информации Кузбасса (АИК). Позднее занимался рекламой, маркетингом. В 1994-1995 годы был руководителем пресс-службы вновь созданного представительного органа региона – Законодательного собрания Кузбасса.

В 1996-1997 годы в Москве руководил пресс-службой российского Министерства по делам СНГ. Затем с 1997 по 2011 годы был начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области, пресс-секретарём Губернатора Кузбасса.

Имеет государственную награду – звание заслуженный работник культуры РФ, звание лауреат премии Кузбасса, награжден орденом

«Доблесть Кузбасса». Имеет Почетную грамоту Министерства культуры РФ и другие награды.

Увлекается фотографией, был участником многих фотовыставок. Автор фотоальбомов и книг «Фоторакурсы», «Миры и мирозданья», «Харизма», «Народный губернатор», «Овеянные славой дороги в сорок пятый», «Кузбасс – Китай. Новые грани сотрудничества», сборника рассказов «На картошку» и других.

5 ноября 2013 года исполнилось 40 лет его журналистской деятельности. Первую заметку опубликовал 5 ноября 1973 года в студенческой газете Кемеровского госуниверситета «Молодой учитель».

В настоящее время является заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области.